

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

УДК 94 (47).05–06

На правах рукописи

РЯЖЕВ Андрей Сергеевич

**Политика Российской империи по отношению
к религиозным меньшинствам на Юге и Юго-Востоке в XVIII в.
(старообрядцы, мусульмане, католики)**

Специальность 5.6.1. — Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Элиста 2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	16
§ 1. Историография.....	16
§ 2. Источники.....	54
§ 3. Методология и методы, использованные в исследовании	64
ГЛАВА II. ВЕРОИСПОВЕДНАЯ СИТУАЦИЯ В СВЕТЕ РОССИЙСКО-ОСМАНСКИХ И РОССИЙСКО-КРЫМСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	82
§ 1. Пограничная религиозно-политическая ситуация накануне и в период Северной войны	83
§ 2. Старообрядческая эмиграция и проблема лояльности казачества (20–50-е гг. XVIII в.).....	96
§ 3. Калмыцкие и тюркские служилые контингенты: две модели укрепления иррегулярных войск в 1730–1750-е гг.	108
§ 4. Движение казаков-старообрядцев за отмену обязательной службы (1764–1765 гг.) и его политические последствия.....	141
§ 5. Восточное христианство и ислам на границах Российской империи.....	154
Выводы.....	173
ГЛАВА III. «ДИССИДЕНТСКИЙ ВОПРОС» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ГРЕКО-РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ НА ЮГЕ.....	176
§ 1. «Диссидентский вопрос» как политико-дипломатическая проблема	176
§ 2. Вопросы греко-российского церковного управления накануне и после первого раздела Речи Посполитой	205
Выводы.....	259
ГЛАВА IV. СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ВОПРОС: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ АСПЕКТЫ В ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ II.	262
§ 1. Судьбы старообрядчества на юге: внешнеполитический фактор	262
§ 2. Либерализация законодательства о староверах в правовой политике самодержавия 1760–1790-х гг.....	305
Выводы.....	377

ГЛАВА V. КАТОЛИЧЕСКИЙ ВОПРОС И ЕГО ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	378
§ 1. Европейские миссионеры на южных окраинах к началу 1760-х гг. и российские власти	378
§ 2. Великая княгиня Екатерина Алексеевна — будущая императрица и католические миссионеры на юге: взаимная заинтересованность.....	410
§ 3. Католический регламент	423
§ 4. Управление католическим исповеданием (по материалам переписки Екатерины II и Пия VI).....	434
§ 5. Опыт политико-правовой модернизации на основе Католического регламента.....	454
Выводы.....	470
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	472
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	478

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В зарубежной научной литературе проблематика религиозных отношений имперского периода и политики монархии в России лежит, как правило, в русле концепций о перманентной российской военно-политической экспансии в южном направлении. Особое внимание при этом уделено процессам европеизации и переноса европейских заимствований (административных, политических, правовых, культурных) на южные и юго-восточные территории Российской империи, наметившимся со времён Петра I. В частности, политика веротерпимости XVIII–XIX вв. и вытекающие отсюда правоприменительные установки в практике верховного управления или же местных административных органов трактуются преимущественно как результат широкой рецепции идей эпохи европейского Просвещения.

Интерес к подобным тенденциям российской истории обусловлен также сохраняющимся в европейской и англо-саксонской историографии вниманием к темам мультикультурализма и исторической идентичности за пределами атлантической цивилизации в Новое и новейшее время (XVIII – начало XXI вв.).

В отечественной научной литературе изучение религиозной политики сосредоточено на периоде середины XIX – начала XX в., что связано с вниманием к истории государственности в предкризисную и кризисную (революционную) эпохи. Особое внимание здесь вызывает эпоха 1905–1917 гг., характеризовавшаяся коренным изменением политико-религиозной обстановки по сравнению с предшествующим временем. Применительно же к более раннему времени затрагиваются исторические традиции российской веротерпимости, проводником которых выступала и российская абсолютная монархия, а также тенденции прагматической политики, обусловленные нарастающей в Новое время

интеграцией окраин и их населения в рамках общероссийского социума, объединявшего все этноконфессиональные и сословные группы [Ряжев 2006: 84–126].

Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, его значением для понимания истории России в раннее Новое время, в частности, важностью роли религиозного управления в политической практике тогдашней российской монархии как государства современного типа. Отсюда возникает необходимость полного, всестороннего изучения системы подобного управления, включая роль господствовавшей Церкви в отношении конфессий и верующих, не относившихся к ней, а также правительственные подходы к реформированию церковно-миссионерской сферы.

Изучение сферы политики и религии на юге и юго-востоке России актуально не только в плане исторических судеб указанных территорий: это работающая модель социальных процессов и в других аналогичных — поликонфессиональных и полиэтничных — регионах страны в Новое время. Также благодаря наличию подобной модели удаётся существенно расширить знания о начинаниях российского абсолютизма применительно к сфере религиозного управления и законодательства, более полно представить роль религиозного фактора в политике и дипломатии Российской империи XVIII в.

Объектом исследования выступает сфера политических взаимоотношений в России раннего Нового времени.

Предметом исследования избрано взаимодействие государства с религиозными меньшинствами в южных регионах страны.

Цель и задачи работы. Цель работы состоит в том, чтобы проанализировать особенности политики Российской империи по отношению к религиозным меньшинствам на Юге и Юго-Востоке в

XVIII в., являвшиеся одним из наиболее важных факторов курса российской монархии.

Соответственно, в исследовании поставлены следующие задачи.

1. Изучить вероисповедное содержание российско-турецких и российско-польских отношений XVIII в., включая и отношения России с турецким вассалом – Крымским ханством. Это подразумевает исследование вопросов о казаках-некрасовцах и политическом состоянии казачества, российского и украинского, для которого пример и действия некрасовской общины представляли политический ориентир (положительный или отрицательный).

Кроме того, данная задача подразумевает и исследование возникновения и развития такого явления, как старообрядческая эмиграция, направленная в различные регионы — земли, подвластные туркам (собственно турецкие или вассальные), земли Короны Польской или Великого Княжества Литовского в составе Речи Посполитой, и её влияние на состояние отношений Российской империи с ближайшими соседями – Османской империей, Польско-Литовским государством – в целом.

2. Разрешение указанной задачи связано также с исследованием «диссидентского вопроса» — вопроса о политических и религиозных правах некаатолической шляхты в Речи Посполитой на протяжении XVIII в.

3. Изучить развитие старообрядческой реэмиграции, возникшей как в результате целенаправленных усилий российских властей, так и изменений политической обстановки в Восточной и Юго-Восточной Европе в результате русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. и разделов Речи Посполитой.

4. Изучить взаимоотношения российских властей с католичеством на почве развития католической миссии на южных границах государства и дальнейшего формирования системы управления российским

католичеством в результате польских разделов и движения российской территории к югу.

5. Исследовать проявления фронтальной модернизации, в которой государство выступало крупнейшим актором, способным к организации вероисповедных отношений на новых началах и на совершенно новой политико-правовой базе. Субъектами модернизационной политики выступали также окраинные народы, на которые распространялась сфера компетенции устанавливаемых государством и их собственной социальной верхушкой религиозных институций выступавших как запланированным, так и побочным результатом указанной модернизации.

При этом осуществляется комплексный подход к вопросам: они рассматриваются во взаимной связи и с учётом осложнявших их политико-дипломатических факторов двусторонних и многосторонних политических отношений, поддерживавшихся российской дипломатией в Восточной и Юго-Восточной Европе, Северном Причерноморье, Северном Кавказе, Северном Прикаспии.

Территориальные рамки исследования охватывают южные и юго-восточные окраины российской империи в XVIII в. Границы государства были проницаемыми, проходили через исторически формировавшиеся культурные регионы и контактные межкультурные зоны юга Европейской России. С учётом движения границ после каждой из русско-турецких войн XVIII в. в направлении Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Северного Прикаспия и вхождения этих регионов в конечном итоге в состав государства, а также соответствующего административно-территориального переустройства Российской империи на протяжении второй трети – конца XVIII в. территориальные рамки ограничены указанными регионами.

Хронологические границы исследования. Они ограничены периодом модернизационных преобразований, проводившихся верховной

властью в сфере политико-правовой надстройки. Соответственно, началом избранного периода выступает канун Прутского похода Петра I — 1711–1712 гг., а завершением — первая половина 1790-х гг., когда была завершена русско-турецкая война 1787–1791 гг. и шло дипломатическое закрепление её итогов на южных и юго-восточных границах России. Именно в этот период были приняты основополагающие законы и осуществлены государственные мероприятия, определившие жизнь изучаемых конфессий и их взаимоотношения с государством на длительную перспективу — до середины XIX и даже вплоть до середины 1900-х гг., то есть выхода Основных Законов Российской империи.

Историография. Историографическая основа работы определена трудами европейских и российских историков о взаимоотношениях государства и религии, светских и духовных властей и бытования институций соответствующих конфессий в Российской империи на протяжении XVIII в. При этом особое внимание уделено анализу трудов, охватывавших середину — вторую половину XVIII в. как наиболее насыщенного событиями и принципиально важного с точки зрения эволюции российской политической системы и места в ней соответствующих конфессий и этноконфессиональных групп — носителей указанных конфессий. Подробный историографический анализ использованной литературы представлен в первом параграфе первой главы работы.

Источники. В работе привлечены документы, отражающие деятельность государства в центре и на местах в отношении указанных конфессий (старообрядчества, ислама, католичества) и их носителей — российских и зарубежных подданных. Также использованы опубликованные источники аналогичного происхождения и содержания. Сочетание внешней и внутренней критики источников, их комплексное использование способствуют выявлению новых данных и обеспечивают

глубину исследования, обозначению неявных аспектов исторических процессов прошлого. Более подробный обзор источников представлен во втором параграфе первой главы диссертации.

Методы и подходы. Методология работы подразумевает выбор исследовательского инструментария, ориентированного на изучение политических процессов европейского типа в рамках монархического режима изучаемой эпохи, развивавшегося в России. Базовым подходом является история империй. При этом также выдержаны подходы, обеспечивающие понимание роли культурной рецепции в российской политической истории на протяжении XVIII в., особенно в эпоху Просвещения, и повышенной роли публичной власти в социальных процессах различных уровней: центрального (правовая политика в масштабах всего государства), регионального и межрегионального (губернии и иные территориальные образования на юге), местного (уезд и соответствующие единицы). Более подробный анализ методологии и методов, использованных в исследовании, приведен в третьем параграфе первой главы диссертации.

Научная новизна исследования. В историографии политической и религиозной истории раннего Нового времени России и Европы задачи такого содержания и в таком сочетании ранее не ставились. При этом следует подчеркнуть, что и «диссидентский вопрос», и российско-католические связи, и тема возвращения старообрядцев из Польши и Литвы на родину — сюжеты, имеющие сами по себе значительную литературу. Дело, однако, в том, что никогда не рассматривались их влияние на политику России на юге, их роль в переориентации российского внешнего курса, имевшей место в последней трети XVIII в. Не выступали предметом исследования и неочевидные конкретно-исторические последствия названных процессов, такие как воздействие «диссидентского вопроса» на сферу церковного управления или

ограничение миссионерской деятельности господствовавшей греко-русской церкви в связи с необходимостью пополнения казачества нехристианами или же христианами, не относившимися к официальному православному исповеданию. Также впервые в литературе рассмотрен ряд проектов и реформ верховной власти в религиозной сфере, предпринятых в связи с прагматическими расчётами или правовыми и управленческими модернизационными новациями (реформа Святейшего Синода, план упразднения православного монашества, установление социального статуса духовенства в Российской империи).

В диссертационном исследовании проводится комплексное исследование сферы религии в изучаемый период с привлечением источниковедческих, историографических, археографических и общеисторических научных методов, а также данных таких отраслей научно-исторического знания, как востоковедение, историческая демография, история христианского миссионерства. Выделенная проблематика, получившая отражение в структуре диссертационного исследования, отличается от аналогичных исследований, имеющих в современной научной литературе. Важное внимание уделяется процессам становления и развития военно-служилых сословий, сыгравших значительную роль в истории окраинных территорий на юге и юго-востоке России, тогда как в специализированной научно-исторической литературе подобные процессы зафиксированы и изучены слабо, а богатейшие материалы, относящиеся к теме диссертации и собранные в архивах, как правило, недооцениваются. Не имеют аналогов и вводимые в оборот сведения о проектах реформ российских властей по части религии и Церкви в Новое время.

На защиту вынесены следующие **положения**:

1. Веротерпимость как основа политического курса — черта политики монархических режимов раннего Нового времени. Политически

веротерпимость оказалась возможной в рамках особого европейского типа церковно-государственных взаимоотношений — просвещённого абсолютизма.

2. Религиозная терпимость была элементом вассальных и служебных отношений, выстроенных российской короной в средневековье, однако в Новое время наметился переход к веротерпимости на более широкой основе.

3. Факторами, способствовавшими подобному повороту, стала проблематика, имевшая как внешнее, так и внутреннее наполнение — вопрос о военно-политическом состоянии казачества и вопрос о старообрядческой эмиграции.

4. Необходимость использовать человеческий потенциал старообрядческой эмиграции привела к расширению терпимого отношения к старообрядцам и выработке мер по привлечению беглого старообрядческого населения с целью укрепления и освоения южных окраин.

5. Подобная политика была продолжена Петром III и Екатериной II, достигнув при последней своего предельного развития. Фактором, осложнявшим и затруднявшим старообрядческую реэмиграцию, стали взаимоотношения между Россией и Речью Посполитой и, в частности, один из основных вопросов этих взаимоотношений — «диссидентский вопрос», именно вопрос о политических правах православной и протестантской шляхты Польско-Литовского государства.

6. Первый раздел Речи Посполитой и унификация церковных порядков на исторических и приобретенных территориях, а также проблематика освоения юга России (Северное Причерноморье, Северный Кавказ, Северный Прикаспий) заставили российские власти обратить внимание на состояние церкви в государстве и выработать план в середине 1780-х гг. план соответствующих преобразований.

7. На подходы к реформам значительное влияние оказывали просветительские идейно-политические представления.

8. Активизация российской политики на юге вызвала усложнение взаимоотношений с государством с католичеством, для которого южные регионы России и регионы, сопредельные с ними, были давней зоной экспансии.

9. В целом взаимоотношения России с папством на протяжении второй половины XVIII в. были неровными и окончательно определились к концу XVIII в.

10. Католический регламент явился одним из крупнейших правовых памятников правления Екатерины II, имевшим долговременные последствия.

Теоретическая значимость исследования. Исследование имеет значение для теории межконфессиональных отношений и религиозной политики в эпоху модерна. Кроме того, оно имеет важное значение в свете изучения процессов, охватывающих становление государства современного типа и роли религии в социальных процессах обществ европейского и азиатского типов. Исследование также вносит вклад в понимание правовой политики светского государства в сфере религии и направлений подобной политики в отношении конфессий, к которым принадлежит значительная часть населения государства. Наконец, оно имеет значение для изучения истории государственного управления как сферы знаний и отрасли общественного развития в области религии, религиозных и межконфессиональных отношений.

Практическое значение диссертации. Материалы и выводы работы могут быть использованы при создании обобщающих работ по политической и религиозной истории России и сопредельных стран, славяно-балканского, закавказского и среднеазиатского регионов, общих и специальных курсов по истории Отечества, отдельных стран, входивших в

состав или сферу геополитических интересов Российской империи, международных отношений и дипломатии. При этом значение диссертации не ограничено лишь XVIII веком, несмотря на конкретно-исторический характер исследования, многие выводы и наблюдения носят более широкий характер и могут быть адаптированы к изучению аналогичных процессов более позднего времени (с учётом региона и периода) до конца первой трети XX в., с учётом типологии обществ и направлений общественного развития.

Апробация исследования. Работа подготовлена в Лаборатории междисциплинарных исследований востоковедного профиля Калмыцкого научного центра РАН и обсуждалась на заседаниях лаборатории и отдела истории Калмыцкого научного центра РАН. Основные положения исследования были представлены на международных и Всероссийских научных конференциях в 2016–2020 гг., таких как «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие» (Элиста, 2016), «Н.М. Карамзин и его эпоха» (Москва, 2016), «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II» (Элиста, 2016), VI историко-архивный форум «Память о прошлом – 2017» (Самара, 2017), «Конструируя европейское: социокультурный трансфер от Атлантики до Урала» (Екатеринбург, 2017), XI Международный петровский конгресс «Петр I и Восток» (Санкт-Петербург, 2018), IV конференция «Язык, книга, и традиционная культура позднего русского средневековья» (Москва, 2019), «L’empire de Catharina Le Grande, Nouvelle approches» (Париж, 2019), Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в. (Санкт-Петербург, 2020). Основные положения также освещались в статьях и монографиях автора.

Личный вклад автора в разрабатываемую проблему сводится к тому, что диссертантом охарактеризовано отношение Российского государства к старообрядцам, мусульманам и католикам на протяжении

XVIII в. При этом автором учтены изменение характера государства в указанный период, особенности политики тех или иных монархов, занимавших российский престол, их отношение к вопросам — старообрядческому, католическому, мусульманскому, стоявшим перед государством. Автором прослежена система мероприятий в отношении религии в целом и отдельных конфессий, выявлена основа политики и её конкретные меры, воплотившиеся в тех или иных законах и документах. В этой связи автором показано значение подобных законов или документов, составивших эпоху в соответствующей политике в течение XVIII в.

Степень достоверности результатов проведенных исследований обусловлена использованием архивных документов и надёжностью методов их анализа. Архивные документы подвергнуты комплексному анализу на основе апробированных научных методов, выявленная информация проверялась с учётом данных, введённых в научный оборот и известных широкому кругу исследователей. Для повышения достоверности проводилось постоянное сопоставление неопубликованных и опубликованных источников.

Структура исследования. Представленная диссертация состоит из Введения, пяти глав, Заключения и Списка использованных источников и литературы. Во Введении обоснована актуальность, теоретическая и практическая значимость диссертации, сформулированы объект и предмет, цель и задачи работы, основные положения, выносимые на защиту, очерчены территориальные и хронологические пределы исследования, даны краткие характеристики теоретико-методологической основы работы, историографии и базы источников, оценены личный вклад автора и степень достоверности результатов исследования, приведены данные о его апробации и структуре. В первой главе дается историография, обзор источников и методов исследования. Во второй главе представлены результаты изучения вероисповедного содержания российско-османских

отношений, в третьей, четвертой и пятой — «диссидентского», старообрядческого и католического вопросов соответственно, а также их влияния на южную политику центральной, региональных и местных властей.

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Историография

Историографических работ, прямо посвящённых изучаемой теме, нет, а те, что содержат соответствующие материалы, создавались с иными целями, свои ограничения налагало и время [Гессен 1898; Смирнов 1971: 77–85; Волохова 1993: 27–30; Локшин 1995: 3–22; Ванчикова 1995: 33–42; Хохлов 2002: 336–348; Истории изучения ислама в СССР 1954: 78–82, 165, 184–187; Кульшарипов 1971: 77–85]. Историографическому аспекту вероисповедной политики “просвещенного абсолютизма” уделяли внимание многие исследователи, но их наблюдения над литературой рассеяны в десятках их трудов. Наша задача состоит в том, чтобы, подытожив ранее высказанные замечания и дав оценку произведениям, до сего дня выпадавшим из поля зрения историографии, воссоздать процесс движения исторической мысли в интересующей нас области.

Следует выделить **три историографических периода**: литература XVIII–XIX вв., литература XX в., современная литература.

Начало ему было положено европейской полемической литературой последней трети XVIII – начала XIX в. Традицию создал Вольтер, выступивший в 60-е годы XVIII в. защитником прав не католиков Польши. Политика России в “диссидентском вопросе” вызвала его полнейшее одобрение [Вольтер 1768]. Свой интерес был и у русского переводчика Вольтера: «“Опыт” сей... превесьма того достоин, чтоб ему находиться в предложении на наш язык», поскольку “небольшая сия тетрадь, сочиненная в превосходнейшую пользу Греческого Православия перед Римскою Церковию и в толикую же славу и хвалу Самодержицы нашей, Великой,

Премудрой, Августейшей Государыни Императрицы, Прещедрой Екатерины II”, доказывает правоту монархини в деле “диссидентов”¹.

С 1773 г. в русско-папских отношениях кризисный характер приобрел вопрос об иезуитах. Папская сторона настаивала на незаконности действий Екатерины II, защитившей орден в России от роспуска. Белорусские иезуиты — “виновники” кризиса апеллировали к мнению Европы. Их аргументами в защиту безупречности своих институций в России были принципы суверенитета “императрицы Всех русских” и верноподданства [Записки 1991: 163–171; Lettera al signor avvocato NN 1783; Merkwürdige Nachrichten ... 1786; Apologia ... 1793; Лушпай 2001: 124–133]. Папство в ответ дало санкцию на подготовку жизнеописаний Екатерины II, Павла I, Пия VI, где сюжет об иезуитах освещался ультрамонтански [Della vita ... 1797; Memoires ... 1799; Elogio Storiko ... 1801; Della vita ... 1802].

Продвижение России в Закавказье в 80-е годы XVIII в. привело ее к новым столкновениям с Римом, опасавшимся за судьбы унии в регионе и тенденциозно трактовавшим отношения России с армяно-григорианской церковью (далее АГЦ) [Serpos ... 1786].

События 3 мая 1791 г. в Польше побудили посла Я.И. Булгакова выступить с разоблачениями “подлостей варшавских бунтовщиков” перед “просвещенной Европой”. Движущей силой польского конституционализма он считал “фанатизм сих разъяренных мятежников”, подогретый решениями Четырехлетнего сейма по вопросам религии антиправославной кампанией 1789 г. и следствием над епископом Виктором (Садковским). Все это было заклеено как “самовластная инквизиция” [Альтести 1792: 20–29]. Екатерина II в конце жизни также задумывалась об историческом обосновании своей позиции в “диссидентском вопросе”. Во исполнение ее поручения правота русских

¹ См.: [Вольтер 1768]. Страницы не нумерованы (“В известие от переводившего”).

венценосцев защищалась буквой “Вечного мира” [Бантыш-Каменский 1805²].

Вопрос об отношении к (православному) государству был острейшим в мусульманской традиции Урало-Поволжья [Кемпер 1998]. Однако известнейшие памятники “ТауарихБулгарийа” и “ТарихНамэ-и Булгар”, образчики дервишеской, “старотатарской (разрядка авт. – А.Р.) клерикальной историографии периода ее глубочайшего упадка”, его обошли [Усманов 1972: 21–23, 28–30, 156]. Ш. Марджани упоминал о сочинениях мулл Азама ибн Абу ар-Рахмана Тануки, Зейна ал-Абдил ибн Абдел-Карима, Салимджана ибн Дусмухаммада о жизни “под пятой иноверцев” [Юсупов 1981: 77–79, 82]³. Свое наследие оставили и слывшие еретиками литераторы и богословы Абу Наср ал-Курсави и Утыз-Имяни (Абд Ар-Рахим бин Усман ал-Булгари). Утыз-Имяни, адепт суфизма и “чистого” ислама, противник и протонародных форм, и правительственных институтов религии — Оренбургского магометанского духовного собрания (далее ОМДС), духовных штатов мусульман, отстаивал добровольную бытовую и политическую сегрегацию татар. Это делало его врагом и муфтия ОМДС М. Хусейнова, выдвиженца Екатерины II, и духовенства ОМДС [Юзеев 1992: 25, 30–34; Юзеев 2001: 94–97; Кемпер 1998: 172–212, 222–224, 272–307]. Однако конец XVIII в. в мусульманской литературе Урало-Поволжья отмечен и противоположной тенденцией: под влиянием ОМДС в “старотатарские летописи” вносится дух лояльности [Климович 1936: 21].

Если характеризовать развитие соответствующих идей и наблюдений в общественном сознании и науке середины XIX – начала XX в., то наиболее рано проявила себя российская общественная и церковная мысль.

² Эти материалы легли и в компилятивную книгу, см.: [Карашевич 1855].

³ Конфессиональной напряженностью проникнуто и известное башкирское историческое сочинение об Акаевском восстании 1735–1741 гг. (см.: [История Татарии в документах и материалах 1937: 402–406]), но неясно, датируется ли оно XVIII в.

Если ранее развитие литературы было связано с политическими интересами самодержавия в Европе (в отношениях с Турцией, соответственно, с исламом был также силен европейский подтекст), то в пореформенную и революционную эпоху ее двигателем становятся потребности общественного сознания России. Одной из них отвечала критика папского универсализма. Д. А. Толстой конфликт между папами и Екатериной II толковал односторонне, с официозных монархических позиций. Вместе с тем его главный труд был призван раскрыть позицию Рима в Польше, разоблачить его извечные униональные цели и обосновать идею автономного, как в Утрехтской церкви или галликанстве, русского католичества [Tolstoj 1863–1864⁴]. “Превосходная книга графа Толстого открыла нам *terra incognita* наших отношений к латинской церкви”, — отозвался Ю.Ф. Самарин, ведший свою борьбу с филокатоликами, но поддержавший Д.А. Толстого в неприятии папского политиканства. “Систему Екатерины II” выдающийся славянофил видел в том, чтобы, “не касаясь догматов, состояния, предмета веры, *локализовать в пределах империи латинскую церковную администрацию как предмет не внешней политики, а внутреннего, государственного управления* (здесь и далее курсив авт. – *A.P.*)... Это была схизма, первый, подготовительный шаг к отторжению латинства от папизма, а того-то именно и хотела мудрая Екатерина”. “Приручение” иезуитов лишило “латинство” силы на Руси. Мудрым был и выбор помощника: архиепископ-митрополит С. Сестренцевич “в делах управления латинской Церкви был для Екатерины II то же, что Суворов и Румянцев по военной части, Потемкин по делам восточной политики” [Самарин, 6 1887: 301, 314, 316, 320, 327].

⁴ Во втором, русском издании своего двухтомника Д.А. Толстой, к тому времени уже обер-прокурор, констатировал рост интереса к проблеме русского католичества и полагал, что после его книги и польского восстания 1863 г. обществу открылся истинный смысл деятельности папства: См.: [Толстой 1876].

Польское восстание 1863 г. стало знаковым событием и для М.О. Кояловича. Оно убедило его в верности концепции о единой русской православной народности, противостоящей “латинству” и “польщизне”. Отсюда история унии виделась ему историей борьбы народа с унией, а Россия — главной национальной силой в этой борьбе [Коялович 1873]. Уния, по Кояловичу, явление несамостоятельное, раздираемое православно-русским и латино-польским направлениями в ней, заслуга же Екатерины II состояла в освобождении именно здоровых православных сил [Коялович 1890: 346–347]. К этой теории примыкали М.Я. Симашкевич [Симашкевич 1872] и историки “диссидентского вопроса” С.Ф. Иваницкий (после Октября воспринял марксистскую трактовку православных движений Правобережной Украины [Иваницкий 1904; Иваницкий, 19 1939; Иваницкий, 22 1939; Иваницкий, 45 1941]) и В.А. Беднов [Бедное 1908]. Взгляды М.О. Кояловича повлияли и на советских историков Я.П. Мараша [Мараш 1974] и Т.Б. Блинову [Блинова 1990]. Сам автор адресовывал свою концепцию администрации, дезориентированной событиями 1863 г. Цель в известной мере была достигнута: идею укрепления “национально-русского элемента” в Западном крае горячо принял М.Н. Муравьев.

Читающая Россия быстро, несмотря на цензурные ограничения, усвоила взгляды Д.А. Толстого, Ю.Ф. Самарина, М.О. Кояловича. Под их влиянием, усугубленным шоком от восстания 1863 г., возникла официально-клерикальная тенденция критики католичества и унии применительно к истории территорий Древней Руси [Морошкин 1867; Морошкин 1870; Демьянович 1872; Лобатынский 1889: № 6, 7, 9, 10–12, 15–17; Сапунов 1889]. Позже, особенно перед “Великой войной”, подобная критика приобрела и более конкретную цель: “разоблачить” Велеградское движение [Мордвинов 1874; Воскресенский 1913; Троицкий 1914]. См.: о конгрессах униат Галиции в Велеграде см.: Винтер 1964: 452, 458–460].

Накануне войны с германофобских позиций поднималась тема недостаточной “защиты православия” в Остзейском крае в Новое время [Высоцкий 1910: 7–11]. Что же касается еврейского вопроса, то официоз до 1905 г. повторял идеи о реформе управления иудейским исповеданием, переводе евреев в производительный сектор, объясняя актуальность подобных преобразований “паразитизмом” евреев в экономике [Голицын 1886]⁵. В целом религиозный либерализм Екатерины II трактовался как результат поверхностного увлечения ее Просвещением (большого по цензурным и особенно по верноподданническим соображениям сказать было нельзя). Религиозные аспекты проекта шведского брака великой княжны Александры Павловны освещались в официальной литературе фактографически [Чумиков 1887: 59–98⁶; Чумиков 1885: 233–246; Дризен 1896: № 2–5,7–10]. В изучении единоверия превалировал охранительный подход [Петров 1881: 367–390; Субботин 1892: 108–121; Субботин 1901; Смирнов 1893: 769–806; Жмакин 1900: № 43; Жмакин 1900: № 46; Жмакин 1900: 979–1004; Жмакин 1903: 438–485; Белоликов 1915а: 138–141; Белоликов 1915].

Оживление общества эпохи “Великих реформ” повысило интерес публики к жизни Церкви, в том числе к миссионерскому делу. В печати живо обсуждалась дилемма работы миссии: русская грамота и русификация или же переводы на арабскую графику и приспособление христианства к “татаро-магометанскому” мирозерцанию? Основатель миссионерской школы Н.И. Ильминский считал, что из-за несовпадения структур мышления между мировыми религиями, с одной стороны, и между христианством и языковыми системами “иностранческих” этносов, с другой, создать для последних аутентичные христианские тексты нельзя. В итоге он надеялся на развитие в иноэтничной среде православного чувства

⁵Резкую трактовку “паразитизма” см.: [Исаевич 1892].

⁶ Составлено по шведским источникам.

и русского просвещения [Ильминский 1875: 3, 4, 6–10, 28, 38, 43]. Иезуиты в Китае шли, как известно, по иному пути — иероглифика, симбиоз Евангелия и конфуцианства. Опыт иезуитов рассмотрел иеромонах Николай (П.С. Адоратский) [Николай (Адоратский) 1885: 24–69]. Его диссертация, отмеченная П.В. Знаменским, также оказалась на острие споров. Миссия в Китае оценивалась им с позиции Церкви: православные клирики выполняли долг, чуждаясь уловок иезуитов [Николай (Адоратский) 1887; Хохлов 2002: 340–344].

Тяжелой болезнью миссионерской школы стало сближение с реакционным официозом, преувеличение опасностей, якобы исходивших от неправославия и старообрядчества (рассадником подобных взглядов было миссионерское отделение Казанской духовной академии [Смирнов 1893: 81–82]). Так, у Е. Воронца ислам выступал “элементом противогосударственным”, муфтият был обязан своим возникновением религиозному индифферентизму Екатерины II, ламаистская церковь — “козням немецкой партии”, взявшей верх после Петра I [Воронец 1873–1877; Воронец 1889; Воронец 1890; Воронец 1891]. Сквозь призму борьбы с нехристианством рассматривали историю миссии и другие авторы [Хрусталева 1874; Можаровский 1880; Можаровский 1886; Беляев 1900; Матвеев 1910; Нестор 1910]. “Исламского” либерализма Екатерины II “миссионеры” не принимали [Чернавский 1901–1902: 83, 120]. Далекими они были и от мягкой трактовки единоверия [Чельцов 1900; Лебедев 1903: № 1–3; Лысогорский 1905: 335–439]. Но оголтелые “зажигательные статьи и брошюры” Е. Воронца вызывали симпатии отнюдь не всех идейных наследников Н.И. Ильминского [Дионисий 1901: 24].

Отторжение униатства, апология монаршей веротерпимости в сочетании с официозом разной степени были свойственны и многим неправославным авторам. Издания Лазаревского института утверждали: АГЦ по воле провидения обрела защиту в лице императоров, ее клир имеет

те же права, что и православный [Dulaurier 1857]. Г. А. Эзов (Эзоян) считал основной заслугой АГЦ переход под патронат Екатерины II [Эзов 1901], в этом же смысл деятельности архиепископа Иосифа Аргутинского усматривал армянский историк-классик [Лео1902]. С точки зрения евреев-монархистов, с концаXVIIIв. императорская власть стала для них воплощением порядка в беспорядке [Даревский 1907]. Заседатель караимского Таврического и Одесского духовного правления З.А. Фиркович, монархист и юдофоб, призывал соплеменников к “полному общественному и гражданскому слиянию с коренными русскими”, высоко оценивая основу этого — законы Екатерины II [Фиркович 1890: I–V]⁷. Глашатаями лояльности стали хронисты бурят шуленга В. Юмсунов и тайша Т. Тобоев (у них много данных об участии властей в судьбах ламаизма), и лама Очиров, автор биографии главы буддистов Д.-Д. Заяева, отмеченного Екатериной II [Летописи хоринских бурят 1940; Ванчикова 1995: 36–42].

Пореформенный подъем вызвал к жизни и направление, не вполне отвечавшее духу церковного официоза. Штатную политику абсолютизма изучал адепт “позитивной науки” П.В. Знаменский [Знаменский 1873; Знаменский 1871⁸]. Однако в социальной истории позиции позитивизма уязвимы. П.В. Знаменский не стал исключением: закон и жизнь оказались у него отождествленными [Freeze 1977: IX–X], соответственно, подоплека секуляризации — незамеченной. Меры Екатерины II в отношении прихода он считал продолжением мер Петра I, их следствием — “упадок” прихода (отмену самоуправления) в XVIII в. “Упадок” живописался и в этнографических работах [Покровский 1886; Покровский 1899].

⁷ Характерно, что и В.Д. Смирнов, видный официозный ориенталист, специально приглашенный общиной караимов для подготовки сборника, не возражал против “полного слияния”, утверждая, что со времен Екатерины II в русском праве нет сомнений в верности караимов [Фиркович 1890: II].

⁸ Последующие издания этого курса дополнялись “Чтениями из истории Русской церкви за царствование Екатерины II” [Православный собеседник. 1875: Ч. 1–3, № 1–6, 8, 9, 11–12].

Развитие отношений Церкви и государства церковные либералы ставили в зависимость от рецепции просветительства: “галломания”, “вольтерьянство” навязали власти ложного врага — “клерикализм”, и лишь крах “старого режима” заставил Екатерину II задуматься о пользе Церкви для охраны порядка [Беликов 1874: Кн. 1, 3, 6, 8; Знаменский 1880].

Церковные либералы, историки и правоведы-канонисты занимались и вопросом об обер-прокуратуре. Одни видели в ней конфликт между “личным” и “коллегиальным”, завершившийся в XIX в. победой первого, другие справедливо возражали: обер-прокурорский надзор нес в себе “юридизм” Просвещения, всевластие же обер-прокуроров — черта более позднего режима [Бердников 1900: 5, 6, 9–13]. В XVIII в. государство преобразовывалось из “вотчинного” в “так называемое полицейское, или полицейско-правовое”, и церковная сфера не была исключением. “Начала права Вселенской церкви, на которых должно стоять и действовать по Регламенту, по современному законодательству и по своему положению присутствие Св. Синода, вполне согласны с принципами *правомерного* (правового. — А.Р.) государства, как они понимаются в современной науке государственного права и выражаются в законодательстве цивилизованных государств...” Понимать историю Синода надо “в *юридической конструкции*”, т.е. “в связи с историческим в Европе и в России развитием в XVIII и XIX вв. начал государственоведения... касательно отношений между государством и церковью” [Горчаков 1896; Барсов 1899: 10–15]. Эти начала, обусловленные рецепцией системы территориализма, вели к секуляризации и веротерпимости [Суворов 1889–1890]. “Просвещенным” властям отводилась решающая роль в утверждении толерантности: “ослабление... фанатизма и установление более терпимых отношений шли от правительства гражданского, а не священноначалия” [Лебедев 1909: 10].

Церковные либералы предложили и историческое понимание веротерпимости. В эволюции церковно-государственных отношений они различали две стадии. Первая — государство, “ставшее из конфессионального неконфессиональным”, “невероисповедным”, т.е. придерживающееся паритетного (равного) отношения к исповеданиям — с точки зрения закона все они равны, принадлежность к любому не составляет гражданской выгоды (невыгоды), перемена исповедания свободна и является частным делом. Паритетное государство и считается веротерпимым: оно обеспечивает всем исповеданиям свободу культа и распространяет на них свои верховные права (это вытекает из системы территориализма).

Вторая стадия — “культурное государство”: наряду с паритетностью введен светский брак, отменено государственное религиозное образование, религиозные организации существуют на правах объединений граждан, в чью деятельность, если она не нарушает закона и порядка, власть не вмешивается. Все это означает господство “свободы совести”. Но возможно оно лишь там, где история начинается “заново” — в революционной (до Термидора) Франции, в США. В России и Европе из-за влияния естественного права возможны только веротерпимые государства. Отсюда XVIII в. в России и Европе в равной мере охвачен понятием “просвещенного абсолютизма” [Бердников 1888].

Представлялось, что идея веротерпимости на пути от Шефтсбери и Толланда к энциклопедистам прошла несколько стадий: 1) терпимость мнений вследствие развития сектантства в Новое время; 2) просветительство, борьба со схоластикой; 3) война с привилегиями папства (феброниянство, закрытие нунциатур, реформа монашества). В XVIII в. веротерпимость господствовала в умах “правительствующих лиц” [Доброклонский 1881: 187]. Россия при Екатерине II стала исключением, особенно же повезло “расколу старообрядства” [Доброклонский 1898]. От

церковной ортодоксии либералы были далеки и при изучении мер монархии по реэмиграции старообрядцев и насаждению единоверия в 80-90-е годы XVIII в. [Семеновский 1867; Верховский 1877; Лилеев 1895; Высоцкий 1916: 276–300].

Секуляризация в понимании церковных либералов носила фискальный характер [Григорович 1867; Григорович 1869; Покровский 1907]. После нее церковные вопросы не решались без абсолютизма, отводившего Церкви лишь роль проводника своей идеологии, что показала Уложенная комиссия [Покровский 1910; Покровский 1913]. Русская иерархия “не усвоила папистических идей и не знала систематического клерикализма”. Но в войне с ложным противником “регламентация... и администрация чиновничества всюду стали убивать живую личность, каковой без сомнения может быть архиерей как местный деятель и член собора под председательством патриарха”, и, как результат, к концу XVIII в. иерархия в ее живом, церковном значении вымерла, ее вытеснили “казенные люди”, архиереи-функционеры [Покровский 1898: 5–7].

Канун 1917 г. ознаменовался выходом подлинного компендиума церковного либерализма, посвященного екатерининской эпохе, по определению воплотившей в себе (к ущербу Церкви) торжество просветительства [Титлинов 1916]. В своем капитальном исследовании Б.В. Титлинов наметил эволюцию монархии от “элементов прагматической веротерпимости” при бироновщине (патронат над “латышскими мужиками” и евреями, “рациональное” использование беглых староверов, свобода западного христианства), которую он вслед за Е.П. Карновичем не истолковывал негативно⁹, к “просвещенному абсолютизму”. В изучении историко-церковных сюжетов Б.В. Титлинов активно пользовался трудами предшественников (Н. Невзорова, П.С. Казанского, И.М. Покровского, К.В. Харламповича и др.), унаследовав от

⁹ О “прагматической веротерпимости” в эпоху бироновщины также см.: [Титлинов 1905].

них и преувеличенное внимание к факту, и неумение понимать причинно-следственные связи. Это было начало дрейфа методологии либерализма, приведшего самого историка вскоре к обновленцам (“живоцерковцам”), а затем и к школе М.Н. Покровского [Титлинов 1924].

После 1917 г. либеральные подходы были развиты эмигрантской историографией. Они резюмированы в грандиозном труде И.К. Смолича [Смолич, 8 1997¹⁰]. Но подлинным событием стала все же книга А.В. Карташева, оказавшая серьезнейшее влияние на западную историографию. Историк придерживался воззрений в духе русской религиозной философии и позднегоевразийства, проникнутых ненавистью к марксизму, “лгущей классовой историософии”. Движущей силой преобразований Церкви он считал “западные”, “антитеократические” замыслы Петра I и Екатерины II [Карташев, 2 1997: 312–317, 557].

Ведомственная (“полицейская”) литература развивалась в связи с перманентной кодификацией законов 50–90-х годов XIX в. Материалы по XVIII в. включались в обзоры законодательства, предназначенные для чиновников МВД, занятых в исповедном надзоре [О евангелическо-лютеранской церкви 1856: 45–85; Вашкевич 1885; Вашкевич 1890]. Глубоких наблюдений в этой литературе было немного. Использование Екатериной II татарских мулл в Степи “полицейские” авторы считали верным: это обеспечило там мир. Однако «“киргизы” (казахи.— *A.P.*) под татарским руководством стали мирным, но... чуждым России мусульманским народом...», из-за чего позже возникли трудности [Балкашин 1887: 15–20, 34–39], Специалисты МВД отдавали себе отчет, что шариату чуждо положение мулл как особого сословия “с правами и обязанностями”, установленное при Екатерине II, и лучше других понимали неизбежность вытекающих отсюда религиозно-политических коллизий [Рыбаков 1917: 3].

¹⁰ 1-е изд. [Smolitsch 1964]; 2-е изд. [Smolitsch 1991].

Свою тематику исследований вырабатывала научная мысль, как собственно историческая, так и историко-правовая. Историческая концепция С.М. Соловьева определяла Россию как оплот церковности и культуры христиан на востоке Европы. Таков же был и смысл миссионерства Церкви. Позитивист и убежденный западник, С.М. Соловьев был, однако, сторонником вполне славянофильской мысли о серьезнейшей роли Церкви в развитии русского Просвещения. Христианизация народов Поволжья и Сибири, этнические движения были проанализированы ученым в духе его общих взглядов (так, восстание Батырши он трактовал как один из последних актов “вековой борьбы” русской цивилизации с кочевым миром). В “Истории России” много места отведено мерам Синода по православному и “иностранным исповеданиям”. Заслугой великого историка явилось и историко-дипломатическое изучение “диссидентского вопроса” [Соловьев 1851–1879]. На споры о реформе Церкви он отозвался с консервативных позиций, считая, что провести ее следует в интересах Церкви же [Кучурин 1997: 16–22].

В.О. Ключевский отмечал влияние просветительских тенденций в политике и идеологии русского абсолютизма второй половины XVIII в. [Ключевский, 4 1989: 320; Ключевский, 5 1989: 34–35]. Труды главы киевской школы В.Б. Антоновича составили эпоху в исследовании “больного исповедного вопроса Западной Руси” (С.М. Соловьев). Антонович, в частности, занимался решениями Великого сейма по делам религии в связи с русско-польскими отношениями той эпохи [Антонович 1902; Антонович 1866; Антонович 1871; Антонович, 1 1885: 265–278, 279–342]. С.А. Бершадский сравнивал подходы “просвещенных абсолютизмов” России и Пруссии к еврейскому вопросу [Бершадский 1895]. Внимание историков царствования Павла I, близких “государственной школе”, привлекло вмешательство этого монарха в сферу религии [Шумигорский

1907; Ключков 1912: 38–40; Ключков 1916]. Ведущие ориенталисты боролись с “полицейщиной” и “миссионерством”: благодаря их усилиям “влияние этой школы в нашей серьезной арабистике было парализовано” [Крачковский 1950: 187]. Ярыми оппонентами миссионерской школы выступали и историки областнического направления [Луппов 1999: 172–223, 245–250; Добросмыслов 1901: 4]. Их всех также отличала высокая оценка “уважения” Екатериной II ислама [Бартольд, 6 1966: 429], перекочевавшая затем в литературу эмиграции [Zenkovsky 1960: 14–18, 58–60]. Вопрос о последствиях “немецкой колонизации” XVIII–XIX вв., возбужденный германофобами перед войной, вызвал необходимость либерального освещения исповедного режима у колонистов [Писаревский 1914: 12–35].

Изучение кодификации права показало: правовая политика абсолютизма в XVIII в. укрепляла петровский подход к отношениям духовных и светских властей [Латкин 1887; Шахматов, Кострицын 1917]. С консервативных позиций рассматривали проблему религиозного управления канонист Н.Д. Кузнецов [Кузнецов 1898–1899], противник свобод старообрядцев в III Думе, и И.Ф. Александров [Александров 1914: 207–220].

В связи с Основными законами 1906 г. разногласия юристов — консерваторов и либералов вызывала трактовка императорской власти в Церкви. В общих курсах правоведения те или иные выводы, касавшиеся Нового времени в целом, распространялись и на XVIII в.¹¹ Специально данный вопрос изучал лишь Е.Н. Темниковский. Он считал, что русские императоры по своему конфессиональному статусу с петровских времен стали подлинными главами Церкви и заняли в ней такое же положение, как и западные императоры в католичестве. В оценках “просвещенного абсолютизма” он соглашался с М.И. Горчаковым. Оттенок сенсационности

¹¹ Библиографию курсов и обзор концепций см.: [Казанский 1999: 153–164; Казанский 1913].

построениям правоведа придавал вывод о прямых протестантских источниках Духовного регламента — доктринальной основы православной монархии [Темниковский 1909: 79; Темниковский 1909: 527–534].

Внимание либералов привлекал и церемониал коронаций. Они отмечали, что участие в нем Церкви было необходимо для создания легитимного образа абсолютизма [Белозерская 1883; Георгиевский 1895; Георгиевский 1896]. Либеральная правовая мысль внесла свой вклад в противостояние со специалистами в полицейских мундирах, хотя здесь не обходилось и без курьезов. Так, Е. Рапп в полемике против закона от 3 мая 1883 г. о старообрядцах противопоставил “истинно христианские”, “либеральные” законы Петра I “лицемерным”, “противоречившим духу Просвещения” (?!) мерам Екатерины II “по расколу”, связывая текущую линию властей именно с последними [Рапп 1880: 508–518; Рапп 1880: 125–126].

Католическая литература началась в XIX в. с тенденциозной трактовки отношений России и АГЦ мхитариста М. Чамчяна [Chamich 1827]¹². Воссоединение униат с православием в 1839 г. и напряженность вокруг конкордата 1847 г. стали для нее новым толчком [Винтер 1964: 271]. Из того, что “Россия в самом прямом смысле является вассалом Святого Престола”, исходил папский архивариус А. Тейнер при изучении католичества в России и Польше при Екатерине II [Theiner 1841: 24]. С. Заленьский выдвинул свои причины сближения Павла I и знаменитого Г. Грубера: монарх хотел использовать иезуитов для работы в Китае, ловкий же иезуит руками императора стремился склонить Пия VI к признанию ордена в России [Zalęski 1906]. С точки зрения “вселенского” католицизма альянс нунция Аркетти с русским послом против “кодекса Замойского” в 1776-1780 гг. выглядел вполне оправданным [Tarnawski 1916: 173]. На

¹² Chamich — это Чамчян.

Тейнера и других повлияло также австрофильство [Theiner 1846; Theiner 1852; Pelesz 1878–1881 Chotkowski 1905; Likowski 1906]¹³.

Католицизм был итогом духовных исканий известной части русских либералов XIX в. В 1870-е годы появилась новая генерация русских иезуитов. На ее плечи легли задачи апологии всего ордена¹⁴ и реванша в споре, проигранном И.С. Гагариным славянофилам. Развитие темы католичества в “просвещенной” России определили П. Розавен [Rosaven 1872¹⁵] и особенно П.О. Пирлинг¹⁶ [Pierling 1912], оппонент Д.А. Толстого и поздних славянофилов, глава Славянской библиотеки и деятель курии¹⁷. Тезис Пирлинга о цезаропапистском отношении русской монархии к католичеству просматривается в трудах историков-католиков на протяжении всего XX в. [Амара-Пуанье 1996; Boudou 1922–1925; Umiriski, П 1934; Rouet de Joumel 1943: V–LXVIII; Gomez 1959; Pastor 1961¹⁸]. К Пирлингу в эмиграции тяготел и его друг Е.Ф. Шмурло¹⁹.

Пореформенный подъем заставил заговорить о гражданских ценностях, интеграции в цивилизованное светское русское сообщество и представителей национальных окраин. В то же время К. Хетагуров высоко оценил Осетинскую духовную комиссию: пусть она сделала немного, но для своего времени и это было благом, ибо открывало путь прогресса осетин рука об руку с русскими [Хетагуров, 4 1960: 12–17, 67–72]. Чокан Валиханов, напротив, признавал только светское просвещение и сожалел,

¹³ Об австрофильстве см.: [Винтер 1964: 287].

¹⁴ Ю.Ф. Самарин указывал, что к этому времени в Европе вышло довольно много разоблачительных антииезуитских работ [Самарин 1868: 300], из которых он наиболее оценил труд порвавшего с католичеством аббата В. Гутэ [Guettee 1852–1854]. Здесь широко освещался и белорусский эпизод истории ордена.

¹⁵ На русском языке читатель мог отчасти познакомиться с собранной им перепиской Екатерины II об иезуитах по работе: [Грот 1881: 1–22].

¹⁶ О П.О. Пирлинге см.: [Винтер 1964: 22–23].

¹⁷ Интересно, что знакомство именно с его взглядами побудило В.С. Соловьева к созданию работы “Россия и Вселенская церковь”, прочно вошедшей в строй филокатолической и антирусской пропаганды: в России до 1917 г. свет увидела только третья часть этой книги [Соловьев 1906], но первые две ее части были выпущены именно издательством “Анчица”, сотрудничавшем с С. Ашкенази и краковской школой [Соловьев 1904]. Филокатолики особенно рекомендовали книгу для интеллигенции [Берг 1926: 31].

¹⁸ Книга написана в 1930–1933 гг.

¹⁹ Он вынашивал труд “Россия и папство”, но так и не создал его [Винтер 1964: 24–25].

что при Екатерине II политический отрыв его соплеменников от арабo-тюркского ислама не сопровождался культурным отрывом: замена бухарских муллтатарскими не подвинула развития казахов, муллы из Бухары, “которая, в сущности, есть притон, вертеп ханжей-улемов, ишанов-се ребреников... из недр своих медресе изрыгают на всю территорию мусульманства мулл-изуверов вроде Мансура, Кази-мулл и других в этом роде лицемеров”, но и муллы из Казани — такие же “лицемеры” [Валиханов, 1 1976: 414; Валиханов, 2 1976: 33, 526–528]. Просветитель крымских татар И. Гаспринский (Гаспралы) приветствовал сближение с русской культурой, но не отказывался от детерминанты ислама для “тюрко-татарского племени” России — “нашей общей родины” [Гаспринский 1881: 3, 8–9, 21–22]²⁰. О синтезе демократических и национальных еврейских ценностей говорили О.А. Рабинович, И.Г. Оршанский [Гессен 1995]. С “нацдемократами” блокировались “областники”, полемизировали “полицейские”.

Но в последней трети XIX – начале XX в. вырабатывались и иные модели национальной идентичности. Во многом это было реакцией на русификацию, конфликты России с другими великими державами, и подчинялось интересам борьбы за либеральные свободы. Украинский канонист О. Потоцкий считал Киевскую митрополию церковью в неволе, главенство “Москвы” над нею — проявлением цезаропапизма, “Пункты о выгодах малороссийского духовенства” 1767 г. — источником внешнего права “московской эпохи”. Литература Украины была для Потоцкого по определению украинской и “антимосковской”, в историков же “Киевской церкви” он поверстал не

²⁰ Позже он пришел к идее русско-восточного соглашения: “Я верю, что рано или поздно ^{русское} мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства” [Гаспринский 1896: 31].

только М.О. Кояловича и В.А. Беднова, но и известного церковного историка И.А. Чистовича [Лотоцкий 1931: 145, 277–298]²¹.

Готовность следовать обветшавшим догмам галицийской школы этнически или конфессионально ангажированные авторы обнаруживали и в недавнем прошлом. Так, Екатерине II “досталось” от профессора папского института Восточных исследований базилианки С. Сенок: “Под правлением Екатерины II Киевская православная митрополия потеряла последние признаки (vestiges) своей автономии и была низведена до уровня русской епархии”, истинная же церковь связала судьбу с Римом [Senyk 1993: V–VL]. О потере церковью “в Украине” самостоятельности в Новое время можно прочесть и у современных светских украинских авторов [Климов 1995].

М. Тамарашвили видел в католицизме путь Грузии в Европу, порицая “нарушение” Екатериной II связи католиков Картли-Кахети с Римом [Tamarati 1910]²². Л.М. Меликсет-Бек критиковал альянс правительства и АГЦ как препятствие свободам армян [Меликсет-Бек 1911; Меликсет-Бек 1914] (после 1917 г. примкнул к школе М.Н. Покровского). Позицию деятелей АГЦ за рубежом до и во время Первой мировой войны определяла франкофилия [Орманиани 1913; Tournebize 1917].

Клерикальный национализм в значительной мере определял идеологию тюркских этносов. Ведущими фигурами здесь были А.-З. Валиди, Ш. Марджани, Р. Фахретдин²³. Арабоязычные труды Ш. Марджани “Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар” (“Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара”) и “Вафийат ал-аслафватахийат ал-ахлаф” (“Подробное о предшественниках и их

²¹ Книга, несмотря на год издания, — памятник прежде всего дореволюционной литературы украинского национализма.

²² Tamarati — это Тамарашвили.

²³ Библиографию их работ см.: [Азаматов 1994: 2].

приветствия потомкам”) — крупнейшее явление татарской историографии. “Мустафад...” — книга об истории ислама и этноса татар. Здесь в поисках идентичности Марджани выдвигал верные критерии — язык и религию. В “Вафийат...” автор защищал единство мусульманства, показывая поволжских татар его составной частью. Он собрал огромный материал, оцененный уже не одним поколением востоковедов. Наиболее интересен шестой том “Вафийат...”, осветивший время подчинения русского ислама русскому абсолютизму (1689-1885). Эти данные показывают, что с развитием интегристского курса “просвещенного абсолютизма” суннизм Урало-Поволжья все более сдвигался на периферию мусульманства, движение же русских границ открывало суннитам путь к святыням ислама на Ближнем Востоке в обход шиитской Персии [Мухаметдинов 1990: 160–166]. Это созвучно и наблюдениям современных исламоведов (см.: [Кюгельген 2001: 316, 321].

Марджани не доверял “старотатарской” литературе, отстаивал самостоятельность поиска (иджтихад) и беспристрастность изложения. Однако Марджани прежде всего богослов, и беспристрастность у него, как у всякого клерикального мыслителя, неизбежно вела к псевдообъективизму, абсолютизации здравого смысла. Идеальное государство для Марджани — это государство времен пророка Мохаммеда и “праведных халифов”, русский же ислам пребывает “под пятой иноверцев”. В глазах духовенства Марджани, независимо державшийся по отношению к ОмДС и защищавший иджтихад, был еретиком-мутазилитом. Цензуру у Марджани не устраивали жесточайшая националистическая критика миссионерства Церкви и сочувствие противникам России в Кавказской войне: автограф “Мустафад...” пестрит пометами цензора, востоковеда В.Д. Смирнова [Дмитриева, Мугинов, Муратов 1965: 71–73; Юсупов 1981: 89, 90, 118, 136; Юзеев 1992: 40, 41, 48]. Труды Марджани стали одной из основ джадидизма — идейно-

политического движения за самостоятельность тюркских этносов, ислам без “диктата” ОМДС, за синтез ислама и западных ценностей.

С позиций джадидизма обвинял Екатерину II в нарушении свободы религии крымских татар и А. Олешкевич (Кричинский) [Кричинский 1918]. Еврейская историография в России началась с И.Г. Оршанского [Оршанский 1877], но ее подлинный основатель — С.М. Дубнов [Дубнов 1995: 280–285]²⁴. Оба считали, что главное место в русской “еврейской” политике занимала религиозная неприязнь, и что уже при Екатерине II законы против евреев стали системой. В эмиграции после 1917 г. С.М. Дубнов, будучи уже признанным лидером мировой иудаики, склонился к сионизму. В этой связи его оценки политики абсолютизма не изменились, хотя общая концепция эволюционировала [Локшин 1995: 15; Клиер 1999: 6–8]. В противовес С.М. Дубнову с отождествлением “еврейства” и иудаизма порвал Ю.И. Гессен. В этом ему помогло исследование отношения Павла I к усобице раввинистов и хасидов [Гессен 1995: 249–271]²⁵. К комплексному исследованию законодательства и политики абсолютизма (до работ Е.К. Онищенко и Д.Д. Клиера аналогов здесь не было) Ю.И. Гессен подошел уже с позиций экономического материализма. Вывод состоял в том, что администраторы в проектах реформ уклада евреев не учитывали дефектов системы крепостничества и грешили прожектерством [Гессен 1925–1927]. Еврейская литература в СССР до 1930-х годов развивалась “по Дубнову” [Эпштейн 1924: 119–123]. За рубежом его подходы усвоили немногие осевшие в Израиле и США выходцы из Восточной Европы. Их трудами иудаика двигалась до 1970-х годов [Клиер 1999: 9–10]. Здесь же зарубежная библиография. Для русскоязычного читателя доступна статья одного из патриархов старой

²⁴ Впервые опубликовано в 1912 г. Это краткое, но насыщенное изложение концепции С.М. Дубнова до эмиграции.

²⁵ Впервые опубликовано в 1902 г.

зарубежной иудаики, см.: [Эттингер 1999:180–215²⁶]. Но рецидивы отживших воззрений встречаются и сейчас [Хитерер 2001: 19].

Свой путь был у польской литературы. “Интолерантность стала сегодня популярной”, Бисмарк продолжил дело Екатерины Пв европейском воздухе 60-х годов XIX в. носились идеи польской эмиграции. Екатерина Пс этой точки зрения выглядела “хуже” Павла I и Александра I: те были веротерпимыми государями, у нее же толерантность сменялась “проявлениями жестокости” [Lescouer 1860]. Восстание 1863 г. укрепило поляков в мысли о “диссидентском вопросе” как инструменте вмешательства, и это стало одним из их прочнейших тезисов польской литературы. В частности, в последние годы “инструментальной” концепции российского участия в “диссидентском вопросе” придерживался историк польского протестантизма В. Кригсайзен, полагавший, что политика России поставила протестантов в Речи Посполитой под удар [Kriegseizen 1996: 24–25].

Представитель варшавской школы Г. Шмит отметил в свое время синхронность “развязывания” Екатериной II “диссидентского вопроса” и созыва Уложенной комиссии. В этом, полагал он, заключался особый расчет монархини: поддержать свою репутацию “просвещенной”, толерантной законодательницы и вместе с тем выставить перед лицом Европы своих польских противников католическими фанатиками [Schmitt 1868: 145–147, 154–156, 166–175, 223]. Остроту “диссидентскому вопросу”, по Шмиту, придавало и то, что католицизм служил хребтом этничности и государственности Речи Посполитой. Так считал и В. Калинка, один из отцов “краковской школы”, изучавший те же сюжеты, что и В.Б. Антонович [Kalinca 1881: 300–334; Оместе 1933: 9]. Острым критиком держав — участников разделов был доцент Львовского университета С. Ашкенази. Его построения о связи Польши и католичества развивались в

²⁶ Впервые опубликовано на иврите в 1972 г.

духе Ф. Гизо, по содержанию же они стали зеркальным отражением концепции М.О. Кояловича: тот писал о русско-православной нации, этот — о польско-католической, и оба считали “диссидентский вопрос” актом противоборства Востока и Запада. С. Ашкенази стал главой “патриотического” направления, бурно развивавшегося в начале XX в. [Rudnicki 1910; Loret 1910; Lubienska 1911], но в межвоенное время быстро сошедшего на нет: уже в 20-е годы сам главный идеолог признал, что ему “в Польше не для кого писать” [Iwasykiewicz 1936: 901] (изучать “диссидентский вопрос” в Польше продолжали выходцы из России, видя в нем сюжет истории своей новой родины [Sakowicz 1935; Deruga 1938]).

Пороком национализма, особенно клерикального, было неприятие положения о веротерпимости “просвещенного абсолютизма”. Д.Д. Клиер, критикуя тезис старой еврейской историографии о “традиционном русском антисемитизме”, указывал: русские “просвещенные” бюрократы ничуть не походили на “москвитов”, чуждавшихся евреев, напротив, это были носители идеи Нового времени о рациональном разрешении еврейского вопроса [Клиер 1999: 59, 68, 95, 144, 145]. Но очевидно, что непонимание специфики имперской системы “просвещенной” России роднило близких к сионизму авторов с прочими “националами” — от галицийской школы и до джадидистов, и в этом объединяло в известной мере их всех, при разности идейных корней, с русскими крайними националистами. В стороне от влияния национализма осталась лишь немецкая литература России, развивавшаяся фактографичными трудами пасторов-протестантов. Они занимались историей своих общин и превозносили Екатерину II (библиографию этих трудов см.: [Курило 1996; Курило 2002; Алакшин 1998]).

В историографии XX в. (1917–1991 гг.) ведущие позиции занимала марксистская литература, отечественная и зарубежная. 1917 год обусловил преобладание вульгарного социологизма в воззрениях на религию и

политику. “Везде и всюду при царизме жандармерия и духовенство действовали сообща, совместно охраняя интересы правителей и капитала. Поэтому трудно понять, где кончалась религия духовенства и начиналась полицейская нагайка” [Религия и правительство 1919; цит. по: Ишмухаметов 1979: 34]. Власть имущим “важно было, чтобы все люди были религиозными, чтобы духовенство *каждой религии* оказывало умиротворяющее влияние на своих верующих и делало их покорными власти” [Ковалев 1926: 3; Лукин 1919; Титлинов 1925]. Неудивительно, что в историческом сознании эпохи рядом с гротескным “жандармом в рясе” возник и апокалиптический “палач в чалме и с Кораном” [Ишемгулов 1930: 47]. В школе М.Н. Покровского господствовало представление о духовенстве — “агентуре торгового капитала”. Вместе с тем она аккумулировала и разгромную областническую критику миссионерства Церкви [Гирченко 1922; Ташкин 1922]. Концепцию “торгового капитала” разделяли Н.М. Никольский и Л.И. Климович, выдающиеся историки религии 1920-1930-х годов. Первый тяготел также к мифологической школе, на второго значительное влияние оказал М.А. Рейснер, теоретик психологической школы права, сторонник отделения Церкви от государства и разработчик соответствующих положений Конституции 1918 г. В политических трактовках оба автора отдавали дань времени: вся деятельность “государственной Церкви крепостной эпохи” была “политической службой государству” [Никольский 1985: 206], все далекое от джадидизма мусульманское духовенство считалось “агентурой военно-феодалного империализма” [Климович Л.И. Указ.соч. С. 21-26, 66. О его взглядах также см.: Смирнов 1958: 165, 184–187]. С падением школы М.Н. Покровского миссионерство критиковалось как часть “колониальной политики царизма”, исследование которой было призвано убеждать в

зрелости “внутриимпериалистических противоречий” накануне Октября [Такоева 1936: 48–64; Базанов 1936; Огрызко 1941; Скитский 1972]²⁷.

Средненизкий уровень методологии марксизма оборачивался отсутствием апробированных с марксистской точки зрения научных построений. В частности, политическое развитие России XVIII в. в литературе 30-40-х годов определялось в согласии с дооктябрьским либеральным правоведением: “регулярное государство”, “полицеизм”, в том числе и в Церкви, Петр I — создатель “просвещенных” порядков, Екатерина II — их продолжательница. Собственно же “просвещенный абсолютизм” представлялся здесь государством нового типа, отличающимся от государства “старомосковского” именно светским характером, господством рационализма и антиклерикализма, отказом от “диктата Церкви” [Сыромятников 1943: 122, 146–151].

Иной подход к “просвещенному абсолютизму” вытекал из понятий патернализма и религиозного либерализма. При этом обращалось внимание на ранние “элементы прагматической веротерпимости”, о чем в свое время говорил Б.В. Титлинов, хотя и подчеркивалось, что черты “просвещенного абсолютизма” в эпоху бироновщины были “представлены очень бледно и обильно перемешаны с казнокрадством, взяточничеством и открытым расхищением государственных имуществ”. Ставилась в связи с понятием “просвещенного абсолютизма”; и проблема отношений русской православной монархии с остзейским лютеранским дворянством [Зулис 1946: 125–127, 133, 173–175].

В коллективных трудах 1950-1960-х годов возобладал тезис об окончательном подчинении Церкви абсолютизму после секуляризации [Слицан 1954: 371–379; Павленко 1967: 212–213]. Принципиальное совершенствование марксистской методологии способствовало

²⁷ Аналогичные материалы и наблюдения по второй половине XVIII в. см. также в многочисленных работах 1930–1950-х годов И.Д. Кузнецова, В.Д. Дмитриева, П.В. Денисова, А.Н. Григорьева.

вытеснению вульгарного социологизма. Это оказало положительное влияние на освещение темы религиозной политики на национальных окраинах, хотя социологизаторские рецидивы (“Церковь на страже государства”, “колониальная политика”, “тюрьма народов”) встречались в отечественной литературе даже в 1990-е годы [Андриашвили 1990; Литвинов 1995: 367; Наумова 1996; Асочакова 1998: 88–93]. Специалисты, занимавшиеся миссией, отмечали отказ Екатерины II от христианизации [Макаров 1970: 116–150; Солдаткин 1974; Шишигин 1975; Кудряшов 1988: 48–59; Макаров 187–201]. Историки Осетии считали Осетинскую комиссию посредником в связях с Россией, особенно в самом начале (1742–1782) [Блиев 1970; Мерденов 1992]. В 1970–1980-е годы история миссии тесно связывалась с историей тех или иных этноконфессиональных групп, порожденных “государственным феодализмом” [Доржиева 1977: 14–27; Доржиева 1977; Федоров 1978: 82–103, 161–177; Громов 1982; Михалева 1982: 22–24].

Специальных религиозно-политических исследований периода позднего феодализма в то время не велось. Н.Н. Покровский, изучая роль старообрядцев в крестьянском движении, констатировал: “просвещенные” власти значительно снизили уровень их преследований и стремились наладить их возвращение из-за рубежа [Покровский 1974: 288–296, 365–384; Покровский 1975: 109–112]. Выводы М.М. Громыко о функциях территориальной общины [Громыко 1984: 70] были теоретическим импульсом для Н.Д. Зольниковой. Она установила, что под давлением бюрократизации сибирский приход в XVIII в. медленно сдавал позиции и что “перекройка” властями границ приходов и заказов во многом вызывалась нуждами ограничения приходского самоуправления. В этих

приходах власти стремились опереться на их верхи [Зольникова 1981; Зольникова 1990]²⁸.

Секуляризация изучалась сквозь призму представлений о Церкви как о крупнейшем феодале. Выдающийся вклад в исследование секуляризации сделан А.И. Комиссаренко. Историк справедливо считал эту реформу “просвещенного абсолютизма” фундаментом церковно-государственных отношений в Новое время. Благодаря ему наука покончила с недифференцированностью в оценках церковного курса Петра I и Екатерины II, обращавшей на себя внимание еще у церковных либералов XIX в. Ученый доказал: нельзя не видеть принципиальной разницы между ограничением феодальных иммунитетов Церкви, чем и исчерпывалась монастырская секуляризация при Петре I, и полным вытеснением Церкви из сферы рентных отношений, к чему вела именно Екатерина II. А.И. Комиссаренко раскрыл политику абсолютизма в отношении духовного сословия в целом, разногласия в верхах по поводу реформы, последствия секуляризации, ее восприятие в обществе [Комиссаренко 1990; Комиссаренко 1990: 313–334. Комиссаренко 1997: 49–52].

В 1940–1980-е годы сформировался значительный фонд литературы по этноистории. В подобном ключе освещались прежде всего отношения самодержавия и АГЦ. Лучшей здесь стала работа об Иосифе Аргутинском, его вкладе в политику России на Кавказе [Иоаннисян 1990]. Историки Армении также видели в свободах культа и общинной жизни армян Юга России в XVIII в. важнейший фактор развития этноса [Ананян 1969]. Историки Башкирии останавливались на задачах ОМДС как органа “колониальной политики”: умиротворении казахов и нейтрализации турецкой пропаганды среди подданных России [Кулбахтин, Сергеев 1988; Кульшарипов 1988: 34–43, 43–47; Асфандияров 1991: 3–9]. Ученые Калмыкии показали, что структура ламаистской церкви калмыков в ходе

²⁸ Последний сюжет был позже развит и учеником Н.Д. Зольниковой. См.: [Николаев 1996].

военно-административных реформ XVIII – начала XIX в. менялась, но социальное положение духовенства и условия отправления культа от этого не ухудшались [Бакаева 1984: 15, 21–34, 37–44; Карагодин 1987: 5–23]. Ученые Бурятии изучали участие властей в формировании ламаизма в Забайкалье [Ламаизм в Бурятии 1983: 15–26].

В коллективных историко-церковных трудах отмечался рост государственного вмешательства в дела исповеданий к концу XVIII в. [Русское православие 1989; The Russian Orthodox 1988]. Роль религиозного фактора рассматривалась и в истории дипломатии. Было установлено, что Россия стремилась использовать в Закавказье те же самые религиозные противоречия, на которых другие великие державы играли на всем Ближнем и Среднем Востоке [Маркова 1966]. Спекулятивную природу католических трактовок политики русского “просвещенного абсолютизма” с предельной четкостью вскрыл Э. Винтер [Винтер 1960], чему, безусловно, способствовало хорошее знание им “противника” (автор в 20-е годы сам начинал как католический историк). Значение этого возрастает еще более в сопоставлении с итогами его же изучения отношений «дунайского варианта “просвещенного абсолютизма”» (Р. Мандру) с католической церковью. Историк видел в них борьбу со средневековыми привилегиями и феодальной децентрализацией на территориях, где Мария-Терезия и Иосиф II были наследственными суверенами. Тенденции “прагматической веротерпимости”, интеграции исповеданий в рамки госаппарата, отстранения церкви от Двора как единственного политического центра, вытеснения религии из общественной жизни в частную автор считал общеевропейскими и объединил их в понятие “йозефинизма” [Winter 1962]. В России проводником аналогичного курса Э. Винтер считал Петра I. Екатерина II в представлении историка была последовательной “петринисткой”. Русская монархия и папство были для Винтера двумя “тотальными” силами, легко, в полном соответствии с

представлениями Маркса, переходившими от соперничества к сотрудничеству в борьбе против социального прогресса [Винтер 1964]. Эту же позицию отражала и критика альянса католической церкви и русских послов, направленного против реформ в Польше в конце XVIII в. [Piwarski 1974: XVII–XXII].

Правовую политику Екатерины II изучал О.А. Омельченко. По его мнению, она была направлена на построение “законной монархии” европейского типа и включала в себя толерантность, находившую обоснование в гуманизме Просвещения. В сфере Церкви политика самодержицы была двуединой: Екатерина II отстаивала религиозные приоритеты православия и в то же время особую роль монархии в управлении Церковью. Эти же взгляды О.А. Омельченко развивал и позже, но в конце 1980-х годов именно в его статье о Духовно-гражданской комиссии было впервые указано на необходимость изучения политических проектов “просвещенного абсолютизма” по делам религии. В том, что екатерининский церковный курс в сопоставлении с петровским имеет не только сходство по содержанию мер, но и кричащие сущностные различия, автор был близок к А.И. Комиссаренко, справедливо считая, что во взглядах на религию и Церковь Петр I гораздо ближе к своим предшественникам-самодержцам, нежели к Просвещению, и что ставить знак равенства между мелочной, рутинной петровской регламентацией духовных дел и правовой политикой “просвещенного абсолютизма” невозможно [Омельченко 1988: 24–92; Омельченко 1993: 225–227].

Суть политики “просвещенного абсолютизма” юрист Н.Ю. Титов видел в секуляризации и “приведении аппарата управления церковью в соответствие с уровнем централизации государственного аппарата”. Но подчинение Церкви, полагал он, не закончилось и к концу XVIII в. [Титов 1984; Титов 1988: 173–186].

Что касается немарксистской зарубежной литературы, то на Западе тема “просвещенной” вероисповедной политики широко, но не систематически охватывалась англо-саксонским отделом историографии. Набор сюжетов здесь традиционно заимствовался у русских эмигрантов: внешняя миссия Церкви, “диссидентский вопрос”, “уважение к исламу”, “греческий проект”. С последним, соответственно, и с внешними замыслами Екатерины II связывалось приглашение в Россию греческих иерархов [Paroulidis 1976: 56–66]. Л.Вольф изучал “диссидентскую” дипломатию папства, уделяя особое внимание победам над Россией — победам “силы дипломатии” над “дипломатией силы”. Посрамить “дипломатию силы” автор захотел в связи с кризисом 1980-х годов в ПНР, но вопрос о борьбе папства со свободами не католиков он обошел [Wolff 1988]. А.В. Фишер объяснял проект ОМДС и интеграцию ислама “покорением Крыма”, связывая с последним проблему не только автономии крымских татар, но и всего тюркского национализма в СССР [Fisher 1970].

Внешняя миссия рассматривалась в духе сиолога Д. Фэрбенка, считавшего Москву для Китая “восточным Западом”. Пекинскую миссию он сам оценивал как “единственный в своем роде аванпост Европы в самом сердце Китайской империи” [Степанов 2001: 31]. Но Э. Видмер полагал, что миссия не дала России осязаемых выгод [Widmer 1976: 211–213, 225]. Вместе с тем литература наполнена и аналогичной критикой в адрес иезуитов, несмотря на все их успехи [Дубровская 2001: 19–26], и с ее учетом вопрос о пользе русской миссии и по сей день не закрыт.

Принципиальным явлением “социальной истории” стал труд Г.Л. Фриза о положении греко-российского клира и о штатной политике “просвещенного абсолютизма”. Старый тезис о “гибели” прихода в XVIII в. автор поддержал [Freeze 1997] (это вызвало тогда критику Н.Д. Зольниковой, но ныне Б.Н. Миронов ставит Г.Л. Фриза в пример [Миронов

1998: 117]). Со временем Просвещения Г.Л. Фриз связывал и начало “рехристианизации” России [Freeze 1990: 101]. И. де Мадариага в своей, теперь уже классической, книге характеризовала “просвещенный абсолютизм” Екатерины II в духе господствовавшей в англо-американской литературе концепции правового государства. Одной из принципиальных черт политики Екатерины II она считала толерантность [Madariaga 1981: 111–122, 503–520; Pera 1985: 501–617]).

Этноисторики ФРГ освещали участие русских “просвещенных” властей в приходской жизни немцев (остзейцев, колонистов) всех конфессий [Kahle 1959; Die Kirchen ... 1978–1980; Pistohlkors 1994: 281–286].

70-80-е годы XX в. стали новой эрой в историографии истории евреев в России. Собственно еврейская литература в это время быстро “встроилась” в западную литературу, где о новых подходах одним из первых заявил немецкий историк М. Реет, вскрывший прагматизм законов Екатерины II о евреях [Rest 1975]. В трактовке еврейского вопроса на Западе господствовали теории вестернизации и модернизации, упор делался на просвещенческие аспекты политики. В этом русле иудаика развивается и поныне²⁹.

У клерикалов, как было сказано, наибольший удельный вес занимала россика католиков в духе П.О. Пирлинга. История унии продвигалась также католической литературой ПНР и эмиграции. Крупнейший авторитет в этой области Л. Беньковский считал конец православия и развитие унии в Речи Посполитой “естественными” процессами, насильственно прерванными Екатериной II и епископом Виктором (Садковским), “приспособленным” (*uzdolnionym*) для этого самодержицей [Bienkowski 1970: 7, 81]. За ним в начале 1990-х шел его ученик из

²⁹ Современный уровень развития иудаики характеризуют работы: [Онищенко 1998; Клиер 1998].

Люблинского католического университета В. Колбук. Акцию Екатерины II против унии он в сравнении с 1839 и 1875 гг. считал успешной, разделяя давнее мнение Й. Пелеша о взаимосвязи ударов по унии с поражениями польского национализма, но “латино-польскую” трактовку унии оспорил [Kolbuk 1991: 3–12; Kolbuk 1992]. У некатоликов в послевоенное время “отметилась” лишь протестантская миссиология [Glazik 1954; Glazik 1959].

Развитие современной историографии (конец XX – начало XXI в.) отличается сложностью и нелинейностью. XX век не привел к расширению конкретно-исторических представлений о вероисповедной политике “просвещенного абсолютизма”. Причиной этого стала секуляризация общества и, как следствие, падение интереса ко всему, что было связано с религией. Препятствовали развитию соответствующей проблематики и идейно-политические приоритеты, складывавшиеся в целом в литературе. Вместе с тем идейная жесткость марксизма способствовала освобождению науки от заблуждений национализма, клерикализма, либерализма в осмыслении позднефеодальных религиозно-политических отношений. Для русистики, в особенности отечественной, это вкупе с падением политизированных схем, искусственного противостояния марксизма и немарксизма в 1990-е годы открыло новые возможности.

В российской литературе впервые обрели самостоятельность исследования по истории миссии Церкви [Саркисова 1993: 17–22]. Возродилась и тема миссии в Русской Америке [Блэк, Болховитинов 1997: 251–277; Петров 2000: 105–108]. Но преимущественно 1990-м годам было свойственно обобщение известного материала [Ванина 1995; Шубина 1998; Ефименко 1998; Фокин 1998: 144–147, 154–156]. Традиционным был и вывод о содержании отношений между Государством и Церковью в XVIII в., связанный с попыткой установить их значение в политической истории России Нового времени в целом: борьба за землю и феодальную ренту, секуляризация Екатерины II как итог этой борьбы [Одинцов, Пинкевич,

Редькина 1995: 36–46; Государственно-церковные отношения в России 1996]. Не обходилось в литературе и без перекосов, когда и “чистую” историю Церкви воспринимали как составную часть политики абсолютизма [Митрофаненко 1995: 53–68; Нечаева 1998; История Курганской области 1998: 18–25, 63–156].

Одна из проблем, занимавших ученых в 1990–2010-е гг. — это проблема русской имперской государственности. В связи с нею стала осмысливаться и религиозная политика абсолютизма. Предложенная в литературе дефиниция государственно-церковных (государственно-религиозных) отношений вытекала из понятия о правовом государстве³⁰. Было показано, что устойчивой тенденцией этих отношений в XVIII – начале XX в. была веротерпимость [Щапов, Васильева, Зырянов, Ковальчук, Кучумов, Яковенко 1995]. Попытка ввести в данную сферу цивилизационное измерение подводила к идее межцивилизационных “контактных зон” [Викторин 1997: 66–78; Викторин 1998: 48–52]. Конкретно-исторически религиозная политика государства в целом рассматривалась только на материалах XIX в. [Вишленкова 1997: 62–76; Арапов 1997: 64–65; Римский 1998: 25–44]. Содержание работ по более раннему времени было уже: распространение христианства и крепостничества на калмыков [Доржиева 1995]³¹, толерантность в воззрениях Екатерины II [Ибнеева 2000: 94–101], поддержка государством служилых этнических групп [Шовунов 1992; Козлов 1996; Сергеев 1996: 30–33³²; Косач 1998: 29–37; Недвига 1998: 29–38; Васильев 2000; Зобов

³⁰ “Государственно-церковные отношения — совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей между институтами государства и институциональными религиозными образованиями (религиозными объединениями, религиозными партиями, международными конфессиональными центрами), одна из составных частей внутренней и внешней политики государства. В основе государственно-церковных отношений лежат законодательно закрепленные представления о месте религии и церкви в жизни общества, их функциях, сферах деятельности и компетенции всех субъектов этих отношений” [Государственно-церковные отношения в России 1996: 5].

³¹ В основу положены публикации 1970-х годов.

³² Автор пишет о “политике христианизации”, но приводит данные о развитии военно-служилых прослоек.

2000: 75–76]. Вместе с тем стала изучаться роль религиозных противоречий эпохи в дипломатии России, использование их для разрешения геополитических проблем [Носов 1993: 54–66; Носов 1998: 77–94; Носов 1999: 20–101; Бобылев 1997: 39, 40, 66, 67, 70, 71, 93, 126, 127; Костяшов 1997: 140–160; Горбунова 1998; Лещиловская 1999: 29–41; Прийцак 2000; Стегний 2001; Nosov 1996: 191–202]. Здесь блестящим результатом явилось раскрытие истинного смысла “греческого” и других православных проектов Г. А. Потемкина [Геополитические проекты ... 2000].

Последнее десятилетие вызвало к жизни целый ряд исследований по “неправославной” политике “просвещенного абсолютизма”. Показано, что на отношение Екатерины I к католицизму влиял Монтескье, Павла I — “полицизм” [Вишленкова 1998: 15–19], и что в целом подчинение католичества в России шло так же, как и в Европе после Тридцатилетней войны [Рашкова 2000: 33–37]. Охарактеризованы меры абсолютизма по возвращению на родину беглых старообрядцев [Круглова 1992: 288–294; Починская 1993; Ряжев 1994: 70–78], иудаизму [Фельдман 1997: 96–100; Фельдман 1999: 125–130], исламу [Браславский 1997; Юнусова 1999; Арапов 2001: 16–39], есть задел для научной биографии М. Хусейнова [Юнусова 1999: 3–9, 36–39, 40–47; Азаматов 1994; Азаматов, Хусейнов 1998: 71–72, 101–102]. Рассмотрена территориальная структура протестантизма Южного Урала [Судорогина 1997: 23–27; Сергеев 1998: 192–194]. Событием стал выход сборника законодательства Екатерины II, отразившего основные направления ее религиозной политики [Законодательство Екатерины 2000]³³. В целом все это составляет неплохую основу для дальнейшего развития темы.

³³ Авторы соответствующих разделов: Д.Ю. Арапов, А. В. Звонарев, С.М. Казанцев, Т.Е. Новицкая, Н.Ю. Титов, А.В. Цыпин, А.М. Четвертков.

Период “просвещенного абсолютизма” затронут и в монографии Г.Б. Фаизова [Фаизов 1995], но она вызывает много методологических претензий, прежде всего, в силу сомнительного противопоставления историко-системного метода “классовому анализу” [Фаизов 1995].

На фактор поликонфессиональности России XVIII в. в 1990-е годы обратили внимание и этноисторики. Ими раскрыта, хотя и с разной полнотой, поддержка государством “собственных” религий немцев [Лиценбергер 1995; Лиценбергер 1996: 55–64; Лиценбергер 2001; Плевне 1996: 8–20; Плевне 2000], армян Новой Нахичевани [Бархударян 1996], АГЦ в целом (но с популярным тогда негативным нажимом [Аракелян 1991; Вартанян 1999], казахов [Басилов, Карамышева 1997: 7–14], тюрок Сибири [Шерстова 1999: 24–30], бурят [Чимитдоржиев, Пурбуева 1995: 75–80; Чимитдоржиев 1997: 18–27]. Эти результаты в целом вполне ложатся в контекст представлений о “просвещенной” веротерпимости.

Проблема поликонфессиональности освещалась и в историографии тюркских этносов Урало-Поволжья. Здесь применительно к XVIII в. выдерживался акцент на деструктивные последствия христианизации и миссионерства для этнического развития тюрок и сверхжестокость преследований именно поволжских татар [Литвинов 1995: 367–387; Ислаев 1998]. Представители этноистории тюрок признают: в целом веротерпимость в России была более широкой в сравнении с другими государствами [Гилязов 1993: 162]. Но выход за пределы “вполне антиквированных”, набивших оскомину еще у областников представлений о “справедливой”, “антиколониальной”, “освободительной борьбе мусульман”, будто бы только и обусловившей отказ от “массовой христианизации” при Екатерине II, отсюда пока не просматривается, и объективный характер предпосылок “просвещенного” вероисповедного режима остается за пределами их понимания [Фаизов 1999: 23–30; Валеев,

Набиев 1999: 108–112; Амирханов, Мухаметдинов 2000: 83–86]³⁴. Сказывается и откат к архаичной методологии. Поэтому неудачей, отказом от историзма закончилась предпринятая некоторыми из них попытка цивилизационных исследований [Исламо-христианское пограничье 1994].

Понятно, что основные подходы и направления изучения вероисповедной политики лежат отнюдь не в русле тюркской (или иной) этноистории. Понятно и то, что вопрос о религиозной политике Века Просвещения и для этноистории не главный. Но думается, что этноисторикам, которые грешат обобщениями в отношении религиозной политики России Нового времени, следует полнее учитывать данные конкретных политико-правовых исследований, в том числе и названных выше, обращать больше внимания на исторические реалии 40-90-х годов XVIII в. В плане же методологии многого можно ожидать от разрешения заявленной Р.М. Мухаметшиным проблемы [Мухаметшин 2000: 401–428].

Зарубежная литература на протяжении последних тридцати лет развивается весьма активно. Изменения 1990-х годов в мире приводят русистику США к отказу от представлений о негативной роли православия в России Нового времени. В частности, Г.Л. Брюс заключил, что Церковь способствовала формированию идентичности населения окраин России и его государственной интеграции. Поэтому приглашение в Россию иерархов-греков было призвано укрепить Церковь именно в этих видах, хотя они сами рассматривали свой приезд как служение всему “Православному Содружеству” [Bruess 1997]. Это несомненный прогресс по сравнению со взглядами 1970–1980-х годов на появление в России “ученых греков”. Вместе с тем проблема особенностей “просвещенной” политики в литературе США улавливается плохо. В частности, мероприятия екатерининского времени на Кавказе предстают первым изданием курса А.П. Ермолова (еще без него самого), в них видится все

³⁴За этноисториками в оценках XVIII в. следовал и Г.Б. Фаизов (см.: [Фаизов 1999: 41–45]).

тот же “имперский колониализм”, порожденный чувством превосходства “просвещенных” бюрократов над “дикарями” и уничтожавший уклад жизни и религию горцев [Ходарковский 1999: 19–39].

В литературе ФРГ в свете западной концепции “просвещенного абсолютизма” 70-80-х годов охарактеризована система верховного контроля за подготовкой высшего духовенства [Bryner 1998: 151–167]. В то же время гальванизируются старые идеи, в частности, тезис о двух тенденциях в “исламской” политике русского абсолютизма XVIII в.: первая связывается с насильственной интеграцией мусульманской знати в “полицейское государство” (ее начал Петр I и иерархи-малороссы под влиянием “европейского конфессионализма”) и христианизацией простонародья, вторая — с отказом Екатерины II от насилия [Каппелер 2003: 129–135]. Другая такая идея — “культуркампф” как продолжение “диссидентской” политики Екатерины II [Шульце-Бессель 2000: 136–141].

В западном исламоведении в целом заметен рост интереса к формированию в России своей системы авторитетов ислама и подключению к ней ОМДС. По-прежнему в строю науки вывод о татарах — агентах России в Степи [Франк 1993: 124–131 (см. в татарском переводе: Франк 1993: 171–175); Франк 2000; Kemper 1998].

Новое явление историографии — работы историков стран на территории бывшего СССР. Но в основном тема здесь освещается спорадически, схематично и на известном материале. Таковы, в частности, работы белорусских историков о “диссидентском вопросе” и казахстанского автора о татарских муллах [Полуцкая 1995; Сосно 1995: 83–86, 86–89; Борисенок 2003: 116–122; Султангалиева 2000: 20–36]. Что же касается клерикалов-некатоликов (о католиках сказано достаточно), то упоминания заслуживают лишь некоторые работы миссиологов-реформатов [Холтроп 2001; Холтроп 2001: 11–20, 39–63, 90–102].

Итак, подведем итоги. История религиозной политики русского “просвещенного абсолютизма”, в отличие от истории дипломатии, сословных отношений, права, хозяйства, иных сторон жизни “просвещенного” государства и общества, остается малоизученной. Между тем в литературе накоплен огромный фактический материал, в научный оборот введено много источников. Благодаря этому мы хорошо знаем о формировании пограничных миссий (Калмыцкая степь, Северный Кавказ, Северная Америка, Китай), о поддержке Россией АГЦ, польских “диссидентов”, украино-белорусского, дунайско-балканского, грузинского, ближневосточного православия, о трудностях создания в России католической митрополии, нунциатуры, ОМДС, о социальном положении греко-российского духовенства, о состоянии его духовных штатов и финансов, о совершенствовании государством территориальной системы Церкви и, конечно же, о секуляризации церковных имуществ. Меньше представлены в литературе деятельность татаро-башкирского духовенства в Урало-Поволжье и Малой Орде, конфессиональные аспекты династических отношений, состояние административного режима для старообрядцев и евреев-иудеев. В этой связи актуальным выглядит изучение правовой политики “просвещенного абсолютизма” в целом, включая формирование системы вероисповедного управления и введение в нее начал веротерпимости.

Серьезным препятствием в изучении религиозной политики “просвещенного абсолютизма” является отсутствие четкой теоретической модели собственно “просвещенного абсолютизма” (отсюда возникла и тенденция отказа от этого понятия [Чесовская 1999; Каменский 2001: 320–321, 329]). Настоящая историография способна внести ясность в этот вопрос, ибо на проблему “просвещенного абсолютизма” выходили практически все дореволюционные русские авторы, затрагивавшие отношения государства и религии Века Просвещения. Они называли

“просвещенным абсолютизмом” политическую победу Государства над Церковью, всеобъемлющее регулирование светскими властями церковного права, юридическое оформление веротерпимости, снятие религиозных ограничений прав состояния, рациональное разрешение “раскольнического” и еврейского вопросов. Без учета этих наблюдений понятие “просвещенного абсолютизма” в историографии будет неполным, и напротив, представление о “просвещенном абсолютизме” как о европейской монархии Нового времени, вступившей в стадию веротерпимости, вполне соответствует требованиям дня.

Анализ литературы показывает однотипность русского и европейского “просвещенного абсолютизма” с этой точки зрения, особенно в том, что касается веротерпимости. О ее важности для России Екатерины II написано достаточно. Что же касается других остэльтских монархий, то на коллоквиуме по поводу 200-летия эдикта 1781 г. Иосифа II отмечалось: веротерпимость была залогом целостности владений австрийских Габсбургов и их независимости по отношению к делам Империи [Kovács 1982: 33–49]. Правомерны и другие аналогии между курсом Екатерины II и “йозефинизмом”, но с той разницей, что до самого конца православной монархии о вытеснении религии и Церкви в частную сферу, к чему тяготел “йозефинизм”, не могло быть и речи [Фриз 1991: 107–119].

Европейский порядок сложился как результат борьбы “национального государства” и “наднационального папизма”. Ситуация в России была принципиально иной: здесь Церковь “не знала систематического клерикализма”, и Екатерине II, в отличие от ее современников-монархов Жозе I, Иосифа II, Карла III, не пришлось сводить политические счета с господствующей религией. Истина, однако, в том, что категорическим императивом отношения “просвещенной” монархии к религии были отнюдь не задачи борьбы с клерикализмом:

православию клерикализм чужд, католицизму, напротив, близок, но независимо от этого в “просвещенной” системе исповедного управления всем религиям отводилось одинаковое место. Об этом говорит как опыт России, так и Австро-Венгрии [Буховец 1987; Костяшов 1997; Kaindl 1896].

В методологическом плане такой взгляд на “просвещенный абсолютизм” нуждается в двух ограничениях. Во-первых, политическое подчинение Церкви роднит “просвещенный абсолютизм” с “культуркампом”, но в последнем случае Церковь встраивалась уже в национальное буржуазное государство, и борьба против клерикалов и других “чуждых элементов” (социалистов, в Германии также евреев и поляков) шла именно на этой правовой почве [Becker 1981: 427–446; Trzeciakowski 1993]. Во-вторых, свой интегральный опыт был и у восточных деспотий: хорошо известно о покровительстве османской бюрократии, ориентированной на модернизацию страны, православному (“греческому”) миллету [Панченко 1998; Christians and Jews 1982]³⁵, о регламентации Цинами всех без исключения культов Поднебесной [Захаров 1997: 20–27], однако нет оснований и этот опыт брать в одни скобки с вероисповедной политикой европейских веротерпимых монархий Нового времени, основанной на принципах естественного права и Просвещения.

§ 2. Источники

Для изучения поставленной темы в основном привлечены неопубликованные и неизвестные исследователям источники. В массе своей они имеют официальное происхождение, связанное с деятельностью центральных и местных органов светского и церковного управления и надзора, и сосредоточены преимущественно в Архиве внешней политики

³⁵ Давление на православие в Турции — это вопрос не только османского, но и фанариотского управления. См.: [Наумов 1986: 117–135].

Российской империи (АВПРИ), Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Наличие в этих центральных «феодалных» архивах компактных фондов и документальных комплексов в значительной мере стимулировало разработку базы источников настоящей работы.

Первой и наиболее важной разновидностью источников для исследования вероисповедной политики «просвещённого» абсолютистского государства является законодательство. Первое место среди них занимает редакция «Пунктов о раскольниках», в своё время подготовленных сенатской комиссией коллежского советника А.А.Яковлева. Наряду с яковлевскими «Пунктами» можно указать и на целый ряд других политико-юридических проектов «просвещённого абсолютизма», сведения и документы о которых ныне впервые вводятся в научный оборот. Однако если названные «Пункты» непосредственно связаны с Уложенными комиссиями как особым явлением «просвещённой» правовой политики, то планы прочих правовых начинаний вырабатывались вне подобных комиссий. Это прежде всего проекты Католического регламента 1769 г. – проект Юстиц-коллегии 1766 г. и проект Г.Н.Теплова, утверждённый Екатериной II и опубликованный в Полном собрании законов Российской империи (далее ПСЗРИ), затем, проект Манифеста 11 мая 1778 г. А.А.Безбородко, также одобренный императрицей и вышедший в свет, проект реформы монастырей с целью превращения их в учреждения социального обеспечения и ограничении общественного статуса монашеской иерархии («архимандритов и игумнов») Г.А.Потёмкина 1786 г. и, наконец, связанные друг с другом план реформы управления протестантскими исповеданиями (до конца его доводил советник Фитингофпо заданию Екатерины II), и проект протестантского университета 1785–1789 гг. [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 201.

Л. 3–22, 81–94; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 22–50, 306–320об.; РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 304. Л. 3–23; РГАДА. Ф. 168. Оп. 1. Д. 157. Л. 3–15].

Вторая группа источников – это документы, связанные с деятельностью верховной власти, светских и церковных учреждений и должностных лиц в религиозно-политических вопросах. Прежде всего это дипломатическая переписка Екатерины II как главы государства с Пием VI, представляющая собой личный вклад императрицы в доктрину абсолютистского конфессионального государства.

Из всех этих писем исследователям был известен только тот обмен посланиями, что состоялся в 1780-1784 гг. – Д.А.Толстой цитировал письма Екатерины II по архивным копиям [Толстой 1876: 33–35, 84], А.Тейнер издал их в переводе на немецкий язык по русским или греческим текстам (известно, что письма Екатерины II переводились на греческий язык и отправлялись папе в сопровождении русской копии), кроме того, Тейнер по-немецки напечатал и письмо папы от 12 сентября 1795 г. [Theiner 1841: 224–227, 229], которое затем, очевидно, располагая своими источниками, привёл и Ф.Густы [Gusty, 1 1857: 3; Gusty, 2: 59]. Э.Винтер цитировал два первых письма Пия VI Екатерине II по архивным документам Конгрегации Пропаганды [Винтер 1964: 178–182]. Что же касается прочих писем и материалов к ним, то о них нет никаких сведений в литературе, между тем неотправленные тексты писем Екатерины II и связанная с ними документация Коллегии иностранных дел позволяет расширить наше понимание отношений русской стороны с папством в эпоху польских разделов и крушения «старого режима» в Европе, оценить трактовку русского католицизма европеизированной русской «просвещенной» монархией, переживавшей стадию собственного расцвета. То же касается и подготовительных материалов Коллегии иностранных дел по уже известным письмам Екатерины II.

Используемая документация Екатерины II носит не только дипломатический характер. Нами также привлечён ряд собственноручных записок Екатерины II за 60–80-е гг. XVIII в., сделанных по ходу работы с бумагами для собственного сведения, причём иногда карандашом, недатированы, но приблизительные даты легко устанавливаются по соответствующим указам (проектам указов).

Другая часть деловой переписки, используемой в работе – это Всеподданнейшие доклады Сената о штатах церковников и церковном разборе 1769 г., о проекте учреждения общегосударственного протестантского консисториального управления 1785 и 1789 гг., а кроме того, Также адресовались Екатерине II доклады III Департамента Сената, Юстиц-коллегии и Коллегии Экономии о состоянии дел в католической общине Санкт-Петербурга в связи с проектом Католического регламента 1766 г., о введении Регламента в силу 1769 г. Все упомянутые доклады дошли в составе изученных архивных дел в отпусках либо копиях и тесно связаны по содержанию со внутренней перепиской самих учреждений по указанным вопросам. Недатированы лишь три доклада – сенатский 1785 г., Коллегии Экономии о православных остзейских церквях и Юстиц-коллегии о прусских законах.

В работе также использованы доклады и записки на Высочайшее имя должностных лиц: Г.А. Потёмкина о передаче закавказских католиков в ведение архиепископа Сестренцевича 1786 г., переустройстве калмыцких улусов Донского казачьего войска 1790 г. и своём отношении к польскому проекту учреждения автокефальной православной митрополии в Речи Посполитой 1792 г., муфтия М.Хусейнова об открытии Духовного собрания мусульман 1789 г., уфимского генерал-губернатора А.А. Пеутлинга о командировке муфтия в Степь и о тамошней обстановке 1790–1793 гг. [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 65–66об.; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д.

507. Л. 4–5; РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 215, 315; РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 588, 715, 842; и др.].

В ряде случаев важное значение имеют деловые бумаги должностных лиц, способные раскрыть происхождение и авторство многих важных «узаконений» эпохи «просвещённого абсолютизма». Среди наших источников находятся черновые карандашные записки А.А.Безбородко, связанные с подготовкой им проекта именного указа из Синода от 10 марта 1786 г. со штатным расписанием епархий и плана намечавшейся Екатериной II реформы Синода. Они показывают, какое значение императрица придавала данным планам и каково было магистральное направление секуляризации как политического курса «просвещённого» абсолютизма.

Ценность всех этих докладов, донесений, писем, записок невозможно переоценить, и прежде всего потому, что они весьма содержательны, объёмны и многослойны. Документы охватывают правительственные действия в течение длительного периода, порой за несколько лет до даты создания, и не только дают возможность представить политико-правовое положение исповеданий в государстве и отношения властей с духовенством (отнюдь не одним лишь греко-российским), но и способствуют адекватному пониманию правительственного «просвещённого» взгляда на религию, помогают установить, какие меры властей имели этапное значение в религиозном правотворчестве абсолютизма в целом или по конфессиям. Не забудем и о нарративной ценности этих источников, впервые введённых в научный оборот и раскрывающих ранее неизвестные сюжеты религиозно-политической истории.

Переписка Коллегии иностранных дел с местными учреждениями по делам «иностранных исповеданий» включает в себя коллежские указы и донесения губернских канцелярий о состоянии «иностранных

исповеданий» и присутствии иноверных духовных лиц на подведомственных территориях.

Что же касается персоналий, то следует отметить переписку Г.Н. Теплова и Г.И. Козицкого о нарушении основ штатной политики тамбовским епископом Феодосием 1769–1770 гг., А.А. Безбородко и Г.Н. Теплова по поводу составления Манифеста о реформатах 11 мая 1778 г., донесения донского атамана И.Д. Иловайского Г.А. Потёмкину о казаках-староверах, в том числе о некрасовцах, и ламаистах (калмыках) на Дону, Тереке и Кубани, включая и собственно Войско Донское, А.П. Мельгунова А.А. Безбородко о штатных резервах духовного сословия в канун очередного разбора, оренбургского генерал-губернатора С.К. Вяземского А.А. Вяземскому о строительстве мечетей по предписанию Екатерины II. Особо следует выделить переписку Г.Н. Теплова с обер-аудитором Юстиц-коллегии И.Х. Фезерном, итогом чего стал «контрпроект» последнего на первичную концепцию Католического регламента 1768 г. Большое место в работе отводится и переписке православных и католических иерархов, а также муфтия М. Хусейнова с военачальниками и администраторами. Духовные лица, кроме обычных просьб о покровительстве, обращались «к светской команде» по вопросам территориального устройства исповеданий, назначений на духовные вакансии и взаимоотношений различных исповеданий в подвластных им пределах.

Значение данных источников в целом заключается в том, что они дают возможность проследить развитие внешне- и внутривластных действий в вероисповедной политике русских властей, точно представить их идеологическое и юридическое обоснование и на этой основе существенно уточнить некоторые положения предшествующей историографии (в частности, восходящую к трудам С.М. Соловьёва трактовку «диссидентского вопроса»).

Уже говорилось, что абсолютное большинство названных источников имеет официальное происхождение. Однако в составе деловой переписки содержатся и источники неофициального происхождения, именно челобитные и обращения представителей различных религиозных сообществ на Высочайшее имя по вопросам внутриобщинным и культового строительства.

Вопросы подлинности, датировки, внешние особенности тех или иных неопубликованных источников специально оговорены в тексте при цитировании.

Обратимся теперь к обзору опубликованных источников. В основном они относятся к тем же разновидностям, что и неопубликованные.

Наиболее репрезентативным изданием законодательства является уже неоднократно названное выше Полное собрание законов Российской империи. Здесь помещены все, за немногими исключениями, законы за период «просвещённого абсолютизма», определившие его политику в отношении исповеданий и общее направление веротерпимости [ПСЗРИ, 4–9, 11–26, 28 1830]. Немалый интерес для исследования религиозной политики «просвещённого абсолютизма» представляет также «Сенатский Архив». Конфессиональное законодательство российских монархов, в том числе не включённое в ПСЗ, содержится также в томах соответствующих серий Полного Собрания постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания (далее – ПСПиР) [ПСПиР 1869–1911; ПСПиР 1899–1912; ПСПиР 1910–1915; ПСПиР 1915]. Серии III и посвящены временам Екатерины II и Павла I.

Значительную помощь в исследовательской работе способны оказать тематические сборники законодательства. Сборник профессора Санкт-Петербургской Духовной академии Т.В. Барсова был ориентирован на практические запросы канонистов: в нём учитывалось действующее церковное право, в особенности брачно-семейное [Барсов 1878].

Попытку систематизации законодательства в русле этнической истории предпринимал П.И. Кеппен [Хронологический указатель 1861]. К вероисповедному законодательству академик особого внимания не проявил, так что пропущенными оказались указы 1713 г. о крещении татарских мурз и указ 1740 г. о Новокрещенской конторе. Однако даже законодательство по национальному вопросу составителю в полной мере учесть не удалось: в сборнике отсутствовали указы о лашманах.

Опытом публикации законодательства как памятника политической истории стало появление «Материалов для истории Подольской губернии», один из выпусков которых охватил указы Екатерины II по униатам в период второго и третьего разделов Речи Посполитой [Материалы для истории Подольской губернии 1885]. Появление этих указов было побочным результатом работы Временной комиссии для разбора и издания древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе, поддержанной в этом редакцией «Подольских губернских ведомостей» (том вышел в качестве приложения к названным «Ведомостям»). Такого же рода была публикация в «Русском архиве» указов Елизаветы Петровны остзейским властям о следствии по делу гернгутеров (публикаторы воспользовались следственным делом и поместили указы в том порядке, в каком они следуют в нём) [Правительственные меры ... 1896: Стлб. 1391–1395]. В обоих случаях тексты указов не сверялись с ПСЗ и помещались безо всякой легенды. В качестве приложения к своему сочинению все указы Павла I о Мальтийском ордене включил И.К. Антошевский, сохранивший нумерацию указов по ПСЗРИ [Антошевский 1914].

В дореволюционные периоды в России издавалось не только русское законодательство, но и постановления польских сеймов, в том числе и периода разделов. В «Архиве Юго-Западной России» (далее АЮЗР) В.Б. Антонович публиковал постановления сеймиков Волыни и

Брацлавщины [АЮЗР, Ч. 1, 10 1904]. Польские историки Царства Польского осуществили издание общегосударственных постановлений Польско-Литовской республики, задуманного ими как памятник польского права. Постановления, относящиеся к изучаемому периоду, вошли в последние тома издания. Значение правовых памятников для понимания позиции различных кругов, территориальных и конфессиональных групп польско-литовской шляхты в «диссидентском вопросе», следовательно, для характеристики расстановки политических сил в связи с исповедными вопросами в треугольнике Санкт-Петербург – Варшава – Рим трудно переоценить.

В СССР новых публикаций конфессионального законодательства по изучаемому периоду практически не было. В современной России интерес к этой теме проснулся в связи с потребностью осмысления преемственности государственных форм до и после 1917 г. Отсюда появилось издание законодательства Петра I и Екатерины II по отраслям государственного управления, включая и управление религиозное. Следует отметить, что составители сборников пользовались не только ПСЗ, но и малоизвестными изданиями законодательства XVIII–XIX вв., а также включили в них не публиковавшиеся ранее законодательные акты. Структура обоих изданий принципиально одинакова. Она позволяет рассмотреть отрасли государственного законодательства, выделенные в качестве основных с точки зрения общественно-религиозных идеалов Нового времени, и отметить влияние последних на церковное, национальное, семейное законодательство Петра I (хотя в трактовке последних двух авторы во многом остаются в плену традиционных представлений, пиша об усилении миссионерских преследований старообрядчества, язычества, ислама) [Законодательство Петра I 1997]. По времени Екатерины II к этому прибавлено законодательство о государственном строе, в котором выделяются церковно-православные

аспекты монархического правления, о греко-российском духовенстве и евреях как особых сословиях, о процессуальном законодательстве, в котором учтены сословные права духовенства и автономные права армяно-григориан, а также большой комплекс актов о католицизме, протестантизме, исламе [Законодательство Екатерины II 2000].

События на Северном Кавказе и активизация отношений страны с мусульманским миром в 1990-е гг. активизировали потребности изучения национальной политики в историческом аспекте, включая и религиозную сферу. Статус ислама как юридически признанного исповедания дореволюционной России прослеживается в сборнике источников Д.Ю. Арапова [Ислам в Российской империи 2001].

Изучение правовых источников позволяет дать всестороннюю характеристику законодательной политики «просвещённого абсолютизма». Они наиболее полезны при изучении правового статуса духовенства, в том числе неправославного, или же отдельных групп старообрядцев и иудеев.

Ценность «Материалов» П.Г. Буткова со временем девальвировалась: существующие ныне отечественные сборники документов по истории русской политики на Кавказе оставляют за ними лишь значение памятников археографии прошлого.

Остановимся на печатании документов в послереволюционный период. Это прежде всего дневник («журнал») степной командировки 1790 г. муфтия М.Хусейнова [Вяткин 1939: 117–220]. Печатные бурятские хроники, несмотря на своё позднее происхождение, содержат много данных о становлении буддийской церкви и участии в этом деле местных властей [Летописи хоринских бурят 1940]. Публикация Г.Н. Румянцевым документов русских учреждений, отложившихся в личном архиве засакламы Цонгольского дацана (монастыря) Г.Гомбоева [Румянцев 1959] (архив ламы сохранился до наших дней как устойчивый комплекс

документов), наглядно представляет процесс формирования бурятской буддийской церкви и регулятивную роль властей в этом процессе.

На протяжении XX в. активное развитие отечественной архивной эвристики и публикаторской практики способствовало выявлению и изданию практически всех документов по истории церковной миссии на Северном Кавказе и отношений России с армяно-григорианским исповеданием внутри страны и за рубежом до 1917 г. [Кабардино-русские отношения 1957; Мачарадзе 1967; Мачарадзе 1989; Русско-осетинские отношения 1976–1984; Армяно-русские отношения 1953–1978] Кроме того, опубликовано много документов по внешней политике России на протяжении XVIII в. [Материалы по истории Казахской ССР 1940; Русско-китайские отношения 1978–1990; Россия и освободительная борьба 1984; Черногорско-русские отношения 1991].

Из зарубежных документальных изданий можно указать в основном лишь те, что связаны с деятельностью католических авторов XIX – XX вв. и имеют значение для лучшего понимания исповедной политики «просвещённого абсолютизма» в отношении католичества и униатства.

Из источников личного происхождения внимание прежде всего останавливается на дневниках. В дневнике А.В.Храповицкого, статс-секретаря Екатерины II, имеется относящаяся к 1780-м гг. информация о взглядах и высказываниях императрицы в связи со старообрядческим и мусульманскими вопросами, о её воззрениях на природу религиозного чувства [Храповицкий 1874].

§ 3. Методология и методы, использованные в исследовании

Основой методологических построений служит понятие веротерпимости и трактовка исторически складывавшихся отношений между государством и церковью в Европе, охватываемая понятиями абсолютизма и просвещённого абсолютизма.

Начало изучению генезиса веротерпимости положил крупный итальянский правовед Ф. Руффини. Он пришёл к выводу, что историческое содержание веротерпимости в Европе является узким и тесно связанным с политическими отношениями. Оно первоначально ограничивалось несколькими протестантскими конфессиями и в исключительных случаях католицизмом. Свобода совести и культа явилась следствием Реформации, на формирование же европейских представлений о веротерпимости, по Оуффини, решающее влияние оказали арминиане, разрабатывавшие своё учение в период Контрреформации, и находившийся под влиянием их учения Б. Спиноза, с одной стороны, и голландский баптизм, проповедовавший отделение церкви от государства. Значительное воздействие оказало также учение Д. Локка и его последователей.

В XVIII в. на европейские споры о религиозной терпимости значительное влияние оказали также «диссидентский вопрос» и фебронианизм. Участие Пруссии в «диссидентском» деле, укрепление связей польских протестантов с германскими единоверцами заставили взяться за перо кильского доктора философии В.Е.Христиани: его книжечка освещала состояние «диссидентского вопроса» в Речи Посполитой с 1717 г. и поясняла исторические основания требований польских христиан-некатоликов как союзников и единоверцев «просвещённого» короля Фридриха II [Christiani 1767]. Вольтер отозвался на «диссидентский вопрос» памфлетом, в котором развивал те же идеи, что ранее и в выступлениях в защиту Ж.Каласа, поставив «фанатичных» поляков – противников прав «диссидентов» на один уровень с обвинителями несчастного женева [Вольтер 1768].

Политическая поддержка «просвещёнными» монархами России и Пруссии польских христиан-некатоликов заставили антиклерикальную общественность Европы заговорить о благотворной роли «просвещённого абсолютизма» в делах исповеданий, и если «новейшая французская

философия» в лице Вольтера и Монтескье давала этому идеологическое обоснование, то германское естественное право – юридическое. Широкую концепцию государственного участия в делах религии и церкви, синтезировав идеи Монтескье и Х.Вольфа, выдвинул И.Х.Г. фон Юсти.

Просветительская доктрина «просвещённого абсолютизма» была поставлена под сомнение Великой Французской революцией. Тем не менее идея соединения абсолютной государственной власти с рационалистическим просвещением, имевшего, по выражению Н.И.Кареева, «известные преобразовательные цели», сохраняла свою актуальность благодаря проведённым в Пруссии после Тильзитского мира государственными реформами Штейна и Гарденберга.

Принципиальный вклад в понимание «просвещённого абсолютизма» внесли французские историки Гизо, Минье, Тьерри, Тьер и другие, работы которых стали выходить с конца 20-х гг. XIX в. и которые составили особое направление в историографии – французскую школу эпохи Реставрации.

В России научное осознание проблемы «просвещённого абсолютизма» первично тесно связывалось со спорами вокруг судеб преобразований Петра Великого. Преподаватель Киевской Духовной академии Ф.А. Терновский в своих статьях связывал государственную политику в отношении Церкви на её переломных этапах в XVIII в. с персональными религиозными воззрениями Петра I и Екатерины II, уделив для этого большое внимание их личной переписке и связям с окружением [Терновский 1869: 373–403; Терновский 1874: 1–26]. И Петра I, и Екатерину II он считал «просвещёнными» монархами, и отсюда распространял понятие «просвещённого абсолютизма» на весь XVIII в. Таким же был вывод светского правоведа Е.Н.Темниковского, хотя путь его исследования существенно отличался. По мнению этого автора, юридическая сторона «просвещённого абсолютизма» находилась в прямой

зависимости от естественно-правовой доктрины, переработавшей и протестантский территориализм, и боденово понятие о суверенной монархии, и идею Гоббса о «Левиафане» – неограниченной власти, абсолютном суверенитете. В Россию эта доктрина пришла через посредничество С. Пуффендорфа, Томазия, Х. Вольфа в виде концепции «полицейского государства». Концептуальное оформление государственного учения петровского абсолютизма в Духовном регламенте произошло именно как «полицеизм» (в начале XX в. мысль о протестантских источниках «конституции» греко-российской Церкви в России Нового времени звучала почти сенсационно), между которым, с одной стороны, и «просвещённым абсолютизмом», с другой, и в России, и в Европе можно поставить знак равенства. В России, по Е.Н. Темниковскому, петровская монархия также становилась монархией «просвещённого абсолютизма» [Темниковский 1909: 527–534]. Автор подкреплял свои теоретические построения анализом конфессионального статуса русского императора: он считал, что по отношению к Церкви именно со времён Петра I русские монархи заняли положение, аналогичное положению западных императоров в католической церкви.

В целом в отечественной дореволюционной правоведческой литературе распространение «просвещённого абсолютизма» на весь XVIII в. основывалось на понимании исторического происхождения принципа веротерпимости, или свободы совести (в дореволюционном правоведении эти понятия чётко не отграничивались). Простую схему на этот счёт предложил в учебном курсе для духовных академий казанский канонист И.С. Бердников. В эволюции церковно-государственных отношений он различал две стадии. Первая, это – государство, освободившееся от влияния церкви и «ставшее из конфессионального не конфессиональным», «не вероисповедным», или «паритетным» (государство придерживается паритетного, то есть равного отношения ко всем без исключения

вероисповеданиям – все они по закону равны, принадлежность к любому из них не составляет выгоды или невыгоды в гражданском отношении, переход из одного в другое свободен и является частным делом каждого). Паритетное государство в Новое время распространяет на все исповедания верховные права, выросшие из системы территориализма, обеспечивая им полную свободу в религиозной области.

Вторая стадия – «культурное государство», или государство, сознательно низводящее нравственно-духовный авторитет Церкви. В государстве «культурном» наряду со всеми принципами «паритетности» вводится светский брак, ликвидируется государственное религиозное образование, а религиозные организации могут существовать только на правах частно-корпоративных объединений граждан, в чью деятельность, если она не противоречит общественному порядку и общегражданскому законодательству, государство не вмешивается.

Таким образом, перед нами налицо две исторических стадии отделения Церкви от государства, или формирования светского государства. Первую И.С.Бердников называет «веротерпимостью», вторую – «свободой совести». Воплощение типа «культурного государства», соответственно, и утверждение «свободы совести» И.С.Бердников в Европе и России считал невозможным из-за влияния исторических и культурных традиций. Существовать «свобода совести» может лишь там, где история начинается «заново» – в революционной (до Термидора) Франции, или в США. Европейские государства охватываются у Бердникова «веротерпимостью», а её торжество связывается с естественным правом, которое наиболее последовательно воплощают «просвещённые» монархи. С этой точки зрения содержание XVIII-го столетия в европейской и русской истории представляется принципиально единым, прочие же различия неважны и несущественны. На нормах естественного права И.С.Бердникову видится построенным и

государственный уклад современных ему государств, но с той лишь разницей, что право естественное заменено правом позитивным, или «положительным» [Бердников 1888]³⁶.

Между мировыми войнами в европейской историографии держались различные вариации трактовки церковно-государственных отношений, восходивших к французской школе эпохи Реставрации.

В отечественной послеоктябрьской исторической литературе проблема «просвещённого абсолютизма» была сформулирована как проблема характеристики российского абсолютизма на известных этапах исторического развития, именно в позднее средневековье и Новое время.

Тем не менее понятие о «просвещённом абсолютизме» всё же всплывает, и связано это было с историографической попыткой определить специфику именно петровской монархии. Б.И. Сыромятников как марксист общие вопросы абсолютизма рассматривал в «классических» понятиях «равновесия». Однако у него ближайшей опорой самодержавия выступала Церковь, и от её-то влияния самодержавие и должно было «освободиться». Наступление «просвещённых» порядков в России историк связывал с реформами первой четверти XVIII в., настойчиво проводя мысль о петровском государстве как государстве нового типа, отличающемся от государства «старомосковского» именно светским характером и господством антиклерикальной идеологии. Основное направление реформ Б.И. Сыромятников видел в формировании «регулярства», «полицеизма», распространённых на сферу церковных дел, что он и отождествлял всецело с «просвещённым абсолютизмом» [Сыромятников 1943: 122, 146–151]. По-видимому, главной причиной того, что монархию и Петра I, и Екатерины II историк взял за одни скобки «просвещённого абсолютизма», была неверная оценка политики

³⁶ О пореформенной России автор прямо пишет как о веротерпимом государстве, но вопросом о том, каковы же в таком случае различия между русской монархией XVIII и XIX веков по его собственной «типологии», не задаётся.

секуляризации, когда мерам Екатерины II придавалось значение простого продолжения реформ, начатых Петром I. Между тем здесь налицо было глубокое качественное различие: Пётр I проводил линию на ограничение феодальных иммунитетов Церкви, и здесь он был гораздо ближе к предыдущим русским «самодержцам», нежели к естественному праву, тогда как для Екатерины II было важным вообще вытеснить Церковь из сферы рентных отношений [Комиссаренко 1990].

В отличие от Б.И.Сыромятникова, к русскому «просвещённому абсолютизму» с иных позиций подходил Я.Н.Зутис. Своё понимание его он основывал на понятиях патернализма и религиозного либерализма. Анализируя кабинетский указ от 12 ноября 1735 г. о возмещении лифляндским крестьянам ущерба, понесённого ими из-за зверского обращения с ними субарендатора Липгардта, автор подчёркивает, что «по стилю и содержанию этот указ Кабинета Министров бироновщины может быть отнесён к типичным документам, в больших количествах сочинявшимся в правительственных инстанциях во времена так называемого просвещённого абсолютизма XVIII в. Как известно, самого Бирона в Курляндии современники называли покровителем латышских мужиков и евреев. Зутис пишет, что подобным упрёком со стороны дворянства в свой адрес Бирон был обязан стремлением увеличить государственные доходы за счёт покровительства торговле и сохранения платежеспособных крестьянских хозяйств если не в частных, то хотя бы в государственных владениях. При этом историк делал оговорку, что «черты просвещённого абсолютизма в политике бироновщины представлены очень бледно и обильно перемешаны с казнокрадством, взяточничеством и открытым расхищением государственных имуществ».

Показательно, что для описания сущностных черт абсолютистского режима Я.Н. Зутис использовал и материалы о вероисповедной ситуации во времена Анны Ивановны и переводил небезызвестную проблему

«немецкого засилья» при бироновщине в плоскость отношений православной монархии и иноверного дворянства. При этом он солидаризировался с дореволюционными историками Е.П. Карновичем и Б.В. Титлиновым в том, что пресловутое «засилье» явилось результатом петровской политики и не вызывало неприятия в рядах «петровской партии» и связанных с нею иерархов Церкви (не говоря уже о том, что надо различать немцев как таковых и остзейских немцев «завоёванных губерний» – формально русских подданных). Та часть монографии Я.Н. Зутиса, в которой поставлена проблема отношений русского абсолютизма с одним из отрядов разнорядного дворянства — остзейским, и показано, какое влияние на них в своё время оказало гернгутерское дело, сыгравшее не последнюю роль и во всей истории прибалтийского господствующего сословия, не потеряла своего научного значения и по сей день. Я.Н. Зутису в известной мере удалось раскрыть сходства и различия в политической природе петровского, анненского и екатерининского режимов, шла в его книге речь и о том, насколько надёжны критерии для понимания русского варианта «просвещённого абсолютизма» [Зутис 1946: 125–127, 133, 173–175].

Из книги Я.Н. Зутиса можно сделать вывод, что рост светских, секулярных тенденций в политике абсолютизма нарушал унаследованную от средневековья модель сосуществования светских и духовных властей. Изменения в традиционной персонифицированной доктрине власти, происходившие под воздействием философско-рационалистических представлений Нового времени, когда вместо облика «царя московского, православного» возникал политический образ светского императора, носителя европейских ценностей и главы европеизированной космополитичной элиты, в принципе подрывали прежнюю церковную трактовку царской власти «Божьей милостью». Церковь освящала конфессиональный статус монарха как главы русского государства, однако

складывание единых сословных рамок для полиэтничного и поликонфессионального российского дворянства требовало совершенствования принципов подданства на внешнеацональной и внерелигиозной основе.

Историографические опыты Б.И. Сыромятникова и Я.Н. Зутиса остались изолированными. Но нельзя не видеть в них значимых для своего времени конкретно-исторических трактовок «просвещённого абсолютизма» в России с учётом многообразия социальных отношений, в которые была втянута русская монархия XVIII в.

Этапом в осмыслении концепции просвещённого абсолютизма стала дискуссия в журнале «История СССР» 1968–1971 гг., сведшаяся к поиску аналогий в устройстве монархий раннего Нового времени в России и Европе. Против этого неявно выступал С.О. Шмидт: с конца 1960-х гг. он писал о русском «просвещённом абсолютизме» как начале политики государственных реформ, проводимых феодальной монархией в интересах развития [Шмидт 1987]³⁷.

После дискуссии 1968-1971 гг. сюжет «просвещённого абсолютизма» выпал из отечественной науки почти на двадцать лет, при этом сохранялась принципиальная неопределённость в воззрениях историков и историков права относительно хронологических границ «просвещённого абсолютизма» [Просина 1971; Литвинова 1971: 5; Зайченко 1984: 76–83]. Последнее, впрочем, в известной мере компенсировалось живейшим вниманием к личности и государственной деятельности самой Екатерины и её сотрудников, определившимся со второй половины 1980-х гг.: именно тогда впервые после Октября 1917-го стали вспоминать имена многих незаслуженно преданных забвению «екатерининских орлов». Более внимательное отношение к

³⁷ В этой статье повторяются положения автора, высказанные в 1960–1980-е гг. в отечественной и зарубежной литературе.

дореволюционной историографии и ввод в оборот новых источников позволили отчасти продолжить изучение екатерининской монархии и порождённых ею форм права и сословной организации российского позднефеодального общества. На этой почве формировался спрос на комплексные, многомерные исследования, раскрывающие влияние легистского абсолютизма на общественно-политическое и культурное развитие страны в контексте проводимых им идей «общего блага», «законности», «правового порядка». Отсюда естественным было появление трудов О.А. Омельченко и А.Н. Медушевского, призванных раскрыть суть «просвещённого абсолютизма» в контексте проводившейся им правовой политики.

О.А. Омельченко выступает последовательным сторонником точки зрения на «просвещённый абсолютизм» как на консервативную социально-политическую доктрину, направленную на стабилизацию «старого режима» при сохранении «общественных позиций дворянства, монархической государственности и феодальной бюрократии». В данной связи у него изложена и типология «просвещённого абсолютизма». Исследователь указывает, что «просвещённый абсолютизм» сформировался в странах со сравнительно медленным типом буржуазных отношений, где дворянство сохраняло свои политические права, экономические привилегии и определяло государственно-правовой уклад. При этом интересы дворянства совпадали с интересами бюрократии, а монархический строй отличался большой прочностью. Классический тип «просвещённого абсолютизма», по мнению О.А. Омельченко, сформировался в России, Австро-Венгрии, Пруссии, Баварии. Другой тип «просвещённого абсолютизма» возник на Пиренеях, где носителями и творцами преобразований были не монархи, а деятели либерального толка. Наконец, особым типом автор считает «просвещённый абсолютизм» в скандинавских и итальянских государствах, где источником реформ было

так называемое «новое дворянство» – исторически переходный слой гражданского общества, искавший путей взаимодействия с монархией.

О.А. Омельченко предлагает и периодизацию политического курса «просвещённого абсолютизма» в России: формирование предпосылок, некоторых элементов «просвещённого абсолютизма» в период «либерально-аристократического правления» Елизаветы Петровны и Петра III, этап наивысшего «просвещённого абсолютизма» – царствование Екатерины II, период демонтажа и слома политического механизма «просвещённого абсолютизма» – при Павле I, перерождение «просвещённого абсолютизма» в сторону правительственного конституционализма – в первое десятилетие XIX в. О.А. Омельченко высказывается также категорически против отнесения к этапу «просвещённого абсолютизма» времени Петра Великого. Делает это автор, указывая, что совершенно иной, нежели у Екатерины II, была петровская государственно-политическая доктрина и содержание правовой политики, хотя, признаёт учёный, известного внешнего сходства действий Петра и мероприятий Екатерины II в духе «правового государства» всё же отрицать нельзя [Омельченко 1986; Омельченко 1994: 4–50, 64–66, 238, 368–369, 379–382].

Правовая политика абсолютизма Екатерины II, по мнению О.А. Омельченко, была направлена на построение «законной монархии» европейского типа и органично включала в себя религиозную толерантность. Последняя находила своё обоснование в гуманистической философии Просвещения. Этот принцип доминировал в отношении государства к старообрядчеству, сектантству и неправославным исповеданиям. В отношении Церкви «просвещённый абсолютизм» проводил двуединую политику: поддерживал её господствующее значение в отношении других исповеданий и отстаивал собственные верховные прерогативы в церковном управлении [Омельченко 1988: 24–92]. Статья

автора о работе Духовно-гражданской комиссии имеет принципиальную важность. Она открывает проблему изучения законодательных проектов «просвещённый абсолютизм» в сфере религии и Церкви, проблему, которая, как показывают наши источники, ещё далека от своего окончательного разрешения.

А.Н. Медушевский настаивает на понимании «просвещённого абсолютизма» в свете теории модернизации. Он полагает, что в задачу «просвещённого абсолютизма» входило, «во-первых, сохранение в неизблемом виде основ существующего строя, вершиной которого была неограниченная власть монарха, и, во-вторых, максимальное приспособление к новым условиям развития гражданского общества, правового государства, обеспечения прав человека» [Медушевский 1993: 80]. Несколько иная формулировка наличествует в другой его работе: «Просвещённый абсолютизм в странах Восточной Европы в свете теории модернизации – это желание традиционных структур приспособиться к новым условиям развития, провести модернизацию путём реформ сверху и активного вмешательства государства в жизнь общества, средством чего и служит регламентация социальных отношений, усиление их регулирования с помощью права» [Медушевский 1994: 293]. Исследователь подчёркивает, что доктринальные основы «просвещённого абсолютизма» строились на заимствовании из идеологии европейского Просвещения концепции «законной монархии», ориентированной на «общее благо» подданных – заимствовании, впрочем, весьма и весьма узком [Медушевский 1998: 80].

О.А. Омельченко и А.Н. Медушевскому противостоят Ю.А. Сорокин и в известной мере А.Б. Каменский. А.Б. Каменский считает теорию «просвещённого абсолютизма» слишком узкой, недостаточной для целостного осмысления путей развития русской монархии XVIII в. Отказывается он и от понимания «просвещённого абсолютизма»,

предложенного О.А. Омельченко или А.Н. Медушевским [Каменский 2001: 320–321, 329]. Не менее серьёзны и расхождения с этими специалистами и у Ю.А. Сорокина. Ю.А. Сорокин объявляет себя сторонником марксистского «равновесного» воззрения на абсолютизм. Положительного отношения современной историографии к государственной деятельности Екатерины II он не разделяет, считая, что достижения екатерининского царствования весьма уязвимы для критики, а их истинные размеры были более чем скромны. Не приходилось, пишет он, говорить о реальном совершенствовании государственной машины при Екатерине II, а вот казнокрадство, произвол бюрократии и фаворитизм возросли, существенно ухудшилось и состояние армии, и только Павлу I удалось наладить действенное реформирование государства. Очевидным, по Ю.А. Сорокину, выглядел и социальный регресс, то есть укрепление крепостнических отношений. Нет никаких оснований, резюмирует он, выделять «просвещённый абсолютизм» в качестве особого политического курса или особой стадии монархии, поскольку действительное перерождение, новое качество абсолютизма формироваться начинает при Павле I, а заканчивается при Николае I [Сорокин 1999].

Нетрудно заметить, что автор находится под воздействием дореволюционной либерально-аристократической критики екатерининского царствования, и А.Б. Каменский с полным основанием порицал Ю.А. Сорокина за приверженность дворянским оппозиционным штампам, включая и неумеренную идеализацию Павла I. Понятны и причины этого: при знакомстве с монографией Ю.А. Сорокина становится очевидным его пристрастие к мемуарной литературе, исходившей либо прямо из лагеря врагов Екатерины II, либо позднейшей, но также крайне тенденциозной, вроде записок Ассбургера, Массона, А. Чарторыского, П.В. Ростопчина. В итоге Ю.А. Сорокин приходит к выводу, что все характерные качества русской монархии XVIII в. применимы как к

«просвещённому», так и к «непросвещённому» абсолютизму, в частности, к петровскому и екатерининскому: Пётр I и Екатерина II преследовали одни и те же цели, решали во многом сходными методами одни и те же задачи, и в одинаковой мере потерпели неудачу во всех своих основных реформах, хотя уровень европеизации России, несомненно, повысился. Ю.А. Сорокин придерживается безнадежно устаревших построений, и это легко установить, обратившись к статье М.А. Рахматуллина [Рахматуллин 1996: 34–52] – статье принципиально важной, формулирующей «предельные основания» историографических оценок Екатерины II и к тому же вышедшей задолго до подписания в печать разбираемой монографии.

Весьма привлекательной в этом случае выглядит идея О.А. Омельченко о «государственном либерализме» Екатерины II. Она позволяет войти в рассуждения о значении для «просвещённого абсолютизма» Екатерины II иных, нежели ранее в практике российской монархии XVIII в., этических идеалов и этического содержания того же понятия «общего блага», которые проводились в законодательных актах и представлялись обществу во время коронационных и иных торжеств.

Очевидно, что во всех выделенных аспектах сказываются объективные трудности типологического подхода в рамках существующего категориального и понятийного аппарата исторической науки. В последнее время, однако, наметилась тенденция коренного его пересмотра, в частности, отказа от понятий «феодализм», «абсолютизм», «сословие» как европоцентричных и не отражающих черты социальной организации за пределами средневековой Западной Европы. Там, где идёт речь о XVIII-м столетии, наиболее откровенно это воззрение выразил Е.В. Анисимов: «Я не принадлежу к той части историков, которые считают, что в петровский период в России окончательно сложилась абсолютистская форма правления. Дискуссия 1960 – начала 1970-х гг. о

сущности российского абсолютизма показала бессмысленность научной экстраполяции на русскую почву тех форм государственной власти и общественной организации, которые сложились в Западной Европе и традиционно называются абсолютизмом. В России конца XVII – начала XVIII в. не было ни “сословий”, ни “абсолютизма”, а были “служилые люди” и было “самодержавие”, и знак равенства между парами этих понятий ставить невозможно» [Анисимов 1997: 270]. К тому же близок и А.Б. Каменский: он поддерживает терминологическую «инвентаризацию» и считает, как уже говорилось, понятие «просвещённого абсолютизма» слишком узким, не отражающим сущности абсолютистского реформаторства в XVIII в., критикуя А.Н. Медушевского и О.А. Омельченко за подход к правовым реформам Екатерины II в духе концепции «просвещённого абсолютизма» [Каменский 2001: 19–24, 320–321, 329].

И. де Мадариага определяла екатерининскую монархию как «просвещённый» абсолютизм или деспотизм, хотя и отмечала при этом, что гораздо полезнее подходить к монархии Екатерины II конкретно-исторически, а не увлекаться типологическими построениями, сопоставляя, скажем, абсолютизм Екатерины II и «архаический» образец Людовика XIV. В своей, теперь уже ставшей классической, работе о екатерининской России она следовала и просветительской трактовке, усматривая принципиально важный аспект политики Екатерины II в осуществлении начал религиозной терпимости [Madariaga 1981: 111–122, 503–520].

Нынешние наиболее острые критики концепции абсолютизма и «просвещённого абсолютизма» – это английские авторы Г.Дж. Кенигсбергер (H.G.Koenigsberger) и Н. Хеншелл (N. Henshall). Книга последнего в своё время наделала в науке много шума [Henshall 1992]. Оба они выступают против тезиса о неограниченности абсолютизма. Историки

указывают, что и самые «неограниченные» режимы, именуемые абсолютистскими, реально сосуществовали с представительством и учитывали его мнение, и на деле тем или иным образом ограничивались. Посему никаких непроходимых границ, скажем, между «неограниченным» французским абсолютизмом и «ограниченной» английской монархией не существует, что же касается модернизации, то она проводилась во всех странах, и нет оснований усматривать здесь особую роль именно за национальными «абсолютизмами» [Henshall 1992: 12–13, 21–25].

Очевидно, что в целом попытки подойти к «просвещённому абсолютизму» через анализ содержания внутренней политики бесперспективны, ибо во всех случаях обсуждение перемещается в другую плоскость. Между тем «просвещённый абсолютизм» как форма государства не может быть рассмотрен вне взаимной связи с религией и религиозными институтами.

В целом методологические поиски обозначают перспективу учёта повышенной роли публичной власти в России и других социально-политических структур. Важно отметить, что при переходе от средневековья к Новому времени росло значение западной культурной рецепции в истории России, а политическое развитие самодержавных институтов было связано с заимствованием идейно-политических образцов западного типа (идеология Просвещения, понятие веротерпимости, приоритет светской власти, сословный строй с учётом конфессионального фактора).

Что же касается собственно методологической базы работы, то она охватывает ряд научных принципов. Прежде всего, это объективность, предусматривающая изучение исторической реальности в её многообразии. Далее, это историзм, предполагающий понимание изучаемых явлений и процессов в развитии на протяжении времени и в определённом историко-культурном континнуме. Наконец, это

исторический детерминизм, направляющий научный поиск на путь поиска конкретных причин для процессов и явлений того или иного общественного масштаба.

Общенаучные методы, используемые на основе научных принципов – это исторический и логический методы. Исторический метод позволяет рассматривать изучаемое явление, именно политику Российского государства, применительно к особенностям эпохи, стадии развития государства и состояния изучаемого региона на протяжении конкретного временного отрезка.

Использован также логический метод, позволяющий определять взаимосвязь событий на основании их отражений в источниках.

Общим подходом в рамках обозначенной методологии является структурно-функциональный подход. Он открывает перспективу изучения важной системы Российской империи на различных уровнях (центральном, региональном) и проявления на них политико-правовой (в том числе законодательной) активности.

Наряду с общими методами исследования в работе применены и методы, свойственные исторической науке. Таковых методов два – историко-генетический и сравнительно-исторический

Историко-генетический метод позволяет вести исследование с учётом понимания этапов развития государственной политики и эволюции монархии в России на протяжении XVIII в., включая переход монархии на стадию «просвещённого абсолютизма».

Исследование политики веротерпимости на разных этапах развития государства обусловило применение сравнительно-исторического метода. Это даёт возможность выявить общие черты в политике государства на протяжении значительного времени и определить особенности подобной политики применительно к тем или иным периодам и эпохам XVIII в.

Применение указанных методов и принципов в сочетании и взаимной связи даёт возможность провести исследование вероисповедной политики Российской империи с учётом территориальных и хронологических рамок исследования.

Глава II. Вероисповедная ситуация в свете российско-османских и российско-крымских отношений

Взаимодействие религии и дипломатии в южных пределах страны и близ них подразумевало несколько крупных направлений активности государства.

Во-первых, это отношения с Османской империей и Крымским ханством, прямые и опосредованные. Здесь российские власти, с одной стороны, выступали участником связей с православными церквями и народами Греции, Балкан, Ближнего Востока, Крымского полуострова, с другой стороны — включались в конфессиональные коллизии Северного и Центрального Кавказа, Северного Прикаспия и казахских степей, осложнявшие тамошнее российское присутствие и влияние.

Во-вторых, острую форму приобрёл старообрядческий вопрос. После разгрома старообрядческого сопротивления на Дону и формирования зарубежных и окраинных центров старообрядческой эмиграции он заставлял правительство принимать меры против бегства податного населения за границу и в отдалённые регионы страны.

В-третьих, в связи со значительными симпатиями к старообрядчеству в казачьей среде требовалось усиленное внимание свыше к состоянию иррегулярных войск, поиску путей их укрепления, повышению и лояльности, и боеспособности.

Подобные процессы вкупе с мерами властей в центре и на местах привели к формированию вероисповедной ситуации на южных рубежах Российской империи с конца XVII в. и до начала 1760-х гг. При этом основой деятельности учреждений и должностных лиц выступали традиционные российские представления о веротерпимости и православной солидарности, выработанные до начала раннего Нового времени и петровской европеизации России.

§ 1. Пограничная религиозно-политическая ситуация накануне и в период Северной войны

Отношения Восточной Европы с греческим православием имели давнюю традицию. На пороге раннего Нового времени они привели к оформлению тенденции, свойственной православным властителям — провозглашать освобождение Константинополя от турок одним из императивов политики. Практически все правители — валашские господари, трансильванские князья, украинские казачьи гетманы, да и московские государи, оказавшись на вершине могущества, реального или мнимого, отдавали дань подобному стремлению [Каптерев 1895: 252–265; Суляк 2006: 21, 25]. Петр I в 1690-е гг. также не составил исключения: свидетельств на сей счет, относящихся, в частности, к периоду Великого посольства, хватает [Гузевич и др. 2003: 17–20; Лециловская 2001: 46–48].

Греческие иерархи во второй половине XVII в. зачастую выступали в качестве российской политической агентуры, предоставляя России, помимо собственно церковного общения, добавочный канал информации из турецкой столицы. Видное место здесь занимали иерусалимские патриархи — Досифей II (Нотара), много лет несший добровольную нагрузку, затем (до 1713 г.) его преемник Хрисанф (Нотара) [Каптерев 1895: 252–414]. Однако в целом российские симпатии в данной среде оказывались неустойчивыми (о этом будет речь идти далее), поступавшие отсюда сведения оставляли желать лучшего, и в годы Северной войны такое положение вполне дало себя знать.

Вследствие усилий греческих церковных кругов, желавших тем самым укрепить свое положение относительно Порты, в арсенал российской дипломатии вошла тема покровительства христианам Балкан и Ближнего Востока. По просьбе того же патриарха Досифея на русско-турецких переговорах в рамках Карловицкого конгресса 1698–1699 гг. ее выдвигал глава российской делегации, посол при австрийском дворе

П.Б. Возницын. В дальнейшем тема стала общей для турецкой дипломатии России: соответствующее подтверждение вошло в задачи миссии Е.И. Украинцева — И.П. Чередеева, затем представителей Петра I в Константинополе — П.А. Толстого, И.И. Неплюева [Каптерев 1895: 315–319; Теплов 1891: 21–49; Богословский 1948: 44–95].

Оживление российской внешней политики в середине — второй половине XVII в. существенно повлияло на вероисповедную ситуацию на юге. После Переяславской Рады 1654 г. возник проект о переходе в российское подданство молдавских господарей, упрочивались украино-молдавские церковные связи. Одним из результатов серии конфликтов в треугольнике Россия — Речь Посполитая — Турция и Крым и подписанного затем Бахчисарайского мира 1681 г. стало определение церковной принадлежности украинских земель: стараниями российских дипломатов, вождей украинского казачества и против желания константинопольского и иерусалимского патриархов Киевская митрополия перешла под власть московского патриарха (перевод был утвержден в 1687 г. [Терновский 1872: 101–103, 139–141; Безев 2012: 251]). Параллельно, в 1686 г., последовал договор о «Вечном мире» между Россией и Речью Посполитой с российскими гарантиями прав польско-литовских православных.

Упрочение позиций России и важная роль украинского казачества в дипломатических перипетиях эпохи наложились в православном дунайско-балканском сообществе конца XVII в. на общие задачи борьбы против османской угрозы. В подобных условиях возникали проекты буферных государств между европейскими державами и Турцией. Сербь сформировали замысел Иллирийского царства под протекторатом Австрии. Идею православной коалиции вынашивали архипастыри молдавской Сочавской митрополии — русско-польско-молдавско-казацкий союз в 1689–1693 гг. хотел создать сочавский митрополит

Досифей (Барило), покинувший кафедру после ухода войск Яна Собесского из Молдавии и перебравшийся в г. Стрый на Подолии (здесь с ним встречался Б. Михайлов, русский посол в Речи Посполитой) [Власова 1983: 87–104]. В украинском и молдавском православии обсуждалось еще одно начинание — государство в составе Молдавии, Валахии, южных земель Речи Посполитой под русской защитой.

В связи с резонансом российской победы в Полтавской битве замыслы такого рода оживились. Реакцией на рост влияния России и симпатий к ней среди православных стали слухи о намерении Петра I разрушить Османскую империю и основать на ее месте греко-восточное образование — «Ориентальное царство». Турецкий султан Ахмед III верил в распространявшиеся инсинуации, он даже склонялся к убеждению, что Петр I завещал похоронить себя в храме Св. Софии. Слухи распространялись европейскими и османскими кругами, видевшими угрозу в усилении России. Петр I отвергал приписываемые ему планы [Артамонов 1990: 68–70]. В этой связи без последствий в начале 1700-х гг. осталась инициатива молдавского господаря о переходе в русское подданство. Тогда же о заступничестве перед австрийскими властями Петра I неоднократно просил патриарх сербов Арсений [Костич 1869: 211–214], о готовности выступить против турок царя извещали и другие сербские делегаты, монарх же, связанный Северной войной, не желал из-за религиозных симпатий доводить дело до обострения с противником — Турцией и партнером — Австрией.

Однако в определенный момент идея православной солидарности представилась Петру I весьма привлекательной. К тому же текущие события, как думалось, подтверждали ее жизненность. После объявления в 1710 г. Турцией войны России молдавский господарь Д. Кантемир признал русское подданство, что оформилось договором обоих властителей 1711 г. в Луцке. Князь Ф. Ракоци обещал Петру I в обмен на поддержку отдать под

его власть православных Трансильвании. Сообщения греческих и балканских информаторов о готовности принять сторону России с оружием в руках шли широким потоком. В этих условиях возник стратегический замысел Прутского похода — экспедиции на нескольких театрах военных действий вкупе с партизанской борьбой в тылу противника. Православный союз становился здесь дипломатическим основанием российской коалиции против турок.

В дополнение к Луцкому договору Петр I создал альянс с правящими кругами Молдавии и Валахии. Получил на Дунае поддержку и митрополит Антим (Антимоз) Иверианул — грузин, протеже патриарха Досифея II, отличавшийся негативным настроением к османам и способный призвать против них народ [Гвинчидзе 1989: 130–145; Семёнова 2001: 488]. С той же целью в 1711 г. Петр I выпустил грамоты, обращенные к православным народам под властью турок. На службу в русские консульства на Средиземном море по приказу царя нанимали православных греков, а на Балканы отрядили секретную миссию М. Милорадовича — И. Лукачевича [Лешиловская 2001: 49].

Но Прутский поход выявил слабость расчетов на помощь православия: выступлений на стороне России не произошло. Исключением явились лишь черногорцы, но восстание в Черногории и Герцеговине оказалось на периферии событий, оно не могло сковать главные турецкие силы, да и вспыхнуло с опозданием — после отхода русской армии от Прута. Там же, где восстание было нужнее всего — в Валахии, Болгарии, оно так и не началось [Артамонов 1990: 80–85].

В целом православная верхушка на Дунае и Балканах не оказала России значимого содействия во время похода, а после неудачи российских сил на Пруте довольно быстро отошла от прежних замыслов. Среди тех, кто занял проавстрийскую позицию, находился и митрополит Антим [Гвинчидзе 1989: 146–148]. Отход преосвященного от

первоначальной позиции отражал половинчатость иерусалимского патриарха Хрисанфа в отношениях с Россией, к которому Антим также был весьма близок. Смена вех имела и более осязаемые причины: с конца XVII в. австрийские Габсбурги вели в отношении православного населения интегративную политику — включали аристократию и духовенство в систему имперского управления, наделяли привилегиями [Костяшов 1997: 140–142].

К тому же австрийская дипломатия в дунайских делах имела традиционно высокий вес. Так, русский представитель на Босфоре П.П. Шафиров летом 1712 г. констатировал, что Ф. Ракоци стремится к компромиссу с австрийцами, обращения же его к России — лишь «лукавство». На Австрию переориентировался и Д. Кантемир — союзник Петра I, что выяснилось вскоре после возвращения русской армии с Прута. В сообщениях П.П. Шафирова указывалось: пребывание Д. Кантемира после Прутского похода на южных границах России (в Харькове) не служит более стимулом для православной знати, шведской дипломатии дает повод для инсинуаций, а связи бывшего господаря с врагами России в канун минувшей русско-турецкой войны выглядят все более двусмысленными. «Как здесь слышу, — констатировал дипломат, — человек зело превратной и фалшивой, и [крымскому] хану друг великой был... А ему истинно по здешним его поступкам верить нечего, ибо и на патриарха, и на брата своего, и на мултянского [господаря] доводил турком...» [Артамонов 1990: 98, 176; Базарова 2016: 488, 489, 490, 492].

Сложившиеся условия означали, что шаги России в защиту православия на Дунае лишены смысла, а союз с Австрийской монархией на турецком и балканском направлениях не имеет альтернативы. Концом Прутской эпопеи для Петра I стали указы о поселении на пограничных юго-западных землях сербских, молдавских и иных выходцев,

пострадавших в период похода русской армии [Политические и культурные отношения России... 1984: 51, 53, 64.].

Дальнейшие перипетии Северной войны подтвердили отсутствие опор для православной солидарности, соответственно, определили критический пересмотр Петром I и давнего украино-молдавского проекта. С одной стороны, него не было надёжной опоры в Речи Посполитой. В условиях, когда «диссидентский вопрос» — вопрос о политических и религиозных правах тамошней некаатолической шляхты решался негативным для последней образом, украино-белорусское православие оказалось в сложном положении. На рубеже XVII–XVIII вв. наметился распад приходской и братской систем, возникла угроза потери крупной собственности, которой располагали сохранившиеся монастыри, представительство и общественная роль православных в польско-литовской конфедерации снизились до критической точки. Своё негативное влияние оказывал и кризис православного духовенства, обусловленный его низкими социальным статусом и образовательным уровнем. В этой связи факторами поддержки православной общности явились присутствие российских войск на театре Северной войны и сотрудничество протестантских общин Польши, Литвы, Курляндии с российскими властями. Система международных гарантий прав польских некаатоликов предусматривала участие Швеции в соответствии с условиями Оливского мира 1660 г. и России по «Вечному миру» 1686 г. На заключительном этапе Северной войны в связи с военными и дипломатическими успехами возникла возможность вытеснения Швеции из подобной системы. Тарногородская конфедерация и Люблинский трактат 1716 г. обеспечили Петру I перевес в Польше и Литве, отсюда ему стало проще защищать православных (и их союзников — протестантов) в соседнем государстве самостоятельно и без передела границ [Historia diplomacji polskiej 1982: 368; Lewitter 1954: 88–97]. Однако факторами

петровских успехов здесь выступали присутствие русских войск и договорённости с Августом II, польским королём-саксонцем, индифферентным к религиозно-политической ситуации на востоке польско-литовского государства. Посему они были ограничены лишь военным временем, жизнеспособного же порядка для отстаивания интересов православного исповедания в Польше и Литве на мирный период русской стороне создать так и не удалось. Войска были выведены, а пограничные комиссарства, учреждённые Петром I, оказывались неэффективными против действий местных католических властей, институций и феодалов. К тому же и для самого Петра I поддержка православия в Речи Посполитой после Северной войны оказывалась далеко не главным делом — гораздо важнее было так или иначе удержать польско-литовское государство в орбите российского влияния. Единственной перспективой, обозначившейся для России в связи с «диссидентским вопросом», было сотрудничество с протестантами, обладавшими широкими связями в Северной и Центральной Европе.

С другой стороны, давали себя знать последствия осечки на Пруте. Российское влияние на юге после 1711 г. сократилось: приходилось возвращать Турции ранее взятый Азов, упраздняя и заложенный в городе монастырь. Новой, враждебной Петру I силой выступали казаки, украинские — запорожцы, мазепинцы, орликовцы, и русские — беглые донские казаки-старообрядцы, укrywшиеся на Северном Кавказе, а затем и пришедшие к ним некрасовцы. Некрасовцы осели на Кубани после подавления движения К.А. Булавина, о чём ниже, но едва в Бендерах возникла ставка Карла XII, их представители появились и там. В дальнейшем, установив общение с турецкими властями, запорожцы пытались восстановить разоренную в 1709 г. Запорожскую Сечь, некрасовцы — закрепиться под Азовом. Это добавило работы русским дипломатам: П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев летом 1712 г. часто

напоминали великому визирю, «чтоб оным ворама... в Сече не жить... Також дабы и бунтовщику Некрасову... не жить близ Азова...И чтоб везирь приказал их определить под команду турецкого паши, а не под ханскую, и поселил бы их где близ своих краев», только не на границе, «ибо от них кроме возмущения ничего не будет» и «всегда происходить будут ссоры и грабежи подданным царского величества» [Базарова 2016: 496, 508, 512].

В 1712–1713 гг. Турция выдвинула претензии на Правобережную Украину, видя в ней барьер против России и Речи Посполитой, защищаемый казаками — запорожцами и мазепинцами под протекцией Крыма. В планы Порты входило также создать для них особую церковную структуру, во главе которой встанет «казацкий патриарх». Аналогичный проект предлагал Порте в 1712 г. и посол Швеции [Базарова 2016: 479–483]. Духовным главой «в казацкой земле» Порты полагала сделать иерусалимского патриарха Хрисанфа, что влекло для него конец отношений с Россией. Обозначившаяся перемена еще более подчеркнула кризис русских связей с верхушкой греческой иерархии на Востоке, отмеченный П.П. Шафировым и М.Б. Шереметевым. Зачислив патриарха Хрисанфа в число «добрых приятелей турецких», они добавляли: «и изо всех греков ни мы, ни Петр Андреевич [Толстой] не сыскали приятеля, ни доброго человека, и бегут от нас как от мору» [Базарова 2016: 492, 493]. Петр I, получив подобные известия, сделал вывод: российские контакты с восточными иерархами впредь стали сугубо формальными.

Османский проект православной «казацкой земли» под эгидой мусульманского Крыма не состоялся — в 1714 г. поляки выбили запорожцев с правобережья Днепра [Артамонов 1990: 44, 47, 51, 116, 150]. Не укоренились под Азовом и некрасовцы. Но в целом до конца Северной войны у России не доставало сил, чтобы снять остроту казачьего вопроса на южном пограничье.

Наряду с перипетиями внутри православной ойкумены важным фактором религиозно-политической обстановки на южных рубежах России служили кавказские дела. На Северном Кавказе при поддержке крымских ханов распространялся суннитский ислам, лишь малая часть горцев Южного Дагестана под гнетом Персии приняла ислам шиитского толка [Алиев, Умаханов 1986: 56–59]. С начала XVIII в. проявился кабардино-крымский конфликт, сопровождавшийся набегами крымцев и кубанцев на Кабарду (1700, 1701, 1703 гг.).

Ситуацию осложняло восстание башкир (1705–1711 гг.), надеявшихся на помощь со стороны Турции. Не меньшую тревогу вызывали и действия беглых казаков-старообрядцев. В своё время, в 1680-е гг., староверы — участники религиозной борьбы на Дону рассчитывали на помощь пришедших туда джунгар и даже полагали возможным привлечь к союзу «иные орды» — калмыков, крымцев, ногайцев. Но восстание старообрядцев на Дону было подавлено властями при содействии тех же джунгар. Староверы, потерпев поражение и укрывшись на Кубани, оружия не сложили: в 1708 г. они совместно с татарами напали на городок Терки — тогдашний российский оплот на Северном Кавказе, предполагая в случае успеха двинуться на Астрахань и затем на соединение с башкирами. В 1707–1708 гг. развивалось и движение донских казаков-старообрядцев под предводительством К.А. Булавина, рассчитывавших на помощь ногайцев и позже разгромленных при значительном участии лояльных властям сил калмыцкого Аюки-хана. В итоге кубанские общины казаков-староверов, а также часть булавинцев во главе с И. Некрасовым окончательно перешли под власть крымского хана [Усенко 2000: 63–65; Мининков 2013: 71, 73; Сень 2015: 81, 82; Тепкеев 2016: 15–17; Тепкеев 2017: 10–17].

В период Северной войны Пётр I не однажды изучал возможность привлечь в подданство Крымское ханство, к чему российская дипломатия

подходила со времён крымских походов В.В. Голицына. Но практика показала, что подобные расчёты умело подпитывал хан Девлет-Гирей II, стремившийся к повышению собственной дипломатической субъектности в российско-османских отношениях, и не имели прочной основы [Артамонов 2001: 279, 280]. В этой связи для властей росло значение Калмыцкого ханства, находившегося с XVII в. в сугубо номинальном российском подданстве: калмыцкую конницу удавалось привлечь для борьбы с восставшими и для внешней обороны. Однако калмыцкий хан Аюка, установив отношения с Портой в 1704 г., преследовал собственные интересы. Его линия сводилась к лавированию между Россией, Турцией, Крымом и балансу с соседями-кочевниками, для чего в конце 1710-х гг. хан заключил ряд степных соглашений — с башкирами, казахами, каракалпаками, кубанскими ногайцами [Лемерсье-Келькеже 2009: 255–271].

Успешное сопротивление кабардинцев (особенно разгром в 1708 г. сил кубанцев, посланных крымскими правителями) и их неконфликтное соседство с калмыками навели российскую дипломатию на мысль использовать обе силы против Крыма и его союзников на случай войны с Турцией [Рахаев 2007: 169; Кидирниязов 2017: 25]. 4 марта 1711 г. вышла грамота Петра I о принятии кабардинцев в русское подданство [Кабардино-русские отношения... 1957: 4, 5]. В том же году ряд кабардинских князей и крупные силы калмыцкого хана приняли участие в походе на Кубань — вспомогательный театр военных действий во время Прутского похода [Артамонов 1990: 80, 81; Тепкеев 2018: 103–120].

Исход дела на Пруте повлек упадок российского влияния и рост экспансионистских планов Турции на Северном Кавказе. В регионе издавна утвердились казаки-старообрядцы — беглецы с Дона, подчинившиеся крымскому хану. В 1708 г. силы нелояльного казачества в регионе пополнили некрасовцы, закрепившиеся на Кубани к 1711 г. также

с одобрения Крыма [Сень 2008: 78–83; Аваков 2015: 26–28], и турецкая сторона возымела виды использовать их против России вкупе с кубанцами. В 1712 г. в российских отношениях с кабардинскими князьями остро встал вопрос о беглых холопах-христианах: владельцы домогались их выдачи, угрожая в противном случае перейти в подданство Турции [Смирнов 1958: 63; Сотавов 1991: 56; Казачество в тюркском и славянском мирах 2018: 371]. В 1715 г. поражение от кубанцев потерпел Аюка-хан, после чего его связи с российской стороной ослабли. В итоге Россия ощутила дефицит поддержки.

В связи с указанными выше событиями российская политика на Кавказе с 1714–1715 гг. предусматривала стабилизацию отношений с Кабардой, калмыками и привлечение в подданство ближайших кавказских владетелей. Дагестан и Ширван воспринимались как сфера влияния Персии, но посольство А.П. Волынского выявило ее слабость и, соответственно, угрозу утверждения Турции на берегу Каспия. Как следствие, встал вопрос о присоединении каспийских провинций и выселении оттуда шиитов, которых полагали опорой Персии [Рахаев 2007: 170; Махмудова 2015: 7].

Подобный шаг требовал усиления позиций в Закавказье. Здесь Россия считала опорой Грузию, между тем в ее правящем доме имел место раскол из-за перехода в ислам ряда видных его членов и шедшей с 1716 г. феодальной войны. К тому же среди грузинских феодалов и церковных иерархов многие ориентировались не на Россию, а на Европу, в первую очередь на Францию, что объяснялось засильем в Грузии миссионеров-французов. В 1713–1716 гг. грузинский монах-униат Саба (С. Орбелиани), совершил поездку во Францию для переговоров с королем Людовиком XIV и папой Климентом XI о возведении на престол Картли царя-христианина. С XVII в. в Грузии действовали театинцы, капуцины, кармелиты, в 1715 г. официально открылась католическая миссия.

Миссионеры имели влияние на представителей царских домов, посредничали в их переговорах, подталкивали к союзу со странами Европы, заинтересованными в торговых путях на Восток через Грузию [Иосселиан П. 1849: 43; Полиевктов 1935: 77, 78, 105, 108, 110, 121, 122, 136, 137, 143–146, 168, 170, 190, 191, 193; Татишвили 1959: 68–74; Табагуа 1969: 23–40]. Российскую поддержку получал царь Вахтанг VI — противник перехода правящей династии Картли в ислам. Однако и ему пришлось сменить веру при шахском дворе, чтобы возвратиться в Грузию из почетного плена и вернуть себе трон. Сам царь отличался католическими симпатиями и держал при себе советников-миссионеров. Миссионеры же дали образование Вахушти Багратиони, внебрачному сыну Вахтанга и одному из его доверенных людей (позже он стал известен как историк). Опора Вахтанга в среде аристократии была шаткой, много большими симпатиями пользовался его враг Константин (Мухамед-кулихан), кахетинский царь-мусульманин.

Положение Вахтанга VI осложняли и конфликты на Северном Кавказе. Правители Картли с конца XVII в. приложили много усилий, имея целью поставить под контроль ряд суннитских горских общин Дагестана и Ширвана, прежде всего джаро-белоканское сообщество [Мәтмәдова 2009: 57–132]. Вахушти оставил колоритные свидетельства о грузинских походах в «Чари» (Джары), изнурительной, бесплодной вражде с «чарцами» — лезгинами и грузинами-мусульманами. Не снискал в борьбе лавров и Вахтанг VI: горцы играли на его противоречиях с царем Константином, благодаря чему успешно сопротивлялись (подробности опять-таки у Вахушти [Вахушти 1976: 162–165]).

Стремление персов насадить на Восточном Кавказе шиитский ислам вызвало восстание крупнейших горских образований — джаро-белоканского и цахурского — в 1707–1709 гг. [Сотавов 2014: 76]. Тогда же имели место антишахские выступления и в Ширване [Хроника войн

Джара... 1931: 11]. Персы подавили их относительно легко, однако уже в 1711–1721 гг. поднялась очередная, более высокая антишиитская волна. Вскоре определились и лидеры горцев-суннитов — казикумухский владетель Сурхай-хан, Хаджи-Дауд Мюшкюрский, Ахмед-хан Кайтагский, Али Султан Цахурский [Левиатов 1948: 66–68; Бутаев 2006: 71–95]. Отношения Вахтанга VI с ними отнюдь не всегда носили абсолютно враждебный характер, особенно с Сурхаем и Хаджи-Даудом [Маркова 1966: 104]. Но в целом восстание досаждало властителю Картли. Он оказывался между двух огней: восставшие видели в нем персидского вассала, защитника «рафидитов» (суннитское прозвище шиитов), шахские же власти выражали недовольство «беспорядками» и готовились предпочесть на троне царя Константина. Как следствие, Грузия, погрязшая в трясине религиозных, политических, династических счетов, не служила прочной российской опорой [Лысцов 1951: 190–234].

Поиски союзников привели Россию в конце Северной войны к контактам с армянами Закавказья — меликами Карабаха, боровшимися против Персии на свой страх и риск, католикосами в Эчмиадзине и Гандзасаре [Эзов 1898: XL–XLIX; Эзов 1901: 11–12; История внешней политики ... 2000: 50, 51]. В итоге обстановка на Кавказе оставалась сложной, предъявляла России новые вызовы в условиях соперничества с Турцией.

Победоносное окончание Северной войны поставило Петра I перед необходимостью заняться вопросами восточной политики. Предпосылки для этого определились, идейные же подходы к политико-дипломатической сфере нуждались в коррективах. Итог истекших лет петровского правления здесь не был радужным: прежние попытки строить политику на основе конфессиональной общности не увенчались успехом, более того, обозначился крах пресловутой «православной дипломатии». Необходимость поддерживать беспомощное православие в Польше и

Литве и бороться за влияние там толкали к развитию отношений с крупными континентальными католическими державами, прежде всего, Австрийской монархией, и силами европейского католицизма.

Политические интересы России на национальных окраинах, прежде всего, восточных, нуждались в более глубоком осмыслении, которое соответствовало бы масштабу петровских перемен.

§ 2. Старообрядческая эмиграция и проблема лояльности казачества (20–50-е гг. XVIII в.)

Среди южных пограничных религиозно-политических проблем, обозначившихся в годы Северной войны, первостепенное значение для властей возымели отношения с казачеством. Пример беглых донцов, прежде всего некрасовцев, служил постоянным испытанием политической лояльности казаков. Вместе с тем на позицию казачества в целом оказывало влияние и развитие старообрядческой эмиграции.

Оно, прежде всего, затрагивало украинское казачество, пережившее политический раскол во время Северной войны. Не позже 1660-х гг. в Стародубском и Черниговском полках Левобережной Украины с ведома тамошних частных владельцев — малороссийских казачьих старшин возникли слободы беглых старообрядцев. В 1680-е гг. стародубские выходцы основали в польско-литовских владениях неподалёку от г. Гомель новые слободы. По месту первичного обитания — о. Ветка в нижнем течении р. Сож быстро разросшиеся и появлявшиеся в новых местах жительства беглых получили название Ветковских слобод. Между Веткой и Стародубьем установились прочные отношения, а возможность свободного исповедания «старой веры» постоянно привлекала в пограничные жительства новых беглецов. Ветковские монастыри стали

одним из крупнейших центров старообрядчества, оказывавшим влияние на состояние старообрядческой эмиграции в целом.

В годы Северной войны слобожане оказали помощь российским войскам. В награду Пётр I вывел малороссийские слободы из-под действия великороссийских антистарообрядческих указов. В 1715 г. власти организовали здесь перепись населения, переведя его затем в казённое ведомство и предоставив новоявленным «государевым слободам» самоуправление, возможность исповедания «древлего» православия и общения с братьями по вере за границей. Однако перевод слобод в казённое управление задел имущественные интересы части казачьей старшины, лишившейся рабочих рук. Как следствие, малороссийские землевладельцы желали использовать общение между староверами Стародубья и Ветки для привлечения в свои имения беглого великороссийского населения, находившего убежище на польско-литовской стороне, и выступали здесь нарушителями великороссийских крепостнических порядков. Кроме того, верхушка украинского казачества стремилась использовать в своих политических интересах и противостояние некрасовцев и российских властей [Сень, Швайба 2015: 167–169].

К исходу первой четверти XVIII в. система контактов между центрами «старой веры» в Речи Посполитой и Молдавии, с одной стороны, и между ними и их российскими последователями, с другой, оформилась окончательно. Более того, она стала определять и направления миграций беглого простонародья, вовлечённого в подобную систему, на окраины и за пределы страны [Ряжев 2018: 227–229]. Духовные связи в старообрядческой среде, как показали следствие о староверах на Яике и в Волжском войске 1753 г. (об этом ниже), в значительной мере определяли настроения казачьей массы, способствуя её сближению с казаками-староверами, ушедшими под власть крымского хана. Казачий центр на

Таманском полуострове — городок Хан-Тюбе стал новым трансграничным старообрядческим центром: тамошняя часовня приобретала известность наряду с Ветковскими монастырями. Астраханский архимандрит Иосиф, бежавший в начале 1720-е гг. на Кубань от преследований за веру, далеко не случайно сделал ценный вклад — старопечатное Евангелие 1628 г. — именно сюда.

До начала 30-х гг. XVIII в. казачьи общины некрасовцев и их предшественников держались обособленно друг от друга, в дальнейшем же наметилось их сближение. Это способствовало успехам староверов в борьбе за умы рядовых казаков. Некрасовцы свято блюли казачий уклад жизни, символом которого провозглашалась «старая вера», и это оказывало большое впечатление на казачество России. Включение некрасовских староверов в систему старообрядческих связей к середине столетия способствовало складыванию на сопредельных и ближайших к России территориях церковной организации, оппозиционной греко-русской Церкви [Сень 2009: 142, 143; Сень 2018: 12–16].

Настроения казачьей массы ослабляли влияние государства на южных границах. Особенно неблагоприятной для видов государства оказывалась обстановка в Донском войске. После булавинского восстания население там сократилось на треть, количество активных сабель — вдвое [Очерки культуры и истории 2014: 98]. Активность некрасовцев угрожала ещё более усилить подобный отток, посему вопрос о них превратился в подлинную «занозу» южной российской политики. Попытку покончить с «разбойничьими гнездами» некрасовцев власти впервые предприняли в ходе войны с Турцией 1735–1739 гг., послав карательные отряды разорять их кубанские «городки» — укрепленные поселения, однако особых результатов не достигли, разорив лишь один из их укрепленных городков. Некрасовцы успешно сопротивлялись, и даже смерть около 1737 г. их легендарного предводителя И. Некрасова, одного из великих казачьих

атаманов, достойного стоять в одном ряду с Ермаком или Степаном Разиным, не остановила их сопротивления: до конца войны они участвовали в боевых действиях против русских частей.

Неприятным для начальства следствием соседства с некрасовской вольной казачьей общиной были постоянные побеги к ним казаков с Дона, Терека, Волги и Яика. На данной почве имели место и открытые выступления. В частности, власти с большим трудом смогли подавить крупные волнения в Донском и Гребенском войсках 1725–1726 гг., когда многие казаки выражали желание покинуть родные места и соединиться с некрасовцами [Козлов 1996:148].

Обстановка в казачьей среде на Тереке для властей была особенно сложной. Терские казаки были поголовно старообрядцами и даже присягу с начала XVIII в. приносили двуперстно (в 1722 г., готовясь к Персидскому походу, Пётр I был вынужден признать подобный порядок присяги и дать на него разрешение).

До 1735 г. на Тереке вообще не было подчинённого Синоду клира. Однако и после его появления властям пришлось смириться с двуперстием в войске, особенно в связи с провалом кампании против дониконовской обрядности, затеянной в 1738 г. новопришлыми священниками и назначенным со стороны атаманом [ПСПиР, 1 1905: № 3272; Попко 1858: 133–139; Козлов 1996: 209–210].

Самодержавие понимало «раскол» как состояние, несовместимое с верным подданством. На этой почве летом 1738 г. Синод начал было кампанию против двуперстия в Гребенском войске, но из-за массового недовольства казаков и крупных побегов из войска к некрасовцам её пришлось свернуть. Однако принципиальная позиция властей оставалась неизменной, и Кабинет в своей резолюции на сообщение Синода от 28 декабря 1738 г. только подтвердил её [ПСЗРИ, 10 1830: № 7717].

О необходимости просвещения казаков-«раскольников» и борьбе с утвердившимися у них «раскольническими суевериями» в своё время много говорил А.П. Волынский. Очередную попытку отменить в войске двуперстие летом 1745 г. предпринял другой астраханский губернатор — В. Н. Татищев, поддержанный в этом Военной коллегией. В ответ возникло брожение, казаки замыслили массовый побег к некрасовцам и, отправив делегатов на Кубань, стали закупать лошадей для перехода.

Власти «взяли меры», инициаторы побега были схвачены [Сенаторский архив, XV 1913: № 134], но от дальнейшего давления пришлось отказаться: охрана границы была делом государственной важности, и допустить, чтобы несущие эту службу казаки-староверы разбежались, а войско развалилось, было нельзя. Поэтому «...Правительствующий Сенат приказали, хотя де оных казаков от суеверия, конечно, обратить надлежит, однакож, понеже де они живут в самом пограничном месте, також и по нынешним кон[т]юнкурам, для того [предложенные Татищевым способы] обращения употребить несходственно...». Надлежит оставить казаков в покое, говорилось в «приговоре» Сената, приводя их к Церкви постепенно, может быть, даже поодиночке [ПСПиР, 2 1869–1911: № 829]. В итоге дело ограничилось новой церковной кампанией, вызвавшей глухой ропот служилых «раскольников».

Казачьи побеги к некрасовцам тем временем продолжались. Бегство на Кубань восьмерых казаков с Дона в 1752 г. привело даже к дипломатическому конфликту с Турцией [Козлов 1996: 149–150]. Обычными в казачьей среде становятся заговоры с целью организации групповых и массовых побегов. Так, по именному указу от 22 апреля 1753 г. Военная коллегия передала воронежскому епископу для следствия десятерых казаков с Дона, «состоящих в раскольническом злом заблуждении» и подумывавших об организации большого побега «со

товарищи» на Терек или Кубань [ПСЗРИ, 13 1830: № 10118 (Об отсылке обличённых в расколе Донских казаков для исследования к епархиальному архиерею)].

Наиболее крупный казачий заговор с целью побега на Кубань был раскрыт в том же 1753 г., когда под подозрение попала значительная часть Волжского казачьего войска и вся его служилая верхушка во главе с атаманом М. И. Персидским (Персицким). Выяснилось, что на побег казаков вдохновляли «польские» скитники, осевшие на Яике, и что в переходе на Кубань должны были участвовать и яицкие казаки. Негласное, проведённое «под рукой» следствие не смогло опровергнуть этих подозрений. Дабы не обострять ситуацию, руководство Военной коллегии предпочло сделать вид, что ничего не произошло, и ограничилось лишь профилактической беседой с войсковым атаманом [Витевский 1878: 34–39; Витевский 1889–1897: 348–363; Следственное дело см.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 426. Ч. 1. Л. 1–138; РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 109].

По окончании русско-турецкой войны 1735–1739 гг. усилился приток беглых староверов в турецкие пределы — в Молдавию, Валахию, на Буковину.

Молдавские господа встречали переселенцев очень благожелательно, а туркам дела до них не было. После Белградского договора 1739 г. не дотягивалась в дунайские княжества и российская рука, так что скиты и поселения здешних староверов развивались без помех, налаживали связи с единоверными в России и Речи Посполитой и приобретали всё большее влияние в системе «загранишного раскола».

Особенно тревожили российскую власть попытки дунайских староверов создать у себя старообрядческую церковь и иерархию: было понятно, что это неизбежно отвратит от возвращения на родину значительную часть беглого населения. До правительства доходили сведения о подобных инициативах влиятельных общин Молдавии,

Буковины и связанных с ними староверов в Польше, в Подолии: посланцы от этих общин обращались к молдавским, греческим, грузинским архиереям, дабы они рукоположили священников для службы «по старым обрядам» и даже посвятили епископа.

Много беспокойства в России вызывали и старообрядческие лжеепископы, находившие себе поддержку у староверов Бессарабии, Молдавии и Подолии. Первым лжеепископом стал Анфиноген. По натуре это был типичный проходимец, которыми так богата история XVIII в. Укрывшись у «загранишных» старообрядцев, он в личных видах стал выдавать себя за православного епископа, сочувствующего «старой вере». Вскоре такой же самозванец появился и в России. Его звали Анфим. Он был арестован, но в 1750 г. бежал из заключения в Польшу и заявил там о себе как о помощнике и возможном преемнике Анфиногена. Вскоре Анфим покинул Польшу, чтобы быть дальше от России, и перебрался в Бессарабию — здесь, он полагал, было более безопасно.

Свои попытки организовать правильную церковную жизнь предприняли и некрасовцы, о чём становилось известно российским властям. Последние, в частности, были осведомлены о том, что после обращения некрасовцев к османским властям в начале 1750-х гг. крымский епископ Гедеон рукоположил в священники выбранного казаками беглого клирика. До властей доходили и разноречивые сведения о контактах некрасовцев с Анфимом: около 1753 г. тот прибыл по их приглашению на Кубань, поставил двух епископов и архимандрита, рукоположил нескольких священников и способствовал сооружению церквей в войске, но в середине 1750-х гг. стал конфликтовать с ним и после отъезда окончательно осел в Молдавии.

Слухи, шедшие от «раскольников» из-за рубежа, весьма тревожили российские власти: возникновение «раскольнической» иерархии неизбежно усилило бы бегство податного населения, укрывавшегося у

староверов, из России. Киевский губернатор И.Ф. Глебов рапортовал в Сенат 24 октября 1756 г. об обстановке за рубежом. В представленном сановником документе говорилось, что староверы «на Волощине» и на Кубани «имели старание о посвящении к ним епископа, во-первых, у живущего в Крыму митрополита, да у волоского архиерея, живущего в монастыре, называемом Гуцах, но им не посвятили, а напоследок живущим над Дунаем в турецком владении, в монастыре, называемом Репи, греческим митрополитом Даниилом... посвящён, коему имя Ангвтиноген, и жителство имеет в близости Хотина в монастыре, называемом Ветрянка..., а на Кубани учреждена тем раскольническим епископом архимандрия и поставлен от него архимандрит и по слободам многое число попов, и даны им от него универсалы, и имеют они по своим обрядам церковное служение, и что для того от Дону крымскою областью на Кубань, а от Смоленска Полшею уходя к тому епископу, приходят и поселяются на житье в близости того монастыря, где тот епископ находится...», русские беглецы.

Сенат, ранее получавший из Киева известия о готовности многих «раскольников» вернуться на родину, запросил более точные сведения об Анфиме и Анфиногене из Иностранной коллегии. В частности, надлежало подтвердить или опровергнуть, что Анфим, не так давно сбежавший из острога в России, и Анфим, вдруг объявившийся на Ветке — это один и тот же человек. Дипломатическое ведомство переадресовало запрос в Киев, но «понеже от таких раскольников, за границую обретающихся, прежнего известия более не имели в Киеве», возникла необходимость непосредственно разузнать о самозванце. 11 декабря 1756 г. Коллегия иностранных дел дала киевскому вице-губернатору И. И. Костюрину санкцию провести разведку [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 303. Л. 27–28об.].

Опасения на тот счёт, что за границей уже имеется духовная «раскольническая» иерархия, получили подтверждения на допросе купца-

старообрядца З.И. Богданова и «раскольнического инока» Мануйлы в Киевской губернской канцелярии 21 декабря 1756 г. (в Сенат эти сведения поступили 15 января 1757 г.). Оба выходца сообщили о постоянных контактах старообрядцев в Польше с «единоверными» в Турции и на Кубани, подогревавших слухами о епископе, который вот-вот появится или уже появился у старообрядцев. Мануйла, в частности, показал: «...пострижен де он (Мануйла.— А.Р.) в чернцы в прошлом 1754 году в Полши на Ветке иноком Аверияном в послушники к чернецу Александру, которой де жителство имеет той полской области в Рогачевском повете... Он, Александр, выходить в Россию ему, Мануилу, не давал, а потом, когда усмотрел ево, Мануилово, неотменное к тому выходу в Россию желание, то де взяв за руку, из кельи вывел и сказал: “Поди де куда хочешь, а лутче бы де было не ходить, ибо де к празднику Богоявления Господня... 1757 году приедут из волоской земли вожаки и нас де сведут с собою”. Однако он, Мануйла, к тому не склонился, и за то оной начальник ничего на дорогу ему не дал и отпустил де толко в одной рубашке» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1578. Л. 385–386]. Об этих «вожаках» киевские командиры и должны были разузнать как можно более точно.

Для негласной зарубежной миссии вице-губернатором И.И. Костюриным был выбран «к тому достойной» киевский мещанин Григорий Белявский. Это был проверенный осведомитель: «в тамошних местах неоднократно для купеческого торгу бывал и напред сего для секретных дел употребляем был». В начале 1757 г. Белявский, получив посылку от киевского митрополита к ясскому и 40 рублей «на оперативные расходы», выехал в Хотин и Яссы. По пути, в Могилёве-на-Днестре, он «слышел, что по ту сторону Днестра..., в Ветренке находится Анфим, а не Анвтиноген», «которой приходящих к нему расколников на дух принимает и во [и]ереи посвящает», «он же, Анфим, греческого исповедания людям о

себе сказывает, будто он в архиепископы посвящён в Москве, а раскольников уверяет, что в Браилове от греческого митрополита Даниила».

В Яссах Белявский встречался с тамошним митрополитом Иаковом, «и по знаемости с ним... наедине... говорил... Означенной... митрополит ему... объявил, что» Анфиноген с недавних времён не опасен для русских властей: его самозванство раскрылось, влияние у староверов потеряно, а сам он, опасаясь заслуженной мести верующих, бежал под польскую защиту в Каменец-Подольск, принял католичество и записался жолнёром в тамошний гарнизон, и ныне, по слухам, имеет уже чин капитана и служит в Кракове. Что же касается его продолжателя Анфима, то, как узнал Белявский от митрополита, он действительно живёт в Ветрянке и «заподлинно... посвящает, точию де мало, затем», что скандальный провал анфиногенова «архиерейства» больно ударил и по нему.

Митрополит Иаков сообщил Белявскому, что Анфим, дабы не утратить доверие «раскольников» окончательно, запретил служение всем ставленникам Анфиногена, и вместе с тем попытался найти поддержку турецких властей: «...исходатайствовал от Порты такой ферман, чтоб во одной слободе [Ветрянке] построить каменную церковь...». Анфим хотел наладить связи и с православными архипастырями на подвластных туркам землях. Дважды он писал и митрополиту Иакову, в частности, просил у него денег на завершение начатого строительства. Для пущей убедительности Анфим посылал Иакову свою ставленную грамоту, оказавшуюся, конечно же, фальшивой (письма и грамоту митрополит передал русскому посланцу для ознакомления, позже копии документов Коллегия иностранных дел направила в Синод). Обращался он и к браиловскому митрополиту греку Даниилу.

Владыка Иаков в разговоре с Белявским особенно подчёркивал, что он всячески уклонялся от контактов с самозванцем и даже разослал по своей епархии указы о его задержании. Но резиденция Анфима,

оправдывался Иаков, находится как раз в Браиловской митрополии, где правит митрополит-грек Даниил, и «он де греческой митрополит... дозволил ему, Анфиму, жить в его епархии в расколнической слободе Ветрянке». Анфим не покидает Ветрянку и живёт там под защитой преданных единоверцев. Сам Даниил в ноябре 1756 г. уехал в Белград и более не подавал о себе известий, а вторгаться в чужую епархию, да ещё в отсутствие её начальника, не положено, поэтому Иаков «собою» ничего предпринять не может. Что же касается Даниила, то он, уверял русского посланца Иаков, не поддерживал Анфима, а допустил его в свою епархию только из милости. Слухи об архиерейском посвящении Анфима Даниилом Иаков отмёл: чтобы митрополит-грек «...объявленного лжеца в архиепископы посвятил, то неправда, понеже де оной Даниил человек учёной, постоянной и всякой чести достоин, да и без патриаршего благословения никак митрополиту в архиепископы посвятить неможно...».

Собирая сведения лично и через посредников, Белявский контактировал и с православными клириками, и со старообрядцами. Агенту удалось установить, что Анфим жил в Ветрянке уже пятый год, и что после разоблачения Анфиногена староверы в тех краях почитали его мало и плохо. Поэтому он «в обретающиеся в Молдавии раскольнические слободы ездить веема опасается...» и ограничивается только службой в Ветрянке: «в расколнической церкви служит..., при себе имеет священников и диаконов более десяти человек, и посвящает к расколникам в попы...». В Ветрянке у Анфима находилось много приверженцев, и в своём тенденциозном пересказе Белявский донёс до начальства их восторженное отношение к Анфиму: «... а оной де Анфим якобы епископ, посвящён был в Москве и за ево в расколнических ересях поступки был арестован, а потом бит кнутом и вырезаны ноздри, сослан в Сибирь в ссылку, откуда тайным образом расколниками украден и вывезен на Кубань, где будучи, посвятил двух человек из архимандритов в епископы

(которые и поныне на Кубани находятся), а они де, епископы, посвятили его в архиепископы».

Лично увидеть Анфима Белявскому не удалось, и он ограничился словесным портретом, составленным по данным информаторов. Приметы Анфима из Ветрянки совпали с приметами Анфима — беглого самозванного старообрядческого епископа, уже взятого властями на заметку, и они окончательно уверились, что это один и тот же человек. Об этом И.И. Костюрин 25 апреля 1757 г. доложил в Коллегию иностранных дел, а оттуда 27 мая донесение ушло в Синод [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 303. Л. 27–36об.]. Синод настаивал на поимке и доставке Анфима и его единомышленников в Россию. 16 июня 1757 г. в Коллегию иностранных дел был направлен синодский указ «о доставлении из заграницы тех и других расколников здешних..., а чтоб де в том в Яс[с]ах от тамошнего митрополита способствовано было, велено ему [Костюрину] о том советоваться с киевским митрополитом» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 303. Л. 50, 51].

Свой заветный план «загранишным раскольникам» осуществить не удалось: никто из православных иерархов на сделку с ними так и не пошёл (сказалось влияние русской дипломатии), а Анфим, понемногу терявший влияние на верующих, вскоре погиб. Слободы староверов вновь зажили спокойно, и лишь война России с Турцией 1768–1774 гг. нарушила идиллию.

В целом наметившийся здесь тупик не поддавался дипломатическому решению и осложнял российские отношения с Турцией и Крымом. В итоге вопрос получил своё историческое разрешение лишь по окончании русско-турецких войн в эпоху Екатерины II.

§ 3. Калмыцкие и тюркские служилые контингенты: две модели укрепления иррегулярных войск в 1730–1750-е гг.

За развитием старообрядческой эмиграции власти находили только растущую нелояльность податного населения, а появление зарубежных центров «старой веры» и вовсе полагали попытками внешних сил использовать эту нелояльность в их собственных интересах. Особенно отчётливо подобная трактовка проявилась в период войны 1733–1735 гг. за польское наследство [Ряжев 2018: 267].

Религиозно-политические противоречия в казачьей среде наверху воспринимались также негативно. После Северной войны определилось продвижение Российской империи на юг и восток. Оно было связано, в частности, со строительством новых пограничных укрепленных линий в Поволжье и Поднепровье, в связи с чем государству требовался надёжный людской резерв для службы на создаваемых оборонительных рубежах. Острой оставалась и крымская угроза, подогревавшаяся тогдашним российско-османским геополитическим соперничеством. Соответственно, вопрос о политическом состоянии казачества, несшего службу на южных и юго-восточных окраинах, приобретал властей большое значение.

Первым уроком стал Персидский поход. Он подчеркнул ненадёжность украинской казачьей старшины, её относительно малую пригодность для участия в масштабных военно-политических мероприятиях верховной власти. Между тем вопрос об украинском казачестве был важен для государства: его численность на 1725 г. составляла, по А.И. Хорошхину, до 60 тыс. чел., и это была крупнейшая иррегулярная сила российского подчинения. Для сравнения: на ту же дату Донское войско насчитывало 14 тыс. чел., Яицкое — 3,2 тыс. чел., Аграханское — 1,8 тыс. чел., Гребенское — 0,5 тыс. чел. [Казачество в тюркском и славянском мирах 2018: 402]. Напряжёнными оставались и взаимоотношения с запорожцами, несмотря на принятые компромиссные

меры — объявление амнистии, согласие на восстановление Запорожской Сечи. Сложность обстановки вынуждала укреплять иррегулярные войска на юге государства крещёными служилыми калмыками, в частности, с конца XVII в. крещёные калмыки охраняли границу на слободских землях в Белгородском, Чугуевском полках (позже они влились в Донское войско) [Шовунов 1992: 38–43; История Калмыкии 2009: 632–635].

Вместе с тем религиозно-политические процессы в русско-калмыцких отношениях, вызванные долгим соседством обоих обществ, именно контакты калмыцкой верхушки с русскими властями и двором, а также переход калмыков в греко-российское исповедание и формирование на северо-западной периферии калмыцких кочевий оседлых новокрещенских поселений (имевших, впрочем, недолгую судьбу — калмыцкая знать, не желавшая терять подвластный люд, сделала всё для скорейшего их уничтожения), подталкивали верховную власть к идее включить в состав казачества новые силы, по определению невосприимчивые к актуальной для казачества тематике — корпоративного (войскового) автономизма и/или старообрядчества. В 1740-е гг., под впечатлением от очередного башкирского восстания, подобная идея была распространена и на иррегулярные войска в целом: они также пополнялись составом, чуждавшимся в массе своей проповеди «старой веры».

Инкорпорация калмыков в ряды казачества наметилась раньше всего там, где военно-политическое взаимодействие обеих сил было самым давним — на Дону и Яике. При этом в обоих случаях процесс сказывался на судьбах калмыцких улусов, лидеры которых искали возможность выйти из-под ханской власти без перехода в греко-российское православие. В силу массовости, территориальной близости, причастности калмыков к казачьей религиозно-политической борьбе рубежа XVII–XVIII вв. (об этом см. § 1) на Дону он шёл более интенсивно. К началу XVIII в. группа

донских калмыков-буддистов, несшая службу на общих основаниях в войске — юртовые калмыки — вполне сформировалась и достигла численности в несколько тысяч кибиток [История Калмыкии 2009: 626–628]. Верховное решение об их причислении к войску было принято в 1729 г., когда вышел соответствующий указ Военной коллегии. Соглашение между Д. Ефремовым, атаманом Войска Донского, и ханом Дондук-Омбо о закреплении в войске всех калмыков, кочевавших к тому времени на Дону, и о неприёме новых улусов впредь было достигнуто в 1735 г., накануне приближавшейся русско-турецкой войны. Впрочем, допускалась запись в войско крещёных калмыков в индивидуальном порядке [Максимов 2016: 66, 67].

Пополнение иррегулярных войск нерусскими служилыми людьми, призванное компенсировать снижение численности и боеспособности казачества в 1730-е гг., становится устойчивой тенденцией политики властей. Определелись и две модели подобного пополнения: инкорпорация в состав казачества неправославных отрядов и создание подразделений особого подчинения, способных нести пограничную службу, аналогичную казачьей, из новокрещенов. Источником подобного пополнения были тюрки и калмыки, но в первую очередь калмыки в силу специфики их политического устройства. К тому же после Северной войны, казачьих и башкирских восстаний власти в полной мере оценили и их сугубо военные качества, и их военно-полицейское значение на юго-восточных окраинах. В дальнейшем обе модели отлаживались в сложной обстановке второй трети XVIII в. на российском юге и юго-востоке, сочетаясь в степной и кавказской политике властей.

Рост численности крещёных калмыков оказывал прямое воздействие на ситуацию в регионе. Так, он явился одним из факторов политической борьбы в Калмыцком ханстве первой половины 1730-х гг.

В надежде получить российскую поддержку и стать ханом о переходе в православие со своими людьми заявил тайша Баксадай Доржи, получивший после крещения 15 ноября 1724 г. в Санкт-Петербурге княжеский титул и новое имя — Пётр Петрович Тайшин [Орлова 2006: 47–48]. Его отцом был Чакдоржаб, старший сын и наследник могущественного Аюки-хана. Баксадай Доржи родился в семье не первым, и его улус, насчитывавший в разное время от 300 до 500 кибиток, никогда не был самым крупным, а менее крупные улусы других сыновей Чакдоржаба значительно не превосходил. Но Баксадай Доржи, как и многие из потомков Аюки, обладал огромным властолюбием, и его не остановило то, что Чакдоржаб не пережил Аюку и не стал ханом. Смерть Аюки положила начало длительной калмыцкой смуте, и Баксадай Доржи стал ее активным участником.

Перемена исповедания подчеркнула властные претензии Тайшина, не изменив образа его жизни и не отлучив его — ханского внука — от политической жизни Калмыцкой степи: он по-прежнему кочевал со своим улусом и, несмотря на присутствие в нём походной кочевой миссии иеромонаха Никодима (Ленкеевича), проявляя мало рвения к христианству и не порывая с буддийским духовенством.

Для русской же дипломатии Тайшин никогда не был вероятным кандидатом в ханы: она делала ставку на других потомков Аюки, представлявшихся более сильными. Это привело князя в 1731–1734 гг. к участию в мятеже тайши Дондук-Омбо против тогдашнего хана Церен-Дондука, непопулярного в калмыцкой степи. В итоге Тайшин оказался в опале и заключении, но смог получить прощение, был отправлен в Санкт-Петербург и 29 августа 1734 г. был представлен императрице Анне Иоанновне. На следующий год при дворе приняла крещение Церен Янжи, супруга князя, внука Очирту-Цэцэн-хана, ставшая княгиней Анной Андреевной Тайшиной [Бакунин 1995: 40, 52, 71, 80, 112].

С середины 20-х гг. XVIII в. Тайшин хлопотал и о том, чтобы власти вывели из Калмыцкого ханства и передали под его начало всех тамошних крещеных калмыков. Принятие в калмыцком обществе христианства, особенно в низах, к тому времени приобрело известные масштабы. Причина находилась самая простая: переход в христианство нес простонародью освобождение от прежней социальной зависимости. Между тем калмыцкая знать не могла и не хотела мириться с потерей своих подданных, и поэтому соседство христиан и нехристиан в Калмыцкой степи оборачивалось социальными конфликтами. Дондук-Омбо, хорошо понимая это и став в 1735 г. ханом, поддержал идею об отделении калмыков-новокрещенов. Проявили восприимчивость и власти, сделав, наконец, Тайшина, как того хотел и он сам, и его патрон Дондук-Омбо, начальником нового ведомства. Но жизнь распорядилась иначе: в 1737 г. Тайшин, остававшийся в течение нескольких лет при дворе, умер, и правительницей поселения крещеных калмыков близ крепости Ставрополь, определенного для князя, назначили его вдову [Бакунин 1995: 119–121, 129, 130].

Присутствие знатного династа (независимо от пола) во главе нового калмыцкого объединения придавало ему подобие вассального политического образования. Посему его положение, несмотря на оседлый характер и бесспорное подданство, первоначально было определено аналогично отношениям с прочими степными кочевыми объединениями: оно осталось в сфере забот Коллегии иностранных дел. Кроме того, права и обязанности его верхнего слоя — субъекта отношений с российскими властями обозначены в июне 1737 г. неразрывным комплексом документов. Прежде всего, речь идёт о Жалованной грамоте императрицы Анны Ивановны княгине Тайшиной и калмыцким зайсангам — сподвижникам её покойного мужа, составившим теперь ближайшее окружение княгини. Выдача грамоты (не указа) была обставлена присягой

зайсангов. По содержанию присяга напоминала обычную для XVII–XVIII вв. и коммуникации со степными народами шертную запись [Волжские 2011: 50–52].

Подобная правовая форма фиксации статуса новообразованной «маленькой Калмыкии» в конкретных условиях была подчинена текущей задаче — снять внутренний кризис в Калмыцком ханстве. Понимания же дальнейшей судьбы ставропольских калмыков, характера их службы, представлений об альтернативных кандидатурах правителей здешнего воинства у властей на тот момент не было.

Не было его и у В.Н. Татищева, возглавившего Оренбургскую экспедицию вместо покойного И.К. Кириллова и принявшего в 1737–1739 гг. заботы о выборе места для крепости и первоначальном обустройстве калмыков-новосёлов. Для администратора это были тяжелейшие годы жизни: над ним висела угроза опалы и казни [Анисимов 2019: 317–319]. Тем не менее, В.Н. Татищев смог наладить жизнь переселенцев на новом месте и создать условия для дальнейшего развития калмыцкого войска. Кроме того, он смог наладить коммуникацию со степняками, кочевыми и оседлыми, собрать, в частности, значительный материал о калмыцко-казахских отношениях, и обозначить определённые политические перспективы калмыцкого поселения.

В.Н. Татищев считал возможным создать здесь, имея ввиду Ставрополь и Красноярскую крепость, в которой был поселён со своим улусом нойон (вскоре калмыцкий хан) Дондук-Даши, пограничный анклав — «калмыцкий Касимов», способный выступать инструментом российской степной политики. В этой связи В.Н. Татищев выдвигал предложение о пожаловании А.А. Тайшиной земель с крестьянами, способных создать экономическую основу деятельности её и её возможных преемников [Волжские 2011: 79, 80].

Однако предложение было отвергнуто, а вскоре и сам он был отозван с поста оренбургского начальника. Вместе с тем понимание В.Н. Татищевым значения служилых крещёных групп, поддержания порядка и противовеса башкирам, актуальное в условиях башкирского восстания, достигшего на тот момент одной из высших точек, вполне оправдалось. В частности, при подавлении восстания хорошо зарекомендовали себя крещёные татары — нагайбаки [Казачество в тюркском и славянском мирах 2018: 311]. Ставропольские калмыки оказали воздействие на обстановку также в видах властей. Подтверждение дано в указе Коллегии Иностранных дел от 1 сентября 1752 г.

Преемники В.Н. Татищева в Оренбургской комиссии (В.А. Урусов, А.И. Румянцев, Л.Я. Соймонов) не уделяли ставропольским калмыкам особого внимания, сосредоточившись на ликвидации остававшихся очагов и последствий башкирского восстания, так что калмыцкие новосёлы были в основном предоставлены самим себе. Вместе с тем события башкирского восстания подчеркнули политическую роль крещёной ставропольской верхушки и обозначили её влияние на религиозную ситуацию юго-востока.

Верхний слой ставропольских калмыков выступал посредником между российскими чиновниками, с одной стороны, и некрещёной знатью, степной и отчасти горской, на юге и юго-востоке России, — с другой. Работа посреднического механизма зафиксирована в указе Коллегии Иностранных дел от 1 сентября 1752 г., освещавшем, впрочем, реалии 30–40-х гг. XVIII в.

Документ определял зачисление на должность переводчика коллегии родовитого ставропольского зайсанга А.И. Шорина. В указе упоминались родственные связи толмача — его отец, мать, дядя, дед: «калмык называемой Афонасей Шорин сын бывшего полковника крещеных калмык Ивана Шоры, которой во всем калмыцком народе знатной и богатой зайсанг был, что и сим свидетельствуется, яко брат оного Шоры Дубжур от

семи сот до тысячи кибиток своих подданных имел и в 1725 году возжелал было креститься и по представлению губернатора Волынского, а по имянному указу... Петра Великаго... повелено было ему за то определить годового жалования денег по пяти сот рублей да хлеба по двести по пятидесяти четтвертей, полковника же Шоры жена, а помянутаго Афанасья Шорина мать, дочь калмыцкого зайсанга Гумеджапа, которой как при хане Черен Дондуке был, так и при нынешнем наместнике ханства Дондук Даше находится и в их Зарге обще с другими знатными зайсанги судьей и бывает во всех с ним советах...».

Вот действие родственных отношений в политических видах властей: «...от него ж (Гумеджапа. — А.Р.) к здешней стороне было не без службы, а имянно в 1736 году и во время турецкой войны в бытность здесь Калмыцкого хана Черен Дондука и крещеного владельца Петра Тайшина посланы были отсюда для приведения от Астрахани калмыцких войск в Самару к поискам над бунтовавшими башкирцами... Петра Тайшина зайсанг Матвей Гелдей, Петра Толстова крестник, а от хана Черен Дондука вышеписанной Гумеджап, и первой из них, забрав от Астрахани несколько сот крещеных калмык, вместо Самары увел к хану Дондук Омбе, которые там по прежнему обратились в идолопоклонение, а напротив того оной Гумеджап приводил от Астрахани несколько же сот некрещеных калмык, с ханом Дондук Омбою ее тогда несоединившихся, которые над башкирцами и поиски производили...».

И вот смысл посредничества, исповедуемый государством: «...и тако по той причине и по доброжелательству онаго зайсанга Гумеджапа в 1747 году октября от 28 дня полковнику Спицыну указом отсюда рекомендовано с ним, Гумеджапом, сдружиться, и чрез него разведывать о намерениях нынешняго наместника ханства, и понеже таким образом небесполезно есть, чтоб и впредь онаго Гумеджапа, яко во всем калмыцком народе знатного зайсанга для всяких случаев к здешней

стороне ласкать...» [Волжские 2011: 192, 193; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 271. Л. 35–37].

Подобное посредничество становилось и возможным, и весьма действенным, ибо в первые двадцать–тридцать лет связи между Ставропольским войском и Калмыцким ханством не ослабевали, а способы их поддержания оказывались, как следует из источников, различными: выход пленников — уроженцев ханства из степи в Ставрополь, обмен курьерами и посланиями, взаимные гостевые поездки — несмотря на формальные запреты — ставропольских и ханских калмыков [Волжские 2011: 166, 171, 183, 185, 256, 257].

Посему и рядовые крещёные калмыки, и ставропольская знать (она особенно) были в курсе степных дел. Этому способствовало и многообразие аспектов во взаимоотношениях властей и степняков (помощь пленникам, династические браки, участие в войнах, подавление народных движений на окраинах), в которых крещёные калмыки обеспечивали коммуникацию сторон, обратную связь российским инстанциям и в итоге — интересы государства.

Порой это происходило непрямым и даже причудливым образом. Эпизод политической борьбы 1736 г. на юго-востоке России, изложенный в указе — весьма красноречивое свидетельство на сей счёт. В самом деле, в разгар башкирского восстания доверенный человек князя П.П. Тайшина, слывшего российской креатурой, крещёный зайсанг Матвей Гелдей, чьим восприемником был выдающийся петровский дипломат П.А. Толстой, вдруг увёл крещёных калмыков, назначенных против башкир, к Дондуку-Омбо, конфликтовавшему тогда с российским начальством, и отрёкся от христианства. Между тем тесть Ивана Шоро, другого крещёного зайсанга из окружения того же П.П. Тайшина, некрещёный зайсанг Гумеджап собрал в степи некрещёных калмыков и двинул их против башкир, выполнив повеление свыше. Для российских властей, таким образом,

возымела важность система родства представителей крещёной верхушки в целом и политическая лояльность, обусловленная родственными контактами.

В 1740-е гг. вопрос о крещёных калмыках, в том числе и ставропольских, их взаимодействии с кочевым югом и месте в военно-политической инфраструктуре юга, выстраиваемой государством, прочно вошёл в круг забот властей на местах. Это было обусловлено важными событиями для южных окраин — подавлением мощнейшего башкирского восстания, завершением русско-турецкой войны, уходом из жизни сильного калмыцкого хана Дондук-Омбо и очередным туром борьбы за власть в Калмыцком ханстве.

Принципиальной вехой стало воцарение Елизаветы Петровны, при которой Оренбургская комиссия превратилась из геополитического проекта в систему развития пограничной военно-политической инфраструктуры, а степная и, шире, южная пограничная политика стала постоянным предметом верховной власти [Смирнов 1998: 52–55]. Приход новой монархини дал импульс карьере администраторов, чьи подходы к региональной политике были вполне схожими — В.Н. Татищева и И.И. Неплюева. Оба пребывали под сильным впечатлением от башкирского восстания и делали ставку на формирование лояльных служилых групп, способных обеспечивать позиции властей, оба одинаково определяли место калмыков в вероисповедной политике на юге государства. Наконец, оба в своё время приняли тактику широких политических контактов с кочевниками, причём не только верхушечных. Их выдвижение на губернаторство в Астрахани и место главы Оренбургской комиссии (вскоре преобразованной также в губернию) обеспечило соответствующие сдвиги в региональной политике.

В.Н. Татищев извлёк уроки из пребывания в Оренбургской комиссии и на новом месте удачно применил полученные знания южной военно-

политической конъюнктуры. По его инициативе наместником Калмыцкого ханства стал Дондук-Даши, произведший на него благоприятное впечатление в период обустройства ставропольских калмыков. По мнению губернатора, Дондук-Даши был владельцем, способным поддерживать порядок в ханстве, к тому же у В.Н. Татищева на тот момент не возникало сомнений в его лояльности. Противницей Дондук-Даши была ханша Джан, вдова Дондук-Омбо, предполагавшая привести к власти своего сына и ради этого даже изъявлявшая готовность признать власть Надир-шаха и провозгласить персидское подданство калмыков [Торопицын 2010: 52–55]. В этой связи по предложению В.Н. Татищева она в 1742 г. была удалена из ханства и отправлена в Москву, а затем в Санкт-Петербург. В 1744 г. Джан приняла православие, получив новое имя — Вера Дондукова и княжеский титул, однако до конца своих дней сохраняла связи и репутацию среди ойратов и патронировала людей Дондук-Омбо, соответственно, и людей П.П. Тайшина, крещёных и некрещёных, служивших в Ставрополе, Оренбурге, на Яике [Ряжев 2020: 1029, 1030].

Однако отношения между В.Н. Татищевым и наместником ханства развивались, вопреки ожиданиям губернатора, отнюдь не так, как в бытность Дондук-Даши в Красноярской крепости. Наместник почувствовал вкус власти и желал расширить её с опорой на внешние силы, не отличаясь здесь от Джан: Дондук-Даши также сохранял связи с верхушкой Кабарды, Кубани, Крыма, соответственно, место томатов в ханстве, вёл переговоры с Персией и Крымским ханством о возможном подданстве [Торопицын 2012: 33–35]. Проявлял он интерес и к католическим миссионерам, осевшим в Астрахани и проникавшим в степь (см. §4 Главы II). Более того, Дондук-Даши не исключал ухода калмыков и в Центральную Азию. На этой почве развился тяжёлый конфликт губернатора и наместника, завершившийся отставкой В.Н. Татищева в 1745 г. [Торопицын 2012: 37].

В подобных условиях сановник не мог опереться на крещёное «клиентское сообщество». Крещёное тюркское население в Астраханской губернии практически отсутствовало. Калмыков-христиан отправляли на службу в Ставрополь, привлечь же их на службу в Астрахани во избежание конфликтов с Дондук-Даши можно было в очень скромных масштабах. В частности, они на три четверти составили астраханскую трехсотенную казачью команду, созданную в 1737 г. [Очерки истории и культуры 2014: 173, 174]. Для призыва на иррегулярную службу осетин власти в 1743–1744 гг. одобрили создание Осетинской комиссии, но результаты её работы на сей счёт были скромны и проявились лишь спустя двадцать лет [Русско-осетинские отношения, 1 1976–1984: 31–49; Кидирниязов, Лысенко 2015: 163–169].

Единственным резервом В.Н. Татищева здесь оставались юртовские татары, давние и проверенные российские посредники в отношениях с тюрками и кочевниками [Торопицын 2014: 113–116; Торопицын 2015: 158–174]. Имели также место попытки создания аналогичной группы и среди малых ногайцев [Торопицын 2012: 108–110]. В данной связи сановник возражал против вероисповедных ограничений в отношении мусульман, предложенных центральными властями в начале 1740-х гг., в частности, не допуская в своей губернии свадебных сборов с городских мусульман и ликвидации мечетей, предлагавшихся Св. Синодом, и предлагал ряд мер по улучшению их социально-экономического положения и условий службы [Торопицын 2013: 401, 403–405].

Астраханские коллизии находили параллели в Оренбурге. Оппонентом И.И. Неплюева здесь также явился один из наиболее важных представителей кочевой верхушки, в данном случае казахской — Абулхаир, хан Младшего жуза. Аналогичной была и суть конфликта: степной властитель стремился укрепить и расширить фактическую власть,

полагая российское подданство и прерогативы губернатора исключительно номинальными.

Отношения не сложились с самого начала, поводом же стал конфликт из-за аманатов. В августе 1742 г. хан был с посольством у губернатора, и «когда к отъезду время приближилось, представил он тайному советнику, что он вместо сына своего, Ходжи Ахмет-салтана, намерен оставить у него, тайного советника, привезенного им Чингиза и с матерью, и с его ханскою женою, для которой он и в Оренбург, когда ему понадобится, будет приезжать». И.И. Неплюев отказал, «понеже она была не прямая его жена, но подложница..., которую он, хан, нарочно с собой привозил, следовательно, и помянутой Чингиз не прямой его сын был, но побочной, а указами повелено переменять его, ханских, детей от настоящей его ханши рожденными» [Рычков 1998: 175].

Чингиз был действительно сыном наложницы — пленной калмычки, родной брат которой после крещения служил в Ставрополе, благодаря чему И.И. Неплюев, не вполне ориентированный в степных реалиях, всё же разобрался в ситуации. Случай помог губернатору обратить внимание на верхушку ставропольских калмыков и оценить подход В.Н. Татищева к ней. Конфликт между ханом и губернатором на несколько лет поставил российские отношения с казаками на грань войны. В этих условиях возник «запасной план» И.И. Неплюева, к которому оренбургский губернатор впоследствии обращался неоднократно и с помощью которого пытался решить «уравнение с тремя неизвестными» — наладить и поддерживать в интересах власти пограничный баланс между калмыками, казаками и башкирами [Материалы по истории Казахской ССР 1948: 75–82, 188, 189].

Планом предусматривалось усиление границы новыми иррегулярными частями, среди которых ставропольские калмыки выходили на одно из важнейших мест. Ухудшение пограничной ситуации становилось пиковым дважды: в 1744 и 1748 гг., и в обоих случаях

ставропольцы были задействованы: в первом имела место реорганизация Ставропольского войска, во втором — перевод военнослужащих из его состава в новосозданное Оренбургское войско [Кортунов Годовова 2018: 8–10].

Что, однако, представляла собою высшая группа ставропольских калмыков, которую так ценил И.И. Неплюев и добрым гением которой он был последующие полтора десятка лет, вплоть до его отставки? Как уже было сказано, первоначально это была узкая группа зайсангов П.П. Тайшина — его доверенных людей, крестившихся вместе с ним, разделивших его судьбу, а с приходом в Ставрополь в 1738 г. сгруппировавшихся вокруг княгини А.А. Тайшиной.

Их перечень сохранил экземпляр текста присяги в Петербурге при получении княгиней Жалованной грамоты императрицы Анны Ивановны от 1 июня 1737 г. На присяге имеются два рукоприкладства, в которых названы девять имён: «Иван Шоро. Петр Менко. Кирило Шарап присягал и в том я, Кирило, руку приложил.

Семен Тюрэн. Григорей Балдан. Сергей Ясул Гецуль. Иван Амур. Василий Даадан. Иван Мангут присягал и в том я, Иван Мангут, и вместо их руку приложил» [Волжские, 2011: 52]. Первый комендант Ставрополя полковник А.И. Змеёв привёл в представлении начальникам Оренбургской и Башкирской комиссий В.Н. Татищеву и Л.Я. Соймонову от 18 декабря 1737 г. более широкий перечень сподвижников П.П. Тайшина. Здесь, наряду с прежними, десять новых имён: «...а ныне при оной княгине имеется зайсангов... по ее представлению к правлению дел Иван Шоро, Петр Менко, Кирило Шарап, Матвей Бату Менко, Иван Чидор, да сверх оных Григорей Дайши Замсо, Семен Тюря (Тюрэн в предыдущем списке. — А.Р.), Иван Мангут, Афанасей Тукан, Григорей Балдан, Сергей Ясул Гецуль, Иван Амур, Василей Даадан, Федор Котема, Андрей Дабрицын, Костентин Ходжин, Андрей Ламаджан. Да княгиня ж Тайшина

представляет... для всяких... от нея в калмыцкие улусы посылок определить... Нестера Цодаша, Степана Кюрю...» [Волжские, 2011: 70].

В 1743–1744 гг. ставропольскую верхушку пополнили владельцы — родственники П.П. и А.А. Тайшиных, с крещением получившие княжеские титулы: Чидан Дербетев — Никита Тайшин, братья Тундут и Аюша — Пётр и Павел Торгоутские. Несколько позже появился нойон Себеть — Семён Артемьев Хошеутов (Хошоутов), сподвижник хана Дондук-Омбо. В 1758 г. в войско был зачислен Норбо Данжин — Дмитрий Яковлев, двоюродный брат нойона Амурсаны, последнего правителя Джунгарии, вышедший в Россию с остатками джунгарских сил после уничтожения ойратского государства Цинами.

Состав высшей прослойки войска рос и благодаря пополнению по женской линии. Так, князь Павел Торгоутский женился на Анне Васильевой — вдове хана Церен-Дондука. Спустя время после смерти Павла она вступила в брак вновь, и её мужем стал И.Н. Дербетев-младший, сын князя Н. Тайшина, позже депутат Уложенной комиссии Екатерины II. В 1746 г. в Ставрополь прибыла Тютеря — Елена Иванова, внучка хана Аюки, дочь его сына Галдан-Данжина, выданная тут же замуж за С.А. Хошеутова. В 1749–1750 гг. российские инстанции хлопотали о том, чтобы вывезти в Ставрополь из казахского плена Цойраши, сестру войскового квартирмейстера А. Хошеутова, состоявшего в родстве с С.А. Хошеутовым [Волжские, 2011: 177, 179–181]. В 1750 г. И.Н. Дербетев-старший, сын князя Н. Тайшина, женился на дочери княгини В. Дондуковой, вдовы хана Дондук-Омбо. Наконец, в 1752 г. С.А. Хошеутов крестил и отдал в Ставрополе замуж с ведома губернатора И.И. Неплюева сестру Анну Петрову.

Пополнение высшего ставропольского состава в начале 1740-х гг. было обусловлено переменами в Калмыцком ханстве. После прихода к власти наместника Дондук-Даши начался известный отток из ханства

приближённых прежнего хана, Дондук-Омбо, в том числе и тех, кто так или иначе был связан с П.П. Тайшиным. Отнюдь не все они изначально стремились в Ставрополь. В частности, Чидан Дербетев после крещения желал со своим улусом «жить и служить на Дону», однако родственные и социальные связи сыграли в конечном счёте свою роль и здесь.

Дондук-Даши был недоволен уходом калмыков на Дон, особенно же его возмутил приём новых улусов атаманом Д. Ефремовым в 1744 г. без согласования с российской и ханской сторонами, противоречивший условиям соглашения 1735 г. [Максимов 2016: 74]. Однако калмыцкие владельцы, ушедшие на Дон, были готовы креститься со своими людьми, дабы не быть возвращёнными с Дона, как того требовало упомянутое соглашение. В этой связи В.Н. Татищев предложил усилить Ставропольское воинство, куда он и сам направлял ханских калмыков-новокрещённых. С этого времени Ставрополь превратился в калмыцкую христианскую метрополию, куда людей «для крещения и научения в законе» направляли вплоть до конца 1760-х гг.

К этому времени ставропольские калмыки вполне шли в русле российской политики в отношении кочевой границы. Наместник Калмыцкого ханства Дондук-Даши в 1744 г. высказал просьбу о передаче ему ханских реликвий, хранившихся в Ставрополе — панциря и печати, некогда принадлежавших П.П. Тайшину. Появление этой печати у Аюки-хана В.М. Бакунин относил к периоду около 1690 г. и связывал с тибетской инвеститурой ханской власти. Тибетское происхождение печати несомненно, однако дата должна быть пересмотрена: между 1682 г., когда умер Далай-лама V, и 1697 г., к которому относится интронизация Далай-ламы VI, ханская инвеститура была невозможна. Во всяком случае, посольство Далай-ламы VI прибыло к Аюке-хану лишь в 1698 г. Возможно, оно и доставило печать — подарок главы Тибета в качестве ханской инсигнии. Позже печать несколько раз переходила из рук в руки, в

итоге её хранителем оказался ставропольский ротмистр Д. Дерету. Панцирем владел другой видный представитель ставропольской верхушки, полковник и войсковой судья К. Шарап. Для властей передача панциря была актом поддержки Дондук-Даши и включалась в ритуал пожалования ханской власти российской стороной. Установившийся у калмыков в 1730-е гг., он затем, в период оренбургского губернаторства И.И. Неплюева, был распространен и на казахов Младшего жуза (первым ханом с российской инвеститурой здесь был Нурали, сын Абулхаира) [Васильев 2014: 83].

Отношение к печати было иным: подобная инсигния указывала на иные, не зависевшие от России, корни верховной власти калмыков, посему власти предпочли её изъять и не допустить её ухода в степь [Ряжев 2016: 50–60; Тепкеев, Санчиров 2016: 15].

Ставропольские зайсанги в обоих случаях ответили ожиданиям властей: панцирь оказался у В.Н. Татищева, а затем у Дондук-Даши, печать же негласным образом ушла в Москву, в тамошнюю контору Коллегии иностранных дел, за что оба упомянутых ставропольских офицера получили награждение [Волжские 2011: 91, 92, 103, 104].

Приток в Ставрополь новокрещенов, наметившийся в 1740-е гг., вполне отвечал начертаниям И.И. Неплюева, для которого ухудшение отношений с Абулхаиром сопровождалось и риском вмешательства хана в обстановку в Башкирии. Ставропольское калмыцкое войско в этой связи, по мысли губернатора, подлежало реформированию с целью повышения боеспособности и возможности действовать на усиление яицких казаков. К тому же в 1742 г. умерла княгиня А.А. Тайшина, войско пополнилось новыми претендентами на верховенство, и нужно было установить порядок отношений между новопришлыми аристократами и ставропольскими зайсангами «первого часа», уступавшими тем в родовитости, но давно доказавшими свою деловитость и лояльность властям и потому весьма ценимыми И.И. Неплюевым.

Смерть А.А. Тайшиной вызвала необходимость штатной реформы ставропольских калмыков в духе «запасного плана», утверждённого Сенатом 1 марта 1744 г. [Витевский 1895: 682–690]. В сентябре того же года появился проект штата Ставропольского корпуса, подготовленный П.И. Рычковым. В соответствии с переустройством начальствование над войском окончательно принял комендант Ставропольской крепости. При нём в качестве совещательного органа функционировал войсковой суд — аналог калмыцкого Зарго. Суд состоял из знатных и влиятельных представителей войска.

По штату Ставропольского войска «бывшаго (к тому времени уже покойного. — А.Р.) полковника Шоры сыну Афанасью» шёл особый оклад — 50 руб. в год. А.И. Шорина, на тот момент никаких чинов в войске не имевшего, выдвинули на одно из высших штатных мест. Перед ним значились лишь аристократы и старшие командиры, после же него — все прочие вакансии строевых офицеров и номенклатуры войска: ротмистров, «харунжих», «ясаулов», урядника, вестового («розсылщика») и православного духовенства и причта [Волжские 2011: 119].

Войско делилось на роты, командовали которыми строевые офицеры. Офицеры делились на разряды по размеру годового оклада. Двум ротмистрам первого разряда полагалось по 30 руб. в год, троим второго разряда — по 25, ещё троим, записанным в третий разряд — по 20 руб. [Волжские 2011: 119]. Ступенчатость рангов была заложена в штат не случайно. Она предполагала дальнейшее пополнение командного состава выходцами из верхушки «в том рассуждении, чтоб впредь из знатных людей, пребывающих во оные, вмещать и без чинов бы не иметь для избежания между ими ссор и непорядков...» [Волжские 2011: 119].

После штатной реформы верхний состав войска оформился окончательно. Наряду с пополнением извне его источником стало воспроизводство: дети из семей первых лиц войска занимали вакансии в

первую очередь или пользовались почестями благодаря заслугам и влиянию отцов.

Российские власти полагали в существовании верхней прослойки залог управляемости и боеспособности войска, численность которого в изучаемое время постоянно росла. Калмыков — обитателей Ставропольского поселения, военнотружущих и членов их семейств в 1740-е гг. набиралось свыше 4 тыс. чел., в 1750-е — свыше 5 тыс. Законодательство декларировало замену прежнего социального уклада калмыков новым служебным порядком. Об этом шла речь и в указе Сената от 15 февраля 1745 г. Здесь фигурировала отсылка к норме указа Коллегии Иностраннх дел от 9 января 1744 г., по коей военнотружущих-калмыков «повелено числить казаками», но не людьми, зависимыми от крещёной знати, ибо «сие над Крещеными калмыками владение... допустить... весьма не возможно...» [Волжские 2011: 30, 90; ПСЗРИ, 12 1830: № 9110].

Однако указ намечал отход от жёсткой нормы и давал его обоснование. «Владельческие и зайсангские достоинства, — говорилось далее, — подобно дворянству, между Калмыками в наследство, то есть, от отцов к детям, происходят, и прежнее Калмыцкое обыкновение имелось, что их зайсанги улусных своих людей в наследство детям своим присвоили...». После появления калмыков в Ставрополе, констатировал указ, отмены старого порядка и ввода новых служебных отношений, свободных от прежних социальных обязательств, так и не последовало: «между всеми оными Калмыками в содержании их никакого... учреждения поныне не учинено; ибо... чиновные их люди и зайсанги, приласкав и подобрав под власть свою, кто сколько мог кибиток, в своем ведомстве их и содержат и от них корыстуются...». Причиной, по которой новый служебный порядок не прижился, стала сословная политика, о чём говорится прямо: отмена прежней социальной зависимости не отличалась радикализмом, «дабы чрез то лучшие и заслуженные люди фамилии в

презрение и уничтожение не приходили, а особливо наблюдать сего о главных зайсангских детях, которые ежели б были не крещены и в прежних своих местах, то б они тех улусов лишаться не могли...» [ПСЗРИ, 12 1830: № 9110].

Отсюда государство вынужденно обеспечивало фактическое владение и наследование зависимых улусных людей представителями войсковой знати, консервируя социальные отношения: «...и для того в таком случае, когда который зайсанг умрет, и улусных Калмык лучших людей градскому командиру спрашивать, хотят ли они в ведомстве того наследника быть, который после умершаго зайсанга остался? И буде объявят желание, то им того не возбранять, а буде похотят у кого либо у другаго в ведении быть, то их к тому и приписывать; однако ж сие градскому командиру надлежит разбирать, призывая в совет Калмыцких Судей... и для того о таковых улусах заранее предусматривать и разведывать, довольны ли они тем наследником или нет...» [ПСЗРИ, 12 1830: № 9110]. Указ, таким образом, устанавливает, что владельца сменить можно, принцип же владения незыблем. Соответственно, сохранение властями социальной архаики, равно привычной для калмыцких верхов и низов, и определяло социальное положение первых в войске.

В соответствии с традиционным порядком калмыцкого общества албату — основная масса простолюдинов — обязывалась нести повинности в пользу верхушки. Повинности албату были многообразны: натуральный и денежный оброк, чрезвычайные натуральные сборы, обслуживание домашнего хозяйства высшего сословия — нойонов, зайсангов [Калмыки 2010: 67–69]. Государство декларировало замену в Ставропольском ведомстве былого социального порядка новыми служебными отношениями. Но из быта и сознания калмыцкой аристократии вытеснить традиционные установки было нелегко, порою и невозможно. Поэтому власти мирились с сохранением прежних

социальных отношений в среде крещеных калмыков и признавали их. Подобные социальные претензии имели место не только в Ставрополе, но и на Дону — даже в первой трети XIX в. донские калмыки-аристократы претендовали на владельческую власть над рядовыми калмыками [Максимов 2016: 67, 69].

Как следствие, претензии привилегированных сказывались откровенно и в разных сферах. Обычными стали запросы на снисхождение, почести и чины по праву рождения. Так, А.И. Шорин, сын полковника И. Шоры, в 1750-е гг. дважды пытался бежать со службы. Но он не только не понёс никакой кары, но и в дальнейшем благодаря заслугам отца пользовался расположением губернатора И.И. Неплюева. Тот уважил нежелание беглеца быть в строю и помог определиться «по статской части» — толмачом в Коллегию Иностранных дел. А.И. Шорин и там пришёлся не ко двору, но сановник вновь выручил: взял на место толмача в Ставрополь, а в 1757 г. приставлял к джунгарам-аристократам, вышедшим в Сибирь, на переговорах об их зачислении в Ставропольское войско [Волжские, 2011: 192, 193, 213–216, 223, 231].

Вера Андреева, вдова Павла Торгоутского, в доношении в Ставропольскую канцелярию от 26 февраля 1768 г. просила офицерский чин для одного из своих детей: «меньшего сына моего Ивана, яко уже приспевшего в совершенной к службе возраст..., определить в харунжие на ваканцию, хотя он от калмыцкого корпуса и не аттестован...» [Волжские, 2011: 242]. В канцелярском доношении на имя оренбургского губернатора А.А. Путятина действительно читаем: «...он, Торгоуцкой..., ко определению в службу в настоящие лета приспел, то Ставропольская канцелярия представляет ево к награждению в харунжие недостойным...» [Волжские 2011: 246]. Но вдову ничто не останавливало, а аргумент был прост: «за службу отца ево, а моего покойного мужа» [Волжские 2011: 242]. Ставропольская канцелярия, хотя и не соглашалась с назначением

знатного юноши на офицерскую вакансию, в приобщенной справке признавала, что порядок вещей, к которому апеллировала Вера Андреева, имеет давние корни: «ибо де напред сего ис таких же владельческих детей некоторыя, не имея ж прежде никаких чинов, произведены... люди также ещё молодые...» [Волжские 2011: 243].

Стоит подчеркнуть, что подобный «олигархический» порядок затрагивал далеко не всех офицеров войска. Так, в сентябре 1750 г. урядник Яков Абяк подал в Оренбургскую губернскую канцелярию доношение о денежном и хлебном содержании. Он указывал, что «определено мне быть на таком основании: во-первых, когда я, именованный, находиться буду при улусе, то править должность урядническую и по моему сведению... иметь над калмыками добропорядочное смотрение, которое по моей ревности и отправлял., во-вторых мне же и в командированной в Оренбург повсягодной калмыцкой команде впредь до вакансии во всех походах быть и отправлять за есаула...» [Волжские 2011: 182]. Абяк числился на службе с 1745 г., то есть вступал в строевую должность во время ежегодных командировок на границу для усиления яицких и оренбургских казаков, но, как он сам отмечал, «в том звании с вышеписанного году при каждом походе, яко же и ныне я, именованный, пребываю ж, точию во всем содержусь на своем пропитании, ибо... ни денежным, ниже хлебным жалованьем не награжден, тако ж и действительно з жалованными есаулами в комплект и донине не вмещен, и от того за неполучением себе никакого жалования, паче от понесения бывших с помянутого года походов, пришел в крайней недостаток» [Волжские 2011: 182].

Социальная дифференциация командного состава здесь предстаёт явно. В самом деле, с одной стороны, назначение в ротмистры и хорунжие молодёжи высокого происхождения без всякой выслуги, с другой же, усердная, «по моей ревности» строевая служба, ежегодные боевые походы

в низшем ротном чине, и предел желания — даже не фактический многолетний чин за собой закрепить, а причинённые службой убытки снять: «нижайше прошу, дабы милостивейшим рассмотрением повелено было за показанную мою службу определить мне против (наравне. — А.Р.) протчих есаулов денежное и хлебное жалованье, чтоб я против их не был обижен и впредь не пришел в наивящее несостояние» [Волжские 2011: 183]. Одним словом, тем, кто не мог рассчитывать на покровительство родственников, заслуги предков и внимание инстанций, в жизни приходилось гораздо хуже, и документы свидетельствуют об этом со всей определённойностью.

Для И.И. Неплюева наличие привилегированной группы во главе войска было залогом управляемости последнего. Поэтому он настаивал на корректном и уважительном отношении должностных лиц к её представителям в повседневном общении, соблюдении корпоративной автономии калмыков в делах службы, постоянной демонстрации расположения к ним, в частности, содержании для них открытого стола у коменданта Ставрополя [Волжские 2011: 204–206].

К тому же он им вполне доверял. Во всяком случае, получив в начале своего губернаторства в 1743 г. опыт использования ханских калмыков против башкир, в пограничной расстановке сил он более полагался на калмыков ставропольских. Показательно, что, запрашивая в 1756 г. войска для подавления восстания Батырши у наместника Дондук-Даши, губернатор сообщил ему о намерении использовать контингент против казахов, то есть утаил истинную цель командировки ханских калмыков [Записки Ивана Ивановича Неплюева... 1893: 147, 148]. При этом ставропольским калмыкам задача была поставлена с самого начала прямо, и утечки сведений на юг, в калмыцкую степь губернатор не опасался.

Постоянным предметом забот И.И. Неплюева было развитие структуры и поддержание численности войска. При этом он крайне

негативно относился к служебным переводам офицерского и рядового состава Ставропольского корпуса крещёных калмыков в Оренбургское войско. Отдельной страницей истории попечения губернатора о войске стало включение в его состав джунгар, вышедших на российскую территорию после падения Джунгарского ханства.

Требуется, прежде всего, обозначить причины, которыми руководились военно-гражданские власти, принимая решение о вводе джунгар в корпус. Следует также выяснить, как развивался процесс его пополнения новыми людьми на практике и какие итоги имели здесь место.

Сначала о причинах. Ставропольское войско с момента создания было призвано выполнять ответственную задачу — защищать разрыв между Новой Закамской и Оренбургской линиями и действовать совместно с Яицким войском и оренбургскими казаками. К 1754 г. численность войска преодолела показатель в 8 тыс. чел., что делало его не только одним из крупнейших калмыцких формирований вне ханства, но и серьёзной силой, не намного уступающей по количеству сабель другим иррегулярным соединениям в системе пограничной обороны российского юго-востока. Для сравнения: штат гарнизонных и ландмилицких полков Самарской линии (от Самары до Оренбурга) в 1744 г. не превышал тех же 8 тыс. чел., а Оренбургского нерегулярного корпуса в середине XVIII в. — 6 тыс. чел. [Кузнецов 2009: 38; Калмыки 2010: 52; Кортуннов, Фокин 2012: 28].

Контроль состояния корпуса в Ставрополе служил насущной заботой губернского начальства. С 1755 г. Джунгарское ханство оказалось под ударами Цинов, и его подданные — алтайцы и ойраты в поисках укрытия стали появляться в пределах России. 27 января 1756 г. вышел указ Коллегии Иностранных дел губернаторам — оренбургскому И.И. Неплюеву и сибирскому В.А. Мятлеву об их приёме в подданство. Беженцев предполагалось увести как можно дальше от театра военных

действий: «А при том как с китайской, так и с зенгорской стороны прием их в здешнюю сторону столько чувствителен быть не может, нежели когда б они в близости от них находились», — говорилось в коллежском указе [Русско-джунгарские отношения 2006: 194]. Губернатор сообщал о поручении свыше в ордере, направленном в июле 1757 г. Б. Останкову, ставропольскому коменданту: «... те вышедшие и впредь тайком выходящие зюнгорцы по особливому е.и.в. указу во особливую дирекцию поручены мне, почему от меня надлежащее об них учреждение учинено будет впредь...» [Волжские 2011: 221]. Приём имел условие — переселение в Калмыцкое ханство, но И.И. Неплюев вынашивал свой подход: сановник не желал упустить возможность пополнить ряды строевых военнослужащих Ставропольского корпуса, а посему его «учреждение» предусматривало включение пришельцев именно в их число.

Ряд обстоятельств заставлял И.И. Неплюева поступать именно так. Во-первых, сказывалась проблема бегства. Со времени основания хозяйственное положение войска улучшалось: если в конце 1730-х гг. среди пришельцев из Калмыцкой степи и донских улусов здесь преобладали бедняки, не владевшие скотом, то через двадцать лет в ставропольских ротах «бесскотных» военнослужащих не обреталось вовсе (новопришлые джунгары не в счёт). В итоге наметился отток калмыков, несмотря на крещение, в родные кочевья, начальство же, как демонстрируют документы 1750-х гг., столкнулось с необходимостью ставить этому препоны [Волжские 2011: 184, 186–189; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 279. Л. 11–24].

Во-вторых, на количество ставропольцев негативно влияли их переводы на постоянную службу в Оренбург. Б. Останков в рапорте от 5 июля 1757 г. на имя И.И. Неплюева отмечал известную пустоту ротных поселений войска, наметившуюся после ухода контингента. В частности,

он упоминал выбранную для поселения джунгар Преображенскую слободу, «из которой в прошедшем 1756 году к соединению в Оренбургской нерегулярной корпус переведено немалое число семей, после которых земли и луга свободные имеются» [Волжские 2011: 225, 226].

Отсутствие в корпусе числа людей, требуемого для выполнения текущих служебных задач, к тому времени не однажды давало себя знать. С 1740-х гг. утвердился порядок ежегодных посылок на границу набираемого в войске двухсотенного отряда. Опыт получался неудачным: комплектование и выезд всегда шли трудно, с задержкой. Дабы устранить проблему, надлежало нарастить мобильный и зажиточный сегмент войска: в нём был залог надёжной служебной ротации и снятия с калмыков «двухсотенного набора» как социального бремени, или, как выразительно говорилось об этом в докладе Сената от 20 января 1765 г. о состоянии ставропольских и оренбургских калмыков, «в чем могут они изворот иметь, а служба в исправности быть» [ПСЗРИ, 17 1830: 14]. Подобные соображения и побуждали И.И. Неплюева к действию в 1750-е гг.

Теперь о том, как предполагалось наладить прирост активных сабель корпуса за счёт джунгар и с каким эффектом. В данном случае И.И. Неплюев счёл находкой для себя лидеров пришедшую в Россию летом 1757 г. группу джунгар [Русско-джунгарские отношения 2006: 221, 222], о чём он информировал и ставропольского коменданта. «... Здесь сверх оных отправленных, — сообщал губернатор ордером, — и нойон, то есть настоящей и знатной владелец, именовавшийся по-калмыцки Норбо Данжин Бинбин, а по крещении Дмитрий Яковлев, да знатной зайсанг, из зенгорского ж ханства вышедший и нойонский [приближённый] также и по крове [из знатных] свойственник Андрей Карлов имеется...». Поскольку оба нойона перешли в православие и изъявили желание жить и служить среди соплеменников в Ставрополе-на-Волге, сановник

рассчитывал, что их пример привлечёт в корпус и знать более мелкого калибра, и рядовых. Соответственно, в ордере фигурирует следующее: «...но понеже сюда новоподданные некрещеные зюнгорцы к соединению с вол[ж]скими некрещеными калмыками в немалом числе из Сибири ожидаются, того ради оной нойон и свойственник нойонской, как уже крещеные, ибо они люди знатные, в надежде той, что не могут ли они и ис тех сюда ожидаемых некрещеных зюнгорцов еще некоторых ко святому крещению приохотить, до прибытия их здесь» удержаны, «чего ради по прозбе их и прибывшей с ним, нойоном, зайсангской сын, называющейся по калмыцки Элзятя Церен Даншин, а по крещении Федор Сергеев и зговоренною им за себя здесь ис прибывших напоследок ис Тары, зайсангскою женою, а при Андрее Карлове ис прибывших с ним же два зайсанга с их женами нойонския тетка и сноха с ее сыном, да ево, Карлова, тетка ж, и нойонских холопей, и протчих рядовых калмык 33 человека при обоих при них оставлены з дачею кормовых денег, как же те новоподданные некрещеные зюнгорцы сюда придут, тогда и они, нойон с товарищи, и с теми, которых они из них, зюнгорцов, ко святому крещению склонить могут, в Ставрополь отправятся...» [Волжские 2011: 221, 222].

Для укрепления боевых кондиций Ставропольского корпуса приход джунгар имел вполне определённый смысл. В лице джунгар Ставропольский корпус приобретал воинов, не только привычных к полю, но и освоивших длинно- и короткоствольное оружие, сведущих в тактических схемах его применения в боевых порядках лёгкой кавалерии как рода войск.

Норбо Данжина и его родственников — вербовщиков джунгар губернатор прочил на первые роли в войске. В ордере коменданту об этом говорится: «... и найону, також и нойонскому свойственнику Андрею Карлову по состоянию каждого войсковые чины назначены и определены

будут, а протчих тако под командою их особливо в одну, а ежели их умножится, чего и желательно, то на основании вышеуказанного присланного ко мне ис Правительствующаго Сената е.и.в. указа и две роты учредить рассуждено..., причем тогда и о снабдении их ко обзаваживанию надлежащее определение учинено быть имеет...» [Волжские 2011: 222].

Губернатор, продвигавший Норбо Данжина, встретил понимание дипломатического ведомства. В указе Коллегии Иностранных дел от 17 сентября 1758 г. оно выражено недвусмысленно: «... зенгорский владелец Норбо Данжин, а по святом крещении Дмитрий Яковлев... каково об нем подано Правительствующему Сенату 6 июля сего 1758 года доношение, о определении его по Ставропольскому статуту на место в полковники произведенного Павла Торгоутского в войсковые судьи, и на то получен указ от 23-го того ж месяца...» [Волжские 2011: 230].

Между тем крещёный нойон в Ставрополь в 1758 г. не приехал. В июльском указе Коллегии Иностранных дел значится, что «...он и бывшей при нем зенгорский зайсанг Улумжи, а по святом крещении Степан Дмитриев, также и другие зенгорцы... призван был сюда для получения от него известия о последних зенгорских обстоятельствах и об оставших зенгорских владельцах для принятия в рассуждении сего народа каких-либо к здешней пользе служащих мер...». Норбо Данжин, человек знатный и сведущий, выступил полезным информатором: «...от него здесь известие о том получено и по его объявлению зенгорским разных родов владельцам родословии учинены...», — отмечено также в указе [Волжские 2011: 230].

Осень 1758 г. обернулась острым кризисом в русско-цинских отношениях, и нойон, хотя и не владевший оперативной информацией, но ориентировавшийся в центральноазиатской политической конъюнктуре, к тому же обладавший престижем в глазах других информаторов-ойратов, был оставлен при Коллегии. В итоге он так и не прибыл к месту службы, померев в северной столице от непривычных климата и пищи.

Размещение на территории Ставропольского войска рядовых джунгар началось летом 1757 г. В цитированном ордере губернатора речь идёт о приходе сравнительно небольшой группы джунгарских новосёлов — «вышедших в подданство е.и.в. двух зайсангов с женами и рядовых калмык мужеска [и] женска полу 128...», проделавших путь из Сибири в Оренбург и направляемых на Волгу. Их надлежало определить на места, что губернатор и предписывал коменданту: «... того ради... благоволите между тем ко всегдашнему всех их при Ставрополе с протчими пребыванию и обзаведению где для них удовольственнее быть может, место примышлять.., а к зимнему времени тем знатным в Ставрополе и квартиры приуготовить наиприлежнейше...» [Волжские 2011: 223].

Из документа понятно, что это не первая группа выходцев, следовавшая своим ходом в распоряжение Ставропольского корпуса, ибо полковнику поручались меры и в отношении тех, кто явился раньше: «... и того ради между тем... благоволите вышеписанных ныне отправленных калмык... так же, как и прежде сего... посланных, разделить в улусы к прочим тамо находящимся ставропольским крещеным калмыкам, а что касается до показанных зайсангов, то где лучше, то есть в самом ли Ставрополе, или тамо где в улусах пристанище им дать, то сие по особливому Вашему рассмотрению учинить, дабы каждой из них вспоможением тамошних калмык к зиме хотя необходимо нужное для пребывания своего запастись мог...» [Волжские 2011: 221].

Губернатор чётко формулировал ближайшую политическую цель предписанных коменданту действий: «...дабы они с лучшим пред некрещеными удовольствием быть и чрез то не толико сами Высочайшую е.и.в. милость чувствовать, но и протчия ожидаемая сюда некрещеные калмыки видя и слыша, отменное как здесь оставленных, так и к Вам отправленных, призрение и довольствие, ко святому крещению склоняться

могли, и тако бы Ставропольской корпус в лутчую Высочайших е.и.в. интересов пользу более умножиться мог» [Волжские 2011: 223].

Выплаты пришельцам должны были пойти, по мысли губернатора, из средств на содержание войска. «...К содержанию их ис положенной на то суммы снабдением их не оставлять, а зайсангам и дачу кормовых денег также продолжить..., всячески Вашему Высокородию рекомендую всех их, зюнгор вышедших и к Вам отосланных, и впредь отсылаемых калмык по вышеписанным резонам наградить...», — отмечал сановник. При этом он желал от коменданта результативных мер по хозяйственному обустройству новосёлов, позволяющих включить их в службу в короткий срок: «наградить что да кого, и сюда [чтобы] дошло, что они довольны.., что ж им произвождимо будет, лично Вам рассудится ко обзавоживанию их делать и дать, и что и в каком чину имянно, о том Вашего известия ожидать буду... Потребно мне и то ведать, какие награждения сначала и после приходящим на житье в Ставрополе новокрещеным волжским калмыкам, и как на содержание их, так и на обзавождавание чинены, ибо, уповательно, тамо многие также, как и те, все скудны и досадны приходили...» [Волжские 2011: 223, 224].

Рапорт коменданта Б. Останкова от 5 июля 1757 г. извещал администратора, прежде всего, об устройстве указанной группы из 128 чел.: «И по силе оного Вашего высокопревосходительства ордира из вышеозначенных ныне сюда отправленных зюнгорских калмык к пребыванию с ставропольскими крещеными калмыками в улусы мною назначены, и по прибытии сюда определено быть имеет в Преображенской слободе... восемьдесят, в Предтеченской, что на Красном Яру при Кондурче тридцать, в Воскресенской слободе Ягодном тож осмнатцать человек, а зайсангом по новости их и до точного (на новых ли особливо для зюнгорских калмык во отмежевание будущих землях или обще с прежде поселенными низовыми калмыками быть имеют) определения о

пристанище за лутшее признаваю иметь при Ставрополе, где как на зимнее время квартирами снабдены быть, так и содержанию своему лутшее удовольствие иметь могут, а к поселению оных зюнгорских калмык особыми двумя ротами, осмотря через нарочно посланных, где удобнее и угодыми довольнее мест явиться, о том впредь Вашему высокопревосходительству донести не премину, а для вышеозначенного владельца и протчих с ним здесь будущих к зиме квартиры ис прежде для калмыцких же старшин построенных домов приготовлены быть имеют...» [Волжские 2011: 225, 226].

Особо комендант оговаривал нормы денежных выдач хозяйственного назначения. Он напоминал, что выплаты установлены в 1737–1740 гг. для первых калмыцких поселенцев. В 1746 г., когда готовились к тому, что в Ставрополь приедет знатная калмычка Тютеря, дочь нойона Галдан Данжина и внучка ханши Дарма Балы, они были подтверждены, причём по прибытии, после крещения сама владелица получила дополнительно 50 руб., её же спутникам ординарную сумму выдавали дважды — перед отправкой и на месте.

В дальнейшем, продолжал Б. Останков, размер выдачи изменился — за крещение в Ставрополе калмыкам причиталось по 1, 5 руб. на человека. Комендант предлагал вернуть прежний порядок и вести денежную выдачу из расчёта на семью, что с хозяйственной точки зрения представлялось ему более полезным: «... что же касается до вышеобъявленных ныне выходящих в подданство е.и.в. и во святое крещение приходящих зюнгорских калмыках, дабы они в здешних местах по новости своей могли чем себя содержать и впредь к лутшему состоянию скотом и протчим имуществом обзавестись, того для слабейшее мое мнение покорно представляю, не повелено ль будет при оном их первом приходе награждение учинить против того ж, как и вол[ж]ским производилось, не считая, что им кормовые деньги до Ставрополя даются владельцу до

пятидесят, зайсангам лутшим по дватцети, протчим по десяти, редовым по пяти рублей на семью, а холостым зайсангам и редовым против того вполы...» [Волжские 2011: 228, 229].

В результате «джунгарского призыва» в войско зачислили 2961 чел. [Калмыки 2010: 52]. Это меньше, нежели вышло из Сибири: сказалась смертность в пути [Русско-джунгарские отношения 2006: 224]. Но в целом надежды И.И. Неплюева оправдались. К концу 1750-х гг. действительно удалось нарастить строевой состав войска: с учётом джунгарского пополнения в нём тогда насчитывалось более 11, 5 тыс. калмыков [Калмыки 2010: 56]. Побег, разумеется, продолжались, но и в 1760-е гг. войско, усиленное тремя (вместо ранее предполагавшихся двух) ротами джунгар, держало состав порядка 8 тыс. чел. Наверху считали, что этого достаточно для выполнения текущих задач [ПСЗРИ, 17 1830: 14; Волжские 2011: 236; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 311. Л. 108].

«Джунгарский» прирост ставропольцев вновь рождал на рубеже 1750–1760-х гг. у начальства соблазн перевести часть из них на постоянную службу под Оренбург, усилив тем самым первый пограничный эшелон. В указе Сената от 8 декабря 1765 г. губернатору А.А. Путятину отмечалось, что ставропольские калмыки идеально приспособлены «ко употреблению их по легкости в нужных и необходимых случаях против степных пограничных народов, к чему напротив того регулярныя люди не могут быть способны..., а тамошния линии всегдашней предосторожности требуют от степных и легкомысленных народов...», и на новом месте ставропольцы также проявят себя с наилучшей стороны [Волжские 2011: 236, 237]. Военная коллегия делала оговорку: переводить можно «из находящихся тамо старых Калмык, кои не из Зюнгорцов и в Киргиз Кайсаках не бывали, но из Волских крещеных...», то есть давно живущих и обзаведшихся скотом,

дабы переселение не вредило их имущественному положению и, соответственно, не создавало помех в службе [ПСЗРИ, 17 1830: 14].

Однако допустить из-за переводов под Оренбург откат в вопросе о численности корпуса верховная власть не желала, осознавая его военное значение. Указ Сената содержал прямое предписание губернатору: Ставропольское войско нельзя сокращать переводами в другие места безоглядно, ибо «великая убавка людей из Ставрополя полезно быть не может, по последующей от того тамошним местам пустоте, и по пресечению способов к употреблению из живущих тамо ныне калмык для службы е.и.в. и знатным числом во все стороны, куда нужда впредь востребовала б...». Невозможно было сбросить со счетов и полицейский потенциал войска, ибо «и в последнее башкирское беспокойство калмыки оказали себя весьма отменным образом...» [Волжские 2011: 237]. Джунгарский «человеческий материал» корпуса в обоих аспектах заслуживал высокой оценки в рамках сложившейся региональной пограничной политики. И.И. Неплюев говорил об этом ещё в 1755 г., до завершения натиска Цинов на Джунгарию: если и брать джунгар в подданство, то именно как контингент, пригодный для сдерживания казахов и отчасти башкир [Русско-джунгарские отношения 2006: 187].

Калмыки стали основным резервом пополнения иррегулярных частей, существовавших на постоянной основе. В этой связи вопрос о политической ситуации в Калмыцком ханстве, судьбах калмыцких вспомогательных контингентов за его пределами прочно вошёл в долговременную программу укрепления южных границ государства и увеличения его военных потенциалов.

Что касается тюрков, то их инкорпорация в казачьи ряды в изучаемое время была минимальной. В каждом из казачьих войск Европейской России их количество составляло от нескольких десятков до нескольких сот человек, что давало три – пять процентов населения [Кортунов, Фокин

2012: 108; Казачество в тюркском и славянском мирах 2018: 289–292, 299]. Условия для более широкого процесса возникли лишь на рубеже XVIII–XIX вв.

§ 4. Движение казаков-старообрядцев за отмену обязательной службы (1764–1765 гг.) и его политические последствия

Религиозная либерализация Екатерины II ознаменовалась разрешением записи «потаённых раскольников» в двойной оклад. Однако эта мера вызвала надежды известной части казачества на освобождение таким путём от обязательной пожизненной службы. В сенатском докладе от 22 ноября 1765 г. (такая дата стоит в публикации документа, но из новых источников следует, что работа над ним была завершена 4 ноября) об этом читаем: «Военная коллегия по отпискам от донских и вольских нерегулярных войск и по рапортам тайного советника и оренбургского губернатора князя Путятина и генерал-майора Брахвельта доношением Сенату представляла, что публикованием де о явке потаённым раскольникам и о записке их в двойной оклад 1764 [года] марта от 3-го (в тексте ошибочно: «марта от 5-го». — А.Р.) В.И.В. указов в Донском, Вольском и Оренбургской губернии в Исецкой провинции нерегулярных войсках оказалось служащих и отставных казаков с жёнами и с детьми не только таких, кои», подобно гребенским казакам, о чём правительство было давно осведомлено, «свой раскол в двуперстном изображении креста святого почитают, но и совсем отпадших от православной церкви весьма многое число, кои, объявляя, что они до публикации одного указа в расколе были потаённо, и просили, чтоб их по тому их расколу записать в двойной оклад...». Военная коллегия сообщала также, что Исетская провинциальная канцелярия «в записке тех раскольников первым поводом состоит», поскольку она ещё до указаний свыше не только разрешила

зачисление «в раскол», но даже и провела двойной сбор подушных денег с казаков [Сенатский архив, XV 1913: 900, 901].

Новые документы дают также сведения об обстановке в войсках. В доношении Оренбургской губернской канцелярии от 2 сентября 1764 г. в Сенат говорилось, что «из оренбургских и са[к]марских казаков, иныя словесно, а другия и писменно просили, чтоб как их, так и протчих, состоящих в таком же суеверии,.. в раскол записать», и что канцелярия, поддаваясь нажиму снизу, была вынуждена направить разрешительные указы в «Елецкую» (Илецкую) и Сакмарскую станицы. В донесении губернские власти неуклюже оправдывались, что сделано это было не для внесения военнослужащих в оклад, а единственно «для наилучшего сведения» и в ожидании «повеления» из столицы. Из бумаги, таким образом, следует, что в движение пришло и Яицкое войско (Илецкая станица состояла в его ведомстве), и что здесь казаки оказали на местные власти столь же сильное давление, как и их оренбургские собратья-соседи. 18 ноября 1764 г. Сенат вынес «наистрожайшее» запрещение записывать военнослужащих «в раскол» на том основании, что указы, к которым апеллировали казаки, принимались для «состоящих в подушном окладе», но отнюдь не для военных. В сенатском определении губернским властям рекомендовалось в случае новых «домогательств» казаков прибегать к «увещеваниям» их «через духовных персон» [РГАДА. Ф. 822. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–3об., 32–32об.].

Из документов Оренбургской войсковой канцелярии узнаём, как развивалось движение в Волжском войске. В марте 1765 г. «...в силу опубликованного о потаённых раскольниках указу являются в Царицынской канцелярии Волска войска из служащих казаков, объявляя о себе потаёнными раскольниками и желающие поселением быть между городов Царицын и Чёрного Яру в Каменном Яру, коим де от Царицынской канцелярии велено было, чтоб они о том своём расколничестве объявили

по команде в войсковой канцелярии, а потом того войска казаки Савелей Минаев с товарищи, всего девять человек, в поданных в ту войсковую канцелярию доношениях о себе показали, что они по семейству своему испотаённых раскольников до сего времени находились в том скрытии, а ныне желают записатся в раскол, сверх же того оной казак Минаев с товарищи по своему безрассудному суеверческому учению, возмущая в волском войске и других казаков, и собравшись с таковыми подобными себе, уехал ныне в Астрахань с таковым разглашением, что из Астраханской губернской канцелярии привезёт указ, чтоб им селится на Каменном Яру, и по тому ево возмущению многия волскаго войска казаки для записания себя в раскольники, ис коих прежде того у себя расколу никогда не имели, но отбывая от службы, по ево научению без ведома войска отбыли, пуская славу, якоб в Чёрной Яр, где таковых бутто записывают в раскол в двойной оклад».

В указе от 18 апреля 1765 г. военное ведомство констатировало, что «...ежели оное ево, Минаева, суеверие отвращено не будет, а продолжится вдаль, то он может... и ещё многих волска войска казаков, которые все того расколу ниже не знали, как многих и ныне толко ис того, чтоб командирования в службу миновать,.. в раскольническую ересь отвращают, что и службу содержать будет некому». Поэтому оно «просило оное волское войско, чтоб со оными возмутителем и протчими бежавшими из службы казаками учинить по указом, а для командирования в службы буде оные в Астрахане, о присылке под караулом к войску, чтоб на то смотря, и протчия не могли такового побегу чинить». На месте указ был немедленно принят к исполнению: «и по тому определению Военной коллегии велено вышеписанных бежавших в Астрахань волска войска казаков, сыскав, выслать к волскому войску за караулом...».

Настаивая на строжайшем наказании «заводчика возмущения», Военная коллегия вместе с тем была склонна и к уступкам: «а при том

представляла, не соизволит ли Правительствующий Сенат как оному волскому, так и протчим нерегулярным войскам,.. в которых, уповательно, таковых расколников наититца может», разрешить делать «о себе объявления войсковым атаманам» и «подавать скаски», по которым их можно будет, не исключая из службы, записать в двойной оклад. Как видим, это шло вразрез с вышеупомянутым сенатским указом от 18 ноября 1764 г. Поэтому в новом определении Сената инициативу Военной коллегии оставили без внимания, и только угрожали ослушникам карами: «Принятое некоторыми из них... суеверие... не токмо не послужит им способом к переселению [в] другие места.., как о том казак Минаев с товарищи ложно рассеять отважился», но «ежели и впредь таковые найдутся», то будут наказаны и сосланы «в Нерчинск на поселение» [РГАДА. Ф. 822. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–3об., 32–32об.].

Между тем события на Волге и Дону принимали серьёзный оборот. «...Главными возмутителями нашлись казаки в Вольском Савелий Минаев, в Донском Елисей Емельянов и шурин его Василей Араканцов, из которых оный Минаев в Астрахань, а от Донского — казаки же Самсон Леденёв и Григорий Рогачёв в Москву для прошения о записке как их, так и всех желающих в двойной оклад, без позволения команды самовольно отлучились, и хотя де во всех войсках в силу указов из Сената чрез посланные от Военной коллегии грамоты неоднократно опубликовано и всем таковым суеверцам объявлено было...», что указы, адресованные податному населению, на них не распространяются, «причём они и увещеваны были, чтоб то безрассудное суеверие оставя, святей Церкви повиновались, однако де они и по выслушании того указа и чинимых им от старшин и от священников увещеваний, будучи утверждаемы вышеписанными казаками... и прочими, не только от своего зловерного суеверства не обратились, но ещё Елисей Емельянов с шурином своим при том объявлении старшиною Поповым указа, дерзновенно поступая,

кричали, что они Военной коллегии грамот не слушают. И потому оные все, как главные зачинщики, так и прочие, противящиеся чинимым к ним увещеваниям, в Волском и Донском войсках забраны под караул, и содержится их до 600 человек...».

Массовое казачье движение вызвало тревогу и в духовном ведомстве: «..Для отвращения же таковой ереси, умножившейся особливо в Донском войске, как по рапорту в Военную коллегию Донского войска от атамана Ефремова показано, что оных раскольников в 7 только станицах мужеска и женска пола до 10000 человек явилось к записке, Св.Синодом учреждена особливая комиссия» [Сенатский архив, XV 1913: 901], готовившаяся к выезду в Черкасск.

Сенат обратил внимание на положение в войсках. I Департамент Сената запросил у Военной коллегии справку о том, на каких основаниях существует Волжское войско, и 17 октября 1765 г. такая справка была представлена [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 501. Л. 4–7]. Далее дело перешло в IV Департамент, и 4 ноября 1765 г. там был подготовлен новый, на основе прошлогоднего от 18 ноября, указ. Он касался не только иррегулярных частей: «...чтоб во всех губерниях, как в нерегулярных, так и в регулярных войсках воинских чинов в раскол и в двойной оклад записывано не было и подобного же Исецкой провинциальной канцелярии не порядка не произошло, Военной коллегии к губернаторам от себя предложить...». Указы об этом тогда же были направлены в Военную коллегию и оренбургскому губернатору [Сенатский архив, XV 1913: 903].

Соответствующее определение Военной коллегии рассылалось и по казачьим войсковым правлениям. Экземпляр, адресованный «Нашего Яицкого войска старшинам» и датированный 10 ноября 1765 г., публиковался А.Рябининым под заголовком «Правила об обращении раскольников из казаков» по копии из архива штаба Уральского войска. В документе предписывалось «нерегулярных войск атаманам и старшинам...

с помощью благочинных священников, в станицах казацких находящихся, всевозможные средства употреблять к отвращению их (казаков.— А.Р.) от того суеверия, и [чтобы] атаманы чинили сие секретно, не силою и угрозами, или другими принуждениями, но уверениями и доказательствами из Божественного писания...» [Рябинин, 22, ч. 2 1912: 85].

Уверения и доказательства были нужны, чтобы не вызвать массовых побегов со службы, и последующие предложения Военной коллегии, представленные Сенату на утверждение, показали, что она вполне сознаёт угрозу подобного развития событий. В частности, коллегия предлагала немедленно освободить казаков, арестованных по делу, «и по свободе определить их всех по-прежнему к их должностям, а в раскольнической оклад их не писать, взятые же с них в тот оклад деньги оставить в казне», очевидно, в качестве штрафа. Зачинщиков полагалось отослать для увещевания к архиереям, и только С. Минаеву, С. Леденёву и Г. Рогачёву намечено было более серьёзное наказание — плети и ссылка на гарнизонную службу «в сибирские полки». Но даже и они наказывались формально не «за раскол», а за нарушение воинской дисциплины: «за самовольную их от команд отлучку на страх другим». Особого рассмотрения, по мнению военного ведомства, заслуживала ошибка служащих Исетской канцелярии, которых предписывалось «оренбургскому губернатору по взятии ответа жесточайше штрафовать» (про Оренбургскую канцелярию, допустившую такой же промах, не было сказано ни слова).

IV Департамент одобрил предложения Военной коллегии, подтвердив все положения сенатского указа 4 ноября. Относительно синодской комиссии в докладе предлагалось «отставить» её «в рассуждение, что в оной может произойти некоторое принуждение и изневажные следствия, чрез которые, вместо желаемого успеха,

последовать может способ к вящему народа ожесточению». Очевидно, что в соответствии с духом времени составители доклада видели в комиссии проявление инквизиции, и подобные опасения полностью совпадали с умонастроением молодой императрицы. Доклад из IV Департамента поступил на Общее собрание Сената, а оттуда к Екатерине II. Её резолюция была такова: «Комиссию отставить, а с сим посылаю графа Орлова для объяснения моих мыслей, которые единственно для вашего рассуждения сообщается» [Сенатский архив, XV 1913: 902–903].

Мысли императрицы, как можно уверенно предполагать, в первую очередь также касались недопустимости религиозного принуждения, почему в первую очередь было вынесено решение именно против синодской комиссии. Собственно же предписания по делу, оглашённые Г.Г. Орловым на Общем собрании Сената 18 ноября 1765 г., были таковы: «Хотя опубликованный Манифест о записи в раскол и не простирается на военнотружущих, однако не лучше ли будет прекратить оное [недовольство казаков] таким образом: 1. Чтоб им сказать, если оные запишутся казаки в раскол в двойной оклад, тем почитая себя уволенными от службы, то чрез самое то теряют и те преимущества, которые они тою службою у себя имеют, как, например, вольное вино, соль, собственные свои управления в станицах, рыбные и звериные ловли, неопределённое число во владении земель, и, сверх того, во все те права переходят, как и прочие российские земледельцы или других чинов земские люди. 2. Если, паче чаяния, и самые те выгоды не довольно сильны будут удержать их от сего желания к записке в раскол, то вопрошается: не лучше ли будет, чтобы самым тем способом, по их собственному желанию сделав перепись, и учредить их таким образом, дабы они со всем своим имением могли войти в твёрдое и известное положение, к чему способов много придумать можно» [Сенатский архив, XIII 1913: 140].

Здесь, во-первых, отметим, что, выдвигая своё предложение, Екатерина II, несомненно, ознакомилась с документами Военной коллегии, подготовленными для слушания в Общем собрании Сената — справкой о Волжском войске от 17 октября (см. выше) и экстрактом о численности, условиях и значении службы всех казачьих формирований России [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 501. Л. 22об.] (они приложены к копии выписки из журнала Общего собрания от 25 ноября 1765 г., поступившей в I Департамент). Именно отсюда в озвученный Г.Г. Орловым первый пункт екатерининского проекта были включены упоминания о «вольном вине», свободной добыче соли, казачьем самоуправлении и прочем. Во-вторых, обращает на себя внимание либерализм предложения: Екатерина II действительно пишет о готовности перевести известный контингент военнотружущих в другое сословное положение, тем более, что подобные шаги были уже не в новинку: по её указу от 4 января 1765 г. из Оренбургского войска были исключены новокрещены-тептяри [Васильев, 1 2000: 147–148].

Сенату на это было нечего возразить: несколько дней назад сами сенаторы, высказываясь против комиссии Синода, выступали за терпимость в делах веры. Формально мнение императрицы, донесённое через Г.Г. Орлова, было одобрено (текст сенатского решения идентичен предложениям Екатерины II). С другой стороны, принимая во внимание действительное положение дел на окраинах государства, сенаторы вряд ли были серьёзно настроены говорить о сокращении казачьих войск и переводе хотя бы части казаков на положение «оседлых землепашцев». Поэтому решено было ничего не предпринимать, пока в войсках не закончится кампания церковных увещаний «суеверов», вменённых в обязанность старшине и епархиальному духовенству. Дело отправили вновь в IV Департамент, поручив вместе с тем Военной коллегии послать

туда сведения о казачестве для подготовки нового доклада Общему собранию Сената.

Очередное заседание Общего собрания состоялось 25 ноября 1765 г. Интересно, что среди зачитанных на нём документов была «Ведомость находящимся в России свободным и удобным к населению землям, кои назначены для поселения выходящим в Россию иностранцам и раскольникам» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 214. Л. 1–2; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 501. Л. 1–1об., 3–3об., 15–16], составленная в виде выписок из колониционного законодательства 1762–1764 гг. Очевидно, это было маневром царедворцев. По итогам слушания Сенат принял жёсткое решение, весьма далёкое от миролюбивого проекта монархини — приказать Военной коллегии довести до сведения военнотружущих, что их запись в двойной оклад в силу самого указа от 3 марта 1764 г., к которому апеллировали казаки, исключена, а «упорствующим в сём деле» ждёт ссылка «в незаселённые места» [Сенатский архив, XIII 1913: 143–144]. «Ведомость...» как раз и была призвана показать, что предложения монархини не отвергались с порога, что были приняты «к рассуждению» и «оставлены» только потому, что указ от 3 марта 1764 г. нельзя распространять на неподатные сословия, тем более на несущих военную службу [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 501. Л. 17]. Кроме того, было решено отправить на Дон, где волнения признавались достигшими наибольшего масштаба, кого-либо из генералов, дабы он лично донёс до казаков позицию властей и на месте пресёк толки и беспочвенные надежды «суеверов».

Однако всё же нежелание подавать повод для религиозного недовольства и привычка дорожить людьми, несущими необходимую для государства службу, возымели действие. 3 декабря 1765 г. в Сенате вновь состоялось слушание «о мерах относительно казаков, желающих записаться в раскол», и тон был снижен. Прежде всего было ясно одно:

угроза лишения сословных прав, которой стращали казаков, возможно, и заставит их замолчать, однако это не ликвидирует болезни раскола, а только загонит её внутрь. Во-вторых, «упорствующим» раскольникам среди казаков много, и всех их сослать всё равно нельзя, ибо некому будет нести охрану границы. Если же не сослать, а только угрожать ссылкой, то раскольники почувствуют свою безнаказанность, осмелеют и будут ещё более распространять своё «суеверческое учение», и как же тут быть? В итоге Сенат решил «поступать умеренно» и повторил распоряжение об освобождении всех раскольников, содержащихся в войсках под стражей по этому делу, уже высказывавшееся до 18 ноября.

Кроме того, следовало провести совместную со Св.Синодом конференцию для обсуждения результатов увещевания казаков, и между тем сообщить в Синод, чтобы местные духовные власти, продолжая увещевания, ничего не предпринимали без согласования с Сенатом. «Что же принадлежит до отправления на Дон генералитетской персоны, то как и при том уважено, сколь много произвело сие отправление разных толкованей и тревоги в том войске и сколь, напротив того, легко сие исполнить можно будет в то время, как воинская камисия новья для сего нерегулярного войска учреждения окончит, почему и оное рассуждению представить до того времени...» [Сенатский архив, XIII 1913: 145–146; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 501. Л. 18об.–20об.]. 19 декабря 1765 г. Сенат направил Синоду ведение с запретом самостоятельно, без согласования с Сенатом, создавать в будущем комиссии, подобные той, что предназначалась для отправки на Дон по казачьему делу. Императрица получила рапорт об этом на следующий день [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 501. Л. 21]. Синод внял сенатскому указанию немедленно: 20 декабря 1765 г. вышел указ «О закрытии всех по раскольническим делам Комиссий, не учреждении таковых вновь духовными властями без ведения Сената и не

предпринимании ими ничего по означенным делам без сношения со Св. Синодом» [Собрание постановлений по части раскола... 1860: 633].

Движение в войсках на этом не закончилось. Религиозное недовольство усугублялось правительственными планами по ограничению казачьего самоуправления и введению регулярного строя. На Яике, где старообрядчество было практически поголовным, оно было особенно острым. Подогревали его и внутренние противоречия в войске. Жалобы казаков доходили до императрицы, но удовлетворения не получали, что послужило одной из причин восстания яицких казаков 1772 г. и последующей Пугачёвщины.

Вновь проблема староверов в иррегулярных войсках встала во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Г.А. Потёмкин, соприкоснувшийся с темой единоверия (см. § 1 Главы IV), хотел привлечь старообрядцев не только в греко-российскую Церковь, но и на военную службу. Старообрядческий «человеческий материал» он стремился задействовать для формирования излюбленной им лёгкой конницы (после ухода светлейшего князя из жизни А.А.Безбородко позволил себе даже поиронизировать по поводу его увлечённости «летучей кавалерией»). 22 января 1788 г. Потёмкин опубликовал воззвание к жителям старообрядческой слободы Злынки о добровольной записи «в казаки», а спустя месяц, 20 февраля, докладывал императрице, как обстоит дело с формированием нового подразделения «из раскольников». В конечном итоге из староверов был создан иррегулярный полк (командир — донской полковник-старообрядец Ф.П. Денисов, будущий герой шведской войны и генерал). Полк, однако, существовал недолго: уже 13 мая 1788 г. в поступившем имя Потёмкина рапорте говорилось о слиянии его с другой частью и под командованием другого офицера [РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 452. Ч. 2. Л. 1а–4].

О прочих военнослужащих иноверцах — служилых тарханах, башкирах, мещеряках данных в документах мало. Со снятием со служилых инородцев в 1754 г. ясака они были на постоянной основе включены в иррегулярные контингенты вооружённых сил. В 1786 г. было образовано особое башкиро-мещерякское войско, включенное в ведомство войска Оренбургского. К нему же были причислены и татары оренбургской Сеитовской слободы, так что строительство в Оренбурге мечети и каравансарая выглядело явно направленным на поощрение прежде всего этого военно-служилого мусульманского элемента [Черемшанский 1859: 169].

Помимо староверов и мусульман, в казачьих войсках, как уже говорилось, числились и буддисты («ламаисты»). Прежде всего это были калмыки — донские, оренбургские и терские, из которых даже крещёные сохраняли традиционные верования [Орлова 2006: 52; Орлова 2018: 31–35]. Старшина Оренбургского войска Ф.М.Стариков свидетельствовал в 1765 г.: «Хотя калмыки и ходят в церковь, но в то же время тайно поклоняются идолам». Несмотря на развёрнутую в казачьих войсках кампанию по крещению калмыков после подавления восстания под предводительством Е.И.Пугачёва, на Дону и к концу столетия сохранилась разветвлённая аймачная (сотенная) система хурулов [Шовунов 1992: 120–121].

Это было связано с санкционированным Г.А.Потёмкиным притоком калмыков на Дон с территории упразднённого после 1771 г. Калмыцкого ханства. 17 июня 1790 г. он докладывал Екатерине II: «Войска Донского атаман генерал-поручик... Иловайский доносит мне, что прикочевавшие в прошлом 1789 году близ Дона дербетевские калмыки, хотя было и возвратились на прежние их места, но ныне паки... заисанги со многим числом дербетевских калмыков прикочевали на реку Маноч и, являясь к нему, ... объясняют, что они никак не хотят быть казенными и возвращаться на свои места, но желают состоять под ведомством войска

Донского и кочевать около Дона по разным речкам, для чего и отправляют ко мне депутатов с прозбою на сие изволения. Депутаты ко мне ещё не прибыли, но я почёл должностно всеподданнейше донести о сём, ... испрашивая Высочайшего об них повеления, тем паче, что принуждение их к возвращению на свои места по теперешним военным обстоятельствам нахожу я невозможным». В другом письме, от 20 июля, пересылая императрице полученные от калмыков челобитья, Потёмкин добавлял: «...ежели воспоследует воля Высочайшая, то сие будет полезно, ибо при нарядах с Дону полков прикомандированы пять или шесть частей их будут, и тем приучаны к службе. Из опытов известно, что находящиеся в войске Донском калмыки от употребления зделались храбрыя и хорошия казаки».

Следует подчеркнуть, что речь шла именно о некрещёном пополнении донского воинства: имена 13 чел. из 60-ти на челобитной, поданной Потёмкину, были ойратскими, у остальных наряду с подобными именами были указаны и прозвища в соответствии с русским словообразованием и с окончаниями на -ин, -ев, -ов, но только у двоих имелись и подобные «фамилии», и христианские имена (Иван Лузинов, Андрей Зюсуров) [РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 18. Л. 4–4об., 110, 113].

Буддистами («ламаистами») были и буряты сибирского пятисотенного казачьего полка, созданного в 1768 г. и награждённого по екатерининскому указу «особливым знаменем».

Возникновение в 30–50-е гг. XVIII в. целого ряда военно-служилых групп на юге и юго-востоке — калмыков Ставропольского ведомства, нагайбаков (крещёных башкир), киштинцев (крещёных осетин и ингушей) было, как известно, результатом миссионерских усилий. Контакты новокрещен-военнослужащих с бывшими единоверцами не поощрялись и даже прямо запрещались. Так, в 1746 г. кизлярским и астраханским татарам было запрещено заключать браки с «магометанами» нерусского

подданства. Усилия эти получали развитие только на границе, а запись поволжских татар в казаки даже на условии крещения была сочтена нецелесообразной, «зане Казанский край место не порубежное».

Однако в середине XVIII в. власти сворачивают миссию среди башкир и мещеряков. В 1751 г. правительство отозвалось на жалобы башкиров указом от 12 ноября об учреждении в Оренбурге «комиссии о иноверцах для разбирательства духовных дел» с заданием расследовать и пресекать случаи насильственного крещения «магометан» [ПСЗРИ, 13 1830: № 9325, № 9904]. Отказ от государственной поддержки миссии при Екатерине II в известной мере повлиял на государственную работу по образованию новых иррегулярных частей. Не стала императрица заниматься и планом астраханского губернатора П.И. Кречетникова, предложенным в 1775 г. План был направлен на расширение «военно-феодалного» ресурса и предусматривал поголовное крещение и оказывание северо-кавказских народов (конечно, у Екатерины II здесь были и другие соображения — нехватка средств, угроза новой конфронтации с Турцией).

В итоге в последней трети XVIII в., особенно после Пугачёвского восстания, возобладала модель пополнения казачьих войск некрещёными военнослужащими. Она обеспечивала непрерывный приток пополнения и доказала свою бесконфликтность.

§ 5. Восточное христианство и ислам на границах Российской империи

Результаты русско-турецкой войны 1768–1774 гг. серьёзно изменили геополитическую ситуацию в Юго-Восточной Европе и в перспективе повлекли за собою смену век во внешней политике России: преобладающим стало южное, а не «северное» направление.

Чем характеризовалось отношение России к Востоку — христианскому, мусульманскому, буддистскому до екатерининских войн с Турцией? По части связей с родственными церквями принципиальнейшей вехой здесь было учреждение в 1735 г. «палестинских штатов» — списка греко-православных кафедр и обителей Ближнего Востока и Балкан с назначением им фиксированных (но с учётом колебания вексельного курса) периодических выплат. Штаты были учреждены в связи с письменными просьбами антиохийского и александрийского патриархов Анне Ивановне [Сапожников 1898] и должны были помочь ближневосточным церквям выстоять под натиском сиро-палестинского униатства, получившего мощный импульс после Замоиского собора 1720 г. Оформление «палестинских штатов» привело к укреплению прорусской ориентации иерархов Ближнего Востока. В 1751–1752 гг. александрийский патриарх Матфей ходатайствовал об установлении покровительства императрицы над его кафедрой [Харлампович, ХХІХ 1910: 77; Харлампович, ХХХ 1910: 366]. При Елизавете Петровне в «палестинские штаты» был включён и ряд сербских (в Боснии и Далмации) и молдавских монастырей, что отражало возросший интерес России к дунайско-балканскому православию [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 34. Л. 57–59об.]. Известнейший факт в этой связи — выезд сербов на поселение в Россию. Менее известно, однако, что организация выезда с русской стороны сопровождалась в 50-е гг. ХVІІІ в. двумя специальными «следствиями» русского посла Г.К. Кейзерлинга о том, насколько «крепко» в православии сербское духовенство и не поддаётся ли оно влиянию унии (обеспокоенность Синода была вызвана поступившими в 1752 г. от трансильванского епископа Н. Балломерия сведениями об успехах унии в габсбургском государстве, имелись на этот счёт и жалобы сербского иерарха С. Концаревича) [АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1756. Д. 3. Л. 154–155; Костяшов 1997: 34–35]. Попытка при Елизавете Петровне распространить

покровительство на православие в Австро-Венгрии привела к одному из самых серьёзных русско-австрийских кризисов. В 1757 г. посол России в Вене Г.К. Кейзерлинг представил составленную «в сильных выражениях» ноту по поводу закрытия габсбургскими властями сербского православного монастыря в г. Мирча и якобы имеющих место гонениях на православие в наследственных землях габсбургской короны. Нота была дополнена проектом Кейзерлинга о включении специальных гарантий православному населению Австро-Венгрии в двусторонние договоры (1758 г.), навеянном опытом участия посла в защите православных в Речи Посполитой в бытность в Варшаве [АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1758. Д. 7-а. Л. 115–115об., 210–212об.]. Однако правительство Марии-Терезии с соблюдением дипломатического тона, но очень жёстко отклонило обвинения России в преследованиях православия. Инцидент в Мирче действительно имел место, но был нетипичен. Габсбурги с конца XVII в. выдерживали курс на политическую интеграцию сербской церкви в Короне и предоставляли сербскому клиру многие важные привилегии. Отсюда всякое ходатайство за православных выглядело как вмешательство во внутренние дела. Русская же инициатива имела мало шансов на успех ещё и потому, что руководство сербских митрополий было настроено по отношению к Габсбургам абсолютно сервилистски. И напротив, ориентация на Россию в среде высшего сербского клира Австрийской монархии к середине XVIII в. была редким исключением [Костяшов 1997: 97–109]. То же можно сказать и о румынском духовенстве «греческого исповедания» в Трансильвании, тем более что оно в своём абсолютном большинстве перешло к этому времени в униатство [Hitchins 1973: 149]. В итоге дело ограничилось, как говорилось выше, расширением «палестинских штатов» в пользу турецких, но не австрийских сербов. Что касается сербов в венецианских владениях, то в 30–50-е гг. XVIII в. отмечается проникновение в их среду католицизма, в частности,

укрепление католической администрации в Шибенике и Задаре [Попов 1873: 258].

Заметным явлением становится в это время охлаждение русской дипломатии к греческой церкви на Ближнем Востоке. Признаки его появились ещё при Петре, в бытность послом в Константинополе И.И.Неплюева. Причины лежали на поверхности: внешнеполитическое ведомство России нуждалось в информации, греческое же духовенство было весьма далёким от европейской политики. Определённый диссонанс в отношении с греками вносила и европеизация российской политической элиты, европейский образ жизни русских дипломатов за границей [Каптерев 1895: 272; Панченко 1998: 148–149]. По этой причине центр религиозных связей с православным Востоком в первой половине — середине XVIII столетия перемещается из Петербурга и Москвы в Киев, где активную переписку с греческими иерархами вёл митрополит Киевский Рафаил (М.Заборовский) [Грецький 1994: № 1, 3, 8 (см. также комментарии Е.Н.Чернухиной к опубликованным документам)]. Для российских же резидентов в Константинополе гораздо больший интерес в плане поисков источников информации представляли именно католические миссионеры и прелаты, имевшие, с одной стороны, тесные связи в среде европейских шпионов и посольских сотрудников, с другой, хорошо осведомлённые о положении на Востоке [Радонић 1950: 511, 524]. Добросовестными информаторами России зарекомендовали себя в середине XVIII в. крымские армяне-католики, однако сведения о ситуации в Турции, Иране, Архипелаге они поставляли в основном отрывочные, из вторых и третьих рук, основанные по большей части на слухах [Армяно-русские отношения, 2 1953–1978: 117–119, 151–159]. Контакты с католиками (иезуитами) вошли и в практику Пекинской миссии. По заданию правительства они обычно поддерживались архимандритом — главой миссии и с санкции манчжурских властей Китая, но более имели

ценность для поддержания добрососедских отношений между «коллегами-христианами», нежели для выполнения неких дипломатических задач. Вместе с тем через Сибирь, в том числе и с кяхтинским караваном, время от времени проходила иезуитская почта, и её содержание становилось известно в Коллегии иностранных дел [Николай (Адоратский), иеромонах. 1887: 54–75].

Оживление настроений православных греков в связи с «диссидентским вопросом» выразилось в ходатайствах в 1764–1768 гг. двух общин — Мальорки и Ливорно об устройстве храмов на русские средства и с присланным из России причтом. Синод, однако, отказался, мотивируя это отсутствием «казённой суммы» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 145. Л. 36–39, 225–228].

Контакты русских властей с представителями армяно-григорианской церкви, в основном с теми, кто оседал в России и обслуживал армянские общины в крупнейших городах того времени, до середины XVIII в. были спорадическими и инициировались армянской стороной в видах поддержки освободительного движения в Сыгнахе (Карабахе). Вопрос о других нехалкидонитах — о коптах перед русской дипломатической службой вставал лишь однажды. В 1749 г. под влиянием армян-католиков Бзоммара в унию перешёл коптский епископ в Иерусалиме. Однако в начале 50-х гг. XVIII в. деятели коптской церкви возглавили «антилатинское» движение в самой Эфиопии, обратившись за поддержкой к александрийскому православному патриарху. Сообщая о письмах, полученных им от негуса и абуны (патриарха коптов), патриарх Матфей предлагал русским властям выступить посредником между Св. Синодом и коптской церковью для установления российского патроната над ней. Но резидент в Константинополе А. Вешняков к идее александрийского первосвященника отнёсся отрицательно, полагая, что политических выгод её осуществление не даст, а с турками рассорит, да и отношения ввиду

отдалённости Эфиопии поддерживать затруднительно [Харлампович, ХХХ 1910: 358–375].

Башкирские восстания 30–50-х гг. XVIII в. привели к тому, что в поле зрения российских властей попали внешние связи мусульманского населения Урало-Поволжья (татар, башкир). Практически всё татарское духовенство получало образование в ориентированных на Турцию суннитских учебных заведениях Средней Азии и Афганистана [Очерки истории татарской общественной мысли 2001: 51. Данное же обстоятельство обуславливало протурецкие настроения тех представителей духовенства, которые пытались придать социальным движениям башкир характер религиозной войны. В том, что такие настроения были достаточно широко распространены, убеждает нас послание Батырши к Елизавете Петровне [Письмо Батырши императрице 1993: 35, 158].

Значительную роль в плане утверждения христианства в южных пограничных регионах сыграли миссии Церкви. Следует подчеркнуть, что миссионерство до Екатерины II было составной частью государственной работы по созданию пограничных военно-служилых групп в регионах, где этносы вступали в отношения подданства с Россией. Однако обычная перспектива миссионерской работы — превратить этническую верхушку в субъект русского права (по примеру мещеряков) с последующей интеграцией в состав единого дворянского сословия Российской империи (позже это произойдёт с частью северокавказской знати) в указанных регионах пока ещё не обозначилась.

Осетинская миссия была открыта по инициативе грузинских клириков, осевших в России и тесно связанных с православными царями Картли-Кахети Теймуразом и его преемником Ираклием. Смысл Комиссии они видели в укреплении позиций грузинских царей в Осетии, чья территория считалась в Грузии издавна подведомственной Тбилисскому и

Телавскому католикосату. Русские же власти отозвались на это предложение по своим причинам. После Гянджинского (1735 г.) и Белградского (1739 г.) договоров с Ираном и Турцией позиции России на Северном Кавказе были существенно ослаблены. Малая Кабарда становилась ареной её столкновений с Турцией и Крымом, насаждавшими здесь мусульманство. Укрепить русские интересы в северокавказском регионе было призвано, наряду с другими мерами, формирование новокрещенских военно-служилых групп — кабардинской, осетинской, «киштинской» (ингушской). Крещение горских народов, их христианское просвещение должны были стать содержанием первого этапа этого процесса. Поскольку открытая миссионерская работа русского духовенства на буферных территориях была невозможна, ибо вызывала со стороны Турции обвинения в нарушении статей Белградского договора о нейтральном статусе Осетии и Кабарды, то придать миссионерству легальный статус и было призвано участие грузинского духовенства. В этой связи в 1746 г. Осетинская миссия была преобразована в Осетинскую духовную комиссию с пребыванием в г. Кизляр.

Деятельность Осетинской комиссии возымела важное значение для установления дружественных отношений с сильнейшими владельцами Малой Кабарды (Б. Таусултановым, К. Кончокиным), проявлявшими склонность к православию, к появлению в обеих феодальных группировках Кабарды — баксанской и кашкатавской «партиях» — сторонников российской ориентации. На позиции горских князей сказывалось и нежелание терять холопов, бежавших в Кизляр и Моздок для крещения и избавления от зависимости [Викторин 1998: 48–49]. (Как известно, нехристиане-крепостные, бежавшие от своих владельцев и перешедшие в православие, не возвращались русскими властями прежним владельцам). Однако полностью на комиссию положиться было нельзя: её постоянно лихорадило из-за внутренних распрей, являвшихся отражением

нестабильного положения в самой Грузии. В Сенат и Синод поступали и обвинения политического характера: здесь постарались клирики-грузины из окружения потомков Вахтанга VI. Уже в декабре 1751 г. Сенат был вынужден провести следствие над грузинами — членами Осетинской комиссии [Блиев 1970: 466–477 (комментарии М.М. Блиева к документам № 124–125)]. С особой силой борьба грузинских «партий» сказалась во время посольств Картли и Кахети в Россию в 50-е гг. XVIII в. [Булеишвили 1985]. Постоянно жаловались военному коменданту Кизляра на корыстолюбие, формальное исполнение пастырского долга миссионерами-грузинами и осетинские старшины.

В то же время там, где внешнеполитические проблемы препятствовали миссионерской работе или же приращения служилого сословия не ожидалось, светские власти миссию сворачивали. Так, в начале 1750-х гг. тобольский митрополит Сильвестр (Главацкий) приступил к систематическому крещению сибирских татар-мусульман. Однако инцидент с послом джунгарского хана Мияса «со товарищи», которым в г. Тара татарин-новокрещен Верещагин предлагал креститься за деньги и грозил указом, «что которые и не желают креститься, насилием велено... приводить», заставил администрацию немедленно вмешаться в развязанную владыкой кампанию. По жалобе Мияса Верещагин был немедленно бит кнутом по приказу сопровождавшего послов поручика Толстого, и послы, «хотя и были довольны, однако при том просили, чтобы о том, куда надлежит, представить и впредь так им о крещении говорить запретить». После доклада офицера «по команде» об инциденте генерал-майор Киндерман направил митрополиту Сильвестру промеморию: «упоминаемые посланцы, яко чужестранные, по прибытии их в Санкт-Петербург без объявления о том... не оставят», а посему митрополит должен немедленно сообщить, какие меры он употребит для прекращения «пустых и вредительных... о крещении иноверцов и особливо

чужестранного народа всенародных разглашений», ибо такие разглашения «по здешнему пограничному месту и окрестности надлежит всемерно прекратить». Вдобавок губернатор тут же затребовал присылки арестованного Верещагина в Тобольск, а губернский прокурор сообщил о деле в Сенат. Сенат спустя месяц предписал либо прислать в столицу митрополичий указ о принудительном крещении «для исследования», либо, если такового не обнаружится, «учинить» разгласителю «жестокое наказание кнутом».

Вскоре, однако, митрополит вновь стал объектом недовольства светских властей. Как следует из митрополичьей промемории в Сибирский приказ, 4 августа 1751 г. в Кузнецке был объявлен митрополичий «указ тамошним татарам с барабанным боем публично, и на рынке читан, и по всему кузнецкому ведомству по тому ж опубликован и выставлен при городских воротах». Речь в указе шла о наградах за добровольное крещение и наказаниях нежелающим креститься, предусмотренных петровским законодательством. В конце года генерал Киндерман получил, однако, уведомление о негативном воздействии данного указа на «татар двоedanцов» и на калмыков (джунгар), «которые прибыли в те волости для торгу с ясашными татарами», и поднял тревогу. Губернатор Сухарев послал резкий запрос митрополиту, и тот, настаивая на праве Церкви на миссионерскую работу, всё же указал заказчикам провести свои расследования о насильственном крещении двоedanцев. Синод по указанию Сената в 1752 г. предписал Сильвестру, «чтоб тем татарам и бухарцам в неволю... крещения чинено не было». Сенат, однако, на этом не успокоился: в Кузнецк была послана комиссия по расследованию возможных фактов принудительного крещения двоedanцев, а в 1754 г. в городах Кузнецкого уезда, дабы погасить волну слухов и опасений, оглашались с барабанным боем синодские указы об исключительно добровольном характере крещения [Огрызко 1941: 71–73].

Первая екатерининская война вызвала рост русского влияния на религиозную обстановку на Балканах, в Восточном Средиземноморье и Подунавье. С началом боевых действий против Турции в 1768–1774 гг. П.А. Румянцев как представитель православного государства был вынужден принимать меры по укреплению православия на дунайском театре. В частности, он предложил молдавскому митрополиту укрупнить епархии в княжестве, упразднив наиболее разорённую войной — Пролавскую. Через руки полководца проходили все назначения в церковном руководстве дунайских княжеств, и именно по его протекции ряд вакантных монастырских должностей в Молдавии и Унгро-Влахии был замещён грузинскими и сербскими клириками [Румянцев 1950: № 57; Арсений, епископ Псковский ... 1904: 36, 94, 116]. По польскому образцу российская дипломатия с 1770 г. пыталась решить и вопрос о вероисповедных правах греческой общины Рагузы (Дубровника), добиваясь открытия православного храма и свободы общественного отправления обрядов (храм был официально открыт только через тридцать лет, в 1801 г.) [Петкович 1859: 1–20; Лучинина 1997: 141–148].

Война, как и в петровское время, подсказала идею использовать конфессиональную солидарность населения вассальных владений Турции и райи. Именно таково было назначение манифестов Екатерины II к славянским народам Балкан, грекам, молдаванам, валахам, выпущенных в начале 1768 г. Цель знакомства с политической ситуацией в Черногории и организации там «второго фронта» против турок преследовали экспедиции М. Тарасова (апрель 1767 г.) [Черногорско-русские отношения 1991: 51–64] и Ю.В. Долгорукого (вторая половина 1769 г.) в Цетинский монастырь [Лециловская 1999: 30–32]. Подобные же шаги предписывал Н.И. Панин А.Г. Орлову при отправлении флота в Средиземноморье [Аншаков 1997: 10; Арш 1998: 65].

Данные о действиях русского флота в Архипелаге и на малоазиатском побережье показывают, что командование действительно считало православное и, шире, христианское население серьёзной силой, способной при минимальной военной поддержке покончить с османским владычеством. Православное духовенство в этой связи рассматривалось как естественная организующая сила: в частности, через него доводились до греков распоряжения русского командования в Море [Лециловская 1999: 32–34].

Подобные расчёты возымели действие и на закавказском театре. С предложением объединить православных грузин, армян, халдеев Диарбекра, курдов-йезидов под русской эгидой в 1769 г. выступил царь Картли-Кахети Ираклий II. Непосредственным поводом стало прибытие к его двору посланцев от курдского бека с просьбой о помощи оружием и войсками против турок, причём прибывшие говорили о готовности «сложить свои головы» и «ради счастья» русского двора [Мачарадзе 1967: № 2]. Грузинский царь, имевший информаторов по всему Ближнему Востоку вплоть до Египта, сообщал также о больших симпатиях восточных христиан к России, делавших, по его мнению, возможными самые смелые политические комбинации, например, блок с мамлюкскими беями. Многие видные мамлюки были выходцами из Грузии, и, как полагал Ираклий II, симпатии к родине и вере отцов послужат залогом их верности союзу, несмотря на их нынешнее «мусульманское состояние». Стоит отметить, что и некоторые европейцы оценивали начинания России и Грузии в Египте с конфессиональной точки зрения как весьма благоприятные. Так, француз Сивари описал случай встречи Али-беем, вождём антитурецкого восстания мамлюков, в Александрии в 1768 г., в самый разгар движения, своего отца — грузинского священника: Али-бей встречал гостя коленопреклонённым, а затем будто бы даже дал обет тайно креститься [Джаналидзе 1984: 81–82].

Действительность, однако, опрокинула проекты: от симпатий до военно-политического сотрудничества было очень и очень далеко. Это показал и опыт действий русского флота в Архипелаге в 1770–1771 гг. Весьма робко проявляло себя и движение «кафской райи» (греков, армян обоих исповеданий) во главе с ново назначенным греческим митрополитом Готским Игнатием при занятии русскими войсками Крыма (1771 г.) [Арсений, архимандрит 1873: 81; Смирнов 1889: 287]. Более того, открылось, что в ряде случаев и на симпатии рассчитывать не приходится: десанты русских моряков в Бейрут (1772–1773 гг.) выявили пассивность и даже враждебность арабо-христианского населения, к тому же во многом охваченного унией (сообщения европейских и османских источников о наказаниях некоторых жителей Бейрута за сотрудничество с русскими не должны сбивать с толку — просто местный паша нашёл прекрасный повод поживиться за счёт состоятельных горожан) [Панченко 1988: 144].

После ухода части калмыков в цинское подданство миссионерская работа в отношении оставшихся калмыков никакого импульса не получила. Клирикам Астраханской епархии предписывалось направлять на усилия на дальнейшее христианское просвещение служилых калмыков-новокрещённых [Доржиева 1977: 11–15]. В таком же направлении следовало строить деятельность и фактически созданной заново в том же 1771 г. Осетинской духовной комиссии [Русско-осетинские отношения 1984: № 15–16]. В ходе войны 1768–1774 гг. султанские власти пытались активизировать исламскую пропаганду на Кавказе с опорой на Крым. Крым как оплот сопротивления России играл в замыслах османов заметную роль. Так, известен указ султана Мустафы II от 18 октября 1768 г. о подчинении мусульман Кавказа в войне с «московскими кяфирами» крымскому хану [Смирнов 1958: 93]. В военных условиях, дабы обеспечить лояльность кабардинских и дагестанских владетелей, правительство прибегает к выкупу беглых крещённых холопов, и эта мера с

начала 70-х гг. XVIII в. входит в арсенал политических средств на Северном Кавказе [Кабардино-русские отношения в XVII–XVIII в. 1957: 238–239]. Таким образом, холопий вопрос, служивший камнем преткновения в отношениях России с горскими владетелями, получил определённое разрешение, а турецкая агитация под исламским прикрытием была нейтрализована [Сотавов 1991: 162–166].

Логика наметившегося геополитического противостояния с Турцией понуждала Екатерину II к альянсу с австрийским монархом Иосифом II. Формой такого противостояния стала защита интересов христиан в Турции и вассальных турецких территориях, правовые же возможности России для этого определялись Кючук-Кайнарджийским миром (1774 г.) и Айналы-Кавакской конвенцией (1779 г.). Покровительственной мерой в этом плане также стал вывод из Крыма христианского населения (1778–1779 гг.) и учреждение на азовском побережье новой епархии, во главе которой был поставлен крымский греческий иерарх Игнатий с титулом митрополита Готфийского и Кафийского [Арсений, архимандрит 1873: 60–86; ОДДАС 1899: № 14]. Русское присутствие на собственно христианском Востоке поддерживалось переводом средств в счёт «палестинских штатов» через российского посла в Константинополе [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 145. Л. 113], и, что весьма существенно, это не приводило к конфликту с Габсбургами, по крайней мере с 1615 г. считавшими себя покровителям всех турецких христиан. В целом реалии сотрудничества России и Дунайской монархии отражал и «греческий проект» (1782 г.), для России же формулировка идеи Греческой империи позволила присоединить Крым (1783 г.).

Своему противоборству с Россией Османская империя, безусловно, придавала религиозный характер. Обоснование было найдено в панисламистском тезисе о султানে как халифе «всех правоверных». С особой остротой вопрос о султанских полномочиях стоял в период

заклучения Айналы-Кавакской конвенции и борьбы за Крым. Русской дипломатии удалось настоять на том, что халиф является только духовным главой мусульман и суверенное состояние Крымского ханства его прерогативам не противоречит. В дипломатической переписке имеется отчётливый намёк на то, что резидент в Константинополе Я.И. Стахийев во время споров о халифате подкупил муфтия, дабы фетва по данному вопросу была составлена в желательном для русской стороны духе [Дубровин, 2 1892–1894: № 11, 27, 69, 215].

Не желая смириться с потерей Крыма, турецкое правительство вело пропаганду религиозной войны на Кубани и Западном Кавказе, в Чечне. С 1783 г. там развивается движение «шейха Мансура» (Ушурмы), базой которого впоследствии становится турецкая крепость Анапа [Смирнов 1950: 35–63]. В 80-е гг. XVIII в. призывы турецких послов и агентов к «священной войне» против России раздавались в Бухаре, а также в казахских кочевьях, где в том же 1783 г. получило развитие движение батыра Срыма [Кульшарипов 1979: 45; История Казахской ССР 1979: 123; Материалы по истории Казахской ССР 1948: № 22, 31]. Всё это заставляло уделять внимание политическим настроениям русских мусульман, особенно в близком к центру Поволжье. В 1787 г. в секретном указе казанскому генерал-губернатору П.С.Мещерскому Екатерина II поручала иметь «самоприлежнейшее надзирание, чтоб в тех народах не могли случится каковыя-либо неприязненные Нам подсылки и вредныя внушения или разглашения от единовѣрных им, или от других злонамеренных». Однако здесь же императрица давала предписание насчёт терпимости: пресловутые внушения следовало «стараться испровергать и зло в самом начале пресекать средствами поколику возможно кроткими» [Каменский 2001: 399]. Аналогичный указ о «прилежном наблюдении за народами по вверенной ему губернии пребывающими магометанского закона и о предосторожности против всякой их колеблемости» 27 сентября

1787 г. получил и оренбургский генерал-губернатор О.А. Игельстром. Наместнику поручалось «усилить наблюдение за разными народами магометанского закона для сохранения тишины и порядка», но опять-таки с «наивящей предосторожностью» [Ислаев 2001: 201].

Активизация российской политики в Закавказье способствовала укреплению связей со здешними христианами. Заключение Георгиевского трактата (24 августа 1783 г.), кроме политических, упрочняло и отношения между церквами России и Грузии: тифлисская кафедра получала восьмую степень среди русских епархий, а грузинский католикос — место в Св. Синоде [Пайчадзе 1988: 127]. В Россию выехал и последний имеретинский католикос митрополит Максим [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 145. Л. 535–535об.]. После подписания Георгиевского трактата с Грузией, в подготовке которого важную роль сыграл армяно-григорианский епископ Иосиф Аргутинский, оформляется принципиальный русский геополитический расчёт: Армения, Грузия, кавказская Албания должны были составить христианский пояс России в Закавказье — предполье против Турции. В основу этого проекта Г.А. Потёмкина были положены сведения, полученные им от Аргутинского в декабре 1783 г. Епископ к этому времени вступил в переписку с армянами Карабаха и Еревана, направил послание в Мадрас для Ш.Шаамиряна — самобытного просветителя, одного из составителей армянской конституции 1773 г., пытаясь скоординировать действия армян и на родине, и в диаспоре. К антиосманской борьбе Иосиф Аргутинский рассчитывал привлечь и народы Ближнего Востока — айсоров, курдов [Иоаннисян 1990: 54, 65, 87, 90, 114–120].

Утверждение России в Закавказье вызвало трения с папством. Раздражителем в данном случае стал вопрос о полномочиях назначенного Екатериной II католического архиепископа Сестренцевича (см. Главу IV) в отношении армянских и грузинских католиков. Русские власти считали,

что Сестренцевич как глава исповедания имеет власть по духовным делам над всеми католиками и униатами в пределах империи и, следовательно, Могилёвская архиепископия простирается и на вассальную Грузию. Конгрегация же Пропаганды числила закавказских адептов Рима за собой, причём не только собственно на Кавказе: крупные, экономически активные общины армян — выходцев из Карабаха, перешедших в католицизм, располагались с конца XVII в. и в Подолии. Для продолжения диалога с Екатериной II Пий VI использовал визит в Рим русского представителя Г.А. Юсупова, прибывшего с выражением личной благодарности Екатерины II по поводу завершения дела о посвящении Сестренцевича. Пий VI передал Юсупову письмо от 1 июля 1785 г., в котором согласился с высокой оценкой итогов миссии Аркетти и просил для него орден Александра Невского. Но главным в письме было категорическое несогласие с намерением Сестренцевича «распространять власть свою в Грузии». Об этом Юсупов информировал Коллегию иностранных дел 30 июля 1785 г.

Специальную записку против папского письма составил Г.А. Потёмкин. О его геополитических проектах в последнее время писала О.И. Елисеева [Елисеева 2000: 244–271], и записку о грузинских католиках можно смело поставить в один ряд с этими проектами. В записке доказывалось, что «христиане в Грузии не латинского, но армянского исповедания и имеют особливое своего епископа. Начальник, которого определил туда апостолической стул и содержит его на своём иждивении, заступает его место в качестве викария» [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 66об.]. Г.А. Потёмкин писал также, что издавна в Закавказье царствовало согласие двух религий — армянской и грузинской, и только прибытие католических миссионеров стало «приводить духи в волнение». Информатором Г.А. Потёмкина при составлении записки был, скорее всего, Иосиф Аргутинский: именно он мог познакомить Потёмкина с

использованной в записке версией об иезуитском заговоре и тайном католичестве «грузинского патриарха» при царе Теймуразе. Версия эта носила легендарный характер (католикос Антоний, изгнанный в своё время Теймуразом, в Синоде был признан православным и получил в управление Владимирскую епархию), однако имела большое хождение в среде духовенства и господствующих сословий закавказских христиан.

В преддверии очередной русско-турецкой войны «христианская солидарность» становится фактором политики Ираклия II, рассчитывавшего задействовать её и в Петербурге, и на Ближнем Востоке. Известно, что после Георгиевского трактата Грузии приходилось выдерживать натиск мусульманских ханств, поощряемых Портой. Грузинский царь вновь хотел противопоставить этому союз с мамлюкскими беями, ведшими борьбу с османами и симпатизировавшими грузинской церкви. Сведения о готовности беев к объединению были получены в ходе миссии артиллерийского поручика М. Качкачова (Качкачишвили) в Египет (1786 г.) [Мачарадзе 1967: № 4–6]. Однако для Петербурга подобные инициативы были нежелательны: на тот момент русская дипломатия руководствовалась установкой предотвратить войну с Турцией. Соответственно, план создания христианского государства в закавказском предполье, в связи с чем «мамлюкские» предложения Ираклия II могли бы иметь вес, терял насущный характер, отодвигался на перспективу. Кроме того, и обстановка в Европе не способствовала тогда проникновению России на Восток: европейские державы были полны решимости не допустить этого [Маркова 1966: 236–264]. В итоге грузино-египетский прожект остался на бумаге.

Сотрудничество Екатерины II и Иосифа II в восточном вопросе вызвало постепенное дистанцирование России от балканских славян: официальная линия в их отношении отныне непременно согласовывалась с Австрией (это не мешало проникновению славяно-балканского

духовенства в Россию, не отменяло проявлений симпатии к балканскому православию со стороны представителей правящих кругов России, о чём говорят например, записки Г. Зелича [Зелич 1823: 11–16]. Такое крупное начинание русской дипломатии, как организация антитурецкого альянса черногорцев, скутарийских хорватов-католиков и видинского аяна Махмуда Бушати (миссия И.Оливери, 1788–1789 гг.), было предпринято именно в союзе с австрийской стороной (и закончилось неудачей по её вине) [Арш 1963: 172–175]. Вместе с тем, подчёркнутое грекофильство петербургского двора способствовало приезду в Россию ряда греческих иерархов, сыгравших видную роль в истории российского православия и русской культуры, таких, как Евгений (Булгарис), Никифор (Феотоки).

В ходе русско-турецких войн султанские власти пытались активизировать исламскую пропаганду. Противовесом этому было призвано служить установление в России муфтията (1788 г.), сыгравшего большую роль в относительном «замирении» казахов, крымских татар, а в начале XIX в. ещё и верхушки горских народов Западного Кавказа и туркменских групп. Идея учреждения в России поста муфтия принадлежала О.А. Игельstromу. Впервые он высказал её в переписке с императрицей в 1784 г., ссылаясь на опыт службы в Крыму под началом Г.А. Потёмкина и приводя свои размышления о рычагах влияния на крымских татар. Тогда же он подготовил проект создания первого духовного собрания мусульман в России [Fisher 1970: 134–139]. Однако в видах расширить воздействие на Среднюю Азию Екатерина II пришла к выводу о необходимости специального духовного учреждения, действующего преимущественно на азиатском направлении. Возглавить это дело и было поручено Игельstromу, ставшему к тому времени уже оренбургским генерал-губернатором. Первым муфтием (председателем) Оренбургского духовного собрания стал офицер татарского происхождения, уроженец Поволжья М.Хусейнов (Гусейнов). До

назначения муфтием он служил первым ахуном (старшим проповедником) Оренбургской Пограничной экспедиции. Под его руководством в 80–90-е гг. XVIII в. татарские ахуны, действовавшие в Средней Азии, были надёжными информаторами и доверенными лицами русских властей. Сам М. Хусейнов понимал и принимал эту внешнюю направленность Духовного собрания: в первых своих документах он именовал себя именно «киргиз-кайсацким муфтием» [В память столетия 1901: 4–8; Азаматов 1994: 12–18; 29, 44].

Вторая русско-турецкая война при Екатерине II привела к укреплению русского влияния на православную церковь в дунайских княжествах. Этому требовал и проект о Дакии, в котором православию отводилась важная интегрирующая роль. Как следствие, духовные чины зарубежных православных церквей искали протекции Г.А. Потёмкина, А.А. Безбородко, П.А. Румянцева, претендуя на места в здешних митрополиях (об этом сообщает в своих записках о путешествии по Ближнему Востоку, Афону и Новороссии бывший грузинский католикос Иона) [Иосселиан 1853: 558–562]. Русские власти санкционировали подобные назначения в пику фанариотам, к тому времени всё более откровенно выражавшим протурецкие настроения. Прямым ставленником России был митрополит Ясский Гавриил (Г. Банулеску-Бодони), против назначения которого решительно возражал молдавский господарь А. Мурузи. В июне 1792 г. Гавриил по приказу Мурузи и с санкции царьградского патриарха был арестован и отправлен в Константинополь. В феврале 1793 г. следовавший в Константинополь посол России в Турции М.И. Кутузов выразил порицание Мурузи за действия «противу Высочайшей воли» и добился у властей Порты освобождения митрополита Гавриила. Екатерина II, дабы еще более унижить «неблагодарных» фанариотов, по выходе митрополита из заключения переслала ему в Константинополь ценные подарки и знаки отличия сана [Россия и

освободительная борьба 1984: № 164, 165, 168]. По отзывам современников, торжественно обставленный выход Гавриила из монастырской тюрьмы вызвал страх и зависть недоброжелателей, греческое же население турецкой столицы этим событием было «весьма воодушевлено» [Стадницкий 1894: 78].

Выводы

На протяжении XVIII в. вероисповедная проблематика, определившаяся на южных рубежах России в связи с Прутским походом Петра I, не претерпела коренных изменений, и даже петровский Персидский поход не внёс сюда принципиальной новизны. До середины столетия российские власти были озабочены укреплением своего присутствия на юге и юго-востоке, в частности, размежеванием зон влияния с Турцией и обеспечением неучастия Персии в этом противостоянии. В данной связи вероисповедные вопросы, дополнявшие содержание отношений России с Османской империей и её вассалом — Крымским ханством, служили дополнительным фактором нестабильности. Обе стороны, российская и турецкая, рассматривали подобные вопросы как элемент воздействия на соперника и возможность усилить дипломатические позиции как в целом, так и в Черноморско-Каспийском междуморье. В связи с российско-турецкими войнами 1768–1774 и 1787–1791 гг. соперничество достигло одной из своих высших точек, соответственно, усилилось и размежевание по вероисповедным направлениям.

Одним из наиболее острых был вопрос о возвращении некрасовцев, являвшийся предельно важным в деле обеспечения лояльности российского казачества в целом и снижение в его среде старообрядческого неприятия российской императорской власти. В попытках решить данный

вопрос российские власти с 1760-х гг. возлагали надежды на религиозную либерализацию, однако она не привела к изменению позиции некрасовцев, более того, она вскрыла дефекты служилой системы, выстроенной на крепостнической основе, соответственно, вызвала отказ властей от её распространения на казачество на тот момент. Более значительными были результаты интегративных усилий властей, когда староверы привлекались на службу с сохранением известной религиозной автономии. В конечном же итоге вопрос о некрасовцах не получил своего решения.

Соответственно, актуальными становились модели пополнения казачества контингентами, заведомо не являвшимися носителями старообрядческого протеста — тюркскими, ойратскими (преимущественно калмыцкими), украинскими. Если до середины 1760-х гг. обе модели — создание военно-служилых групп из крещёных военнослужащих (ставропольские калмыки, нагайбаки, к подобному же результату предполагалось в 1750-е гг. привести и деятельность Осетинской комиссии) и из некрещёных — применялись в равной степени, то в дальнейшем, особенно после фактического запрета миссионерской деятельности господствовавшей церкви при Екатерине II (см. вторую главу), применялась лишь вторая модель, ориентированная на некрещёных. Её востребованность в ходе русско-турецких войн только возрастала, и история донского и кубанского казачества в указанное время — лучшее тому подтверждение.

С переменным успехом шла российско-турецкая борьба за использование в своих интересах христианских и мусульманских институций на Балканах, в Северном Причерноморье, Северном Кавказе и Северном Прикаспии и восточнее последнего. В прямом противоборстве с Османской империей Россия выступала покровительницей православия, однако, без особого политического успеха — фанариотская верхушка константинопольской патриархии больше ценила своё место в турецкой

общественно-политической системе, нежели связи с Россией. Не приносили осязаемых военно-политических преимуществ и симпатии христианского населения и духовенства в регионах, становившихся театрами военных действий: ситуация, возникавшая во время Прутского и Персидского походов, повторялась в дальнейшем неоднократно и в последней трети XVIII в. Большой успех российской стороне приносил интегральный курс в отношении ислама на южных рубежах, связанный с привлечением на службу или к сотрудничеству представителей социальной верхушки или духовенства пограничных народов, особенно в Крыму и казахской степи. Это давало возможность снижать уровень политического противостояния в пограничных регионах, отдалённых от театров военных действий и в то же время усиливать там российское административно-политическое присутствие. В конечном итоге эта стратегия (наряду с успехами оружия) обеспечила Российской империи преобладание в регионах соперничества с Турцией и способствовала политической и культурной коммуникации социальной верхушки тамошних народов со сферами российских власти и управления к концу XVIII в.

ГЛАВА III. «ДИССИДЕНТСКИЙ ВОПРОС» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ГРЕКО-РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ НА ЮГЕ

§ 1. «Диссидентский вопрос» как политико-дипломатическая проблема

К началу царствования Екатерины II польское направление внешней политики оставалось для России одним из приоритетных, а такие принципиальные проблемы, как размежевание и охрана границы, бегство в Польшу русского податного населения, соблюдение русских гарантий прав православных в Речи Посполитой, признание польско-литовскими властями императорской титулатуры русских монархов (из всех европейских стран именно Польша согласилась на это последней, только в 1764 г.), делали данное направление наиболее острым.

Из числа двусторонних вопросов в наиболее кризисном состоянии в 30–50-е гг. XVIII в. оказалась покровительственная политика России по отношению к польско-литовскому православию. Синод, ставший при Елизавете Петровне фактически главным учреждением по делам православных в Польше (до того Коллегия иностранных дел курировала их самостоятельно), неоднократно конфликтовал с дипломатическим ведомством, считая, что в защите единоверцев оно действует слишком вяло. Практически никто из руководящего состава русского посольства в Варшаве, а в нём числились преимущественно иноземцы-иноверцы на русской службе, не избежал нареканий церковных чинов в «нерадении» интересам «исповедников нашего благочестия». Дипломаты в ответ указывали на отсутствие реальных рычагов влияния русской стороны на позицию польского духовенства и властей [Бантыш-Каменский 1805: 357–369; Чистович 1880: 30–34]. При этом следует иметь в виду, что России в

это время приходилось опасаться отнюдь не польских королей (саксонские курфюрсты из династии Веттинов, хотя и переходили в католичество при избрании на польский трон и женились на католичках из дома Габсбургов, никаких симпатий к католицизму не испытывали, равно как и их саксонское окружение, и охотно шли навстречу пожеланиям России в вопросе о православных, тем более, что в ответ рассчитывали на её содействие в превращении Саксонии и Польши в своё наследственное владение на основе личной унии [Gastpar 1977: 149]), а настроений магнатов, сеймовых чинов и разношёрстной шляхты, видевших в католицизме залог дееспособности польского государства [АЮЗР, Ч. 1, 10 1904: № 15, 27, 43, 97]. Естественно, отрицательно относилась к возможному улучшению положения всех без исключения некатоликов в Польше и варшавская нунциатура [Welykuj 1903: № 71].

В середине столетия в русских официальных документах всё настойчивее звучала тема бесперспективности традиционных мер дипломатии в отношениях с ближайшим западным соседом и необходимости военного воздействия, пусть и ограниченного, на него [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1578. Л. 295]. Имели место и предложения активизировать папские связи, дабы повлиять на католиков в Польше «сверху». Тем не менее, о военной интервенции против Польши российское правительство по окончании войны 1733–1735 гг. за «польское наследство» и по меньшей мере на протяжении последующей четверти столетия не задумывалось. Не обсуждались серьёзно при Анне Ивановне и Елизавете Петровне и возможные официальные контакты с папами, поскольку обе государыни резко выражали своё недовольство католичеством из-за его проникновения в русское общество («дела» смоленской шляхты [Ровинский 1909: 161–181], А. Лодыженского, И.П. Голицыной).

Хроническая неразрешимость вопроса о положении православных в Польше была далеко не случайной. Характеризуя состояние русско-польских отношений в докладной записке на Высочайшее имя в начале 60-х гг. XVIII в., канцлер М.И.Воронцов отмечал, что, несмотря на видимое превосходство России в силах, до сих пор не закреплена ни одна из статей «Вечного мира» 1686 г., среди которых проблема православия в Польше стояла наряду с демаркацией границы и выдачей беглого податного населения, укрывавшегося в старообрядческих слободах на польской стороне. Причины такого положения крылись, по мнению дипломата, в слабости и неустойчивости выборной королевской власти Речи Посполитой, в отсутствии там юридических механизмов для реализации межгосударственных соглашений, постоянных колебаниях внешнеполитических позиций магнатории — единственного партнёра иностранной дипломатии в Польше [Архив князя Воронцова 1882: 287–290]. Речь, следовательно, должна была идти о резком усилении позиций России в двусторонних отношениях, что, подчеркнём, было немыслимо в условиях господства «австрийской системы» во внешней политике России при наследниках Петра. Однобокая ориентация России на Австрию превращала Польско-литовское государство в поле её напряжённого соперничества с Пруссией и Швецией, за которыми в конечном счёте стояли французские интересы.

Во времена Петра Великого Пруссия выступала в фарватере российской политики в Польше, и до начала Семилетней войны Россия стремилась поддерживать эту ситуацию: в формально возобновлённых союзных договорах с Пруссией повторялись положения петровского времени о совместном покровительстве русского и прусского монархов протестантов и православных в Речи Посполитой [Щебальский 1864: 57]. Но после Петра обстановка менялась, и короли Фридрих-Вильгельм I и Фридрих II претендовали уже на исключительные гарантии в отношении

польских кальвинистов и лютеран, среди которых было немало выходцев из германских земель. Это шло вразрез не только с результатами дипломатических завоеваний России в Польше первой четверти XVIII в., но и противоречило Оливскому договору 1660 г. со статьями о паритете Пруссии и Швеции по части сохранения польского устройства и защиты польских лютеран. Последние, однако, поддерживали общий характер линии России и Пруссии в собственном деле, заявленный синодом реформатских церквей Великого княжества Литовского ещё в 1682 г. [Lewitter 1954: 78].

Оценку политических перспектив России в Речи Посполитой в связи с растущей активностью здесь Пруссии сделал в своём обращении в Синод и Коллегию иностранных дел игумен виленского Свято-Духовского монастыря Феофан (Леонтович-Дорумин). Фактически он первым заговорил о том, что религиозный фактор русско-польских отношений можно превратить в инструмент решающего политического влияния России в Польше. Ему же первому принадлежит мысль о расширении контекста этих отношений, а именно, о привлечении к нему папства и католических орденов. Предложения виленского игумена достаточно известны в литературе [Щебальский 1864: 25–27; Щебальский 1866: 123–124; Носов 1999: 26–28], однако до сих пор историки судили о них по собственноручному сокращённому изложению автора в донесении в Коллегию иностранных дел — позднейшем документе, составленном Феофаном уже при Екатерине II, когда он был освобождён из монастырского заключения и вызван ко двору [РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 111. Л. 11–14об.]. Между тем, имеется подлинник первичного донесения виленского иерарха в Коллегию иностранных дел, гораздо более пространный, в котором особенно много места уделено налаживанию союзнических отношений между не католиками-христианами Польши при поддержке российской короны. Обнаружена также и обширная переписка

Коллегии иностранных дел и Синода по данному делу, где оценивается целесообразность «проекта» Феофана с точки зрения возможных внешнеполитических последствий [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 296. Л. 82–82об., 89–89об., 115–118; Д. 303. Л. 74–111об., 119–126об.].

Игумен Феофан прибыл в Санкт-Петербург летом 1758 г. и подал свои предложения сначала в Синод. Синод, не будучи способным оценить резонность его суждений, 15 июля издал указ о передаче дела в Коллегию иностранных дел. Донесение игумена в Иностранную коллегию датировано 22-м августа 1758 г. Иерарх в обращении в дипломатическое ведомство прежде всего указывал на «скорую протекцию», которую в последние годы кальвинисты нашли в лице прусского короля, тогда как русская сторона со времён заключения «Вечного мира», много «постаравшись», ничего так и не «возмогла». Более того, именно благодаря вмешательству прусского государя удалось защитить православный храм в местечке Кайданы, от самого же монарха гарантии при посредничестве «калвинского синода» были даны и всей православной шляхте в Польше, «и того ради... в полском государстве обретающиеся греческого закона люди с общекупного согласия намерены в сём же 1758 году на калвинской синод собратся,.. миросоюзную давнюю дружбу вновь подтвердить и у Его Величества короля прусского обещанную себе протекцию просить...». И здесь, по мнению Феофана, кроется главная опасность: «...Если сему непокойному и хитрому государю удастся и в полской области... не толко протестантских, но и греческого закона людей защитить,.. то отсюда легко можно заключать, какие он, король, по известным полского самовластного, непостоянного, непримирительного и неклятвохранительного народа правам всегда себе авантажи, а соседным государствам пакости без всяких искупов и трудов причинить может». Игумен доносил, что он уже имел переговоры с протестантами, готовыми искать поддержки в Берлине (в доказательство чего пересылал полученные

от них документы), предлагая им «лучше под российскою, нежели под прусскою протекциею быть», и склонил их к этому. Какие же меры поддержки польских «диссидентов» предлагал виленский посланец?

«Понеже папа и его попы всему злу суть начало», — рассуждал он, — то нет лучше средства, чем «привязаться прямо к римскому духовенству», отвечая на преследования православного духовенства в Польше аналогичными преследованиями католиков в России. Одновременно следует составить всеобъемлющий меморандум о тяготах некатоликов в Польше и переслать его в Рим, а для защиты православных необходимо учредить комиссарство, подобное тому, какое было при Петре Великом. По Леонтовичу, тот факт, что в «диссидентской» среде нет крупной знати, способной конкурировать с магнатами-католиками, в свете прусских инициатив «прежнего несчастья» собою уже не представляет: и у протестантов шляхетство такое же мелкое и захудалое, как и у православных, но успехи Пруссии тем не менее налицо [АВПРИ. Д. 303. Л. 74-90, 103–112].

3 ноября 1758 г. Коллегия иностранных дел направила Синоду для согласования текст специальной записки католическим патерам в обеих столицах для передачи в Рим. Поддерживалась и идея комиссарства. Что же касалось предложения «привязаться к духовенству», то оно, по мнению Коллегии, «может неприятные следствия нанести», и его следует оставить только «в запас». Однако М.И.Воронцов, тогда вице-канцлер, отверг все начинания, заменив их собственным письмом к госсекретарю кардиналу Албани с просьбой воздействовать на нунция в Варшаве и тем самым на польское духовенство. Впрочем, письмо также не было отправлено, ибо, поразмыслив, дипломат счёл, что известия о прусской протекции «диссидентам» имеют «мало вероятия», и оснований для срочного вмешательства всё же нет. В итоге 14 января 1759 г. из Коллегии иностранных дел ушло новое донесение в Синод, в котором все

пропозиции игумена объявлялись несостоятельными, за исключением лишь составления меморандума о притеснениях православных. Поручить написать документ предлагалось самому Феофану под наблюдением его епархиального начальника — киевского митрополита. Своё мнение Коллегия повторила и в донесении от 28 февраля 1760 г. [АВПРИ. Д. 303. Л. 76–78об., 115–118, 124–126об.].

Вопрос о покровительстве православию был актуальным для России и в отношениях с Курляндией. В 1733 г. польско-литовская Генеральная Конфедерация утвердила (вместе с драконовскими мерами против иноверцев в самой Польше [Беднов 1908: 379]) статус Курляндии как ленного владения Речи Посполитой, русское же правительство тогда признало польскую инвеституру курляндскому герцогу (сначала Э.И.Бирону, а затем и саксонскому принцу Карлу). В Курляндии русская сторона действовала по польскому варианту, наращивая дипломатическое давление по официальным каналам, но не понуждая властителей к личному и непосредственному вмешательству. Так, во время визита герцога Карла в Санкт-Петербург летом 1759 г. тема православия не была затронута, а меморандум о тяжелом положении православной общины курляндского города Якобштадта был передан позже послом в Митаве И.М.Симолиным.

Кирилл (Козловский), игумен Якобштадтского монастыря (его донесение Синод переслал в Коллегию иностранных дел вкупе со своим указом от 14 июня 1760 г.), указывал, что особые неприятности у православных начались в последние годы, то есть именно при герцоге Карле. Игумен сообщал, что вопреки привилегии, данной одним лишь православным ещё в 1670 г., в Якобштадте поселились униаты, провели с согласия властей своего человека в бургомистры и уже начали тяжбу с Якобштадтским монастырём из-за угодий. Новым нарушением православной привилегии стало введение герцогом Карлом католического

представительства в сословных органах городского самоуправления. Тем самым был поднят вопрос о переделе сенокосов и «рыбных ловель» монастыря и православной общины Якобштадта. Кроме того, Карл не скрывал своего стремления принудить православную обитель к унии [Бантыш-Каменский 1805: 357; АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 14. Л. 123–132об.].

Период правления Екатерины II — это новый этап конфессиональной политики, как внутри страны, так и за рубежом. Переворот 1762 г. сопровождался шумной церковной кампанией. Вера в наступившее «торжество православия», которую искренне разделяло всё духовенство, ориентированное на Россию (не случайно, что и полный перечень «преступлений против веры», в которых подозревался Пётр III, и один из наиболее восторженных панегириков в адрес Екатерины II мы находим в записках не русского, а грузинского архиерея, гостившего в северной столице в 1762 г.), способствовала активизации прежде всего православных в Великом княжестве Литовском. По документам, полученным в 1761–1762 гг. от епископа Белорусского Георгия (Конисского), Синод в период до февраля 1763 г. подготовил для новой императрицы два доклада «о защите благочестия» в Польше, настаивая на военных мерах [Чистович 1880: 69–70]. Однако Екатерина II эти доклады не утвердила, и вот почему.

Как уже говорилось, к началу нового царствования во весь рост встала задача решительной реорганизации отношений с Речью Посполитой в целом. Проблема православия в Польско-литовском государстве включалась в этот контекст, но для светских, европеизированных и «просвещённых» правительственных кругов не имела того значения, которое придавало ей церковное руководство. Отсюда, с одной стороны, не следовало, что православная церковь в Польше действительно не нуждалась в защите. Напротив, её положение было поистине бедственным.

Резкое сокращение количества монастырей и храмов, деградация монастырского хозяйства, наметившийся распад братской и приходской системы — всё это свидетельствовало, что под натиском католическо-униатской реакции, дополняемым шляхетским произволом, православие действительно дышало на ладан и, как писал с отчаянием в Синод епископ Белорусский Георгий (Конисский), уже готово было и «перестать дышать» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 9. Л. 85]. Помощь извне была объективно необходима для его сохранения. С другой стороны, вопрос о положении православных за рубежом, причём не только в Польше, приобрёл во внешней политике России серьёзное геополитическое значение, составляя основу международных проектов русской дипломатии вплоть до конца XVIII в.

Б.В.Носов писал о важности курляндской политики для разрешения польского вопроса [Носов 1993: 54–66]. Думается, что важность эта на примере религиозного фактора только подтверждается, ибо поиски широкой формулы «религиозного мира», соблюдения прав всех некатолических исповеданий, свободной от обвинений в узкоконфессиональной пристрастности, шли в первую очередь на курляндском направлении.

Тому были свои причины. В Курляндии не было православного дворянства, и роль основного политического партнёра русской короны здесь всегда играли дворяне-кальвинисты. В 1727 г., когда из Курляндии был изгнан Мориц Саксонский, польская комиссия в Митаве приняла решение о введении католиков в состав оберратов [Щебальский 1866: 34]. В 1758–1759 г. герцог Карл, признанный Елизаветой Петровной законным правителем Курляндии, но как католик не имевший права быть герцогом (по курляндским законам им продолжал оставаться опальный Э.И.Бирон), выдвинул требование об уравнивании здесь католической и протестантской церквей с подчинением последней польским епископам. Вкупе с

разрешением герцога покупать земли в Курляндии польским шляхтичам-католикам это вызвало сильное недовольство местного протестантского дворянства. Ситуация в Курляндии была рассмотрена в рескрипте Елизаветы Петровны от 31 июля 1761 г. на имя И.М. Симолина. Русскому дипломату предписывалось стараться о примирении дворянских группировок и сохранении религиозного согласия, не допуская усиления католической «партии».

Смерть Елизаветы Петровны привела к изменению русской позиции. Сразу после воцарения Петра III резиденту Симолину было предписано довести до сведения курляндского правительства, что «мы никогда допустить не можем, чтобы принц католической веры владел герцогским титулом в противность фундаментальных земских уставов». Курс продолжила и Екатерина II: в 1762–1764 гг. ей удалось преодолеть сопротивление польского сейма и отстоять права Э.И. Бирона на престол. Возвращение Бирона в Митаву было обставлено его обязательствами, во-первых, подтвердить свободу исповедания православия в Курляндии [Носов 1993: 58–60; Стегний 2002: 390–391] и привилегии Якобштадтского монастыря в прежнем объёме, и, во-вторых, поддержать *status quo* между католической и протестантской шляхтой [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 145. Л. 15–17об.; АВПРИ. Ф. 63. Оп. 63/7. Д. 2. Л. 1–1об.].

Протестантскому дворянству суждено было занять ключевое положение и в польском «диссидентском вопросе», как его понимала Россия. Сущность русской политики здесь выразил Н.И.Панин в письме от 14 августа 1767 г. к послу в Варшаве Н.В.Репнину. Документ создавался в условиях тяжелейшего кризиса, который переживала Россия в Польше, острота момента способствовала предельной чёткости формулировок, и это делает названный источник, уже достаточно известный учёным, принципиально важным для изучения вопроса. Канцлер писал, что речь всегда шла и сейчас, накануне сейма 1767 г., идёт не об укреплении

положения православного исповедания в Польско-литовском государстве, а о формировании и юридических правах группировки, призванной стать постоянным партнёром России и обеспечивать стабильность власти «сделанного» русскими руками и сугубо лояльного к ней короля [Чечулин 1896: 261; Иваницкий 1904: 150–151]. До определённого момента эта роль отводилась «фамилии» — семейству Чарторыхских, с 1763 г. в этом же качестве стало себя проявлять протестантское дворянство в Великом княжестве Литовском, Королевской Пруссии, Инфлянтах [Носов 1999: 44]. Ведущая роль здесь принадлежала кальвинистам: активная иммиграция в Польшу из Чехии, Германии, Шотландии на завершающих этапах и по окончании Реформации и Тридцатилетней войны привела к перевесу кальвинистского дворянства над лютеранским (которого была действительно, по выражению Ш.Ашкенази, «горсть»), объединяла же лютеранская церковь преимущественно крестьян и городские сословия). Кальвинисты пользовались преференциями со стороны России ещё и потому, что лютеран подозревали в прочнейшей привязке к видам берлинского двора: сообщения об этом регулярно поступали в Коллегию иностранных дел с середины 1750-х гг. Активизация лютеран неизбежно вызвала бы рост вмешательства в польские дела Фридриха II, выступавшего за непреложное соблюдение юридически зафиксированных вероисповедных прав не католической шляхты. Подобной активности Екатерина II и Н.И.Панин не принимали категорически: Пруссии в русских расчётах 60-х гг. XVIII в. отводилась лишь роль сателлита.

Следует подчеркнуть: в 1762–1766 гг. Россия поддерживала планы короля Станислава Августа и «фамилии» относительно реформы политического строя Польши, в частности, об отмене *liberum veto*³⁸. В этих

³⁸ *Libertum veto* (лат.) — право единоличного запрета на коллективные решения органов представительства. Замысел польской политической реформы предусматривал, что депутаты Сейма лишатся права *libertum veto*, решения же будут принимать не единогласно, а простым большинством. Реформаторы полагали, что это повысит работоспособность Сейма.

условиях интересы России должна была представлять именно сеймовая «партия», сплоченная и влиятельная, но без поддержки России лишённая решающего влияния (этот «секрет» Н.И. Панин также раскрыл в переписке 1766–1767 гг. с Н.В. Репниным). Сформировать «партию» сначала предполагалось на основе православного дворянства Белорусской епархии. Организацией такого дворянства занимался Георгий (Конисский). Обычно в литературе пишут о полном отсутствии православной шляхты в Польше, ввиду чего и политические расчёты России *apriori* объявляются обречёнными на провал. Однако подчеркнём: белорусскому владыке удалось найти немало православной шляхты, и об этом он подробно информировал Синод. Но известий Георгия (Конисского) дипломаты во внимание не приняли: у Н.В. Репнина отношения с архиереем не сложились, и все его предложения посол считал просто вздорными, Н.И. Панина более беспокоили инертность, мелкотравчатость и захудалость новообнаруженных «нобилей» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 9. Л. 119–145]. Кроме того, в силу компактности проживания они и не могли дать заметного числа депутатов. Н.В. Репнин предлагал «мобилизовать» православных дворян польского происхождения в Малороссии, Н.И. Панин — в Молдавии, которую в этой связи планировалось присоединить к Речи Посполитой, однако эти проекты не получили развития [Соловьёв 1863: 445]. Тем не менее, возможность организовать православную «партию» формально всё же была: Четырёхлетний сейм в своё время признавал, что на Подолии и Брацлавщине численность православной шляхты вполне достаточна даже и для общегосударственного представительства православных, но эти регионы в 1760-е гг. оставались вне поля зрения русской стороны [Sakowicz 1935: 125–154].

Залогом для формирования сеймовой «партии» становилось политическое представительство дворян-некатоликов, без

гарантированных мест на сеймах и среди сенаторов (депеша Панина от 2 октября 1766 г.) [Носов 1999: 74]. Это была принципиальная основа российских предложений в польских реформах, необходимый минимум её требований и к королю, и к «фамилии». Надо сказать, что о подобной позиции Россия заявила далеко не сразу: в 1763–1764 гг. речь шла о замещении некатоликами не только депутатских, но даже и маршальских мест на сейме, и о выборах некатоликов в сенат и на военные должности. Но в дальнейшем Россия была вынуждена в «диссидентском» вопросе под давлением неблагоприятных обстоятельств отступить и отступить, и в итоге её позиция оказалась весьма близкой платформе Фридриха II: отказ от реформирования польского устройства, свобода вероисповедания для некатоликов, международный контроль за соблюдением политических привилегий шляхты независимо от конфессиональной принадлежности. Принцип политического представительства «диссидентов» здесь, как видим, также присутствовал, однако, при сохранении *liberum veto*. Последнее обстоятельство обесценивало заботы России именно о «партии» сторонников: при *liberum veto* достаточно было иметь хотя бы одного подконтрольного депутата, чтобы не допускать принятия сеймом негодных решений. *Liberalum veto* давал возможность любым внешним силам бесконтрольно вмешиваться в сеймовые дела, закреплял политическую анархию в Речи Посполитой, консервировал её слабость, что и составляло основу «негативной польской политики» Фридриха II (больше всего прусский король боялся именно согласия России на польские реформы [Туполев 1997: 175]). Целью же России, повторим, было единоличное преобладание в Польше, и если в «диссидентском вопросе» она согласилась отступить, то это означало неудачу первоначального замысла, связанную с недооценкой чуждого влияния — прусского и французского.

С одной стороны, как уже было сказано, расчёты на православную шляхту стали рушиться с самого начала, и в этих условиях роль протестантов только возрастала, причём вплоть до того, что основу Слуцкой (литовской) «диссидентской» конфедерации 1767 г., обычно именуемой в литературе православной, составили лютеране Пильтенского округа Курляндии как ленного владения короны. С другой стороны, трудно переоценить важность усилий, затраченных епископом Могилёвским Георгием (Конисским) для организации православно-протестантского альянса, ориентированного именно на Петербург, а не на Берлин. Донесения, поступавшие от Георгия в Синод в 1755–1761 гг., по своему содержанию были похожи на донесения его предшественников и содержали в себе одни лишь жалобы [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 303. Л. 20–21, 37–37об., 68–68об., 141–143, 174–175, 179–179об.]. Однако в дальнейшем в бумагах Георгия проявляется новая политическая перспектива, и он всё более пишет о том зондаже русской позиции, который ведут через него польские протестанты. Наиболее развёрнутое сообщение на сей счёт поступило в Синод 16 января 1764 г. Георгий писал: «Когда началась в Польше в 1595-м году... уния, и унияты,.. подкреплённые мирской властью, начали благочестивых греко-российских исповедников озлоблять и угнетать,.. в то время... греко-российские исповедники, шляхетство Польское и Литовское... зделали согласие и союз гражданский с протестантами, так реформатской, яко и августанской религий шляхетством,.. и по силе оногo союза протестанты... досель к нашим греко-российским исповедникам всегда являются склонны, и когда посылают депутатов своих на сеймы государственные за свою религию обставать (так!),.. то и о нашей... вере примышляют...» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 297. Л. 103]. К донесению Георгий приложил адресованные ему письма протестантских сеймовых послов от 24 октября 1762 г. и делегата реформатской и «августанской» (лютеранской) общин Великого

Княжества Литовского С. Воляка от 28 апреля 1763 г. [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 297. Л. 115–119об.]. Последний корреспондент прямо приглашал к переговорам между некаатолическими общинами: «...к совершению сего дела нужно нам снестись и взаимно посоветовать...». Называл он и имя протестантского посредника для тайной переписки: им был кальвинист, «вельможный господин Ланишевский-Волк, оберштерлейт[е]нан[т] королевский» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 297. Л. 118об.]. Письма показывают, что уже с конца 1750-х гг. протестанты искали пути к политическому сотрудничеству с Россией в контактах с православным духовенством Великого Княжества Литовского³⁹. Георгия (Конисского) они рассматривали как главного посредника в межконфессиональном «преславном взаимном союзе».

Георгий со своей стороны также выступал за объединение усилий, что побудило его затем и к участию в бурных сеймах 1766–1767 гг. и в Слуцкой конфедерации 1767 г. Идейным знаменем общего движения архиерей считал веротерпимость, и в религиозном противостоянии, раздиравшем Речь Посполитую накануне и во время разделов, всегда выступал последовательным защитником веротерпимости. Покровительства епископа Георгия искали и протестанты, и желавшие перейти в православие польские крещёные евреи. Добрые отношения с протестантами в своей епархии Конисский поддерживал и при русских порядках: оказал помощь в организации типографии, передал им здание старого православного кафедрального собора. В знак благодарности лютеране выставили здесь портрет Георгия рядом с портретом М. Лютера.

В Европе выступления Георгия в поддержку веротерпимости принесли ему широкую известность: после перевода на европейские языки текста речи Георгия, произнесенной на латыни 27 июля 1765 г. в Варшаве

³⁹ Об этом говорит и известный политический проект виленского игумена Феофана (Леонтовича-Дорумина). Проект отчасти известен в литературе [Щебальский 1864: 25–27; Щебальский 1866: 123–124; Носов 1999: 26–28].

в присутствии короля Станислава Августа, читающая общественность континента заговорила о появлении «нового Массильона» [Слова и речи Георгия Конисского, архиепископа Могилёвского 1892: 27]. Это помогало России снискать симпатии передового общественного мнения Европы, выступавшего против католической реакции, и в конечном счёте способствовало упрочению репутации Екатерины II как государыни веротерпимой и подлинно «просвещённой» [Вольтер 1768: 11–12].

Использование протестантами Польско-литовского государства своих широких европейских связей (за исключением берлинского направления) отвечало намерениям русского двора. Однако, к неудовольствию России, визит торунского лютеранина Шлихтинга в Пруссию «тайным образом под видом вояжира» всё же состоялся, причём даже раньше, чем «диссидентские» депутаты «Гомельской староста Красинский и пастор Форсит» привезли свою петицию в Санкт-Петербург (март 1764 г.). Против возможного прусского перевеса в «диссидентском вопросе» было решено бороться в рамках «северной системы». Апрель-май 1764 г. были отмечены дипломатическими конференциями в скандинавских столицах с участием русских посланников, на которых были приняты решения, что «Её Императорское Величество более, нежели иная какая держава, в состоянии придать важность покровительству своему», а канцлеры получили от своих государей повеления, чтобы послы и резиденты на местах «подкрепляли и рекомендовали Её Императорскому Величеству и её министерству дела помянутых диссидентов» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 25. Д. 586. Л. 79об.].

Конфессиональная острота пронизывала в 60-е гг. XVIII в., в период активной фазы «диссидентского вопроса» в Польше, и отношения России с державами Католической лиги. Здесь царил взаимная подозрительность. Австрийских Габсбургов преследовал призрак русско-прусского союза. Болевой точкой Вены были Силезия и Моравия со

свойственным тамошним евангеликам пруссофильством. Против России и Пруссии Вену поддерживал Мадрид. Испания не имела, конечно же, территориальных интересов в Центральной Европе, но на её позиции сказывалось засилье при дворе иезуитов, тесно связанных с папской курией и выразивших в польском вопросе её мнение. Так, 28 марта 1764 г. русский посол в Вене Д.М. Голицын сообщал, что Испания выделила огромные средства для подпитки «антидиссидентской» смуты в Польше [Бобылёв 1997: 39, 42]. Спустя два месяца он рапортовал в Петербург об озабоченности императора русско-прускими действиями. Большую тревогу габсбургской державы вызвала, по информации Д.М. Голицына, и петербургская декларация России и Пруссии от 11 июля 1764 г. о защите «диссидентов» в Польше [Чечулин 1896: 259]. В свою очередь, недоверие русской стороны поддерживалось прочными и постоянными связями Габсбургов с папством. Факт отъезда в Венгрию в июне 1764 г. лидеров «партии» Потоцких, а затем и краковского епископа Кайетана Солтыка — главных противников Станислава Августа также давал России основания для опасений относительно открытой поддержки австро-венгерским двором католического движения в Польше [Rudnicki 1910: 71].

Ситуация разрядилась только в ноябре 1766 г., когда пришло подтверждение нейтралитета Габсбургов в польских делах [Носов 1999: 90]. Русские дипломаты, пользуясь этим, поспешили окончательно изгнать призрака Тридцатилетней войны. В частности, чрезвычайный и полномочный посланник И.А. Остерман сообщал Н.И. Панину в шифровке от 13/24 апреля 1767 г. о такой своей беседе со шведским сенатором Левенгельмом: «...при том рассуждая со мною о сём деле, в дружеской откровенности сообщил, что по его собственным известиям французский двор не согласится венского двора желанию в интересовании себя в происшествиях диссидентской конфедерации, но оному советовал наблюдать нейтралитет, которого исполнения граф Левенгелм толь

наипаче желал, что тем распалению военного пламени Европа избавится может, которое б инако легко воспоследовать могло, егда б в Полше другая конфедерация, католическая, состояла объявлением диссидентской возмутителями, и венский двор обще с другими католическими державами оную под своё покровительство приняли.

Я ему ответствовал, что мне кажется, венский двор сам собой, без такого предписуемого французскому двору совета образ нейтралитета сохранять причину имеет, ибо он сам легко разсудить может, сколь безрассудительно б было венскому двору свои силы противу Ея Величества ещё с королём Прусским размеривать для единственного лица, или предлога католической в Полше веры, которая, как значит во всех изданных декларациях, нимало к потрясению в опасности не находится, с которым моим мнением сенатор... согласился» [АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 301. Л. 11–12].

Известно, что польский сейм в конечном итоге занял русскую позицию по «диссидентскому» делу, однако сеймовые решения не удовлетворяли главных участников религиозного противостояния. Георгий (Конисский) считал, что итоговые постановления лишают надежд на присоединение к православию многих верующих, насильно записанных в унию и католичество [АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 393. Л. 1–1об.; АВПРИ. Д. 436. Л. 1–1об.]. Польская католическая реакция ответила на трактат провозглашением Барской конфедерации. Та, в свою очередь, вызвала «колиивщину» — антикатолическое и антиуниатское движение православного населения Правобережной Украины (впрочем, нельзя забывать и о социальных причинах этого крестьянско-казацкого восстания). Не устраивали конституции сейма 1767 г. и конфедератов-протестантов. В своё время С.М. Соловьёв и Я.Н. Бутковский назвали первоначальный проект Герцберга о первом разделе Польши «чудовищным планом». История «диссидентского вопроса» показывает,

что свой «чудовищный план» был в запасе и у вождей Торунской конфедерации. 12/23 декабря 1769 г., в разгар войны, которую России пришлось вести на два фронта (против турок и конфедератов-«бажан»), главнокомандующий войсками в Польше М.Н. Волконский сообщил Н.И. Панину о полученном от маршала Торунской конфедерации А. Гольца проекте новой некатолической конфедерации. «Сей проект, — писал под первым впечатлением шокированный военачальник, — в действие произведён быть не может, да и такого рода, что об нём без самой крайности подумать нельзя; ибо из него родится междуусобная и кровопролитная война, хотя он (Гольц. — А.Р.) и надеется, что из страха к ним духовенство (католическое. — А.Р.) побуждено будет усмирить теперешние мятежи». Действительно, проект был таков, что Н.И. Панин просто не стал его рассматривать: военные силы «диссидентов» формируются в Страсбурге и Королевской Пруссии, а затем при поддержке русских и прусских войск занимают всю (!) Речь Посполитую, и разбивают её на округа с таким расчётом, чтобы в каждом из них можно было содержать до 500 штыков или сабель «диссидентского» воинства. Вся тяжесть этого содержания должна была лечь на католическое духовенство [АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 969. Л. 43, 44–47]. Думается, что никто из государственных мужей той эпохи не счёл бы реалистичным план оккупации охваченной смутой Польши и наложения военной контрибуции на господствующее католическое духовенство. Однако само появление подобного плана говорило о необыкновенном религиозном ожесточении в «предраздельной» Речи Посполитой.

Сложным, несмотря на обязательства Бирона при возвращении в 1763 г. в Митаву, оставалось положение православия и в Курляндии. Посол Симолин в 1763 г. доносил в Коллегию иностранных дел о выгодном окончании тяжб православных и Якобштадтского монастыря, но, как вновь жаловался Синоду 3 октября 1767 г. игумен Кирилл

(Козловский), униаты продолжали «нападения, притеснения и укоризны», поскольку герцог, подтвердив привилегии «греческого закона», распространил его также и на униатов, и стала «вольность наша приведена под иго униатского честолюбия; право наше обращено в их пользу». Другие тревобления возникали в связи с тем, что герцог стремился увеличить немецкое население Курляндии, и потому «разных наций немцы,.. смотря на униат, самовольно поселились в Якубштадте,.. усилились... и исходатайствовали... указ, коим дозволено протестантам немцам и иным иностранным не токмо селитца в Якубштадте, но и в магистрат третью из них часть содержать членов», и «малое местечко, сограждённое нашими предками, и единым нам принадлежащее, стало быть участием и собранием всех народов» разных исповеданий. Конечно, продолжал игумен, было бы идеально, если бы после расширения спектра этнорелигиозного представительства в городе восторжествовал европейский порядок и взаимная терпимость, но, увы, этого не происходит: городишко Якобштадт — не торговый центр европейского значения, а аграрный посёлок, условий для широкого экономического развития, которое только и составляет основу терпимости, здесь нет, а угодий мало, и вместо мирного сосуществования «всех народов» развивается взаимная разрушительная борьба. Как видим, православному игумену была вполне доступна мысль о том, что веротерпимость — это плод европейской городской цивилизации, что она существует как внешнее выражение гражданского мира и направлена на «общее благо»: «Известно, что есть во многих европейских городах подобнии учреждения обществ из разных народов; однако, смотря на оныя, нигде найти не можно, дабы разнозаконие не было уважаемо, и потому везде при таких случаях ограничена (явно и недвусмысленно действует. — А.Р.) власть и справедливость; чего в Якубштадте совсем не находится. Здешния разнонационалы, получая по временам поверхность, не пекутся толко о

добре целого общества, сколько о разрушении всяко, дабы приобрести одной своей части силу и преимущество. Так поступали униаты, так поступать начинают прочия пришелцы...». Синод передал тогда дело в Коллегию иностранных дел, но, судя по новым жалобам из Якобштадта и указам Синода в Коллегию иностранных дел от 13 апреля и 30 декабря 1769 г., от 28 июля 1770 г., оно всё затягивалось и затягивалось. Игумен просил повлиять на курляндского правителя в интересах «общего блага» и гражданского мира. Русский посланник, настаивая на удовлетворении интересов монастыря, переадресовывал эти аргументы герцогу, не забывая также добавить, что будет «оное во удовольствие Её Императорскому Величеству» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 297. Л. 414–416об., 616–617; АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 304. Л. 86–86об., 88–88об.].

События на Украине и в Курляндии остро поставили вопрос о дальнейших судьбах конфессий в этих регионах. Данное обстоятельство вывело на видное место в польской политике России отношения с папством. До конца XVIII в. они становились всё более заметной внешней «просвещённого абсолютизма».

В 1762–1768 гг. папство было одним из принципиальнейших противников предоставления религиозных и политических прав «диссидентам» и юридических гарантий их церквам в Польше — оплоте католицизма на востоке Европы [Welykuj 1904: № 51]. Поэтому борьба России с Римом была неизбежна. Она проходила на исключительно благоприятном для России фоне: симпатии просвещённой Европы были всецело на стороне русской монархии, ибо Екатерина II, по общему мнению, бросила вызов силам клерикализма и обскурантизма, олицетворением которых выступало именно папство. Кроме того, Рим столкнулся и с другими вызовами: в 1764–1769 гг. имперские курфюрсты объявили войну немецким нунциатурам, с 1765 г. по всему континенту

распространяются янсенистские сочинения [Доброклонский 1881: 190, 270]. Всё это не могло не оттягивать силы курии от Польши.

В Варшаве католическое сопротивление русским планам возглавил энергичный нунций А.Е. Висконти. Другим лидером воинствующего католицизма стал венский нунций Борромео, ставленник испанских иезуитов. Именно от Висконти (15 августа 1763 г.) в Рим поступила первая информация о русско-прусской договорённости в «диссидентском деле». В дальнейшем оба нунция в своих депешах в Рим, словно соревнуясь, постоянно называли всё новые и новые угрозы интересам католической веры, будто бы исходившие от альянса России и Пруссии. В марте 1766 г. Висконти писал в Рим о необходимости выработать специальные меры против «фанатичного недруга Конисского», в июне того же года он высказывался в пользу выгодной для Рима тактики в действиях коронных войск против «схизматиков» на Украине [Носов 1999: 36, 63]. Особое негодование нунция вызывали попытки православного архипастыря взять под защиту польских крещёных евреев, изъявивших желание перейти из католицизма в православие [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 206. Л. 14–19об.; Theiner 1860: 231]. Но, повторим, это были нунции. Вмешательство самих пап в религиозно-политический конфликт в Польше произошло позже. Инициатором стал епископ К. Солтык, лидер и вдохновитель саксонской «партии» в Польше, ярый враг короля Станислава Августа. В конце 1764 г. он составил обширную реляцию в Рим, в которой представил позицию короля и Чарторыхских в «диссидентском вопросе» в самом невыгодном с католической точки зрения свете [Rudnicki 1910: 95, 101]. Станислав Август был вынужден направить в Рим своего представителя — маркиза Антици (май 1765 г.), дабы тот мог при папском престоле засвидетельствовать, что монарх Речи Посполитой является «добрым католиком» (в дальнейшем Антици выполнял роль постоянного представителя короля в Риме) [Loret 1910: 155; Historia diplomacji..., II

1982: 536]. Объяснения были приняты, но в дальнейшем использованы против самого же короля. Накануне открытия сейма 1766 г. Висконти в личной беседе со Станиславом Августом по поручению папы напомнил ему о миссии Антици, указывая, что судьбы религии в Польше зависят теперь только от него как от католического государя [Носов 1999: 75; Wolff 1988: 175]. Папское послание польским епископам от 28 июля 1767 г. было призвано мобилизовать на борьбу с «диссидентами» и всю польскую церковь [Rudnicki 1910: 163]. Папство пыталось активизировать также и магнатию. 23 сентября (4 октября по новому стилю) 1767 г. новый нунций Дуррини, заменивший к тому времени Висконти, посетил К.Радзивилла и вручил ему бреве против «диссидентского» дела, адресованное крупнейшим польским магнатам (через два дня оно было зачитано в собрании сейма) [Gastpar 1977: 41]. В период обострения в 1767 г. «диссидентского вопроса» Н.В. Репнин, дабы прекратить вмешательство пап, предлагал Станиславу Августу под предлогом борьбы с «фанатизмом» закрыть нунциатуру в Варшаве и упразднить должность примаса (момент был удобен ещё и тем, что старый примас В. Любеньский недавно умер, а нового ещё не успели выбрать), а церковь поставить под руководство выборного синода, где будет председательствовать сам король [Соловьёв, 26 1851–1879: 446].

Излишне говорить, что папа был главным моральным авторитетом Барской конфедерации. В русских источниках (в документации канцелярии П.А. Румянцева за 1769 г.) отложились слухи о непосредственной поддержке папами «бажан»: русские офицеры, проводившие войсковую разведку против сил конфедерации, сообщали командованию о папских посланцах-иезуитах, якобы снабжённых деньгами и направленными для подстрекательства шляхты на Украину [Иваницкий 1941: 249]. Присутствие русских войск на Правобережной Украине во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. стабилизировало

положение православия. П.А. Румянцев с самого начала высказывался за поддержку гайдамаков и их вербовку в армию в качестве разведчиков, проводников, военнослужащих иррегулярных частей [Переписка гр. П.А. Румянцева... 1882: 520]. В 1768–1769 гг. его позиция не нашла поддержки ни у Н.И. Панина, ни у Екатерины II, предписывавших соблюдать нейтралитет в религиозном конфликте, а гайдамаков подавить как зачинщиков смуты. Однако, увязнув в польско-турецких делах, верховные власти были вынуждены проявлять больший прагматизм. В 1771 г. вышел именной указ об охране православных от насилия униатов, хотя в основном никаких специальных мер для этого не требовалось: зачастую при одних только слухах о приближении русских частей или разъездов униатское духовенство спешило покинуть приходы. Ряд войсковых командиров по собственной инициативе проводил аресты наиболее одиозных деятелей униатства. Наибольший резонанс вызвало заключение под стражу униатского епископа Максимилиана Рылло: тому пришлось полгода провести в тюрьме в Бердичеве [Иваницкий 1904: 244–249].

В воззрениях русской стороны основной причиной, по которой никак не удавалось утихомирить Польшу, был религиозный «фанатизм», владевший, как представлялось, всеми участниками конфликта в равной степени. Одним из наиболее опасных «фанатиков» российские представители, начиная с Н.В. Репнина, считали нунция Дуррини. На немедленной замене его другим представителем папства с самого начала настаивал и посол К. Сальдерн, отзывавшийся в переписке с Екатериной II и Н.И. Паниным о нунции весьма нелестно («человек странной, злобной, глупой»), но масла в огонь подливало и то, что и сам Сальдерн с католиками был на удивление груб и заносчив. Действовать против нунция было решено в Риме. Посредничать в конце 1771 г. здесь взялся сардинский министр (посол) в Папской области, но не преуспел, и тогда

посланник И.И. Шувалов обратился к Клименту XIV напрямую. Папа дал согласие, дабы сделать «удовольствие» Екатерине II, но просил дипломата сохранить дело в тайне, не сообщая о нём более ничего представителю сардинского двора и ни в коем случае не посвящая в него Антици и польского посла: понтифик не хотел, чтобы замена его представителя в Варшаве выглядела прямым результатом внешнего давления, и договорился с Шуваловым о дальнейших негласных контактах через посредника — доверенного человека самого Климента XIV (его имени Шувалов не назвал). Вместо отзываемого Дуррини на варшавскую нунциатуру был поставлен архиепископ Бейрутский Д. Гарампи, слывший умеренным, далёким от «фанатизма» деятелем курии, и папа через Шувалова рекомендовал его русскому двору. 3 марта 1772 г. И.И.Шувалов информировал Н.И. Панина, что «Гарампи нунциусом формально назначен и всё к скорому его отъезду приготавливается...».

Подобная скрытность со стороны Климента XIV российской стороне казалась нелишней и выглядела объяснимой. И.И. Шувалов сообщал, что папа «совсем один», что он окружён «невежами» и «фанатиками» из Конгрегации Пропаганды, прочно засевшими в курии [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 52. Л. 1; АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 53. Л. 1–2об., 10, 13об.]. Что же касается собственно «фанатизма», то в Конгрегации Пропаганды его изрядно подогрели высылка из России супериора Ремедия де Прага по жалобам петербургской католической общины в 1766 г. и намерение русских властей добиться назначения нового супериора с полномочиями от кого-либо из немецких духовных курфюрстов — янсенистов, то есть помимо и самой Конгрегации, и ортодоксального католичества. Наиболее резкое неприятие и Климента XIII, и всей курии вызвал Католический регламент 1769 г., о чём Н.И. Панина поставил в известность посол в Вене Д.М.Голицын [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 38. Л. 130–131об.]. В том же году в Россию по делу об

Острожском майорате направился бальи ордена св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийского) М. Саграмозо, добрый знакомый Екатерины II в бытность её великой княгиней, и Климент XIV рассчитывал, что визит поможет повлиять на позицию России в выгодном для католической церкви духе [Сборник ИРИО, 87 1893: № 54; Перминов 1991: 82]. Однако визит не только остался безрезультатным, но и привёл к охлаждению отношения Екатерины к мальтийскому кавалеру, что проявилось при его последующих ходатайствах по острожскому и иезуитскому делам.

Непросто обеим сторонам дался и порядок назначения клириков на вакансии в России. В декабре 1772 г. Екатерина II назначила епископом Могилёвским и главой всех католиков в России С. Сестренцевича. Однако учреждение католической епископии гражданским указом русских властей ущемляло престиж папства. В ответ Конгрегация Пропанды затягивала посвящение Сестренцевича в епископы, рассчитывая навязать русской стороне своих людей вместо тех, кого новоиспеченный иерарх желал, но не мог пока назначить, не будучи утверждённым Римом в епископском сане. В конце концов, папа Климент XIV одобрил кандидатуру самого Сестренцевича, приняв во внимание ходатайства виленского епископа И. Масальского и нового варшавского нунция Д. Гарампи: прелаты в один голос заявляли, что «речь идёт о человеке блестящем и примерном», и лучшего духовного руководителя для католиков в России сейчас всё равно не сыскать. Канонически дело обставили следующим образом: в мае 1773 г. нунций одобрил назначение Сестренцевича суффраганом (администратором-заместителем с епископскими полномочиями) виленского епископа. Между тем, летом 1773 г. член столичной католической общины и участник подготовки Католического регламента И.Х. Фезерн доносил Н.И. Панину о подготовке Конгрегацией в Риме четверых духовных, «и только ожидается от здешнего министерства...

соизволение на отправление речённых патеров на смену находящимся в Санкт-Петербурге...» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1974. Л. 8]. Русские власти, однако, предпочитали дожидаться оформления епископских полномочий Сестренцевича, сохраняя контроль за назначением клира за собой. Убедившись, что эта позиция не изменится и что, следовательно, протащить нужных людей на католические степени в России не получится, нунций в октябре вынужденно санкционировал посвящение Сестренцевича с титулом епископа Малло *in partibus infidelium*⁴⁰ [Амара-Пуанье 1996: 58].

К этому времени в русско-папских отношениях появился ещё один источник напряжённости. 21 июля 1773 г. вышла булла Климента XIV «*Dominus ac Redemptor*» о роспуске Ордена иезуитов. Папа решился на данный шаг под давлением Бурбонов. Однако логика политического противостояния подсказала Екатерине II идею сохранить «Общество Иисуса» в воссоединённых белорусских областях. К тому же это сулило Екатерине II прямые выгоды: через иезуитов она получала возможность влиять на обстановку в Польше, появлялась и заманчивая на первый взгляд перспектива играть на противоречиях между папой, курией и самим орденом. Вопрос об иезуитах вскоре приобрёл кризисный характер. Папская сторона, вновь ущемлённая в своём достоинстве, полагала действия Екатерины II по защите ордена в России незаконными. Императрица, напротив, настаивала на безусловном примате своих полномочий по сравнению с папскими на территории России. В полемику включились и сами «виновники» кризиса — белорусские иезуиты. Они апеллировали к мнению Европы, и их аргументами в защиту канонической безупречности своих институций в России были принципы суверенитета

⁴⁰ *in partibus infidelium* (лат.) — в странах неверующих. Епископ *in partibus infidelium* — это епископ, кафедра которого существует, как правило, номинально. Такой титул обычно получали нунции для поддержания престижа в странах пребывания или главы миссий в регионах с несформированной структурой католической церкви.

«императрицы Всех русских» и верного подданства [Лушпай 2001: 124–133; Лушпай 2002].

Итак, цели России в период активизации ею «диссидентского вопроса» были вполне прозрачны, и это были цели сугубо политические: существовала настоятельная необходимость в создании этнорелигиозной сеймовой партии, способной обеспечить России решающий перевес в польских делах и подвинуть решение комплекса двусторонних проблем, болезненно затрагивавших интересы русских помещиков и престиж русской монархии. Не случайно в политической переписке Екатерины II постоянно повторяется, что «в этом деле состоит моя слава и достоинство». Современники расценили итог участия России в «диссидентском вопросе», зафиксированный в двустороннем трактате 1768 г., как неудачу. Позже констатация неудачи стала общим местом дореволюционной литературы, повторяется тезис о ней и в наши дни. Однако, если это и неудача, то неудача общая: никто из активных участников «диссидентского» дела не мог добиться успеха в одиночку и не мог выйти из него, не потерпев действительной и кардинальной, а не мнимой неудачи. Собственно, первый раздел Речи Посполитой и явился выражением этого стихийного компромисса, в равной мере не устраивавшего всех, кто его переживал и на него соглашался. Степень же действительного участия русского «просвещённого абсолютизма» в религиозных конфликтах Речи Посполитой в эпоху её первого раздела напрямую вытекала из понимания им природы религии и массовых религиозных состояний.

«Диссидентский вопрос» — принципиальное явление в вероисповедной политике русского «просвещённого абсолютизма» с середины 50-х гг. XVIII в. На его примере хорошо прослеживаются причинно-следственные связи, приведшие Россию, по общему признанию современников-просветителей, на место первого защитника

веротерпимости на континенте. Внутренние политические механизмы «просвещённого абсолютизма» толкали его к трактовке «диссидентского вопроса» как вопроса исключительно «шляхетского», связанного с защитой прав дворянства (на самом деле это было далеко не так, и здесь затрагивались в широком социальном плане интересы сельского населения, казачества, городских слоёв — православных и протестантов, наконец, евреев-иудеев). В данной связи, как мы видели, ключевым в осуществлении политического замысла Екатерины II оказывалось положение протестантского дворянства. Объединяющей формулой сотрудничества православной «просвещённой» монархии с протестантами становилась веротерпимость, имевшая конкретно-исторический вид борьбы за права христианских религиозных меньшинств. Впервые надёжную проверку данная формула получила на курляндском опыте.

«Северная система» обычно рассматривается с точки зрения того, насколько при русском дворе была сильна прусская «инфлюенция». Необходимо, однако, подчеркнуть обратное: значение русско-пруских противоречий для функционирования скрытых пружин «северной» дипломатии, на котором останавливались в своей переписке и русские, и зарубежные дипломаты (в частности, этот вопрос доминировал в переписке Э.Бернсторфа и Шуазеля). В итоге активная «северная» политика России в значительной мере служила противовесом «негативной польской политике» Фридриха II.

«Диссидентский вопрос» явился общеевропейским политическим кризисом. Следовательно, активизация отношений России с папством как с одной из руководящих сил «старого порядка» и католической реакции была неизбежна. До закрытия ордена иезуитов это было идейно-политическое противостояние европейского масштаба, в котором симпатии «просвещённой» Европы находились на стороне Екатерины II. В

то же время основным противоречиям между Санкт-Петербургом и Римом только предстояло себя проявить.

§ 2. Вопросы греко-российского церковного управления накануне и после первого раздела Речи Посполитой

«Диссидентский вопрос», выявивший слабость Церкви и православного духовенства в Речи Посполитой, заставил задуматься об их состоянии и в коренной России. Недостатки епископального управления требовали реформ, и в России они были наиболее кричащими в миссионерском деле.

В процессе государственного планирования реформ особое рабочее напряжение ощущалось в течение 1786 года, когда секуляризация и штатная реформа монастырей в малороссийских епархиях переплелись с двуединым проектом епархиального переустройства Церкви и реформы Синода. О том, что наступает вторая, после 1764 г., полоса «просвещённой» секуляризации, объявлялось в именном указе Синоду от 10 апреля 1786 г. Формально указ касался только епархий в составе киевского, черниговского и новгород-северского наместничеств, означая распространение на них великорусских порядков, но на практике стал воплощаться и на прочих землях Малороссии, а также на Слободской Украине и Юге России — в харьковском, воронежском, екатеринославском наместничествах. Это вызвало возражения Синода, однако Сенат считал правильной тенденцию распространить секуляризацию на весь юго-запад Европейской России, где имелись монастыри на «малороссийском положении», и подал соответствующий доклад Екатерине II. Именным указом от 25 апреля 1788 г. она утвердила этот доклад [ПСЗРИ, 22 1830: № 16375, 16649], и добро на проведение «южной» секуляризации, таким образом, было дано.

План соответствующих мероприятий готовил А.А.Безбородко, он же сначала трудился и над предполагавшимся территориальным и синодским переустройством Церкви (об источниковедческой критике его записок см. Введение). Рабочие бумаги и черновики Безбородко открывают первичные идеи и ход государственной мысли по поводу реформы, где у сановника были, как увидим, важные соавторы.

Б.В. Титлинов писал, что вышеупомянутый указ от 25 апреля 1788 г. появился в ходе полемики и разногласий между Сенатом и Синодом о целях и содержании монастырской реформы в Мало- и Новороссии на протяжении 1786–1787 гг. [Титлинов 1916: 691–694]. Однако из бумаг А.А. Безбородко следует, что это не так, и время создания указа нужно уточнить. В одном из карандашных черновиков А.А. Безбородко находим перечень епархий Церкви, насчитывавшихся на то время. Всего их значится 34, включая три викарных: в первом классе — четыре (столичные, Кевская и Новгородская), во втором, куда по особым указам приписывались мало-, бело- и южнорусские епархии — 12, и в третьем — 15, в основном епархии центрально- и севернорусские, а также слободские [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 19. Л. 3–4]. набросок не датирован, но в архивном деле он соседствует с выпиской из именного указа от 10 апреля 1786 г., откуда становится ясной причина появления документа и, таким образом, хотя и сугубо ориентировочно, время его создания. Это значит, что над практическим воплощением новой церковной реформы стали работать гораздо раньше, чем об этом сообщал Б.В. Титлинов.

Имеется и другой документ А.А. Безбородко, также явно относящийся к периоду после 10 апреля 1786 г. Он представляет собой писарскую копию его вопросов к Г.А. Потёмкину и ответов последнего (текст идёт в две колонки — слева вопрос, справа ответ). Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что авторы рассуждают обо всём Юге России и не ограничиваются узкими региональными рамками,

обозначенными в апрельском указе. Судя по тексту, в 1786 г. Потёмкин подавал Екатерине II некую записку. Для нас она остаётся неизвестной, но из содержания нижеследующего запроса Безбородко видно, что эта потёмкинская бумага касалась именно продолжения секуляризации и что Потёмкин планировал преобразования на подведомственном ему юге в целом. Секуляризация была призвана придать новое движение хозяйственному освоению этого важнейшего для России региона. Она должна была сопровождаться, по идее Г.А. Потёмкина, привлечением аграрного населения, в том числе религиозных меньшинств. Одним из таких «полезных» меньшинств были меннониты, делегаты которых были удостоены Высочайшей аудиенции 2 мая 1787 г. в Кременчуге [Ибнеева 2006: 33]. Как следствие, А.А. Безбородко поддержал план приглашения в Россию меннонитов и 12 августа 1787 г. направил императрице на этот счёт особую записку [Чумиков 1879: 146]. По этой же причине Г.А. Потёмкин приостановил отписку монастырских имений Екатеринославской губернии в казну, стремясь найти им более удачное применение, а именно, привлечь на освободившиеся таким образом дачи земледельцев, но смерть помешала ему [РГАДА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 317. Л. 1–2].

Но обратимся всё же к вопросам А.А. Безбородко и ответам Г.А. Потёмкина. Первый вопрос был таков: «В записке Вашей Светлости, поданной в 1786-м году, ныне назначено оставить только для семинарии Харьковский училищный монастырь во втором классе, из женских один в том же классе, да в Екатеринославской губернии Полтавский и женский Будинский монастырь во втором классе, на что и потребно будет по штатам до 4500 рублёв в год. Сего ль самага расписания и теперь держаться, уничтожа и прочие пустыни?». Г.А. Потёмкин на это отвечал: «Чтобы не умножать епархии, то Харьковской губернии монастыри приписать к екатеринославскому архиерею, у которого церквей мало.

Училище тамошнее, как хорошее (речь идёт о знаменитом Харьковском коллегиуме. — А.Р.), можно оставить. А как университет Екатеринославский войдёт в силу, то сие училище с ним соединится, до тех пор сумму дать. Сверх Полтавского мужского и Будинского женского нужно ещё один для архиерейского дома в третьем классе положить по близости нового Екатеринославля».

Вновь вопрос Безбородко: «2-е. Где есть архиерейские дома, определяется на семинарию по 2000 рублёв в год. Харьковское училище, хотя и не при архиерейском доме, но впредь архиерей там положен. Почему нужно ли теперь сему училищу дать сию двухтысячную сумму, или же отложить до учреждения архиерея». Последовал ответ: «Крестьян екатеринославских монастырей причислить в военное поселение, то ж и харьковских», поэтому дать денег можно только на случай, «если сверх числа заменяемого обращённых в казаки екатеринославского корпуса останутся» [РГАДА. Оп. 1. Д. 158. Л. 1].

Из дальнейшего изложения будет понятно, что замысел секуляризации на юге сопровождался и замыслом укрупнения епархий — по-видимому, первоначально также только на юге, ибо эту меру подсказывала конфискация владений архиерейских домов и упразднение монастырей, в том числе и тех, что служили прежним владыкам временными или постоянными резиденциями. Замечание же о будущем харьковском архиерее говорит, что уже в первой половине 1786 г. этот замысел вполне оформился: дело выглядит окончательно решённым, и тон Безбородко именно таков.

Затем в документе следуют общецерковные вопросы. Они открывают участие в делах церковных преобразований близкого сотрудника Екатерины II по церковной части — митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Гавриила (Петрова), и по сути, это ещё один генератор идей готовившихся преобразований. А.А. Безбородко

писал: «3-е. Здешний митрополит представляет, что в Синоде по болезням обоих протопопов сидят он да архиепископ Псковский, кроме того, в большие дни и проповеди из синодальных членов сказать не может ни один почти. Полагает он, что нужно прибавить ныне двух членов — и по его мнению — одного из архиереев и другова из архимандритов. Из последних рекомендует он Ростовского Борисоглебского Иринея. Но я помню, что считали кроме архиереев от Синода иметь протопопов, а не архимандритов. Почему не угодно ли будет Вашей Светлости сказать мне Ваши мысли. Ежели должно уволить архиерея предстояще, то кого поместить из архиереев, так ли, как прежде считали, что приняв их всех за члены Российского Синода, назначая по очереди из второ- и третьеклассных, и кем начать. Равным образом, кого из архимандритов или протопопов к тому предпочесть» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 158.Л. 2].

Очевидно, что в третьем вопросе Безбородко речь идёт о жалобах митрополита Гавриила на недееспособность Синода в составе, сложившемся на тот момент, и о его предложениях, как исправить ситуацию. Нам известно, что стояло за lamentациями преосвященного. В 1786 г. членами Синода состояли, кроме самого Гавриила, три архиепископа — московский Платон (Левшин), могилёвский Георгий (Конисский), псковский Иннокентий (Нечаев), и два протоиерея — духовник Екатерины II И.И. Памфилов и священник Преображенского полка С.И. Коронацкий, причём И.И. Памфилов сидел не на протоиерейской, а на архимандричьей вакансии. Упомянутый Ириней (Клементьевский) из Борисоглебского монастыря в Ростове занял в Синоде аналогичное место только в 1788 г. Платон и Георгий постоянно пребывали на своих кафедрах и в текущей работе участия не принимали, Платон к тому же откровенно отстранялся от питерских кругов и синодских дел, преображенский протоиерей был фигурой номинальной и особой роли в Синоде не играл.

Помочь Гавриилу в таком положении мог только И.И. Памфилов. Как известно, он был весьма активным сотрудником «Духовного коллегия»: приезжал в присутствие часом раньше назначенного времени, имел привычку подолгу засиживаться над бумагами и даже брал их на дом, мнения высказывал дельные, и в случае разногласий собственную точку зрения отстаивал жёстко, но без резкостей. И, тем не менее, об И.И. Памфилове митрополит не упоминал, а в Синод просил включить представителя чёрного духовенства, причём явно вопреки начертаниям светской власти — находим же у Безбородко, что предварительно «считали... от Синода иметь протопопов, а не архимандритов».

Наладить сотрудничество Гавриил и И.И. Памфилов, таким образом, к вящему неудовольствию «просвещённых» властей, не смогли. Гавриил не любил царского духовника и в переписке постоянно его третировал. «...В большие дни и проповеди из синодальных членов сказать не может ни один почти...», — обращался, как мы видели, Гавриил к А.А. Безбородко. Вряд ли преосвященный хотел сказать, что все синодские так загружены, что и проповеди говорить некому: какие такие дела были важнее публичных проповедей по «большим дням», на чтении которых именно членами Синода настаивала сама императрица? Нет, здесь он явно намекал на низкий уровень проповеднического мастерства синодских протоиереев. Однако И.И. Памфилова нельзя считать плохим проповедником, и здесь Гавриил явно погрешил против истины [Титлинов 1916: 426–434].

Но дело заключалось не только в трудностях межличностных отношений. Знаменем эпохи была вражда иерархии и «просвещённого» белого духовенства, полагавшего себя главным сотрудником «просвещённого абсолютизма» в Церкви. Поэтому неприязнь иерархов неизбежно чувствовал на себе каждый из белых клириков, достигнувших

определённой общественной известности. Такова была судьба протоиереев П.А. Алексеева, И.А. Клементовского, А.А. Самборского, о чём много писали современники. Не стал здесь исключением и И.И. Памфилов.

В одной из отдельных заметок Безбородко также отложился «комментарий» на сей счёт: «В Синод потребные члены. Назначение туда архимандритов не полагалось, да и посажение их, ежели будет сим председательствовать духовник императрицы или протопоп Преображенский, особливо первому нельзя собой будет председательствовать; разве только до членов дойдёт очередь быть председателем.

По плану положено было здесь заседать, кроме первых архиереев, двум по смене. Ныне, кроме Псковского, потребен ещё один, да в каждый год где два братья? Всеми делами правят один архиерей и протопоп».

Здесь, очевидно идёт речь о пожизненном синодском членстве Иннокентия (Нечаева). Власти, таким образом, хотели закрепить в Синоде лояльного и приемлемого лично для Екатерины II иерарха. Проект соответствующего указа также находится в бумагах Безбородко: «Соизволяем, чтоб Синод наш состав отныне все российские местные архиереи, из коих первопрестольных трёх епископов в оном всегда присудствовать, когда в столице новой имеет пребывание, прочие же заседать должныствуют по очереди по два, переменяясь всякие три года, но как ныне архиепископ Псковский Иннокентий от давнего времени по соизволению Нашему присудствует в Синоде, то покуда таково его присудствие продолжаться будет, назначать только по одному, и потому на следующие три года определить Тверского епископа Тихона с жалованием, какое архиепископ Псковский по своему месту в Синоде получает» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 160. Л. 15].

Цитированная выше записочка Безбородко вновь указывает на существование предварительно обсуждавшегося плана реформы Синода,

пишет же он: «по плану положено было...». Ответ Потёмкина на третий безбородковский вопрос также демонстрирует, что замысел изменения конструкции Синода к тому времени был уже налицо, и сам светлейший князь излагал его основу, не вдаваясь в частности. По Духовному регламенту Синод состоял из 12 членов, «быть же лицам разного чина: архиереом, архимандритом, игуменом, протопопом. Из которого числа трём архиереом, а прочих чинов сколько которого достойных сыщется» с регулярной ротацией каждого. В своё время, в 1766 г. Мелиссино хотел разделить Синод на московское и петербургское отделения. Ныне же «Духовную коллегию» предлагалось официально переустроить по-другому: вводились должности постоянных и непостоянных членов Синода, при этом роль «непременного совета» отводилась первосвященникам наиболее древних и почитаемых центров русского православия — Москвы, Киева, Новгорода.

Г.А. Потёмкин полагал так: «Синод есть изображение собора общего. Посему все епископы должны быть члены. Первенствующие три всегда вправе заседать, то есть Новгородский, Московский, Киевский, а прочие по два года присудствуют, два в Петербурге и один в Москве. Чрез сие узнают каждого способность. Как же Синод есть изображение всей иерархии, то быть тут же и из архимандритов и протопопов, по сколько благоугодно будет повелеть монархине, ежели зделают всех архиереев членами Всероссийского Синода, то начать очередь зависеть будет от Синода, с кого хочет» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 158. Л. 2]. Отметим, что архиерея столичной Санкт-Петербургской епархии среди «первейших» нет: из других записок Безбородко будет ясно, что невская кафедра подлежала упразднению (митрополит Гавриил как доверенное лицо императрицы не пострадал бы — перестав быть преосвященным Санкт-Петербургским, он оставался бы Новгородским и по-прежнему сидел бы в Синоде).

При этом предполагалось, что после осуществления начертаний Г.А. Потёмкина все «первые» святители будут пользоваться одинаковыми знаками почтения. В бумагах Безбородко содержится и такой набросок на бумажном клочке: «В плане упоминается о разных почестях митрополиту Новгородскому и Московскому против Киевского. Сей последний по жалованным грамотам царей и патриархов имеет: 1. Первенство пред всеми российскими митрополитами. 2. Ношение митры со крестом в столице и в присутствии государевом и патриаршем. 3. Употребление лампы. 4. В служении двух панагий. 5. Ношение пред ним креста в своей епархии. Сверх того, здешний (Петербургский) митрополит не получает трактамента по званию архимандрита Александро-Невского монастыря», чем пользуются оба других митрополита как Киево-Печёрский и Троице-Сергиевский архимандриты соответственно [РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 160. Л. 17–18]. Теперь привилегии и знаки почёта назначались к уравнению, и за образец, дабы подтвердить преемственность от древней, киевской Руси к России новой, и церковную связь Великой и Малой России, хотели взять именно киевский вариант.

Ситуация с привилегированным членством псковского преосвященного *ad hoc* и царским духовником на архимандричьем месте требовала пополнения Синода не двумя архиереями и двумя архимандритами, а по одному. Среди разрозненных заметок Безбородко находим ответ на вопрос о том, как хотела разрешить дело Екатерина II: «В Синод посадить сперва нового Тульского архиерея на два года, а потом архимандрита принять» [РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 160. Л. 5].

Но вернёмся вновь к вопросам А.А. Безбородко и ответам Г.А. Потёмкина. Плановая ротация духовных, намеченная Потёмкиным, делала насущной задачей сокращение епископских вакансий в стране: при наличии 34 кафедр даже за вычетом «первенствующих» было невозможно в разумно короткий срок «пропустить» через Синод хотя бы одних

преосвященных, чтоб «чрез сие» узнать «каждого способность», а ведь их предполагалось «разбавить» ещё и архимандритами (о дополнительном мотиве такой меры, не менее значимом — в очередной раз сэкономить средства за счёт Церкви — сейчас речь не идёт). С другой стороны, сокращать вакансии было необходимо и безх потёмкинских предложений: митрополит Гавриил за время своей работы в Синоде неоднократно указывал Екатерине II на то, что целый ряд кафедр переживает более или менее длительное «вдовство», и это уже давно превратилось в хроническую болезнь синодского управления Церковью. (Однако в силу необходимости сокращать епископские должности невозможно было выполнить другое намерение властей: привести в соответствие епархиальное и губернское деление, ибо губерний всегда оказывалось больше, чем епархий).

Очевидно, что работа над тем, какие кафедры упразднить, а какие оставить, осенью 1786 г. была уже в разгаре, и, сопоставляя обнаруженную в бумагах Безбородко роспись епархий и очередной, четвёртый вопрос Безбородко Потёмкину, мы понимаем, что велась эта работа с двойным прицелом — и с южным, и с общегосударственным. Так, Безбородко пишет о запросе Гавриила на «новое расписание» в масштабах всей империи: «4-е. Он же узнаёт великую нужду в наполнении мест праздных архиерейских и просит, ежели нельзя выдать нового расписания, велеть по крайней мере определять епископов туда, где они преимущественно нужны, именно в Севск и Тамбов, да для Тульской губернии в Коломну. Как о сём полагать изволите?». — «Я поистине признаю, — отвечал Потёмкин, — последнее распоряжение весьма удобным и натуральным по локальному положению, то бы в избежание перемен тем и начать. Так бы и имеющиеся архиереи восприяли. Коломенские вошли бы к Московскому» [РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 158. Л. 2]. Светлейший князь, таким образом,

приветствовал «нарезку» новых епархий «по локальному положению», или по принципу компактности.

В то же время из вопросов самого Гавриила в изложении Безбородко следует, что преосвященный вполне отдавал себе отчёт во взаимосвязи готовящихся изменений в территориальной структуре Церкви и началах, на которых стал бы в дальнейшем функционировать Синод.

Вопрос о новых назначениях на епархии в условиях, когда расписание епархий ещё не готово, Безбородко намеревался согласовать с Екатериной II. На этот случай имеется очередная из его заметок: «Если не благоугодно будет Вашему Императорскому Величеству подать новое о епархиях расписание, то, дабы из праздных не осталось без управления те, кои имеют ведомым у себя губерния», следует объединить «вдовствующие» епархии таким образом, чтобы кафедра оказалась в губернском центре той губернии, которая большей частью лежит в данной епархии.

Отсюда у Безбородко идёт речь о мерах, совпавших с предложениями Гавриила: «Первое (здесь и далее подчёркнуто авт. — А.Р.), уничтожа Переяславскую епархию, перевести архиерея до времени в Коломну с тем, чтобы он управлял церквами в Тульской губернии (поскольку тульский архиерей уже назначен заседать в Синоде. — А.Р.). Второе. Вместо несвойственного управления канторой Синодальной епархию Крутицкой, Калужской губернии церкви оставить под ведением Московского митрополита. Третье. В Тамбов определить архиерея, и Четвёртое, Севской епархии викарию, по примеру назвав местного Орловского и Севского, определить... архиерея местного. И так не будет ни малейшего перебивка, а напротив, с него казна ещё выиграет и порядок устроится».

Отсюда же в бумагах сановника появляется и новое черновое расписание епархий и степеней их архиереев: три митрополии, «или

епархии первопрестольные», 14 архиепископий, десять епископий и три викариата. Девять кафедр было ликвидировано и пять учреждено вновь в связи с укрупнением епархий [РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 160. Л. 9–11]. По сравнению со старым расписанием на степень архиепископии поднялись Владимирская, Смоленская и Нижегородская епархии, прочие же ранее существовавшие и неупразднённые кафедры остались в своих классах, «сверх того убавилось немалое число монашествующих». О выигрыше казны в своих черновых набросках Безбородко также писал: «Останется в пользу казны от упразднения епархий Крутицкой, Переяславской, Суждальской и Устюжской 18596 рублёв, от уничтожения дач и монастырей 3830 рублёв, от упразднения Синодской конторы 4692 рубля», всего 27118 рублей, кроме того, «из семинарий Крутицкая переведётся в казну, отпускаемые же на Устюжскую, Переяславскую и Суждальскую семинарии 6000 рублей не повелено ль будет обратить на народные училища» [РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 159. Л. 3-4; РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 160. Л. 1, 10–11].

Все эти вопросы ранее уже затрагивались в записке Потёмкина либо обсуждались в кругу помощников Екатерины II: недаром Безбородко в своих заметках вспоминает о предыдущем «плане», а в письме Потёмкину отмечает, что «я помню,.. как прежде считали...». Понятно, каково было назначение реформы в целом: Екатерину II не устраивало отсутствие надёжной системы, регулярного порядка в отношениях с иерархией, то есть всего того, о чём она могла слышать от своего наставника по церковно-административной части Я.П. Шаховского⁴¹. В значительной мере эти неурюстройства сглаживались участием в правительственной работе митрополита Гавриила, но «вопросоответы» Безбородко — Потёмкина отчётливо дают понять, что Екатерина II искала

⁴¹ Соответствующие представления Я.П. Шаховского времён Елизаветы Петровны см.: [РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 789. Л. 9, 11–13].

возможностей поставить дело на «правильную» почву и оформить планируемые изменения юридически.

Б.В.Титлинов, интересовавшийся темой «просвещённых» церковных реформ, указывал на перманентный характер поисков прочного «приводного ремня». В 60-е гг. имело место предложение сделать царского духовника единственным докладчиком по синодским делам. В 90-е гг. сама императрица выдвинула план официально закрепить за митрополитом Гавриилом (Петровым) титул «первенствующего иерарха», своего рода патриарха Синода [Титлинов 1916: 286–288, 429–431]. В данном же случае весьма вероятно, что идею «непременного совета» внутри Синода выдвинул Г.А. Потёмкин. Конечно, странным выглядел персональный состав такого «совета»: наряду с обласканным Екатериной II Гавриилом (Петровым) там бы оказались услужливый, но вместе с тем скользкий и неприятный лично императрице киевский владыка Самуил (Миславский), и совсем уж нелюбимый ею московский Платон (Левшин), но, как увидим ниже, у монархини на это был свой ответ.

Реакция Екатерины II на предложения Г.А. Потёмкина, которые он обсуждал с А.А. Безбородко, была положительной. В письме А.А. Безбородко Г.А. Потёмкину от 22 сентября 1786 г. находим: «...О епархиях всякие заготовлять повелено указы, и я с Василием Степановичем (В.С. Поповым, начальником канцелярии Г.А. Потёмкина. — А.Р.) пришлю на апробацию к Вашей Светлости проекты их» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 17. Л. 1]. В архиве А.А. Безбородко отложился целый ряд набросков, отразивших его работу над пресловутыми проектами, и эти отрывки составляют многозначительную параллель решениям Екатерины II, о которых сановник информировал Г.А. Потёмкина. В частности, вице-канцлер для себя намечал в одной из заметок: «Может быть, кажется соединить следующие епархии: Московскую и Тверскую, Тверскую и Калужскую, Тульскую и Орловскую, Воронежскую и Херсонскую,

Рязанскую и Тамбовскую». Очевидно, что Безбородко прикидывал варианты слияний (не случайно, что упоминание здесь о Тверской епархии рядом с Московской заменено сначала на Калужскую, а затем вновь восстановлено) [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 160. Л. 7], окончательные же комбинации выглядели иначе, как о том гласит упомянутое сентябрьское письмо Потёмкину: ««Между тем долгом поставляю донести Вам о некоторых примечаниях Государыни⁴² по сей материи. Первое. Её Величество настояла, чтоб для уменьшения архиереев и издержания соединить Епархии Тверскую с Московскою, Тульскую с Калужскою, Курскую с Орловскою, Воронежскую с Харьковскою и Рязанскую с Тамбовскою» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157. Л. 1].

Очередная рабочая заметка Безбородко показывает, какие персональные назначения последовали бы за возможным переделом епархиальной карты страны: «Естьли в Тверскую епархию будет пожалован архиепископом Воронежский епископ Тихон (Малинин. — А.Р.), то на его место преосвященный митрополит представляет из кандидатов достойнейшаго архимандрита Иннокентия, как человека учёного и кроткаго.

В Коломну переведётся Переяславский, а Тульская губерния ему подчинится.

В Тамбов переведётся vikарий Новгородский епископ Феофан. Сей архиерей весьма рекомендует как человека добронравного и порядочного для удержания в порядке тамошнего духовенства.

В Орёл — Заиконоспаской архимандрит крепкий Афанасий.

В Москву — vikарий, Богоявленский архимандрит Серапион, он же будет и архимандрит монастыря Знаменского. В Новгород vikарием архимандрит Афанасий.

⁴² В тексте ошибочно «Государыне».

Контора тоже Синодальная поручена будет Афанасию» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 160. Л. 7].

Вот и ответ Екатерины II на потёмкинскую идею «непременного совета». Факт доселе неизвестный: оказывается, Екатерина II вынашивала идею замены на московской кафедре вышедшего из её доверия Платона (Левшина) и отстранения его от заведывания конторой Синода (последнюю как раз бы и поручили законоспасскому «крепкому архимандриту»). Вот новая заметка Безбородко, в которой читаем: «Ныне в Синодальной Конторе присутствуют два брата родные: митрополит Московский, да протопоп Успенского Большого Собора, и между ними третьего никого нет». Эта заметка, очевидно, более поздняя (Платон стал митрополитом в 1787 г.), но несомненно, что и раньше подобная семейственность императрице вряд ли могла нравиться, как не нравился ей и сам Платон.

Однако надлежало обдумать способ перемещения Платона с архиепископского поста. В проекте указа Синоду, составленном Безбородко, был предложен такой способ: «Синодской конторе повелеваем отныне не быть; монастыри ставропигиальные подчинить архиереям,.. а соборы, в ведомстве Синода и его Конторы в Москве состоящие, поручить в попечение тамошнего митрополита с тем, однако, что определение в [состав клира] оных [соборов] долженствует производиться на прежнем основании». Синод должен был в этой связи определиться со сроком завершения дел по Конторе, главные служащие и прокурор сохраняли жалование пожизненно, а канцелярский штат подлежал распределению по вакансиям духовного или (в случае отсутствия таковых) светского ведомства [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 160. Л. 16].

И ещё одно замечание Безбородко по поводу назначений архиереев: «Астраханский архиепископ просил давно уже о переводе ево в другую

епархию, находя воздух тамошний для себя вредным; переведа ево в Курскую с его степенью, где архиерей в параличе, в Астрахань же Екатеринославского Никифора, может быть соединя епархию Таврическую с Екатеринославскою...

Смоленская епархия соединится с Псковскою, сколь скоро которая из них упразднится (это означало: в обеих епархиях престарелые архиереи, и кто из них раньше умрёт, епархия того и «упразднится». — А.Р.), и в таком случае архиерейскому престолу быть в Смоленске по древности оного, а как по прежним штатам жалования Псковской епископии положено более Смоленской, то и пользоваться оным нынешнему только Псковскому архиепископу» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 160. Л. 14], уважаемому Екатериной II Иннокентию (Нечаеву).

Вернёмся вновь к письму Безбородко от 22 сентября 1786 г. Цитируя его и приводя параллели по другим бумагам Безбородко, проследим, какова была подкладка других решений Екатерины II: «Второе, чтоб вместо семинарий в упраздняемых епархиях оставляемые суммы, на те семинарии определённые, обратить на умножение и усиление нормальных училищ. Третье, чтоб ежели викарные архиереи не очень нужны, не отдавать содержания Симонова монастыря Златоустовскому, а Крутицкий дом оставить Петру Дмитриевичу (П.Д.Еропкину, московскому главнокомандующему. — А.Р.) на магазины» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157. Л. 1об.]. Очевидно, что сомнения, учреждать ли в новом расписании епархий викарных епископов и каким должно быть их количество, были у императрицы с самого начала. Заметка в бумагах Безбородко отражает их: «Естьли ж положатся епископы подчинённые в помощь и другим первопрестольным архиереям (то есть только Новгородскому, потому что кроме него, а также киевского, у которого был викарий в Речи Посполитой, и московского, имевшего «заместителя» в Севске, других

«первопрестольных» не было. — А.Р.), то у Новгорода быть архимандриту Хутынскому или Юрьевскому с титулом Старорусского.

А у Московского Златоустовскому с титулом Дмитровского». Данная ремарка отсылает нас к потемкинской записке «О монастырях». В соответствии с «антимонастырскими» предложениями светлейшего князя речь шла об упразднении «ненужного» Симоновского монастыря и разумном использовании его построек, а также построек упраздняемой Крутицкой кафедры. У Безбородко находим: «Опасной Симонов монастырь, как он лежит ниже всех строений города Москвы, то бы благоволено было отдать его на гофтпиталь (госпиталь. — А.Р.)», а «Симонова монастыря чин сложится» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 160. Л. 5, 14–14об.]⁴³. Таким образом, начинания Г.А.Потёмкина против монастырей были реализованы, хотя и в более скромном масштабе, нежели планировал он сам.

Далее, 22 сентября Безбородко также сообщал Потёмкину : ««Четвёртое, чтоб в Синоде сидеть архиереям по два попеременно по три года, ибо такое время назначается от Её Величества и для провинциальных депутатов, к составлению Главной Расправной палаты присылаемых». Здесь он опускает подробность о привилегированном положении Иннокентия Псковского, возможно, потому, что об этом адресат был извещён ранее.

Наконец, последний важный вопрос, о котором Безбородко сообщил тогда Потёмкину: «Когда я читал об отличении почётом белого священства, и сказал, что мне Ваша Светлость изволили говорить о духовнике царя Алексея Михайловича, Государыня отозвалась, что она бы сама очень желала своего, как вдового, священника почтить шапкою, а знатнейших протопопов отличать крестами, и для того указала в запас

⁴³ Конкретный порядок перепрофилирования ряда старых монастырей в Москве, в том числе Симонова, предложенный П.Д. Еропкиным, Екатерина II одобрила в июне 1789 г. [Храповицкий 1901: 23].

приготовить архимандричью шапку. Ваша Светлость не оставит и тут меня уведомить, удобно ли сие будет, ибо я видел, что для сего назначен день Екатерины...» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157. Л. 1–1об.].

Здесь речь идёт о некоем затруднении, связанном с награждением духовника митрой, и очередная записка Безбородко даёт понять, в чём оно состояло: «По штату Синодальному положено в оном заседать двум архимандритам с жалованием по 1173 рубля, да одному протоиерею с жалованием по 704 рубля.

Духовник определён на вакансию одного архимандрита, но указом велено ему получать по 1000 рублей, прибавка 173 рублей не выходит из штатной суммы, а потому более почитается пристойною, что когда он после пожалования его митрою берёт преимущество у всех архимандритов, да и в Синоде сидит давно, прежде ныне назначаемых, то и было бы ему обидно, что сей новый член более его получал бы на 173 рубля в год» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 160. Л. 3]. По всей вероятности, Потёмкин с этим мнением согласился, во всяком случае, 23 ноября 1786 г., в день тезоименитства Екатерины II И.И. Памфилов получил долгожданную награду.

В целом, проекты реформирования церковного управления разделили общую судьбу планов преобразований «просвещённого абсолютизма» 80-х гг. XVIII в., будучи воплощёнными лишь частично.

Важным вопросом было определение социального статуса духовенства. Эта работа началась в государстве в середине 1750-х гг., но была завершена лишь в связи с унификацией положения в церкви малороссийских епархий.

В целом, в отношении православного клира Екатерина II во многом завершала дело Петра Великого. В государстве, созданном Петром, отношение к греко-российскому духовенству было преимущественно потребительским: духовенство представлялось резервуаром

«человеческого материала», годным для пополнения рядового состава войска и укрепления низшего звена бюрократического аппарата.

Включение в состав податного населения части церковнослужителей во время I Генеральной ревизии надолго определило коллизии в вопросе о духовном сословии между духовными и светскими властями. Духовное ведомство стремилось вернуть отчисленных, а для государства это выступало недопустимым сокращением тяглого населения. Часть бывших церковников в ревизию записали за церковниками же. Церковь находила здесь повод утвердить статус духовного сословия наравне с дворянством. Государство, напротив, реагировало лишь на нарушение дворянской монополии на душевладение.

Разрешились эти коллизии после II Генеральной ревизии и штатного разбора 1754–1766 гг.: бывшие церковники окончательно причислялись к податному населению, а церковникам «действительным» иметь за собой людей, кто бы они ни были, запрещалось. Пункт 12 инструкции о ревизии, принятой 16 декабря 1743 г., прямо запрещал запись ревизских душ за духовными частными владельцами. Это решение подтверждалось указами Сената от 2 июля 1744 г. и 3 марта 1746 г., а также приговорами конференций Сената и Синода 17 января 1746 г. и 23 декабря 1754 г. Светские власти подчёркивали ненаследственный статус приходского духовенства и делали упор на замещении штатных мест исключительно «действительными» клириками и членами их семей [ПСЗРИ, 14 1830: № 10342]. К возвращению в духовное звание бывших церковников Сенат относился крайне негативно. Так, в 1755 г. Синод запрашивал у Сената санкцию на увольнение из оклада трёх церковников в Новгородской епархии. Сенат дал согласие лишь в отношении одного из них, наиболее престарелого (и к платежу оклада, как полагал Сенат, явно неспособного), настаивая на соблюдении предыдущих постановлений, в

том числе и директив декабрьской совместной конференции 1754 г. [Ден 1902: 442–444].

Запрещение духовным властям самостоятельно производить кандидатов на священно- и церковнослужительские места стало серьёзным успехом «просвещённого абсолютизма» и, соответственно, поражением Церкви в области штатной политики. Практика показывает, что во второй половине 1750-х гг. церковные органы признавали это поражение, руководствуясь именно «узаконениями» конференции Сената и Синода 23 декабря 1754 г. В частности, в подобном духе действовала Московская контора Синода. Указами от 11 марта и 17 мая 1756 г. она предписала Московской консистории, чтобы лиц, положенных в оклад, до окончания разбора 1754 г. в клир не производить, за исключением тех, чьи дела о производстве были начаты до 11 марта. Синод подвёл под это общую базу: по указу Синода от 3 октября 1756 г. все те, кто имел отпускные свидетельства, оставались при церквях, но впредь таких лиц производить запрещалось. Есть данные, что указ Синода 3 октября 1756 г. был принят к исполнению на местах. Так, Сибирская губернская канцелярия по итогам разбора 1754 г. «приговорила» о неувольнении из оклада произведённых церковников, не имевших увольнительных свидетельств [Ден 1902: 680–682].

Чтобы не допускать ненужного роста духовных вакансий, Елизавета Петровна выпустила 25 ноября 1757 г. именной указ о непостроении в малых приходах (менее 100 дворов) новых церквей, за исключением новооснованных сёл, в радиусе 20 вёрст от которых храмов не имеется. Синод счёл это расстояние слишком большим, но Сенат дополнительно разъяснил Синоду, что ограничение установлено «в таком рассуждении,.. что оное строение церквей должно быть в уравнительном от деревень расстоянии, как обыкновенно издревле к сёлам и деревням состоят погостами, в каковом уравнительном расположении расстояние

оних церквей, уповаает Правительствующий Сенат, от жилищ не далее 10 вёрст быть имеет», и, следовательно, указанное расстояние и без того вдвое превышает «норму». Не стоит и говорить о том, что и 10, и 20 вёрст были взяты Сенатом, понятия не имевшим о реальной топографии русского прихода, с потолка. Также Сенат отказал Синоду и в сохранении издревле сложившихся штатов причтов в малых приходах, как противоречащем пункту 12-му ревизской инструкции [ПСЗРИ, 14 1830: № 10665, 10780].

Первые штатные меры Екатерины II развивались на фоне взятого правительницей курса на полную реорганизацию духовного ведомства. Источники показывают, что в период секуляризационной реформы занятия императрицы обнимали широкий круг вопросов по духовной части (штаты Синода, архиерейских домов и монастырей, социальное призрение, зарубежные староверы, миссионерское дело Церкви, мусульмане и строительство мечетей в восточных регионах страны) [РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 37. Л. 1, 8–8об.; РГАДА. Д. 38. Л. 1–1об.; РГАДА. Д. 72. Л. 1]. Поэтому не подлежит сомнению, что собственно монастырская секуляризация, с которой духовная реформа отождествлялась и до сих пор часто отождествляется в историографии, была призвана стать только её первым шагом и в равной мере затронуть социальное положение духовенства, в том числе и неправославного, материальное снабжение культов, миссионерское дело Церкви, а также принципы территориального построения как Церкви, так и неправославных духовных организаций.

Не было оставлено и принципиальное основание вероисповедной политики — веротерпимость. Во всяком случае, черновая записка императрицы о церковных делах в Сибири 1764 г. (см. § 1 Главы IV) ориентирует на такое их понимание, что монастырская реформа должна была сопровождаться реформой клира, а та, в свою очередь, обеспечить всем исповеданиям свободное отправление культов. Непосредственным же

образом подобное понимание и собственно секуляризации монастырского имущества, и реформы православного клира, которую теперь правительство выдвигало на очередь, отражал Манифест от 26 февраля 1764 г. Манифест знаменовал собой окончание работы комиссии о церковных имениях. «Каждому известно, — говорилось об этом в Манифесте, — белое духовенство во всём... государстве... в каком до сего времени находится ещё неустройстве», и выражалась уверенность, что удастся «и эту часть с Божиею помощью к желаемому концу вскоре привести» [ПСЗРИ, 16 1830: № 12060; Комиссаренко 1990: 75–77].

Практическим мероприятием новой власти в сфере штатов было призвано стать завершение разбора 1754 г.: Сенат требовал от духовных властей скорее закончить это дело, на бумаге всё ещё значившееся «в производстве». Духовное же ведомство во время разбора цепко держалось за фактическую наследственность духовного звания в среде белого духовенства, решительно протестуя против ограничения духовенства только действительными клириками и штатными монахами. Соглашалось оно лишь на неприём в духовное ведомство представителей низших сословий, однако разбор показывал, что и это согласие было чисто словесным. Так, во время III ревизии Сенат был извещён из Сибирской губернской и Устюжской провинциальной канцелярий о том, что в составе церковного чина обнаружены лица податного звания. На донесение из Тобольска Сенат 2 июля 1764 г. отреагировал специальным ведением в Синод, в котором «наикрепчайше подтвердил» правила от 2 июля 1744 г. (как известно, из данных правил существовало и исключение, но Сенат закрыл на это глаза, возможно, потому, что пресловутое исключение — давнишний указ Сената от 15 июня 1739 г. — касалось другой сибирской епархии, именно Иркутской).

Юридически Сенат оформил свою волю только в феврале 1766 г., когда удалось обобщить и другие случаи выхода черносошных крестьян из

своего сословия [ПСЗРИ, 17 1830: № 12573]. Было предписано архангельскому губернатору провести следствие по этому поводу, а Синоду «накрепко подтвердить» по епархиям о непосвящении в церковное звание государственных крестьян. По итогам расследования архангельского губернатора Сенат утвердил его мнение о невыключке из оклада значительной группы произведённых в церковники и взыскании окладной недоимки с обществ, давших своё согласие на их посвящение [Ден 1902: 1357–1360]. Однако в общегосударственном масштабе подобные меры провести было трудно: препятствием являлось полуавтономное положение малороссийских епархий в составе сохранявшейся Киевской митрополии [Рождественский 1877: 86].

Ещё одну попытку провести свой штатный взгляд светские власти предприняли в связи с централизацией «ружных дач» — денежных и натуральных выплат на привилегированные храмы. Привилегии этих церквей были, как правило, установлены ещё в допетровский период. Инициативу в деле централизации проявила Коллегия Экономии — учреждение, контролировавшее ругу. Президент коллегии С.В. Гагарин в начале 1766 г. сообщил Сенату: в процессе учёта ассигнований на ружные храмы его ведомство выявило, что в Богородицкой и Бобриковской волостях оказалось до 200 священно- и церковнослужителей, оставшихся за штатом после разбора 1754 г. и до сих пор не избравших себе новый род занятий. Князь Гагарин предложил провести разбор духовенства во вверенных ему областях и всех «излишних» клириков приписать «во крестьянство».

V Департамент Сената, смущённый столь большим показателем «праздноживущего» клира по подмосковным волостям, вошёл с соответствующим представлением в Общее Собрание: «уповательно,.. церковников состоит весьма довольное число, кои,.. живучи праздно, никакой интересам Ея Величества и обществу пользы не приносят». Общее

Собрание Сената постановило провести очередной разбор белого духовенства во всех губерниях, «которые под апелляциею московских Сената департаментов состоят» [ПСЗРИ, 17 1830: № 12586]. V Департамент немедленно приступил к подготовке разбора. Однако Синод прямо обратился к императрице, прося остановить разбор под предлогом отсутствия сведений о состоянии штатов в стране со времён предыдущего разбора 1754 г. Одновременно Синод ещё раз подчёркивал решимость Церкви не допускать в состав духовенства податной элемент, издав 15 февраля 1766 г. соответствующий «антикрестьянский» указ.

Екатерина II согласилась: спустя два дня, 17 февраля вышел именной указ о составлении полных ведомостей клира и приостановке всех мер в отношении белого духовенства до того времени, пока эти ведомости не будут составлены [ПСЗРИ, 17 1830: № 12575]. Историки в этой связи справедливо пишут о силе церковного сопротивления, вынудившего правительство повременить с избранным подходом к штатам [Комиссаренко 1990: 78; Freeze 1977: 40]. Президент экономического ведомства сразу «перестроиться» не смог и 19 февраля предлагал Екатерине II новые «разборные» меры: переводить безместный клир на вакантные штатные места в другие епархии, а за счёт сэкономленных средств поднять содержание клира в полностью укомплектованных епархиях. Коллегия Экономии даже подготовила проект соответствующих распоряжений, решив начать с ближайшей к столице Псковской епархии, но указ 17 февраля это остановил [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 293. Л. 3, 5]⁴⁴.

Выход указа, безусловно, знаменовал новый поворот в реформе клира. Императрица уже осознала хроническую неразрешимость старой «разборной» практики, сложившейся как результат компромисса между светским правительством и Церковью, когда «охота» на безместных и «праздных» клириков происходила в условиях сохранения решающего

⁴⁴ На черновом указе Коллегии Экономии помета: «сей указ не переписывать и оставлять».

влияния Церкви при определении юридических границ сословия. В интересах Церкви было оставить сословную границу подвижной, дабы сохранить в своих руках известный кадровый резерв, государство же стремилось низвести белое духовенство до положения госслужащих, соответственно, ограничив его состав теми, кто сидел на существовавших вакансиях. С начала 1766 г. Екатерина II плотно вошла в проблему «среднего рода людей», к которым она причисляла и белое духовенство в городах. Подобное отношение к духовенству объяснялось идеями, занимавшими в то время властительницу. Но текущая законодательная практика отставала, сохраняя подчинение прежнему государственно-церковному компромиссу. Так, в 1766–1768 гг. императрица подтвердила депутатский порядок городского судопроизводства над клириками, учреждённый Елизаветой Петровной. Подтвердила она и правила, по которым следовало защищать священников от произвола духовных, а затем и светских командиров [ПСЗРИ, 18 1830: № 12909, 13286. Законодательство Екатерины II, 2 2000: 893–894; Титлинов 1916: 93; Freeze 1977: 24, 26].

Проблема социального статуса духовенства в политической системе «просвещённого абсолютизма» получила развитие во время дебатов в Уложенной комиссии. Синодский наказ предусматривал свободный доступ в священство из низших сословий, освобождение великорусского священнического чина за счёт прихода или храма от всех повинностей, обеспечение его казённым жалованьем и признание его права на душевладение. Епископ Тверской Гавриил (Петров) в своих предложениях выступал за признание за священством исключительного общественного положения в силу характера его общественных обязанностей. Преосвященный настаивал на недопустимости перехода священника «в подлое состояние» даже в случае его отрешения от штатной должности. Общим требованием всех епископских наказов был твёрдый оклад, право

на частное землевладение в дополнение к церковному (стоимость земли или угодий клирика не должна была превышать ста рублей), и обработка земли, на которой живёт священник, силами прихода [Покровский 1910: 42-43, 49]. Другими словами, Церковь и иерархи предлагали не только сохранение духовного сословия в том виде, в каком оно сложилось к началу петровской эпохи преобразований, но даже и превращение его во второе после дворянства привилегированное сословие. Излишне и говорить, что это не отвечало намерениям ни правительства, ни дворянства.

Кампания по выборам депутатов в Уложенную комиссию показала, что светские власти смотрят на белое духовенство в основном как на городское сословие. Так, когда депутат от Тамбова Дитятев, выбранный в августе 1767 г., предъявил в герольдмейстерской конторе Сената доверенность, подписанную только купеческими выборными, то ему было указано на необходимость собрать недостающие подписи и от прочих городских сословий, в том числе и от духовного: «надлежит де подписаться всем гражданам, яко то дворянам, духовным, и канцелярским служителям, и всем градским жителям». Позиция Сената здесь очевидна, однако прецедент, который позволил бы говорить о духовенстве как о прослойке горожан, в результате сопротивления Церкви так и не был создан: доверенность на имя Дитятева от духовного ведомства подписали только светские консисторские и архиерейские служащие [ПСПиР, 1 1910–1915: № 381].

По ряду наказов в Уложенную комиссию можно составить представление о социальном положении приходского духовенства. В литературе много и справедливо говорилось о том, что пожелания великорусского клира носили приземлённый, узко-бытовой характер и этим невыгодно отличались от малороссийских корпоративных требований. Действительно, в наказах совершенно отсутствует сословное

самосознание. Все они сосредоточены исключительно на местных и сугубо практических нуждах, приходское духовенство в них выглядит полунищим и донельзя «зарегулированным», лишённым в городах гарантий прав личности и собственности и по закону, и по обычаю.

Из всех наказов наибольшее место насущные нужды клира выступают в углицком наказе, в составлении которого принимало участие местное духовенство. Дабы улучшить социальное положение клира, говорилось здесь, следует существенно повысить штрафы и наказания за наносимое священнослужителям «бесчестье», в особенности во время церковной службы. Основную часть наказа занимали вопросы наделения духовенства усадебной землёй. Составители наказа подчёркивали, что наделы под усадьбу в городах после межевания 1765 г. недостаточны, ибо у клириков большие семьи, и их сыновья, определяясь к церквям и заводя свои семьи, также нуждаются в «дворовых местах». В этой связи предлагалось разрешить клирикам куплю-продажу дворов на праве личной собственности. Далее, наказ требовал отмены или раскладки на весь причт рублёвого банного оклада, поскольку многие священники занимают мелкие приходы и из-за малого числа прихожан «недостаточны», не говоря уже о том, что они и бань-то не имеют, а парятся по домам в печах. Заключительное требование касалось такой повинности священников, как составление исповедных росписей: было предложено, поскольку «от исповеди ничего брать не велено», и священники по части земской статистики трудятся без вознаграждения, просить, «дабы... росписи узаконить подавать» только раз в год, а не после каждого поста, «и для сочинения оных в духовных правлениях определить приказных служителей на жалованье казённом».

О необходимости улучшения материального положения священников говорилось и в других городских наказах: в верейском обнищание клира связывалось с ростом старообрядчества и сокращением

числа «правоверных» прихожан, в крапивенском — с «малоимением» земли, а в качестве средства борьбы с бедностью называлось государственное жалованье, тем более, что торговля священникам запрещена, а от одного лишь алтаря прокормиться невозможно [Латкин 1887: 493–495]. В прочих наказах, судя по сводке мнений о церковных вопросах, составленных Комиссией о разборе наказов, чаще всего вносились предложения о повышении образованности приходских священников, о назначении им жалованья и устранении поборов с их стороны (это встречается более чем в 30 дворянских и городских наказах) [РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–23]. Твёрже всего связывал общественный порядок с уровнем просвещения и благосостояния духовенства псковский дворянский наказ: «Как же непросвещённые простолюдины и не знающие ни о чём могут знать о справедливости и о спасении души своей, если целый век свой жив, не слышат о полезности и неполезности, и не имеют от кого слышать? От чего в обществе больше несправедливость, ложь, воровство, грабительство и смертоубийство не искоренится; ибо сколько закону светскому за преступления сии не подвержены, но не имея страха Божия и поучения о нём, не уважают. Во избежание сих неполезных обществу причин Всеподаннейше просим повелеть в уездные священники, определяя из учёных и выпускных по достоинству из семинарии, коим быть на довольной руге и жалованье, а не на пашне...» [Сборник ИРИО, 14 1875: 396]. О том, что малообразованность и необеспеченность толкает духовный чин на пьянство, «чинение безобразностей» в быту, уголовщину, говорилось в белёвском, крапивенском, пронском дворянских наказах [Сборник ИРИО, 4 1869: 388; Сборник ИРИО, 8 1871: 557].

В широком плане о социальных правах духовенства говорили только городские и ведомственные указы Малороссии, настаивавшие на лишении духовенства права на покупку земли и, более того, на владение

недвижимым имуществом [Крылов 1903: 467–483; 553–584; 622–639; 695–723; 758–771]. Некоторые депутаты были готовы допустить в священнический чин представителей и других непривилегированных сословий: по их мнению, это помогло бы бороться с расколом [Крылов 1893: 217–218].

Вопрос о социальном статусе духовенства в связи с правами других сословий в Дирекционной комиссии вставал трижды, начиная с 28 августа 1767 г., однако трижды и откладывался до окончания работы Комиссии о среднем роде людей. До этого времени он числился среди предметов Комиссии о юстиции, поскольку закрепить эти права надлежало общегосударственными законами. Уже одно это красноречиво свидетельствовало о настроениях Дирекционной комиссии, которые инертный и сервильный митрополит Димитрий (Сеченов) был бессилён переломить. При этом права высшего духовенства «ушли» в ещё только предполагавшуюся к созыву Духовно-гражданскую комиссию [Покровский 1910: 53].

Обзор содержания дебатов в Общем собрании Уложенной комиссии показывает, что выступления депутатов по церковным вопросам не отличались от того, что мы находим в их наказах: доминировали указания на неграмотность, бедность, приниженность духовенства и вытекающую отсюда необходимость оградить от покушений «честь» священнослужителя [РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–23].

Комиссия о среднем роде людей тему прав белого духовенства впервые затронула на заседании 4 декабря 1767 г., решив её обсудить. Но предложенное решение сразу же приобрело полное соответствие с видами «просвещённого абсолютизма». 6 декабря М.М.Щербатов зачитал в комиссии свою записку о духовном чине, в которой и предложил ограничить его действительными священнослужителями, а собственно духовный чин приписать к среднему роду, сравнив с мещанством и

разрешив ему торгово-ремесленные занятия и поступление на государственную службу. О церковнослужителях М.М.Щербатов вообще не упоминал. Его записка, позже одобренная Дирекционной комиссией, была оформлена им в качестве особой, четвёртой главы проекта о среднем роде людей («Права белого духовенства, поелику они причислены к среднему роду людей»), причём очень быстро: 11 марта 1768 г. ему было в своей комиссии поручено подготовить главу, а уже 13-го он читал её на заседании [Покровский 1910: 63–64; Комиссаренко 1990: 85–86].

15 апреля 1768 г. начала свою работу Духовно-гражданская комиссия. Эта комиссия была менее «принципиальной», нежели Комиссия о среднем роде людей. И если Комиссия о среднем роде всячески уклонялась от того, чтобы включить в предмет свои занятий и монашество, то Духовно-гражданская комиссия, судя по её дневной записке от 12 июня 1768 г., с этим всё же согласилась. Это было уступкой Церкви, но не только: Духовно-гражданская комиссия хотела охватить своими начертаниями все духовные институции без исключения, создать полный свод правил по духовным делам.

На рациональную почву Духовно-гражданская комиссия поставила прежде всего выработку штатной политики. Для этого 9 октября 1768 г. она запросила Дирекционную комиссию о количестве православных церквей и духовенства в государстве, их обеспеченности землёй и ругой, численности приходов, поуездном распределении старообрядцев и иноверцев, социальном обеспечении семей штатного духовенства. 16 октября последовал ответ, показавший глубину расхождения в трактовке духовного сословия между главной и частной комиссиями: «...сколько священно- и церковнослужителей при церквах положено, о том значится в старых законах, а о *семействах их знать нет нужды, так как они к духовенству не относятся*» (выделено мной. — А.Р.).

Не нравилось Дирекционной комиссии и внимание Духовно-гражданской комиссии к монашеству. Настаивала она и на исключении из «упражнений» Духовно-гражданской комиссии темы доходов клира: «...а доходы от алтаря подвержены великому вопросу, лучше ли законом заведомо наперёд сделать множество, буде не преступников, то доносителей, или оставить то на волю, что зависит от набожности или щедрости; но то можно определить законом, как делить между церковнослужителями общий доход; однако ж тем не меньше рассуждать и том надлежит, можно ли и как церковным доходам дать предел и меру, о чём также закон уже есть» [Титлинов 1916: 226, 228]. Очевидно, что члены Дирекционной комиссии держались прежнего, «просветительского» взгляда на духовенство в целом как на паразитическое сословие, и подход Комиссии о среднем роде людей был ей несравненно ближе.

Комиссия о среднем роде людей полностью завершила свой проект в июле 1768 г. И.М.Покровский отмечал, что летом-осенью в него были внесены некоторые изменения, всё же отвечавшие ожиданиям Церкви [Покровский 1910: 74]. Во-первых, в сословие зачислили церковнослужителей с соответствующим освобождением от рекрутчины и обязательных гражданских служб и повинностей, кроме обязанности заботиться о санитарном состоянии и сохранности тротуаров, примыкающих к их собственным усадьбам в городах. Вместе с тем сословие по-прежнему ограничивалось только действительными служителями культа: примечание к статье 3 указывало, что действительные — это те, «кои по установленному числу к церквам приписаны, ибо такие, которые, хотя и при церквах обретаются, но сверх положенного числа, в право сие не входят». Ничего не было сказано и о монахах. Во-вторых, городское духовенство получало свободу сдачи в аренду полностью или частично собственных усадеб для торгово-

ремесленных занятий мещанства. В-третьих, проект декларировал высокий общественный статус священников [Сборник ИРИО, 36 1882: 185–187].

Отметим, что на стадии работы частных комиссий противоречия в проектах были неизбежны. Так, во время обсуждения проекта прав благородного сословия, начавшегося 10 июля 1768 г., всплыла статья, ставившая вопреки провозглашённому статусу священнического чина назначение священника к церкви в зависимость от согласия помещика [Сборник ИРИО, 32 1881: 582].

Об окончании своей работы над проектом и необходимости согласовать его с Синодом Комиссия о среднем роде людей представила Дирекционной комиссии 21 октября 1768 г. 12 января 1769 г. состоялось общее заседание Комиссии о среднем роде людей и Синода. Свои замечания на труды Комиссии Синод утвердил 19 января. В целом они совпадали с замечаниями епископа Гавриила (Петрова): отсутствие упоминаний о монашестве, иерархии и малороссийском духовенстве [Титлинов 1916: 217–218; Покровский 1910: 72–75].

Комиссия слушала замечания Синода 27 января, и М.М.Щербатов составил свои контрзамечания. Они сводились к тому, что предложения комиссии вытекают из признания духовных лиц гражданами государства и потому носят совершенно светский характер, будучи основанными на том, какое место духовенство занимает в обществе в отношении других его прослоек. Что же касается ремарок Синода, то они, полагал Щербатов, вытекают из понимания прав духовенства как присущих ему «по его духовному служению» и «по изящному их чину», но с правами гражданскими ничего общего не имеют. Автор дополнительно подчёркивал, что проект его комиссии относится не только к городским, но и к сельским жителям, ибо люди среднего рода есть и среди селян [Сборник ИРИО, 36 1882: 188–189]. По существу, М.М.Щербатов

выступил против церковной трактовки духовенства как сословия и соответствующего взгляда на его социальное положение.

Между тем реальная обстановка требовала от Екатерины II более близости к умеренной позиции, воплощаемой в проектах Духовно-гражданской комиссии, нежели к последовательному «радикализму» М.М.Щербатова и Дирекционной комиссии. К 1769 г. были подведены итоги переписи духовенства, начатой тремя годами ранее. По епархиям Европейской России духовное ведомство насчитало 168 690 человек. В это число входило 68 805 человек священно- и церковнослужителей.

К этим цифрам нужно прибавить 870 человек из податных сословий, определённых к церквам и показанных в ведомости отдельно, поскольку, по всей вероятности, они оставались плательщиками подушного оклада (как они распределялись по группам, неизвестно, скорее всего, находились на низших должностях причта).

Кроме них, в итоговые показатели переписи включили ещё 94 342 человека (в табличных цифрах они также не отражены). Это были не определённые к церквам выходцы из семей священно- и церковнослужителей. В их числе в ведомости обозначили также 64 231 человека в возрасте до 15 лет и 19 782 человек свыше 15 лет, сюда же были включены 9 582 человека малограмотных и 747 человек из категории «подозрительных» (очевидно, и те, и другие были уже возрастными). Отдельно в количестве 4 673 человек вписали семинаристов [Титлинов 1916: 79–80].

Б.В. Титлинов, впервые представивший всю эту статистику, почерпнул её в своё время из синодской документации. Табличные значения демонстрируют, что Церковь насчитывала некомплект в 11 022 клирика (разница между действительными и штатом). Однако, доводя до сведения Сената итоги переписи, Синод с учётом принятого в 1768 г. нового расписания дьяконских мест в многокомплектных причтах

показывал «праздными» уже 12 626 вакансий [Freeze 1977: 40]. Для Сената окончание переписи стало сигналом к новому разбору, необходимость которого объяснялась текущей турецкой войной. В V Департаменте Сената сочли, что духовное сословие насчитывает достаточно «поповских сыновей», чтобы не только покрыть некомплект, но и дать пополнение армии, и это помимо других людей духовного ведомства, показанных «под разными званиями». В итоге «за помещением в штат вышеозначенного числа остаётся ещё в излишестве весьма знатное число сих людей, которых за их праздностью и что оные в силу состоявшихся о них указов ни в подушный оклад никуда не записались, ниже в семинаристское учение доньше не вступили и принадлежащими науками священническому чину себя достойными не сделали при нынешних военных обстоятельствах без отягощения народного в пользу отечества употребить по справедливости возможно, каковые наборы и прежде во время бывшей турецкой войны были».

По мнению Сената, разбору подлежали все недействительные церковники, половина от численности их сыновей и четвёртая часть сыновей штатных клириков в возрасте от 15 до 40 лет. От разбора освобождались только семинаристы, поступившие на учёбу до 1 декабря 1768 г. Решением императрицы, утвердившей сенатский доклад 20 января 1769 г., к ним добавились клирики Санкт-Петербурга «по причине невеликого числа церквей» в городе и московских соборов и монастырей в связи с их особым значением для Церкви. Разбор в Москве поручался не одним только светским начальникам, как везде, а «московскому архиерею обще с генералом-поручиком Еропкиным и губернатором» [ПСЗРИ, 18 1830: № 13236].

Под влиянием идей «просвещённого абсолютизма» перед властями была поставлена задача провести разбор на началах строгой законности. Главная роль здесь отводилась губернаторам. На практике итоги и ход

разбора зависели от их старательности и способности не только правильно оценивать поло-возрастной состав семей клириков, но и вникать в особенности традиционных в церковной среде представлений о порядке замещения вакансий.

Соответствующую «технологию» раскрывает расследование 1769 г. о неправильном взятии на службу племянника попадьи А.Исаковой. Это дело дошло до Кабинета, и непосредственно разбирал его С.М.Козьмин. Статс-секретарь запрашивал у новгородского губернатора Я.Е.Сиверса, почему же молодой человек попал в армию «противу того, что в указах довольно изображено». Губернатор в ответ писал, что «поступал с крайней осторожностью и прилежанием», набирая в армию сначала из тех семей, где имелось не менее двух взрослых сыновей, «а когда уже за сим оставалось, например, четыре человека одинаких, то часто случалось с праздноживущими, что из одинаких братья принуждён, когда уже двойных не нашлось, рассматривая только с крайней осторожностью и имея ведомость их семейств перед глазами...».

«Напоследок же изъясняется, — доводил до сведения Екатерины II позицию Я.Е.Сиверса во Всеподданнейшем докладе от 2 сентября 1769 г. С.М.Козьмин, — что ко ведомостям со всего разбора он своеручно всё сам отмечал, и в том ни на кого не полагался, как на собственное своё рассмотрение и отметку...». Но с «отметкой»-то Я.Е.Сиверс в данном случае и ошибся: рекрут оказался единственным кормильцем большой семьи, состоявшей из стариков и женщин, к тому же давно был намечен консисторией к производству в дьяконы, а подобных казусов, хотя конечное решение всегда оставалось на волю губернатора, свыше было предписано всё же избегать [РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1031. Л. 316–318]. Губернаторский подход, таким образом, оказывался небезупречным, и это приводило к дополнительным «контроверзиям» между духовным и светским ведомством на местах.

В своём стремлении к исполнению буквы закона местные власти принялись не только за клир, но и за служителей духовных правлений. «Пионером» стал воронежский губернатор А.Маслов, и юридически это было, пожалуй, верно: штаты для духовных правлений отсутствовали, поэтому Синоду на жалобу тамошнего преосвященного Тихона (Малинина) ответить было нечего. Однако Синод всё же предпринял попытку защитить служащих, без которых консисторская работа встала бы. Духовное ведомство просило не разбирать канцеляристов, устроившихся в консистории до ранее обозначенного в указах «термина» — до 1 декабря 1768 г. (по аналогии с семинаристами). И здесь показательно, что для властей провести разбор было всё-таки важнее, чем соблюсти законность. Б.В. Титлинов указывал, что, занявшись консисторскими сотрудниками, Сенат очень быстро, как это видно по делам о взаимных жалобах казанских и московских губернаторов и архиереев, переключился на церковнослужителей (дьячков и пономарей), уже прошедших сито разбора и приписанных к церквям, выискивая здесь недействительных. Настаивал Сенат и на разборе всех тех, кто не был посвящён в стихарь, хотя их считать недействительными также было ошибочно.

Результаты кампании выглядели одинаково неудовлетворительно для обеих сторон. В разбор угодил 8 961 человек, и 1 471 человека возвратили в податное состояние (без учёта данных по Казанской, Севской и Иркутской епархиям, откуда ведомости в Синод не поступили). Это было, как справедливо показал Б.В.Титлинов, намного больше, чем могла дать Церковь, планируя замещение штатных вакансий по епархиям, и в то же время намного меньше, нежели хотело получить для своих целей государство [Титлинов 1916: 81–87]. Отсюда возникала идея нового, сокращённого по сравнению с петровским, штатного расписания приходов. С учётом же сотен дел, когда, с одной стороны, годных для службы в

армии приходилось возвращать в духовное ведомство, как это было в упоминавшемся выше деле по челобитной А.Исаковой, и когда, с другой стороны, Церковь направляла на разбор заведомо негодный контингент, который затем приходилось отбраковывать, как это было в 1774 г. [Знаменский 1880: 74], становилось ясно, что при сохранении влияния епископата на штатные дела, вопросы замещения штатов в интересах государства приобретают опять-таки хронически неразрешимый характер. Подтверждением данного вывода явились и итоги следствия над епископом тамбовским Феодосием (см. § 1 Главы IV и ниже).

Параллельно с разбором развивалась работа частных комиссий Уложенной комиссии. В Дирекционной комиссии проект комиссии М.М. Щербатова оказался 17 февраля, а его рассмотрение там шло с 19 марта по 15 октября 1769 г. Свой законопроект — «Толковый план» готовила и Духовно-гражданская комиссия, обобщая для него аспекты социального положения духовенства. 11 июня 1769 г. Духовно-гражданская комиссия обращалась в Дирекционную комиссию с известной промеморией, в которой запрашивала политического решения ряда вопросов, в отношении которых она испытывала «сумнительства». Пояснения, данные здесь касательно цитированного выше запроса Духовно-гражданской комиссии о статистике по духовному ведомству, показывали, что и этот, казалось бы, сугубо технический вопрос приобретал политическое звучание.

В промемории были намечены основные направления штатной реформы православного клира, призванные улучшить его материальное обеспечение. Обращает на себя внимание солидность предложений, стремление поставить преобразования на сугубо деловую, практическую почву. В документе говорилось: «О числе церквей, священно- и церковнослужителей и прихожан известия требовала Духовно-гражданская комиссия в том намерении: 1-е. Чтоб по числу прихожан определить было

можно общее число церквей, также священников и церковнослужителей, сколько бы их по необходимости потребно было. 2-е. По назначении сего число прихожан на каждую церковь вышло бы само собою, которое и намерена была комиссия взять за меру и предписать оное в должностях архиерейских правилом... 3-е. Доходы священно- и церковнослужителей учредить намерена была комиссия известные с числа прихожан, собирая с них оные по установленному единожды положению не порознь с каждого прихода, но вообще с числа людей и в назначенное время, дабы священники и каждый одного звания церковнослужитель во всех местах ровно определёнными им известными доходами пользоваться могли, а разность бы по необходимости состояла токмо в некоторых весьма незнатных доходах от алтаря, как-то, например, за молитву новорожденных можно было бы наложить известную же некую плату, смотря по расстоянию пути, а прочие же выгоды состоять могли в произвольном только подаянии... А о помещичьих домах, раскольниках и иноверцах в каждом уезде, также о церковных землях и разнообразных ругах известия требовала комиссия единственно в том намерении, чтоб рассмотря оные, сыскать достаточные доходы на содержание белого сельского духовенства и определить в некоторых местах собирать сии доходы деньгами, а в других хлебом, смотря по обстоятельствам и по положению каждого уезда, а разделять уже доходы сии по рукам священникам и церковнослужителям довелось бы либо из канцелярии каждого уезда, или земским комиссарам, буде оные учреждены будут; и следовательно, дома помещичьи в уездах, где б они и как бы часто из одного в другое место переводимы не были, перемены в доходах священно- и церковнослужителям никакой причинить не могут. Земли же церковные, кроме селитбренных мест да лугов токмо разве, распроданы бы быть могли, или внаём отданы. А на раскольников и на иноверцов за дозволение во отправлении по обрядам их богослужения, также и за

построение молитвенных домов положить была намерена комиссия для умножения церковных доходов некоторую размерную дань. А по рассмотрении всех помянутых известий могла б комиссия, располагая по мнению своему помянутые сборы, смотря по числу плательщиков и церковнослужителей, узнать и количество оных, а узнав количество сих сборов, весьма уже нетрудно было определить и число жалованья священно- и церковнослужителям для каждого звания, чего наугад сделать конечно (окончательно. — А.Р.) невозможно» [цит. по: Титлинов 1916: 228–229].

Однако Дирекционная комиссия предпочла хранить молчание, поскольку между нею и Духовно-гражданской комиссией наметилась острая нестыковка. Промемория Духовно-гражданской комиссии гласила, что «о неопределённых же церковнослужителях требовала комиссия известия в том точно намерении, чтоб полагая по мнению своему, коликое число оных для церковнослужения и в запас оставить должно, о излишних, не упуская времени, дать знать правительству для причисления оных к государственным крестьянам или отчасти для помещения их между людьми среднего рода в городах... А о детях и родственниках мужеска полу действительно при церквях находящихся церковнослужителей... намерена была комиссия в проекте своём сделать такое учреждение, чтоб непременно отдаваемы были оные, пришед в известный возраст, в училища...» при архиерейских домах, где их следовало обучать не только богословию, но и языкам, медицине, живописи, скульптуре, архитектуре, музыке, ландшафтному проектированию и токарному делу [Титлинов 1916: 229]. Между тем, само причисление церковнослужителей к духовенству оставалось, как показывал ход разбора 1769 г., предметом трений между светскими и духовными властями.

Не получив от Дирекционной комиссии требуемого наставления, Духовно-гражданская комиссия продолжила работу в ключе уже

привычного для неё самой компромисса между государственными и церковными интересами. «Толковый план» допускал податное население в духовное сословие. Не было в проекте возражений и против принятия сана дворянами. При таком подходе границы сословия оставались принципиально неопределёнными, чего и добивалась Церковь. Важной уступкой Церкви стало и сохранение прежнего смешанного состава судов над духовенством.

Тем не менее, Церковь находила крупные расхождения между собственной позицией и «Толковым планом» Духовно-гражданской комиссии. Юридическое признание того, что власть и полномочия иерархии зависят от должности и компетенции и в значительно меньшей мере от собственно духовного сана, не отвечало позиции церковного депутата в Уложенной комиссии. Церковь также не устраивало, что на отношения иерархии распространяется «Табель о рангах» и что табельная норма будет действовать при определении почестей личного характера и судебном назначении размеров штрафа за «бесчестье» духовных лиц (архиепископ приравнивался к генерал-аншефу, священник — к поручику, дьякон и монах — к прапорщику, причт — к сержантскому составу и так далее) [РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Л. 46об.–47, 56–58; Титлинов 1916: 234–236; Покровский 1910: 117, 119–120]⁴⁵. По принципиальным соображениям Духовно-гражданская комиссия уклонилась от поддержки малороссийских требований. Б.В. Титлинов объяснил сторону, занятую здесь Духовно-гражданской комиссией: малороссияне хлопотали преимущественно о корпоративных привилегиях, а они к компетенции комиссии не относились. «Последняя, определяя права духовенства, исходила из его положения в Церкви, а по сану своему малороссийское духовенство никакой разницы от великороссийского не имело» [Титлинов 1916: 246].

⁴⁵ Трактовку комиссией понятий чести и бесчестья см.: [Омельченко 1988: 67–71].

Ответ Дирекционной комиссии на «Толковый план» был оглашён в Духовно-гражданской комиссии 9 декабря 1770 г. В соответствии с указаниями из Дирекционной комиссии теперь надлежало провести совещания с Синодом и другими частными комиссиями, в том числе и по социальным вопросам, затрагивавшим духовенство. Однако Синод «Толковый план» в предложенном виде рассматривать отказался, ибо принципиальные вопросы статуса Церкви в государстве, при всей их умеренности, были решены в проекте в неудовлетворительном для Церкви виде, да и идея общего имущественного фонда выбивала из-под её ног последнюю опору. Безрезультатным оказалось и обращение в другие частные комиссии, так что социальное законодательство о духовенстве так и не получило юридической фиксации в виде соответствующего кодекса.

Решение правительства о присутствии податного элемента в составе духовенства, принятое в связи с делами по III ревизии, было половинчатым. Когда удалось обобщить дела о людях, положенных в оклад по II ревизии, а ныне записанных в духовенство и потому представленных к выключке, Сенат издал указ от 25 июля 1769 г. В указе постановлялось, что сложить подушину следует только с принявших священнический сан, церковников же в платеже оклада оставить, но взимать его с обществ, давших своё согласие на их определение к церквам [Ден 1902: 1361]. Ничего не говорилось, однако, о возможности лиц податного состояния впредь поступать в духовное сословие (ранее, мы видели, это, как правило, запрещалось). Таким образом, сохранялась подвижная граница духовного сословия, она во многом также зависела от епископата, что интересам светского управления не вполне соответствовало.

Положения Духовно-гражданской комиссии по части духовенства разошлись с ожиданиями Дирекционной комиссии. Но в целом законосоставительная деятельность Духовно-гражданской комиссии была

весьма близка к общему направлению и практике правовой политики екатерининского абсолютизма в области религии. Наибольшим «островом совпадения» здесь явилось последовательное ограничение прав епископата в отношении белого духовенства, прямо вытекавшее из начал штатной реформы, предписанной Духовно-гражданской комиссией, и санкционированное верховной властью в связи с делом епископа Тамбовского Феодосия. Дело это показательно прежде всего с точки зрения того, на какие хитрости пускалась Церковь, уклоняясь от «просвещённой» тенденции в отношении духовенства. Но не менее интересно оно и тем, что наглядно демонстрирует разность приоритетов государства и Церкви в штатных вопросах.

Епископ оказался под двойным следствием, будучи обвинённым губернатором в укрывательстве подлежащего разбору клира, а подчинёнными — в вымогательстве в ходе разбора [Титлинов 1916: 318–320; Благовидов 1899: 244–247]. Следствие по претензиям губернатора в 1769–1772 г. проводила специальная комиссия в Воронеже. Архиерей объяснял комиссии, что причиной его проступка стало неверное понимание им одной клаузулы сенатского доклада о разборе от 20 января 1769 г. «...Нужно знать и о том, сколько священно- и церковнослужительских детей за взятём по прежедеписанному распоряжению в службу и за укомплектованием церквей останется...», — говорилось в докладе. Укомплектование церквей, пояснял Феодосий, он понял в том смысле, что за разбор следует браться не ранее, чем будут заполнены вакансии, и, следовательно, направить на него только тех, кому не найдётся места при церквях, «и для того приступил он прежде на укомплектование», определяя к церквям кандидатов, по его словам, избранных для этого ещё до получения указа о разборе.

Однако «из дела видно, — указывала в докладе Воронежская комиссия, — что он посвящал... излишних и сверх указного числа».

Феодосий оправдывался: в составе клира накопилось много неподходящих для службы при церквях, и им была самая дорога в солдаты, «и то самое разумел он укомплектованием». «Держался слова укомплектование» епископ и при отправке на разбор сверхштатных церковников, причём это было «в противность» составленных губернатором «разборных» списков, «и сверх того, чтоб больше при церквях оставить, то и число указное дворов приходских архиерей прибавливал...». Губернатор указывал на ошибку, но преосвященный не внял. В итоге, заключила комиссия, «вина его состоит в том, что хотя бы он и предвидел из сей отсылки к разбору и отдачи в рекруты могущей быть недостаток, но когда уже ему истолковано,.. что он указ не так понимает, то должен [был] указу повиноваться и всех излишних, хотя бы они способны были преждеопределённых, отослать к разбору, а потом представлять о недостатке» на вакансии. Яркая государственническая формулировка основополагающего «разборного» принципа «просвещённого абсолютизма» говорит здесь сама за себя.

За архиереем нашлось и ещё одно прегрешение: он произвёл в дьяконы поповского сына В.Алексеева, бежавшего из-под разбора с забритым лбом. Попович был назначен на дьяконское место давно, брать на службу его были не должны, и Феодосий рассудил, что он имеет право поставить незадачливого беглеца на вакансию. Комиссия, однако, заключила: «архиерей в том не прав, что по требованию губернаторскому одного попова сына прежде поставления в диаконы не отослал к разбору. Сам бы губернатор по сношению архиерейскому не оставил его исключить от разбору, яко достойного быть в диаконах», а теперь получается, что епископ, не известив губернатора, превысил власть и допустил «закону преступление» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 24. Л. 3–5].

Конец 70-х – 80-е гг. XVIII в. отмечен дальнейшими штатными мероприятиями. Апрель 1778 г. ознаменовался выходом очередного

штатного определения для греко-российского клира. В соответствии с ним приход укрупнялся (до 150 дворов против установленных по петровским штатам 100 дворов), а двухкомплектные причты вводились в только особо крупных приходах (свыше 250 дворов) [ПСЗРИ, 20 1830: № 14807]. Таким образом, штаты подлежали значительному сокращению, и за невыполнение архиереев ожидал суд, как это было в 1781 г. с суздальским епископом Тихоном [Freeze 1977: 116]. За счет канцелярских служащих духовного ведомства Екатерина II сочла возможным пополнить и учреждения в только что образованных наместничествах: именным указом Сенату от января 1779 г. разрешал губернаторам приём излишних церковников и семинаристов, не прошедших риторику [ПСЗРИ, 20 1830: № 14831]. Это открыло дорогу выходцам из семей греко-российского духовенства на гражданскую службу [Знаменский 1873: 299–302].

В соответствии с новыми греко-российскими штатами был необходим новый разбор. Он состоялся в 1784 г. В штатной политике Екатерины II этот разбор занимает особое место. Во-первых, он был первым общегосударственным, впервые затронув и Малороссию, не знавшую до того великорусских церковных порядков, и прибалтийские губернии, где к началу последнего десятилетия XVIII в. появилась более или менее развитая сеть гражданских православных приходов. Во-вторых, по своим последствиям он был гораздо более эффективным, во всяком случае, в центральных епархиях: так, по сравнению с 1747 г. заполнение штатов в Ростове увеличилось с 71 до 95 %, в Суздале с 84 до 100, в Коломне с 92 до 99, в Переяславле с 83 до 95, в Рязани с 90 и почти до 100. Лишь в Москве рост выглядит незначительным — с 89 до 90 %, однако здесь архиепископ Платон (Левшин) после разбора много мест просто прикрыл. Опережающим было заполнение иерейских вакансий: после разбора в Москве оставались свободными 30 мест священников и 286 церковнослужителей, в Коломне соответственно 2 и 150. Это был

классический разбор «просвещённого абсолютизма»: он, несмотря на противодействие Синода, точно нацеливался против всех недействительных церковников и всех необразованных детей духовного чина старше 15 лет. Под разбор угодило свыше 32 тысяч человек, включая и 1 455 человек, изгнанных из семинарий [Freeze 1977: 40, 141–143, 241].

Проводя разбор, верховная власть стремилась избежать споров, имевших место во время предыдущего разбора: новых церковников производить вообще запрещалось до полного заполнения штатов во всех епархиях, а по поводу людей, оказавшихся в своих епархиях сверхштатными, приказали ждать особого распоряжения. Распоряжение последовало в именном указе от 1 сентября 1785 г.: все сверхштатные люди назначались к переводу в малонаселённую Таврическую губернию с зачислением в податной класс, предоставлением хозяйственной ссуды и четырёхлетней податной льготы [ПСЗРИ, 22 1830: № 16249].

Впервые в ходе разбора в правительстве были увязаны вопросы штатов, финансирования и административно-территориальной структуры Церкви, о чём речь шла на соответствующей конференции Сената и Синода. Однако соответствующих средств в распоряжении государства не было, и дело «об устройстве приходов и духовенства» дальнейшего продвижения не получило [Титлинов 1916: 623, 635].

Необходимо отметить, что в ходе разбора вопрос о податном элементе в духовном сословии уже не поднимался, будучи окончательно решённым в 1776 г. IV Генеральная ревизия показала, что процент лиц податного состояния в составе церковного чина ничтожен, а разбор 1784 г. внёс окончательный перелом — по центральным епархиям этот процент колебался от 0,6 (Владимирская епархия) до 2,8 % (Ростовская), в целом же по империи составлял 0,8. В абсолютных цифрах эту долю составляли 667 человек из 85 671 священно- и церковнослужителя [Freeze 1977: 199–200].

Предыдущий разбор 1769 г. породил массу местных конфликтов, новый же, напротив, от борьбы властных амбиций был практически избавлен: целенаправленный подбор епископата (см. главу IV) давал свои плоды.

С изгнанием податного элемента была фактически оформлена сословная изолированность православного духовенства. По существу, это было реализацией идеала, намеченного в период работы Уложенной комиссии депутатом Синода Гавриилом (Петровым): «чтоб всё вообще духовенство не причислялось к среднему роду людей, но в особливом роде положено было...» [Сборник ИРИО, 36 1882: 187]. Новых попыток более точного определения сословного статуса клира не предпринималось. Жалованная грамота городам не включала живущее в городах духовенство в категорию именитых граждан, и среди городских обывателей они фигурировали лишь как собственники недвижимости (дворов) в городской черте [Латкин 1887: 501].

Дальнейшее проектирование социальных преобразований по части духовенства оказалось связанным со штатной реформой монастырей и монастырской секуляризацией южных епархий и Малороссии. Ф.В.Рожественский, биограф митрополита Самуила (Миславского), связывал её осуществление с тем, что киевскую кафедру занял именно этот угодный Екатерине II иерарх. Однако новые источники позволяют увидеть здесь не одно только распространение великорусских церковных порядков на Малороссию, вполне объяснимое и с точки зрения интеграции Малороссии в общегосударственную структуру, и с точки зрения развития государственной церкви. Несомненно, что решительное упразднение малорусской монашеской прослойки было продиктовано нуждами хозяйственного освоения Новороссии и имело своей целью перенаправить туда высвободившиеся таким способом средства и «человеческий

материал». 10 апреля 1786 г. последовал именной указ Синоду, в котором обозначались главные положения штатной реформы в Малороссии.

Монастырская реформа проводилась на основе великороссийских штатов, так что киевский митрополит получал оклад, равный окладу московского архиепископа, а ассигнования на Киево-Печерскую лавру выделялись такие же, как и на Троице-Сергиеву. Земельные дачи для архиерейского дома выделялись на основе положений 1764 г. (позже в этой части указ был дополнен новым указом от 13 июля 1786 г., предписывавшим, что доходы с этих дач должны идти и на прокорм монахов, оставшихся за штатом). Кафедральный Софийский монастырь преобразовывался в кафедральный же собор с назначением туда причта. Монастыри, выведенные за штат, переводились на положение приходских храмов с устройством при них школ или богоугодных заведений [Рождественский 1877: 86, 90–92].

Указ о малороссийских штатах монастырей содержал те же «странности», что и его великорусский предшественник 1764 г.: отсутствовало недвусмысленное, юридически точное причисление монахов к духовенству, и содержались лишь двадцатидвухлетней давности заявления о сходстве нынешнего узаконения с «первоначальными правилами благочестивой Церкви христианской» и об освобождении духовных властей «от несвойственных им... забот хозяйственных...». Это была не случайность, а первый шаг к упразднению монашества как сколько-нибудь численно значимой группы общества и всех монастырей, за исключением лишь немногих, воплощавших в себе авторитет государственной церкви или древние, но официально признанные традиции русского пустынножительства.

Замысел Г.А. Потёмкина вёл к последовательному преобразованию Церкви через секуляризационное преобразование монашества. Следует подчеркнуть, что у подобных замыслов были соответствующие

предпосылки, и рождались они в среде самого же духовенства, недовольного диктатом епископата. Так, 24 января 1768 г. московский генерал-губернатор П.С.Салтыков представил Екатерине II предложения иеромонаха московского Высокопетровского монастыря Феоктиста (Ерошевского) об улучшении состояния духовенства. Среди тезисов о подъёме нравственности и монашеской дисциплины там значилось: «Епископы б и митрополиты монастырями и монахинями не владели, а владели одними попами и обучали их вере святой» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 238. Л. 1об.; Титлинов 1916: 112]. Иеромонах предлагал также учредить в Донском монастыре новициат, члены которого должны были бы пребывать в строгой изоляции от внешнего мира. Феоктист был уроженцем Полоцка и в прошлом униатом. Соответственно, он хорошо знал конгрегационалистское, без епископов, устройство католическо-униатских монастырей и монашества, и его предложения явно построены по данному образцу.

Небезынтересно, однако, что и у русского монашества на почве недовольства духовной иерархией возникали сходные тенденции. Речь идёт о предложениях игумена Санаксарского монастыря Феодора, сделанных в 1774 г. Игумен просил разрешить пребывание в монастыре сверх штата стольких монахов, сколько самой обители возможно будет прокормить, далее, не переводить здешних постриженников в другие монастыри, а настоятеля выбирать из здешних же монахов, «а сие для того, чтоб их обрядов и обычаев никто не переменял». «Обряды и обычаи» Санаксарской обители как духовного центра имели ценность в глазах правительства: ранее Санаксарская обитель была приписной к Саровской пустыни и в связи с монастырской секуляризацией намечалась к закрытию, однако по инициативе Г.Н.Теплова наряду с другими саровскими «знатными монастырями» — Ниловой, Софрониевой, Флорищевой пустынями была сохранена и включена в число штатных (безвотчинных)

монастырей. Это и внушало надежду монастырским челобитчикам, обращавшимся через голову владимирского епископа при посредничестве того же Теплова к императрице.

Для Екатерины II, разумеется, отход от штатного расписания был неприемлем, и потому 7 июля 1774 г. последовал отказ [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 276. Л. 2-4, 6-6об., 8-9, 12-15]. Дело это, однако, представляет ценность своими антиепископскими свидетельствами, и мы знаем, что там, где это напрямую не затрагивало государственного курса, подобные настроения находили если не поддержку, то сочувствие в обществе и «высоких сферах». Так, известное письмо симоновского архимандрита Амвросия московскому архиепископу Платону (Левшину) от 2 декабря 1782 г., исполненное ехидства и неуважения, стало немедленно известно в Петербурге, ходило в списках по гостиным, и московский святитель превратился при дворе в посмешище [Лилеев 1879: 145-146].

В связи со штатным разбором южных епархий Г.А.Потёмкин предложил план коренного переустройства монашества. Не позже 22 сентября 1786 г., как следует из датированного этим числом письма А.А.Безбородко Г.А.Потёмкину, соответствующая записка (уже вторая, как мы знаем) под названием «О монастырях» была сообщена им Екатерине II. В бумагах Безбородко эта записка сохранилась в копии. Она начинается экскурсом в историю монашества. «Первые монахи, — писал Потёмкин, — завелись в Египте от сект жидовских», жили трудами рук своих, истинной верой и простыми молитвами. Однако в дальнейшем они утратили простоту и чистоту веры: в Константинополе появились «ассолиты неусыпающие, ... размножили оные [молитвы] акафистами, разными канонами молебными и множеством нелепых уставов, вознося моление больше к твари, а ещё постыднее к иконам, нежели к Богу...

Наконец, в Афонской горе явились анфузиасты (энтузиасты. — А.Р.) — зрители фаворского света, споря с сумасшествием, что свет сей

вещественный ли, или только кажущийся, и о сём был собор в Цареграде», иронизировал Потёмкин, «в час тот, когда Магомет Второй завоевал и город, и империю». От печального византийского примера царедворец переходит к критике монашества в России: «К нам вошло монашество из Афонской горы ни в честь закону, ни в пользу людям, ибо народ наш, присоединя к тогдашней грубости ханжество и лицемерие, смешенное с упрямством, был источником ложных чудес и вредных оснований. Слава Богу, не допустившему Россию к участи греков». И то, и другое прямо напоминает воззрения Петра Великого на монашество и служит основанием для вполне петровского и по духу, и по стилю приговора: «Собрание монахов по образу нашему есть собрание тунеядцов, стыд церкви и общество пияниц» [РГАДА. Ф. 168. Оп. 1. Д. 157. Л. 3–4]. Отсюда Г.А.Потёмкин выдвигает реформу «бесполезного» монашества: «Я не спорю, что... есть такие, кои по добродетели избирают монашескую жизнь, ... но таковых столь мало, что едва наполнят один монастырь.

Я полагаю во всём государстве для прямых монахов довольными монастырь Нилов, Саровскую пустыню и Софрониеву со строгим наблюдением монашеских правил, дабы меньше было охотников.

В прочем все в городах, а паче в Москве, уничтожить, как несообразные уединению, протчее же обратить в училища, госпитали для бедных и престарелых офицеров и рядовых, и больницы для недугующих, облегча устав церковный, под наблюдением чистоты и благопристойности. Сверх часа молитвы должны трудиться размножением огородных, садовых и ботанических растений. Такое упражнение тем для них приличнее, что оно соединено с пользою и не повинно с забавою, при том делает людей милосердными». Ново-Иерусалимский монастырь Г.А.Потёмкин считал наиболее подходящим для роли центрального учреждения по социальному обеспечению отставных военных: «Как ордены кавалерские большей частию приняли начало от Иерусалимских походов; то привязав к сему

храму все наши ордены, малым подаянием от кавалерьев достаточная составитя сумма к содержанию таковых инвалидов». На себя Г.А.Потёмкин охотно брал инициативу «установить такие монастыри для примеру в Екатеринославской губернии или Тавриде» [РГАДА. Ф. 168. Оп. 1. Д. 157. Л. 4об.–5]⁴⁶. Интересно, что в обоснование своих предложений Г.А.Потёмкин приводил выписки из Евангелия, где осуждаются лицемеры, наружно благочестивые, но далёкие от поклонения Всевышнему в духе и истине (Матф. 6, 5–7, 9; 7, 15, 16; 15, 8; 23, 4–6, 13, 27. Иоанн. 4, 20–24) [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157. Л. 7–8об.].

Другим направлением реформирования Церкви должно было стать возвышение, в противовес чёрному, белого духовенства: его образованные представители намечались на руководящие места в епархиях, «беспольных» же «архимандритов и игуменов» следовало вытеснять. Для роста общественного статуса белого духовенства требовалось «положить им некоторые отличности», ввести в общество, придав известный светский лоск, или, по Потёмкину, «пристойную людскость». Так, он предлагал назначать на кафедральные монастыри не монахов, а непостриженных выпускников семинарий с «достаточным содержанием», что способствовало бы уничтожению «беспольных архимандритов и игуменов» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157. Л. 5об.].

«В заключении сего, — завершал свою записку Г.А.Потёмкин, — нахожу нужным упомянуть о белом священстве. Как монахи заграбили все им следующие почести, то справедливость требует положить им некоторы отличии, которыми священство ободрясь, конечно (окончательно. — А.Р.) и скоро получит пристойную людскость. А сим вышед из уничтожения, примет добронравие, отличаясь друг перед другом просвещением и примерами благопристойности. Будучи учёными, сами

⁴⁶ Планы Г.А. Потёмкина со временем приобретали большую конкретность: в частности, в 1788 г. он намечал построить один из таких монастырей, иноками которого стали бы «военные штаб- и обер-офицеры», близ Николаева [Брикнер 1891: 75].

станут обучать юношество; Церковь же чрез сие придёт в достойную ей важность и перестанет быть торжищем, где безобразное нынешнее священство продаёт, так сказать, и таинства, и молитвы» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157. Л. 6]. Очевидно, что белое духовенство должно было играть заметную роль в служении «общему благу», но далее своих мыслей по этому предмету Г.А.Потёмкин не развил [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157. Л. 5–5об.].

Екатерину II записка «О монастырях» и обрадовала, и удивила: очевидно, она считала, что подобный образ мыслей Потёмкину чужд, и действительно, с такими чертами его традиционного облика, как интерес к православной аскетике, покровительство православным обителям в своём наместничестве, предложенные им меры не вяжутся совершенно. А.А.Безбородко 22 сентября 1786 г. писал ему об этом: «Её Величество была весьма ими (предложениями. — А.Р.) довольна, особливо удививилась записке о монахах, быв прежде во мнении, что Вы исключительно к их пользе представляете. Она будет писать к Вашей Светлости, чтоб для обрасца устроить монастырь в Воскресенской, да один в Вашей губерниях; а потом желает, чтоб со временем и вообще по сей материи зделать положение...» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157. Л. 1].

Императрица действительно предприняла некоторые шаги, направленные на возвышение белого духовенства. У А.А.Безбородко читаем: «Когда я читал об отличии почётом для белого священства и сказал, что мне Ваша Светлость изволили говорить о духовнике царя Алексея Михайловича, Государыня отозвалась, что она бы сама очень желала своего, как вдового, священника почтить шапкою, а знатнейших протопопов отличать крестами, и для того указала в запас приготовить архимадричью шапку» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157. Л. 1об.–2]. Вскоре духовник императрицы И.И.Памфилов действительно получил ранее невиданное отличие — митру (пресловутую «архимадричью шапку», об

этом см. также § 1 Главы IV), и желчный архиепископ Платон (Левшин) немало злобствовал, уязвлённый возвышением того, чьим давним недоброжелателем он был, и даже то, что и его родной брат протоиерей А. Левшин получил в качестве знака отличия дорогой наперсный крест, не могло его утешить.

Разумеется, верховная власть, действуя в духе проекта Г.А. Потёмкина, не отказывалась целиком от использования авторитета почитаемых монастырей. В частности, перевод из Киева в Таврическую область Межигорского монастыря, намеченный указом от 10 апреля 1786 г. [Рождественский 1877: 91], должен был привлечь переселенцев в новоосваиваемый край. В соответствии с именованным указом на имя Г.А. Потёмкина от 4 мая 1788 г. в Екатеринославской губернии осталось только 4 монастыря, прочие обращались в приходские церкви, и всё монастырское имущество отдавалось в казну. Г.А. Потёмкин «отписку», однако, остановил, поскольку готовил общий проект перераспределения имущества на местах. Но до его смерти проект так и не был завершён, о чём Екатеринославская казённая палата вела переписку с Сенатом в 1791–1792 гг. [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 317. Л. 1–2].

Новая турецкая война вызвала разбор 1788 г. Однако власти стремились использовать его во вполне определённых видах. Губернаторам получалось «без дальней огласки» направить в армию всех недействительных церковников [ПСЗРИ, 22 1830: № 16646], и первым данное значение разбора, провозглашённого как экстраординарная мера, уловил опытный администратор, ярославский губернатор А.И. Мельгунов: именно в его письме А.А. Безбородко «об излишке церковных служителей» от 30 марта 1788 г. была проведена параллель с разбором 1769 г. В письме говорилось: «Из ведомостей по Ярославской губернии видно, что священно- и церковнослужителей таких, без коих удобно Церкви обойтись, могут находиться 3946, а как при нынешних военных

обстоятельствах люди нужны, то на сей конец... не угодно ли будет при случае о сих праздных людях доложить Её Величеству, и естли соизволено будет учинить им разбор, то б на основании 769 года указа поручить оный светской команде, а не одной духовной, как то в последний раз было...» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 165. Л. 1].

Квота разбора была определена в 5 тысяч человек [ПСЗРИ, 22 1830: № 16646], но, как видим из документов А.И. Мельгунова, в реальности разбор был очередным «кровопусканием» для духовного ведомства, призванным увеличить для государства число военнотружущих. В этой связи показательным выглядит именной указ от 2 июля 1788 г. на имя генерал-губернатора Архарова, данный по его представлению, о направлении в армию бывших церковников, записанных ранее в мещане по Новгородской и Тверской губерниям, но неисправно плативших подати [Знаменский 1880: 77]. Прямым результатом екатерининской штатной политики было снижение численности безместных детей клира со 105 798 человек в 1784 г. до 57 361 человека в 1793 г. [Freeze 1977: 40]. В значительной мере «избавив» Церковь от сверхштатных служителей, разбор явочным порядком разрешил проблему недействительных церковников, сохранявшуюся с 1769 г., о чём к месту и вспомнил А.И. Мельгунов. Последствие этого было ещё более широким: укреплялась фактическая сословная изоляция духовенства, ибо теперь оно и пополняться могло только за счёт собственного физического воспроизводства.

Необходимость открытой границы духовного сословия, причём сообразно с требованиями общественной пользы, признал в конечном итоге и митрополит Гавриил (Петров). 11 июня 1793 г. он составил на имя обер-прокурора А.И. Мусина-Пушкина записку, где говорил, что церковнослужительских детей, неспособных по возрасту или уровню развития к семинарским наукам, нужно отдавать в архиерейские дома и

монастыри для обучения там «мастерствам» (ремеслу) с освобождением от оклада. При этом ремесленных учеников «худого поведения» ждала армейская служба, а прочим по завершении обучения предполагалось дать свободу определяться в «приказные служители» или записываться в купечество, мещанство и цехи. Однако контроль за учениками митрополит просил оставить за архиереями — только с их позволения они могли самоопределиться. Главную цель своего предложения Гавриил раскрыл в последнем пункте прошения: «Есть ли ж при сём положении неможно будет где составить ими полного числа служителей, повелеть казённым палатам по установлению штатов оное дополнять из экономических крестьян» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 318. Л. 1–1об.]. Очевидно, что митрополит хотел создать резерв для заполнения церковных вакансий из ремесленников и тем самым увеличить кадровые возможности церкви. Это было особенно актуально на осваиваемом юге страны, где сословие духовенства не имело прочных корней, между тем население юга росло, и прежде всего городское.

Выводы

«Диссидентский вопрос» на протяжении XVIII в. и вплоть до третьего раздела Речи Посполитой служил основой взаимоотношений России с Польско-Литовской конфедерацией. Его перипетии как нельзя лучше подчеркнули актуальность внешних задач петровского времени, связанных с пересмотром российской дипломатией принципа «православной солидарности». Православная церковь и её духовенство в Речи Посполитой занимали маргинальное положение и не могли играть самостоятельной общественно-политической роли в российских отношениях с крупнейшим европейским западным соседом. В этой связи система политических гарантий в отношении польско-литовских

некатоликов, основанная на положениях «Вечного мира», по итогам успешного для России исхода Северной войны претерпевала эрозию: единоличное преобладание России в данной сфере сходило на нет, всё большее значение приобретала Пруссия, резко усилившаяся во второй четверти XVIII в. Ситуация усугублялась господством в российской дипломатии «австрийской системы» — ориентации на австрийский двор, впервые давшей себя знать при Петре I и подкреплённой союзническими отношениями российского и австрийского дворов, установленными в 20–40-е гг. XVIII в.

«Австрийская система» делала Речь Посполитую яблоком раздора между австрийской и прусской монархиями при опосредованном участии России. Акцент же Пруссии на сотрудничество с польско-литовскими протестантами, соответственно, мобилизация протестантской аристократии, естественным образом сформировал ведущую роль Пруссии при пересмотре взаимоотношений вокруг Речи Посполитой, сложившейся в Восточной и Центральной Европе. При Елизавете Петровне согласие России на подобный пересмотр, особенно в период Семилетней войны, было исключено, однако воцарение Екатерины II открыло подобную возможность. «Диссидентский вопрос» явился для России инструментом влияния на соседнее государство в целом. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в ряду причин, подтолкнувших Россию к сотрудничеству с Пруссией в «диссидентском вопросе», находилась и потребность усиления на юге, в спорной российско-польской полосе, смежной с турецкой зоной влияния. Отсюда закономерным было и начало русско-турецкой войны 1768–1774 гг.: Османская империя увидела для себя угрозу в усилении роли России в польских делах именно с позиции своих интересов в Северном Причерноморье и особенно на запустевшей после Северной войны Правобережной Украине.

«Диссидентский вопрос» имел своим последствием актуализацию ряда вопросов устройства и управления греко-российской церкви, связанную, прежде всего, с необходимостью укрепить структуру последней в составе Речи Посполитой, особенно с учётом роли епископа Георгия (Конисского) и его близости к Екатерине II. Это было тем более естественно, что с середины 1780-х гг. возобладал курс на ликвидацию особенностей положения малороссийских епархий в структуре церкви и унификацию церковного устройства и управления. В целом, на Малороссию была распространена секуляризационная реформа, начала политики в области церковных штатов, устанавливавшие общегосударственный статус собственно церкви и православного духовенства. Сферу особых забот Екатерины II составили также подбор кандидатур на епископские вакансии и создание Синода как работоспособного административно-распорядительного органа церкви, что неизбежно затрагивало и положение церкви на юге. С другой стороны, тот же «диссидентский вопрос» допускал и отступления от единообразия, проявившиеся в учреждении Слуцкой епархии и подданнических обязательств её главы относительно Речи Посполитой. В целом, воздействие «диссидентского вопроса» на состояние церковных дел на юге Российской империи в конце 1770–1780-е гг. было весьма и весьма широким и многообразным.

ГЛАВА IV. СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ВОПРОС: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ АСПЕКТЫ В ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ II

§ 1. Судьбы старообрядчества на юге: внешнеполитический фактор

Внешний фактор ранее проявил себя на польском направлении, что было вполне естественно. Опасения, что именно здесь может возникнуть зарубежная старообрядческая епископия, были для властей наиболее частыми. Об этом говорят обстоятельства организации похода на Ветку в 1734 г. С весны подготовка акции против «раскольников» вошла в решающую фазу. Именным указом от 26 апреля генералу Вейзбаху, командующему войсками на Украине, поручалось «о беглецах, которые в Польше обретаются..., старание иметь», то есть «разведывать» места обитания и всячески склонять «таковых беглецов» к возвращению. Указом от 11 июля подтверждались обещанные ранее гарантии и двухмесячный срок возврата [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1578. Л. 35об.]. Прямо о необходимости как можно скорее вернуть всех русских беглецов «в Полше и Литве обретающихся.., а особливо теперь тех, которые близко наших границ живут в разных местах, також и внутри Литвы, доколе наши войска тамо обретаются», было заявлено в указе от 22 июля. Его непосредственными исполнителями назначались командиры «имеющихся тамо войск» — полковник Репнин, генерал-майоры Бисмарк и Измайлов: им следовало «о беглых разведать и сыскивать» и вывести их в Россию «со всеми их пожитки... под пристойным караулом..., за кем бы ни жили». Предусматривалось, что выведенные беглецы до обнародования кабинетского решения о них будут по необходимости получать провиант за казенный счёт [Сборник ИРИО, 108 1900: 285–286].

В том же июле архиепископ Киевский Рафаил (Заборовский) получил сведения о появившемся на Ветке старообрядческом епископе Епифании — одном из трёх старообрядческих епископов-самозванцев XVIII в. Синод, немедленно извещённый об этом, встревожился: угроза возникновения за границей «раскольнической» церкви во главе со «лжеепископом», которого староверы разных толков могут признать общим духовным главой, казалась весьма реальной. Синод попросил Военную коллегия немедленно послать войска из состава «данцигского корпуса» для разорения Ветки и поимки Епифания [Лилеев 1895: 296–297]. Это предложение поддержал генерал-губернатор Вейзбах. Соответствующий именной указ был вскоре направлен в Военную коллегия [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 52. Л. 1, 8–9об.].

Поднятая Церковью тревога вызвала изменения в ранее намеченном плане действий против «раскольников». 24 июля кабинет-министры А. И. Остерман и А. И. Черкасский представили императрице всеподданнейший доклад, в котором сообщали, в частности, что они «о способах, для высылки оных [беглых] употребляемых..., довольно рассуждение имели» с главным членом Правления гетманского уряда (временного органа управления Малороссией, образованного в январе 1734 г. после смерти гетмана Д. А. Апостола) генерал-лейтенантом А. И. Шаховским, и он также «о тех беглецах, которые по присланной росписи неподалёку от границ поселились, известен обстоятельно». 27 июля Кабинет доложил Анне Ивановне о новом двухдневном совещании о «сыскании потребных к тому [выводу беглых] способов», на этот раз уже и с участием А. И. Ушакова [Сборник ИРИО, 108 1900: 292, 295]. В результате появился общий доклад, «высочайше апробованный» 31 июля.

Удар по Ветке в нём намечалось нанести силами не «данцигского», а «особливого корпуса», сформированного из расположенных близ русско-польской границы войск, с тем, «чтобы беглецов, которые на Ветке и в

других [старообрядческих слободах] поселились..., не обождав... совершенного ис Полши войск выступления.., захватить и в российские пределы вывести». Ответственным за это назначался Вейзбах. О ходе предстоящей операции говорилось в именном указе от 29 августа 1734 г. на имя главнокомандующего Б. Миниха: «которые [войска] пойдут из Литвы, тем к Риге и к Смоленску, и между тем [в] другие порубежные российские города [беглых выводить], а с Волыни х Киеву и к другим тамошним местам... [выводить тех], которые ж беглые поселяня живут на Волыни и по ту сторону Киева между Днепром и Днестром...». В указе специально подчёркивалось, «чтоб захвачены были все вдруг», причём обязательно с пожитками, и немедленно переписаны, «чьих они вотчин и которых уездов, и сколь давно бежали» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1578. Л. 38–39, 42]. Сенатским указом от 2 августа 1734 г. планировался неременный «разбор» выводимых [ПСЗРИ, 9 1830: № 6612].

Один из обнаруженных нами документов — протокол заседания Военной коллегии от 17 сентября 1734 г. — поясняет, почему известия киевского архиерея вызвали у администраторов столь большую заминку и о чём они совещались до конца лета. Оказывается, начальники заподозрили, что появление у «загранишных» раскольников собственного епископа могло быть инспирировано какой-либо из польских «враждебных России партий» или антирусской дипломатией великих держав. В частности, на заседании Военной коллегии обсуждался вопрос, к какой стороне, «противной или приятной России», принадлежит «польский державца», помещик-арендатор Халецкий, в «маетностях» (имении) которого находилась слобода Ветка со всеми тянувшими к ней слободками [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 52. Л. 6]. Соответственно, речь шла о том, какой тактики придерживаться, если опасения найдут подтверждение.

Непосредственные переговоры с беглецами, знание среды «загранишного раскола» и даже агентурное проникновение в неё — всё это

было весьма важно. Но разрешить проблему старообрядческой реэмиграции без общего урегулирования русско-польских отношений на основе «Вечного мира» представлялось немислимым, а тут для России в середине XVIII в. ничего обнадеживающего не просматривалось. Позиция польской стороны состояла в том, что приток в Польшу русских «мужиков простых» и их оседание на чиншевых землях — это естественная и справедливая компенсация за убытки в людях, понесённые польскими землевладельцами в начале XVIII в., в связи с выводом населения с Правобережной Украины в Россию по указу Петра I от 23 августа 1711 г. Поэтому о выдаче русских беглых обратно и речи быть не может. Во второй половине 1754 г. русский резидент в Варшаве и Дрездене Гросс вёл переговоры с первым саксонским министром Брюлем по вопросам «Вечного мира», стремясь через саксонцев повлиять на поляков. Но точка зрения «польского министерства» изменилась очень мало, что показали универсалы Августа III, изданные после переговоров. В них говорилось: местные власти должны «не всех простых беглецов российских, а токмо воров и воинских дезертиров назад выдавать, а впредь никаких беглецов не принимать и не держать» [Стегний 2002: 88]. Но размен податного населения универсалами по-прежнему не предусматривался.

Относительным успехом для России был лишь созыв смешанных пограничных комиссий вопреки явному и понятному нежеланию польско-литовской стороны. 15 марта 1755 г. Коллегия Иностранных дел рапортовала Сенату: «с [польской и] литовской стороны пограничные суды учреждены..., для съездов с российскими [представителями] нарочные комиссары [от поляков и литовцев] определены».

Обвинения российской стороны по поводу пограничных инцидентов и нарушений границы разбойниками, окопавшимися в ближайших к границе польских «раскольнических» слободах, поляки парировали встречными обвинениями. Так, 20 апреля 1755 г. И. И. Костюрин сообщил

в Сенат «о разорении с полской стороны российских засеки и рогаток». Претензии вице-губернатора литовский канцлер князь Чарторыйский обобщил в личном письме от 6 июня 1755 г.: «...из многих мест... Великого княжества Литовского получены мною ведомости, что определённые [от русской стороны] команды для разставки граничных знаков знатное вознамерились чинить отсечение грунтов от полской стороны...

Восчувствовало сие и моё Гомелское старство... Ваша Велможность в своём письме уведомляете, якобы некоторые жители... княжества Литовского», шляхтичи и евреи, «держа чрез зиму российских беглецов, воров, летом отпускают их в Россию на воровство», снабжая оружием и боеприпасами. Все инциденты такого рода, подчёркивал литовский канцлер, непременно должны расследоваться в смешанных комиссиях, «однако ж Речь Посполита... болшее несравнительно всегда претерпевает обиды от гултяев границ российского государства, в Польшу вбегающих..., которых гултяев обыкновенно гайдамаками называют...».

В начале 1760-х гг. ситуация в русско-польских отношениях оказалась поистине патовой. Напрямую она сказывалась и на действиях в отношении «раскола» за границей и в Малороссии. В подобных условиях вновь активизировался гетман К.Г. Разумовский. 10 февраля 1763 г. он доносил в Сенат о нападении «раскольников» из польской слободы Лукьяновки на имения вдовы сотника Черниговского полка Пирятинской, произошедшем менее чем за два месяца до того.

Официальный протест по изложенным гетманом фактам в Варшаве должен был заявить посол Г. К. Кейзерлинг [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1488. Л. 39–40об., 48, 52–53]. «Для достижения совершенного на границах спокойствия, — говорилось в рескрипте Екатерины II послу от 11 апреля 1763 г., — надобно всемерно, чтоб и с польской стороны равномерно ж о том старание прилагаемо было. Но Вам известно, какое небрежение в том с польской стороны доныне оказывается — беглые наши люди не токмо не

выдаются назад, но ещё к тому и подговариваются; на стоящие на границе форпосты наши часто чинятся нападения; комиссары для разобранья обоюдных жалоб в назначенное время под разными претекстами (предлогами. — А. Р.) не приезжают, и ни в чём здешней стороне удовольствия не показывается, сколь старания о том прилагается ни было». «Итак, — констатировалось в рескрипте, — происходящие на границе беспорядки никому другому, как польской стороне приписывать надобно» [Сборник ИРИО, 48 1885: № 479].

У гетмана было иное мнение. Главной причиной, затруднявшей борьбу с разбоями «раскольников» на границе, он считал несовершенство устройства двусторонних комиссий. В своём очередном «листе» (письме), датированном 10-м апреля 1763 г., гетман сообщал в Сенат о налёте «раскольников человек до ста» на караул на Усовском форпосте. Нападавшие избили восьмерых караульных солдат и казаков и отняли у них оружие и амуницию.

Гетман указывал, что «показанные разбойники были из раскольников и мужиков заграничной слободы Лукьяновки и Круговца, владения шляхтянки Гижицкой», то есть прорвались в Малороссию с территории Великого княжества Литовского. На них уже подана жалоба, препятствие же состоит в том, что польские делегаты — члены пограничной комиссии представляют в ней коронные воеводства (Киевское и Брацлавское), и претензий к литовским злоумышленникам принимать не могут: служащих Короны, как гласят польско-литовские статуты, дела по Литве не касаются.

Гетман предлагал домогаться от Польши, чтобы коронные представители Киевского воеводства всё же принимали жалобы на литовцев, а если не получится, то создать и в литовских землях смешанные комиссии для приёма жалоб малороссиян.

Сенат предписал Иностранной коллегии изучить инициативы гетмана. Коллегия Иностранных дел в ответном донесении от 12 июня 1763 г. первое предложение отвергла начисто: оно «с удобностию состояться не может», ибо Речь Посполитая не пойдёт на нарушение основ федеративных отношений между Короной Польской и Великим княжеством Литовским, и не признает за коронными представителями права контроля над Литвой. Скептическим было отношение и к другому замыслу гетмана. Новая комиссия в Литве, считали в Коллегии, вряд ли принесёт больше пользы, нежели любая из предыдущих или даже все они, вместе взятые. Трудности возникают не из-за нехватки комиссий, а из-за плохой работы в них польско-литовских представителей. Вот если бы этот саботаж удалось преодолеть, то и в уже имеющиеся комиссии вместе с коронными депутатами можно было бы посадить людей от литовских территорий, смежных с Малороссией.

Дабы оживить работу комиссий, Коллегия Иностранных дел предложила созывать их на более низком уровне — не от воеводств, а от поветов. Заняться этим поручили послу Кейзерлингу [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1488. Л. 54, 68–69об.]. Дипломат внёс встречное предложение: санкции на создание таких комиссий нужно добиваться не от саксонцев, не желающих вникать в русско-польские отношения, а непосредственно от польского сенатус-консилиума [Сборник ИРИО, 48 1885: № 650].

Отклонив предложения гетмана, Иностранная коллегия продолжала отстаивать ранее взятую жёсткую линию. В начале весны 1763 г. от служившего в Малороссии надворного советника П. Ромейко-Гурко поступила информация, что многие «раскольники» на той стороне «по силе опубликованного Манифеста» от 4 декабря 1762 г. желают переселиться в Россию, но шляхта их задерживает и наказывает. 30 апреля 1763 г. Коллегия Иностранных дел довела эту информацию до сведения Сената [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1488. Л. 50–51]. Коллегия

подчёркивала, что в данный момент представляется весьма удобный случай пособить «возвращенцам». Россия готовит вооружённую демонстрацию в Польше, дабы перед выборами короля поддержать своих сторонников и утихомирить противников, и для этой цели уже намечен перевод войск, дислоцированных в Курляндии, через польско-литовские земли в Киев (приказ был получен в частях 12 мая 1763 г.). Проход армии и следует использовать для защиты «выходцов» и принуждения тех, кто не желает «собою выходить» или препятствует выходу. Но выгонять беглых из Польши в Россию силой Екатерина II и на этот раз запретила, ограничившись публикацией 13 мая 1763 г. нового Манифеста о добровольном возвращении [ПСЗРИ, 16 1830: № 11815]. Манифест предназначался для распространения в Польше: рескрипт с соответствующими указаниями направили Кейзерлингу 14 июня 1763 г. [Сборник ИРИО, 48 1885: № 559].

Тем не менее, усилия Коллегии Иностранных дел отчасти возымели действие. 15 мая 1763 г. Сенат представил Екатерине II доклад, в котором прямо заявил о необходимости отказаться от выжидательной тактики, к которой монархиня склонилась в феврале. Сенат настаивал, что дипломатические средства давления на Польшу давно доказали свою бесплодность, и в этих условиях намерение Екатерины II «обождать» оборачивается против русских интересов.

На проведении активной линии в отношении беглецов настаивал и один из главных организаторов старообрядческой реэмиграции И. Ф. Глебов. Он полагал, что Россию вынуждает к этому ситуация в Подолии. В октябре 1762 г. И. Ф. Глебов докладывал в Коллегию Иностранных дел, «якобы полской князь Любомирской по имеющейся на нём некоторой хана крымского претензии намерен оному хану в число той претензии во удовольствие его отдать некоторую часть денгами, а прочее

скотом и живущими в пограничной с крымскою областью российскими беглыми расколниками».

Денежные счёты с крымским ханом имел и другой из крупнейших польских магнатов, граф Потоцкий, в чьих огромных имениях в Подолии было также много старообрядцев. Чтобы выручить «природных российских подданных», И. Ф. Глебов на свой страх и риск направил к живущим в Подолии староверам своего доверенного человека, обывателя «раскольнической слободы» Еленки Ф. Попова. Посланец Глебова ездил к единоверцам «в полские и волоские области» и по возвращении доложил об их настроениях: они желают вернуться, но опасаются вновь попасть к помещикам, если же будет «печатный указ», чтоб их владельцам не отдавать, то все готовы переселиться в Россию к крепости св. Елизаветы [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1489. Л. 3–3об., 5–7].

Коллегию Иностранных дел тревожил и ещё один неприятный аспект ситуации на юге: польские власти, используя приток в свои пределы россиян, нацелились на спорные и нейтральные территории, смежные с Подолией. Поляки рассчитывали посадить туда пришедших «раскольников»-«филиппонов» в качестве польских подданных и затем объявить формально ничейные земли своими. Особенно активны были начальники Брацлавского воеводства, действовавшие в первую голову в интересах всё того же Потоцкого.

11 июля 1763 г. Коллегия Иностранных дел приказала командованию крепости св. Елизаветы предупредить поляков о недопустимости «заводить строение» на спорном участке, на который претендовал граф Потоцкий, а если оно не прекратится, то послать солдат и «оное разметать». Коменданту крепости генералу-поручику Нарышкину именным указом от 21 июля 1763 г. было объявлено порицание за попустительство полякам «завести селение и построить город против здешняго Орловского пограничного фарпоста», что «доказывает Вашу по сему делу слабость,

или, лутче сказать, робость против отважных толко на час поляков, и оных Вы чрез то допустили до того, что они... уже несколко и селения завели, устремляясь при том всеми мерами вовсе тамо утвердится, а Вы... хотя и отправили было туда бригадира Муравьёва с командою для разметания того начатого ими строения, но сей... поступок остался однако ж в недействии, как видно толко по тому, что Вы доволно не могли разобрать коварных Вам представлений от полских камисаров Брославского воеводства..., и доволно видно, что поляки обманывать и проводить Вас стараютца, искав чрез то время выиграть к ближайшему тамо себя укреплению».

Коллегия предписала немедленно послать солдат для разорения польских поселений, при этом гражданских лиц вытеснить мирно, без кровопролития, а если сопротивление окажут «воинские люди», «то и оных старатца сколко возможно без драки и не по обходимой нужде, хотя и оружием, прогнать, и для того команду с вашей стороны послать достаточную и с пушками, чтоб не быть оной в безсилии и обиде от поляков». В указе предписывалось вместе с тем «взять осторожность» против крымцев и осуществить акцию только тогда, когда их поблизости не будет, чтобы не вызвать провокаций с их стороны [РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 118. Л. 1–2об.].

Итак, Сенат, Иностранная и Военная коллегии, власти Киевской губернии требовали от Екатерины II покончить с «разбойническими гнёздами» в Польше и немедленно пресечь побегии «мужиков простых» вооружённой рукой. На военном вмешательстве ради защиты «нашего благочестия» настаивал также Синод. Сторонником жёсткой линии в пользу польских некатоликов выступал посол Кейзерлинг. В окружении Екатерины II весьма воинственно был настроен З. Г. Чернышёв. Летом 1763 г. о ставке на силу в польских делах заговорил и М. И. Воронцов, ранее державший себя более осторожно. Между тем сама Екатерина II всё

более полагалась на тактику «обождать». К этому времени она охладела к плану конфедерации против Августа III, о чём недвусмысленно свидетельствовал её рескрипт Кейзерлингу от 26 июля 1763 г.: «мы термином польских дел определяем кончину королевскую». Отныне только смерть Августа III могла открыть возможность широкого вооружённого вмешательства в польские дела, в чём Екатерину II поддерживал Н. И. Панин [Стегний 2002: 101–102].

Но давление сторонников жёсткой линии было сильным, и императрица пошла на компромисс: она согласилась применять войска, но предписала командирам частей действовать скрытно и по возможности быстро, для чего разрешила им во время операций сноситься между собой помимо вышестоящих начальников [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1488. Л. 73–74об.]. Тем самым она хотела избежать впечатления, что русские власти официально решились на вторжение. Сенат согласился с монархиней и в свою очередь приказал командирам действовать с соблюдением секретности, «поколику [только] тогда с Высочайшими... интересами оное согласовываться будет» [СА, XIII 1909: 11–12].

Саксонский союзник был предупреждён, что Россия действует не против него, а только против «польского своеволия». В дипломатических документах подчёркивался всецело оборонительный и вынужденный характер взятых мер.

Во второй половине сентября 1763 г. в самое сердце «загранишного раскола» — на богатую и зажиточную Ветку И. Ф. Глебовым «для забраня беглецов были посланы киевских рейтар вахмистр Рощепкин и казачий атаман Заграбский...». Староверы оказали посыльным весьма нелюбезный приём: «напротиву де чего живущие в слободе Спасовой российские беглецы ответствовали, что они уже давно неоднократно публикованные о том Манифесты слышали, но жителство там имеют без всякаго страху, и при том де сказывали такие речи, знать де, генералам

нечево делать, что они к ним, беглецам, посылают, и оных Манифестов не приняли...». Несколько экземпляров манифестов (три на русском и два на польском) «в слободе же Ветке тамошнему войту Кожемякину и другим обывателям» посланцы смогли всё же всучить, но при этом окончательно убедились, что на Ветке «более таких, кои совсем выходить не желают, да и те, [кто принял манифесты,] де о намерении их к выходу, упователно, объявляют ложно».

Исчерпав словесные аргументы в пользу возвращения, «напоследок де принуждены были они, вахмистр Рощепкин и казак Заграбский», объявить: если обыватели оказанной им государыневой милости «не чувствуют и добровольно к выходу в Россию не будут, то в таком случае должно им ожидать присылки нарочных для забрания их команд, но на то де от них ответствовано: в давних де годех нарочными командами выведены они были из оной Ветки в Россию, толко де по-прежнему собралось в оную слободу Ветку не менее, как в то время было...» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1488. Л. 121–123].

Таким образом, наиболее влиятельная и состоятельная часть старообрядческой эмиграции к идее немедленно вернуться в Россию относилась, мягко выражаясь, с прохладцей, и для администраторов, хорошо изучивших обстановку и в лифляндских, и в белорусских, и южных землях это было совершенно ясно. В борьбе за «человеческий капитал» было явно недостаточно тех полумер, которые летом 1763 г. по необходимости санкционировала Екатерина II, и власти, особенно на местах, понимали это с самого начала. 5 октября 1763 г. умер польский король Август III, и судьба слобод на Ветке — главного «виталища раскольнического» в коронных землях решилась немедленно. 18 октября 1763 г. они подверглись разорению и уничтожению, «и Ветка от вторичного падения своего совершенно потеряла силу свою» [Журавлёв 1799: 259]. В тот же день генерал-аншеф В. В. Фермор рапортовал из

Смоленска И. Ф. Глебову о результатах этой экспедиции: «деташамент» майора Маслова захватил и вывел на русскую территорию более двух тысяч душ с семействами. Фермор доложил, что народу на Ветке очень много, и для того, чтобы вывести его полностью, нужно два-три полка, а то и больше, «сколько надобность того требовать будет», ибо командам штатной сотенной численности с такой массой людей попросту не справиться.

Тем временем И. Ф. Глебов продолжал самостоятельные шаги по приглашению «раскольников». 17 ноября 1763 г. Киевская губернская канцелярия информировала Сенат, что в Польшу из волостной конторы, ведающей «описными слободами», были направлены два вербовщика-старовера. Из-за кордона они успели донести, что на польской стороне много желающих возвращаться в Россию, но люди удерживаются «полскими владельцами» и «живущими тамо жидами». Вскоре вербовщиков «заарестовали». Чтобы их выручить, И. Ф. Глебов приказал начальнику ближайшей пограничной дистанции близ Вышковского форпоста полковнику Псковского карабинерного полка Багратиону задерживать в России польских подданных на размен. Одновременно Багратион должен был провести акции на польской территории, направляя войска «для взятья... природных русских людей» на глубину до тридцати вёрст и давая полякам тем самым понять, что их «наглости» только укрепляют решимость русской стороны защищать свои интересы [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1488. Л. 125–128, 141–142].

Воинственные настроения были объяснимы. Представители власти разных уровней пришли к твёрдому убеждению, что ставка на добровольное возвращение «загранишных раскольников» не оправдана. В этом они были недалеки от истины: мирской зажиточный элемент, наиболее влиятельный среди «загранишных», по своему роду занятий, по образу жизни и впрямь не отличался особенной расположенностью к

переезду на родину и принятию подданнических обязательств. К тому же мирян против этого настраивали и скитники. Что же касается готовности переселиться в Россию, неоднократно заявленной теми или иными представителями «загранишных», то это никого не должно смущать: подобные декларации подчинялись внутренним ритмам церкви «из мужичьяго сословия» и слабо зависели от проявлений «просвещённого» патернализма.

За поворотом к «дипломатии силы» стояли и многолетние дипломатические неудачи России в вопросе о русских беглецах в Польше. Но для верховной власти, лично для Екатерины II разрешение проблемы реэмиграции исключительно вооружённым путём было далеко не столь очевидным. В целом сама эта проблема оказывалась связанной со стратегическим выбором России в польских делах, а здесь в 1764–1780 гг. во весь рост вставали трудности «диссидентского вопроса».

«Диссидентский вопрос» в том виде, в каком он сформировался в Речи Посполитой к началу изучаемого времени — это в значительной мере вопрос о международных гарантиях прав не католической шляхты. Права польско-литовских протестантов были закреплены Оливским договором 1660 г., участниками которого были Речь Посполитая, Швеция и Пруссия, права православных греко-российского исповедания — договором 1686 г. о «Вечном мире» между Речью Посполитой и Россией. При Петре Великом система гарантий опиралась на возросший авторитет России на внешней арене и лидерство русской дипломатии в Речи Посполитой.

После смерти Петра покровительственная политика России в Польше пришла в упадок. Для польско-литовского православия это имело самые негативные последствия: лишённое защиты извне, под объединённым натиском католичества и униатства оно стало терять монастыри и храмы, хозяйство сохранившихся монастырей испытывало деградацию, наметился распад приходской и братской системы. В

«саксонскую эпоху» представительства лишились и протестанты, и к середине XVIII в. они также переживали далеко не лучшие времена.

Русско-прусское сближение, призванное стать основой «северной системы» — новой политики Н. И. Панина, предусматривало, что в отношении Польши Россия и Пруссия будут проводить согласованную линию, направленную на восстановление религиозных и политических прав некаатолической шляхты и бюргерства. При этом Россия лидерство оставляла за собой, Польшу же рассматривала как пассивного участника «северной системы», всецело подчинённого собственному влиянию. «Диссидентский вопрос» был для Н. И. Панина, в чём его полностью поддерживала Екатерина II, средством насаждения и удержания русского влияния в Польше: предполагалось, что сеймовая партия из «диссидентов»-некаатоликов надёжно обеспечит русские интересы в соседнем государстве, а Россия в ответ на восстановление некаатолического представительства окажет содействие реформам государственного строя польско-литовской «республики», к чему стремились Чарторьские.

Стоит подчеркнуть, что поддержка в Польше православия как такового во внешнеполитические планы России не входила. Н. И. Панин в переписке 1764–1767 гг. с Н. В. Репниным даже особо предупреждал того о невыгодности для России «излишнего распространения» православия в Польше, ибо это «непреренно вызвало бы значительное увеличение числа побегов в Польшу из соседних русских губерний». Конечно, Екатерине II как православной государыне важно было оказать поддержку православным. Вместе с тем основной идеей её польской политики была защита веротерпимости, покровительство не только православным, но и протестантам в Польше.

Это отвечало чаяниям и тех, и других, более того, польско-литовские лютеране в значительной мере, а кальвинисты всецело с конца 50-х гг. XVIII в. ориентировались на Россию. Противниками разрешения

«диссидентского вопроса» выступали различные политические силы старой, дораздельной Польши — магнатория, сеймовые чины, разношёрстная шляхта, духовенство, видевшие в сохранении исключительного положения католичества залог дееспособности польско-литовского государства. Принципиальным противником прав не католиков тогда выступило и папство. Что же касается «просвещённой» Европы, на чьих глазах разворачивалась борьба, то её симпатии были на стороне Екатерины II, в которой европейцы видели противницу католического «фанатизма» и нетерпимости вообще.

Первой ступенью к заключению союзного договора с Речью Посполитой и воплощению русских начинаний в «диссидентском деле» призвано было стать избрание нового короля, «сделанного» русскими руками. К началу 1764 г. ни у кого в России уже не оставалось сомнений, что королём должен быть С. Понятовский. С этого времени перед русскими дипломатами в Польше была поставлена задача добиться выбора С. Понятовского на грядущем коронационном сейме.

В первых числах января 1764 г. Г. К. Кейзерлинг и помогавший ему в Варшаве Н. В. Репнин получили рескрипт Екатерины II. «...Несомненно полагаем мы, — говорилось в нём, — что при будущем сейме примирения, ныне называемого коронационного, не оставите вы воспользоваться приобретённою в Польше поверхностью инфлюенции нашей и справедливою нового короля за все наши одолжения благодарностью...», дабы добиться «предметов желаний наших»: «дело диссидентов», «разграничение взаимных земель...; приём и удерживание наших беглых вопреки точной силе трактата вечного мира..., и напоследок, худое учреждение пограничных комиссий, от которого взаимные в соседстве жители остаются в большей части без правосудия, суть такие объекты, кои заслуживают все наши примечания и потому ревнительнейшее ваше попечение». «Диссидентский вопрос» занимал более всего места в

документе, «что, с другой стороны, касается до прочих трёх пунктов, равномерно полагаем мы сейм примирения, или коронационный, таким эпоком, которым непременно воспользоваться надобно; ибо по упущении сего дорого купленного случая едва ли другой может толь скоро изыскан и толь много к совершению желаний наших предуготовлен быть, как настоящий» [Сборник ИРИО, 57 1887: 7–9].

Присутствие русских вооружённых сил в Польше было единственной надёжной гарантией осуществления русских планов. В ноябре 1763 г., как мы помним, Екатерина II считала, что ввод войск неминуемо повлечёт за собой присоединение к России Польской Лифляндии. Но обстановка в Польше складывалась таким образом, что о приобретениях «от Польши» приходилось забыть: они могли лишь отодвинуть главную цель и ещё более возбудить недовольство польского общества, и без того донельзя раздражённого позицией России в «диссидентском вопросе».

По мнению Екатерины II, войска в Польше были нужны для обеспечения коренных задач польской политики России, на фоне которых вопрос о беглых «раскольниках» терялся. Поэтому императрица «почитала за необходимо нужное» отказаться от излишней военной активности, и лишь в крайних случаях наносить силами частей вторжения короткие и незаметные для поляков удары по приграничным «раскольническим гнездилищам». Дабы это начертание выполнялось как можно лучше, Коллегия Иностранных дел накануне ввода войск в Польшу направила в Сенат ведомость на 151 русского беглеца, полученную от гетмана. По сути это была настоящая агентурная справка, составленная в малороссийской Генеральной войсковой канцелярии «с показанием, в каких они сёлах и деревнях и в чьих владениях, кто имянно, и коликим числом где оные находятся, и какой они породы...». По мнению дипломатического ведомства, изложенные сведения могли пригодиться командованию в

Польше, дабы оно, «будучи в тамошних местах, о возвращении сюда беглецов здешних тем воспользоваться» могло, тихо и мирно, без шума выводя беглецов «в отечество своё».

Русские войска вошли в Польшу в марте 1764 г., дабы обеспечить проведение конвокационного сейма, намеченного на 26 апреля. Сейм прошёл по плану. Успех сопутствовал русским начинаниям в поддержку С. Понятовского и в дальнейшем. 7 (18) сентября элекционный сейм выбрал его королём. 25 ноября 1764 г. состоялся коронационный сейм, на котором молодой монарх занял польско-литовский трон под именем Станислава Августа.

Но не всё шло гладко. Коронационный сейм вопреки настояниям русской стороны полностью отверг требования о политическом и религиозном равноправии «диссидентов». Более того, из-за «диссидентского вопроса» пробежала трещина в отношениях между Россией и её союзниками — Чарторыскими, считавшими невозможным на данный момент выполнить русские условия. Ухудшилось и взаимопонимание «фамилии» и нового короля. Сам же Станислав Август, лавируя между Россией, Чарторыскими и «традиционалистами» — шляхетско-католической оппозицией, не имея реальной силы, думал лишь о сохранении короны, и Россия на него положиться не могла.

В условиях, когда русская политика в «диссидентском вопросе» оказалась лишённой опоры в самой Польше, России оставалось лишь наращивать внешнее давление, чем до 1768 г. и был занят Н. В. Репнин, остававшийся в Варшаве в одиночестве (Кейзерлинг умер 8 сентября 1764 г., сразу после выборов С. Понятовского). Одновременно приходилось делать вынужденные уступки во всём, что напрямую не было связано с «диссидентским делом». Коллегия Иностранных дел 30 октября 1764 г. рапортовала в Сенат, что все меры, «каковые по здравой политике с важнейшими империи интересами при настоящем положении внешних

статских дел с славою и ползою Е. И. В. согласовать было можно», приняты [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1484. Л. 1–4, 8; Стегний 2002: 114–115]. На практике это означало, что Россия отдавала Польше инициативу в вопросах о беглом населении и о спорных границах [Соловьёв, 26 1851–1879: 317–318]⁴⁷. Н. И. Панин надеялся, что можно будет наверстать упущенное потом, когда обстановка в Польше улучшится и положение короля — ставленника России станет более прочным.

Ретирада русской стороны обозначилась прежде всего на Юге, то есть там, где реэмиграция староверов развивалась наиболее успешно. Причём этот поворот произошёл настолько быстро, что смутил даже такого опытного и оборотистого администратора, каким был тогдашний новороссийский губернатор А. П. Мельгунов — сторонник начинаний И. Ф. Глебова в отношении «раскола».

А. П. Мельгунов, как и И. Ф. Глебов, боролся против попыток магната Потоцкого и польских властей урегулировать отношения с Крымом за счёт русских староверов в Подолии. В феврале 1765 г. губернатор получил сведения, что в Подолии поляки укрывают и «выпроважают» русских беглых в «турецкую область». Особые подозрения ложились на управляющего имением Шпиковка, принадлежавшим литовскому стольнику Л. М. Свейковскому. В имение был направлен отряд под командованием поручика Чёрного гусарского полка П. Иванова. Офицер, прибыв на место, наряду со своим прямым поручением занялся ещё и разбором жалоб крестьян: мужики били челом, что управляющий отнимает у них скот, и поручик «собою» распорядился «удовольствовать» потерпевших [РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 118. Л. 25–26].

Сам А. П. Мельгунов уже привык к тому, что все пограничные конфликты рассматриваются непременно под обвинительным углом по

⁴⁷ Здесь у историка приведены факты о бегстве русских в Польшу и положении на западных рубежах к концу 1764 г.

отношению к Польше, а успехи по переселению русских беглых из Польши всегда вызывают одобрение наверху. Такой же реакции он, в частности, ожидал и тогда, в марте 1765 г., когда информировал Коллегию Иностранных дел о задержании польским губернатором Хащенским двух русских офицеров-вербовщиков, об арестах русских подданных, обвинённых польскими властями в уголовных преступлениях, и об успехах реэмиграции. Последний сюжет новороссийский начальник развивал особо. Месяцем ранее, сообщал он, из девяти владельческих слобод на польской стороне в Новороссию перешло 1369 человек, в том числе 290 староверов, «да сверх того сего генваря 28 числа прибывшие с Полши посланные от живущих тамо в одынатцати слободах расколников нарочные три человека объявили желающия к выходу сюда на поселение сто семдесят шесть семей, кои к выходу сюда уже и подписались с прошением о посылке с ними для сопровождения, кои вся с тем уверением, что когда те семьи к выходу сюда поднимутся, то и из других мест таких же расколников многое число в выходе будет» [РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 118. Л. 7, 13а–4].

Но на этот раз дела приняли совсем другой оборот. 22 февраля (5 марта н. ст.) шляхтич Л. М. Свейковский обратился к командиру войск в Польше генерал-поручику Х. Ф. Штофельну с жалобой на действия поручика П. Иванова. В изложении обиженного стольника дело выглядело иначе, нежели в рапортах упомянутого штаб-офицера: «В маетностях моих в воеводстве Брацлавском в деревне Шпикове, между местечками Немиров, Красным и Тукчинами лежащих, имел я двадцать и несколько филиповцов, недавно преднесколко лет поселившихся; ведая о Высочайшем соизволении Е. И. В. Всероссийской императрицы о взятьи из Полши филиповцов, приказал я моему управителю шпиковскому, дабы при первом востребовании оных филиповцов совсем отдал, почему сколь скоро оный мой управитель уведомил о приближающейся каманде, тотчас

караул приставил к тем филиповцам, дабы из оных ни один не ушел и не схоронился, когда ж Господин капитан Константин Иванович (как мы знаем, это был поручик Потап Иванов. — А. Р.) с командою новосербскою (стольник пишет об отряде из Новороссийской губернии, по старинке именуя её Новой Сербией. — А. Р.) прибыл до Шпикова, застал всех филиповцов под караулом и оных тотчас с жёнами, детьми и разными пожитками забрал, потом без всякой справедливости и причины приказал взять насилным образом из других двух деревень моих, Рогозны и Улыжки 24 лошади и 7 человек подданных моих, домогаясь за оставшиеся дома и посеянную пашню филиповцов заплаты, и когда через полтары недели всё вышеписанное у себя содержал, под местечком Браславен будучи, принуждён был мой управитель откупит[ь]ся и дал упоминаемому господину капитану 20 червоных и собственную свою верховую лошадь...» [РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 118. Л. 34–35].

Через начальника Х. Ф. Штофельна З. Г. Чернышёва дело дошло до Н. И. Панина, и тот, дабы «сделать удовольствие» польской стороне, взял под подозрение новороссийского губернатора. Письмо Н. И. Панина А. П. Мельгунову от 27 апреля 1765 г. было довольно резким: «Милостивый государь мой Алексей Петрович! В такое время, когда от двора Е. И. В. по важным государственным резонам [приказано] возможное везде употреблять старание не только не подавать полякам причин к роптанию и жалобам, но ещё всеми мерами и приласкивать их к здешней стороне, не мог я иначе, как с особливым удивлением и сожалением услышать, что из Новороссийской губернии команды Вашего Превосходительства многие офицеры осмеливаются, ездя в полские границы во многолюдстве, забирать там силою людей, а с людьми ещё скот и всякие другие пожитки, делая при том жителям взятками своими и другими прицепками крайние обиды.

Чем меньше такая дерзновенные оных офицеров поступки согласует высочайшим Е. И. В. намерениям и наблюдению доброго с союзным и дружеским государством соседства, тем больше по долгу звания моего почитаю я себя обязанным требовать у Вашего Превосходительства, яко главнаго Новороссийской губернии командира, точных из[тъ]яснений, по каким позволениям помянутые офицеры, и кто именно из них, также и с какими при себе людьми, ездил в Польшу, когда, где и каких забирали они людей, и с какими при том пожитками, а напоследок, кем и куда распределены они есть...» [РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 118. Л. 22–22об.].

Тон и смысл письма Н. И. Панина были в точности такими же, как в дежурных польских дипломатических нотах, и то, что глава русской внешней политики вдруг словно перешёл на позицию польской стороны, стало для А. П. Мельгунова полной неожиданностью. В ответном письме, направленном на следующий день, А. П. Мельгунов изложил аргументы, которыми русские власти уже привыкли парировать польские нападки: для обвинений офицеров во взятках и «прицепках» нет никаких оснований, если они и совершали поездки в Польшу, то только «для доставления в службу вольных людей, а не польских подданных», и эти люди в Россию «с пашпортами отпускались» [РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 118. Л. 29–29об.]. Искреннее удивление, сквозившее в письме А. П. Мельгунова, показывало: на тот момент он не уловил, что уже подули новые ветры, и не понимал, чего же от него хотят.

Но Н. И. Панин, по-прежнему ничего не объясняя А. П. Мельгунову, настаивал на формальном расследовании жалобы Свейсковского. 7 мая Н. И. Панин направил новороссийскому губернатору второе письмо по этому поводу, приложив к нему копию обращения Свейсковского Штофельну и экстракт письма Штофельна вице-президенту Военной коллегии З. Г. Чернышёву по этому делу [РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 118. Л. 23–26]. А уже 13 мая 1765 г. последовал очень жёсткий указ Екатерины II,

который, казалось, поставил крест на привычной логике отношений пограничных властей с Польшей.

Указ поддерживал последние претензии поляков к властям Новороссийской губернии, и это само по себе было ново. Не меньшей новостью была и та подозрительность, с которой верховная власть подходила к переселенческим инициативам из-за границы, ранее всегда встречавшимся ею с энтузиазмом.

«Вследствие представления вашего от 10-го числа марта в нашу коллегия Иностранных дел, — говорилось в указе, — о задержании в Польше гусарского прапорщика Кацарёва с одним гусаром, кои для вербования людей туда посланы были, о убийстве там гусара Василья Дуки, о захвачении поселянина Стояна Цонки, о недозволении выхода в Новороссийскую губернию желающим там селиться, и, наконец, о посылке конвоя для препровождения раскольников, кои хотят переходить в крепость святой Елизаветы, Мы справедливо уважая: 1-е, что нигде в чужей земле не позволяется вербовать людей, как то по-видимому (явно. — А. Р.) чинил прапорщик Кацарёв, 2-е, что дело о убийстве приличившегося в краже гусара Дука, также и захвачении товарища его Стояна Цонки натурально следует в пограничной суд отослано быть..., 3-е, что как с одной стороны, непристойно формальным образом требовать, чтоб поляки давали между большей части российских и собственным своим людям позволение переселяться в Новороссийскую губернию, так и с другой, 4-е, что невозможно со всею доверенностью на том утвердятся, что малое число депутатов [от раскольников] пред[ъ]являет о желании множества других, ибо часто уже в подобных случаях открываемы были единственно корыстливые виды и обманы донощиков, не находим, как по настоящему положению дел, так и по самой справедливости, дать Вам другаго наставления, как толко: 1-е, чтоб пристойным образом требовали вы, где надлежит, выдачи прапорщика Кацарёва и бывшего с ним гусара,

не оправдая вербование их, яко всеми на свете правами в чужой земле непозволенное дело, но паче ещё и обещая сатисфакцию и поправление, согласно чему и здесь полскому министру графу Ржевускому от министерства нашего представление учинено будет; 2-е, дело поселенца Стояна Цонки и о смертном убийстве гусара Дуки оставить с тем, чтоб оно, как и справедливо, отослано было в пограничную комиссию, с которой вам о том и снестись надлежит; 3-е, нет никаких благопристойных средств к воспрепятствованию, чтоб поляки не чинили помешательства в выходе своих людей, кои пожелают итти на поселение в Новороссийскую губернию, а что до прохода чужестранцев касается, не упователно, что они их удерживать могли, 4-е, приобретение ста семидесяти шести семей расколников не заменит шум и помешательство в вернейших и постоянных переговорах, если б для выхода их нарочные команды за границу посылать, а сверх того, буде оные прямо переселятся хотят, то и сами в такой близости легко могут найти способы и без военных команд переходить границу» [РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 118. Л. 18–19].

Более всего здесь привлекает внимание последняя, четвёртая рекомендация Екатерины II А. П. Мельгунову. Она является прямым свидетельством того, что Россия в видах разрешения главного вопроса русско-польских отношений — «диссидентского» заняла оборонительную позицию во всех прочих двусторонних делах. На состоянии реэмиграции «раскольников» на южном направлении это сказалось отрицательно. Если за февраль–апрель 1765 г. в Елизаветградской провинции было отмечено 2 919 мужчин и 2 353 женщины из новопришлых, то к концу года их количество сошло на нет. Данные за 1766–1767 гг. отсутствуют, по цифрам же 1768–1769 гг. видно, что приток людей ослабел, а затем из-за войны с Турцией и вовсе прервался [Кабузан 1978: 101, 105].

Н. И. Панин инструктировал посла Н. В. Репнина, что в вопросе о беглецах следует в точности соблюдать букву «Вечного мира» и держаться

уступчиво: «В запас же вам, мой друг, скажу, — наставлял дядя племянника в письме от 29 марта 1765 г., — что они (беглецы. — А. Р.) братья, конечно, толко по дороге и со всяким порядком и тихостию. При забрании роднёю к дедам и прадедам, беглым отсюда, не причитались, а взяли большей частью тех, которые сами о том просили и сами из России бежали, остальные же, рождённые от отцов побегших, и также сами явившиеся», и это всегда настойчиво, но в возможно более мягкой форме нужно внушать полякам. О том же говорилось и в письме Н. И. Панина от 8 июня 1765 г.: послу следует уверять поляков, что русские войска в Польше забирают только своих, «природных россиян», но не «природных поляков», и что последних вовсе нет в именных списках людей, выведенных из Польши в Россию.

В сущности, это означало, что до момента окончательного умиротворения Польши, до крайности возбуждённой «диссидентским вопросом», дело о беглецах и «загранишних раскольниках» не будет для России приоритетным. В итоге русская дипломатия во всём, что впрямую не касалось «диссидентов», оказалась погружённой в знакомую по прошлым годам рутину, и Екатерине II скрепя сердце приходилось заниматься всеми этими бесконечными и бесплодными протестами против нарушений границы, нападений на подданных, плохой работы пограничных комиссий [Сборник ИРИО, 57 1887: № 1174, 1194, 1205]. В бумагах Сената отложился целый ряд таких бумаг за первые годы правления Станислава Августа [РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 118. Л. 6–6об.].

Материалы Сената показывают, что русским властям пришлось столкнуться и с новой проблемой: поляки стали задерживать не только беглых, осевших в Польше, но и малороссийских слобожан, часто бывавших в Польше по торговым и подрядным делам, живших и ведших своё хозяйство на два дома и на две страны. В частности, в обширном рапорте Киевской губернской канцелярии в Сенат от 19 июня 1768 г.

говорилося, что к 1768 г. в Польше постоянно находилось 539 слобожан, мужчин и женщин. Когда русские власти стали принуждать этих людей меньше бывать в Польше, польские владельцы, в чьих «маетностях» они жили, не позволили им свезти в Россию свои дворы и сжать хлеб без посева на следующий год. Волостная контора, продолжала Киевская канцелярия, вошла в положение невольных «невозвращенцев» и к выходу их «не нудит, дабы тем в разорение не привести», тем более, что казённые оклады они платят исправно. Однако всем российским подданным, завязшим в Польше или понесшим убытки из-за возвращения, нужно обязательно помочь вернуть потерянное. Канцелярия настаивала, чтобы дипломаты требовали от поляков отдачи присвоенных ими строений и посеянного хлеба слобожан. Впредь же местные власти предлагали строго-настрого запретить слобожанам заводить дворы в Польше, за границу же их отпускать за надёжными поручками и максимум на год, выдавая паспорта на более длительные сроки только тем, кто ведёт дальнюю и крупную торговлю и надолго ездит в Варшаву, Огданьск (Данциг, Гданьск), Лемберг (Львов), Королёвец (Кёнигсберг).

4 и 7 декабря 1769 г. из Киева запрашивали, посылать ли за теми, кто по-прежнему живёт «промежду Полши и России», воинскую команду? Ответа не последовало: за Дунаем русская армия воевала с Турцией, в Польше — с силами «антидиссидентской» Барской конфедерации, и Санкт-Петербургу, по-видимому, было не до слободских «раскольников». Новый запрос из Киева в Сенат последовал 18 сентября 1772 г., но с тем же результатом [РГАДА. Ф. 248. Оп. 112. Д. 42. Л. 1–7об.].

Хуже всего было то, что и после первого раздела Польши и победы России в турецкой войне 1768–1774 гг., начавшейся всё из-за той же Польши, России не удавалось переломить ситуацию в польских делах.

«Диссидентский вопрос» оставался основой русской политики в урезанной польско-литовской «республике». Но русско-польский договор

1768 г. не сделал жизнь православных и иных «диссидентов» в Речи Посполитой более спокойной и не обеспечил прочности русских позиций в ней. Поэтому ради поддержания хрупкого равновесия приходилось по-прежнему задабривать антирусские и «антидиссидентские» силы в Польше, и идти на сделки с ними, как это было и в 40–60-е гг. XVIII в.

Не изменилась коренным образом и картина бегства русского простонародья на запад. Во время войны против Турции лишь около сотни русских крестьян из польского села Перерова в Подолии изъявили желание вернуться в Россию и были переведены к крепости св. Елизаветы. «Присоединённая от Польши» Белоруссия оставалась привлекательной для беглецов из внутренних частей Российской империи, что фактически признавалось в указе Сената от 16 июня 1782 г. [ПСЗРИ, 21 1830: № 15435] «Чёрный люд» по-прежнему бежал и за отодвинувшуюся польскую границу. Документы Вольского магистрата показывают, что «загранишные», осевшие в Малыковской волости в 70–80-е гг. XVIII в. и приписанные в мещане Вольска в начале 90-х гг., покидали Россию именно в период после первого раздела Польши [ГАСО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–2об.; ГАСО. Д. 15. Л. 1, 6–7; ГАСО. Д. 19. Л. 1–2об., 7, 10об.; ГАСО. Д. 72. Л. 1об., 10–12; ГАСО. Д. 76. Л. 1, 2, 7; ГАСО. Д. 579. Л. 1]. На основании этих же документов легко сделать вывод, что крестьяне, вернувшиеся в Россию из польских бегов и легализовавшиеся на законном основании — хорошо известные нам «поляки», по-прежнему составляли важный резерв хозяйственной колонизации юго-восточной заволжской окраины страны. Упоминание о крестьянах-«поляках» как постоянной группе жителей Вольского уезда встречается и в описании Саратовского наместничества [Описание Саратовского наместничества ... 1790: 41].

Как и раньше, не сидели сложа руки и польские «державцы», укрывавшие беглых русских. 5 сентября 1777 г. король Станислав Август по настоянию нового русского посла О. М. Штакельберга выпустил

универсал с осуждением тех владельцев, которые распространяют на русской стороне «пригласительные листы» и сманивают людей из России в свои «маетности» [Каманин 1882: 58]. Сам же посол с первого дня приезда в Варшаву буквально увяз в мемориалах и нотах о пограничных делах и беглецах, и очень скоро, подобно своим предшественникам 50–60-х гг., сбился на заученные повторы, что «польское своеволие» толкает Россию разрешить вопросы «собственными своими пособиями». Российская верховная власть пыталась воздействовать на россиян в Польше пригласительными Манифестами, назначенными там к распространению [АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 1142. Л. 2; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 1195. Л. 3–4об.] (Екатерина II выпускала их 5 мая 1779 г. [ПСЗРИ, 20 1830: № 1489], 27 апреля 1780 г. [ПСЗРИ, 21 1830: № 15006]⁴⁸ и 7 августа 1782 г. [ПСЗРИ, 21 1830: № 15488]⁴⁹), но также без особого успеха.

Как всегда в таких случаях, свои претензии были и у поляков. И. Омутьский, главноуправляющий белорусскими имениями литовского канцлера И. Хрептовича, писал своему хозяину: «Россия часто вводит в нашу страну отряды для насильственной вербовки людей, или для содействия при перевозке крестьян, закупленных русскими факторами; Россия, вследствие трудности добиться справедливости, покровительствует разным преступлениям, совершаемым военными и другими людьми, врывающимися из-за границы в наши пограничные местности; под предлогом преследования беглецов Россия посылает лёгкие отряды в нашу страну или позволяет им производить вторжения и причинять разные обиды даже на протяжении нескольких миль от

⁴⁸ О продолжении срока для явки в Россию всем отлучившимся за границу воинским нижним чинам, крестьянам и прочим ещё на один год. Беглым крестьянам, осевшим в Польше в отдалённых местах, срок выхода на родину здесь специально продлевался до двух лет [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 79/6. Д. 1142. Л. 2].

⁴⁹ Разрешение на возвращение в Россию всем «самовольно отлучившимся» содержалось в пятом пункте Манифеста.

границы; наконец, Россия под предлогом найма наших людей на работы... уводит их за границу и затем насильно отправляет их...» вглубь своей территории [Рябинин 1912: 13, 14, 16, 18].

В конце 70 – начале 80-х гг. XVIII в. вопрос о беглых рассматривался русской стороной в основном сквозь призму «диссидентского дела». Так, рескриптом Екатерины II от 4 августа 1777 г. Штакельбергу было предписано представить особый протест против «перезывания» людей шляхтичем Оскеркой [Сборник ИРИО, 145 1914: № 3156]. Но Оскерка попал под огонь потому, что был ярим гонителем «греков-неунитов», и могоилёвский епископ Георгий (Конисский) числил его в своих донесениях в Синод на очень дурном счету.

Факты подобного рода говорили лишь об одном: в деле о реэмиграции «раскольников» наметился очевидный застой, само же оно стало заложником «диссидентского вопроса» и, шире, российских осложнений вокруг Польши и католицизма. Изменения, впрочем, были не за горами, причиной их послужил всё тот же «диссидентский вопрос», а кризисы, развившиеся на этой почве в 80-е гг. XVIII в. — Немировское движение и «Волынская тревога» — в конечном итоге оказали большое влияние на судьбы «загранишного раскола».

Немировское движение инициировал уроженец Молдавии митрополит Евсевий. Сведения о нём отложились в донесении Синода в Сенат от 27 мая 1781 г. В документе говорилось, что о «волохском архиерее» Евсевии в России узнали три года тому назад, в 1778 г., когда он впервые появился «в означенном польском местечке Могоилёве» и попросил П. А. Румянцева оказать ему протекцию в поисках «места и приличного содержания». Свою просьбу митрополит мотивировал тем, что он, будучи «митрополитом пресренским» (Призренским) и родным братом валашского господаря Деки, казнённого турками за намерение отложиться,

был изгнан ими со своей кафедры и остался без средств к существованию [РГАДА. Ф. 248. Оп. 51. Д. 4238. Л. 325об.].

Обращение к полководцу не было случайным: П. А. Румянцев со времён русско-турецкой войны 1768–1774 гг. был известен в православном мире, а особенно в дунайских княжествах, как покровитель «греческой религии» и православной иерархии. Фельдмаршал не отказал, и место в одном из монастырей Киевской епархии митрополиту приискали. Однако в России пришелец приживался очень плохо: на протяжении года он кочевал из одного монастыря в другой и везде оказывался «не в своей тарелке». Скучная «казённая порция», строгая монастырская дисциплина — всё это слишком отличалось от сытной и относительно привольной жизни на родине, да и весь российский уклад митрополиту был непривычен. К тому же Синод не позволил ему служить как архиерею: подобное разрешение давалось только иерархам, остававшимся в России насовсем, а в планы заскучавшего Евсевия это, по-видимому, и с самого начала не входило.

1 декабря 1779 г. из Киева сообщили, что Евсевий направился на пограничный Печерский форштадт и «оттуда неведомо куда уехал». Уехал он, впрочем, недалеко, в Польшу, и, проведя там год, попросился обратно. Но Синод связываться с привередливым и своевольным чужаком более не хотел и во вторичном въезде в страну ему отказал. В цидуле из канцелярии Коллегии Иностранных дел от 23 сентября 1780 г. Штакельбергу поручалось указ Синода «с прописанием тех обстоятельств, по которым по прошению находящегося ныне в Польше греческого митрополита Евсевия о дозволении ему приехать в Россию Св. Синод к рассмотрению приступить не может», объявить митрополиту лично, «если можете узнать, где он находится..., и о том во своё время Коллегию уведомить» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 299. Л. 237–238; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 1142. Л. 3].

Евсевий в это время пребывал в Подолии, в г. Немиров. Здесь он нашёл общий язык с немировским владельцем В. Потоцким. Один из крупнейших польских магнатов, деспот и самодур, Потоцкий враждовал и с королём, и с Чарторыскими, и с местным униатско-католическим духовенством, и поддержал Евсевию в пику всем. У хозяина громадных имений при этом был и свой расчёт: он полагал, и небезосновательно, что приезд «греческого неунитского» (православного) митрополита привлечёт на его земли православных работников из Польши, России, Молдавии, Валахии, Венгрии [Коялович 1873: 172–179]. Евсевий же, как показывают его дальнейшие действия, опираясь на поддержку Потоцкого, надеялся явочным порядком утвердиться в Польше как глава и патрон православных. На его стороне были чаяния православных, уставших от религиозных притеснений.

В описываемое время православие в Речи Посполитой было частью греко-русской церкви и состояло в подчинении Святейшему Синоду. Поэтому Евсевий, претендовавший на водительство польско-литовским православием, затронул канонические прерогативы сразу двух российских епископов: могилёвского, ведавшего архимандрией в г. Слуцк, и переяславского, заграничную, польскую половину епархии которого как раз и составляли Немиров и другие города Подолии с округами. От переяславского епископа Иллариона в Синод и поступили первые сведения о самочинных действиях бродячего волошанина.

К донесению владыки Иллариона в Синод от 14 декабря 1780 г. прилагались рапорты заграничных протоиереев, в частности, грановского протопopa И. Стрoцкого. Протопop докладывал, что Евсевий правил архиерейскую службу и рукополагал священников в Немирове, Ерастове и других протопопиях, и разослал всем протопопам приказ явиться к нему лично и доложить обо всех обидах православного общества на католиков и униат. Фигурировала в бумагах и копия ордера Евсевию самому

Строцкому. Протоиерей также доносил: на приёме Евсевий уверял, что пользуется поддержкой короля Станислава Августа и вскоре получит от него привилегию о свободах православия. В подтверждение своих полномочий митрополит предъявил гостю «титлу печатного письма... “Augustus Rex Poloniae”»⁵⁰, оставив того в недоумении, что же собственно написано в письме. Действия Евсевия приобретали, таким образом, явно авантюристический характер.

Какова, однако, была подоплёка авантюры этого митрополита без митрополии? И здесь надо подчеркнуть, что разъезды Евсевия и ему подобных иерархов представляли собою целое явление, корни которого уходили в далёкое прошлое. Крушение Византийской империи в XV в. привело к руководству Константинопольским патриархатом греков-фанариотов, сторонников сотрудничества Церкви с османами. Османы видели в фанариотах проводников своего господства и одобряли их тягу к высоким, почётным и доходным должностям в церковном управлении, особенно на христианском Востоке, на Балканах, в Подунавье. Как следствие, в жизнь греко-восточного православия вошло соперничество из-за степеней, сказавшееся самым деструктивным образом на внутреннем состоянии православной иерархии — и греческой, и негреческой, обернувшееся расцветом интриг и коррупции. В такой обстановке обычным делом стало появление духовных лиц — профессиональных авантюристов, охотников за тёплыми местечками и пожертвованиями, спекулянтов подлинными и фальшивыми христианскими реликвиями. Их ряды пополнялись и прямыми самозванцами. Много было и иерархов, изгнанных по разным причинам со своих кафедр и монастырей и вынужденных искать счастья и у престолов монархов — турецких султанов, дунайских господарей, грузинских царей, русских и австрийских императоров, и у порогов богатых домов Европы, Ближнего Востока,

⁵⁰ Augustus Rex Poloniae (лат.) — Август, король польский.

Закавказья. По всей видимости, именно эта среда и вывела Евсевия на поверхность.

Появление Евсевия в Подолии насторожило местных униат. Сам Евсевий вёл себя с ними то уклончиво, обещая вскоре покинуть город, то заносчиво, грозя карами от короля (польского) и Синода (русского). Глава подольских униат официал Любиньский хотел воздействовать на В. Потоцкого, но не преуспел: тот с униатским духовенством не считался, Любиньскому во встрече отказал, о выдворении же Евсевия и слушать не захотел. Своими силами изгнать Евсевия у униат не получилось: такие попытки каждый раз оборачивались многолюдными и длительными волнениями в Немирове, округе и других городах.

Неспокойная ситуация сохранялась до лета следующего, 1781 г. Немировский протоиерей В. Саржинский подробно докладывал русским властям, что незванный защитник православия до крайности накалил обстановку: униаты весьма озлобились на православных, из-за чего и сам Саржинский, «убоясь», как бы не угодить в подвалы униатской консистории, оставил протопопию и бежал в Переяславль — в Россию, к своему епископу и под русскую защиту.

Униаты перенесли дело в Варшаву. Туда же отправился и Евсевий, возлагавший надежды на возможную аудиенцию у Станислава Августа. В борьбе против митрополита униаты смогли использовать и О. М. Штакельберга: во всяком случае посол, донося в Санкт-Петербург о прегрешениях Евсевия, излагал в приложении к собственной реляции от 14 марта 1781 г., озаглавленном «Краткое повествование о обманах и насильствах так называемого Евсевия в воеводствах Подольском и Брацлавском», униатский взгляд на события в Немирове [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 299. Л. 266–276; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 1145. Л. 12–17].

Евсевий представлялся в документе поистине исчадием ада, но униатам не пришлось прилагать много сил, чтобы настроить против

преосвященного русскую сторону: в России он и без того уже давно вызывал раздражение. В упомянутом выше донесении Синода в Сенат 1781 г. деятельность Евсевия оценивалась крайне негативно: «собрав в польское местечко Немиров оставшее от разогнанного униатами православия священство, принадлежащее по духовным делам к Переяславской епархии, и объявля им, якобы он, митрополит, от короля польского имеет у себя подкрепление о бытии ему тамо и защищении от униатов, вступил в противность правил святых отец в правление чужой... епархии, и в оной служил в некоторых церквах, и ставленников во священники и диаконы рукоположил..., подал повод к немалому возмущению и умножению от сих последних (униат. — А. Р.) на православное духовенство насильственные гонения, великих налогов и разорения с превращением и православных церквей на унию» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 51. Д. 4238. Л. 326–327]. 4 февраля 1781 г. Синод направил в Коллегию Иностранных дел указ о необходимости положить конец аванюре митрополита-бродяги. 4 марта 1781 г. дипломатическое ведомство получило рескрипт и от Екатерины II с заданием Штакельбергу «домогаться» от польского двора «выслать одного Евсевия в чужие края». 15 мая своё требование в резкой форме повторил Синод.

Через две недели в синодских указах зазвучала ещё одна тревожная нота. 27 мая 1781 г. Синод информировал Иностранную коллегию, что Евсевий принял ходоков от «раскольников» из Польши и из России, и даже обещал посвятить им епископа [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 299. Л. 265а–265б, 277, 281–284; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 1142. Л. 4]. В тот же день из Синода была отправлена промемория и в Сенат: «...волохский архиерей, кой де называет себя родным братом волохского господаря, убитого турками, проживая ныне в полском местечке Могилёве..., несколько человек произвёл в священство российских Стародубских слобод. О таком его действии просили его о поставлении им епископа, и будучи де

он разным образом от раскольников уласкан, обещал прозбу их исполнить, а по таковому обещанию и обнадёживанию раскольники будучи обрадованы, прошедшаго февраля в средних числах повезли к нему для посвящения во епископа иеромонаха Иосифа из Дяконовского раскольнического скита; чему де очевидные суть свидетели; но поелику оный архиерей в первых числах марта из Могилёва отъехал в Варшаву к польскому королю с жалобою на духовную униатскую власть, то раскольники... ожидают с кандидатом своим... его прибытия...». Синод просил известить власти Малороссии, Новороссийской и Азовской губерний, что «раскольнические попы» — «поставленцы» Евсевия могут появиться в этих губерниях, и на это нужно обратить особое внимание [РГАДА. Ф. 248. Оп. 51. Д.4238. Л. 325–325об., 327–328].

Старая угроза возникновения зарубежной старообрядческой церкви была особенно неприятна Г. А. Потёмкину: не для того он вынашивал замысел о привлечении «загранишных раскольников» на Юг России, чтобы теперь «не в дальности» от русских границ возник параллельный центр их притяжения, да ещё с собственной церковью и иерархией. Ещё хуже для государства было то, что в Польше под видом защитника православия, то есть в той роли, которая традиционно принадлежала в польских делах России, вдруг выступил авантюрист, угрожавший собрать «под одной рукой» и «раскольников», и людей «греческого закона», и при этом, как о нём доносили, ещё и симпатизировавший «расколу».

7 июля 1781 г. Сенат решил, что необходимо официально уведомить о сообщении Синода президента Малороссийской коллегии П. А. Румянцева и Г. А. Потёмкина, занимавшего тогда пост новороссийского и азовского генерал-губернатора: если тревога окажется не ложной, то первоочередные меры против возможного появления в России «раскольнических попов» из Немирова придётся принимать именно им. Перед Коллегией Иностранных дел Сенат вновь поставил

задачу добиваться выдворения Евсевия из Польши любой ценой. И здесь интересы Санкт-Петербурга совпали с интересами не только Варшавы, но и Рима, куда также дошли известия о посеявшем смуту иерархе «греческого закона». В результате Станислав Август как государь, обязанный поддерживать спокойствие, и как «добрый католик» направил предписание о немедленной высылке Евсевия за границу. Потоцкий лично глубоко презирал короля, но не выполнить предписания, не ставя себя вне закона, не мог. Тем же летом странный митрополит действительно покинул Польшу, и во всех трёх столицах вздохнули спокойнее [РГАДА. Ф. 248. Оп. 51. Д.4238. Л. 330–333об.].

Неудача с устройством епископии подтолкнула известную часть старообрядческой эмиграции к возвращению. Стимулировало его и разграничение между Новороссией и Польской Украиной в 1783 г.: «раскольники», оказавшиеся близ новой официальной границы, также предпочли вернуться на родину. Вместе с тем много беглых русских после демаркации границы ушло в другую сторону, вглубь Польши [РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 118. Л. 98].

И. Омутьский писал об этом 2 июня 1784 г. И. Хрептовичу: «Говоря правду, ни в Полоцком, ни в Оршанском, ни в Решицком, ни в Мозырском, ни даже в Минском повете нет помещика, который не держал бы у себя пришлых из-за кордона крестьян». Из-за рекрутских наборов 1780-х гг. не прекращалось и бегство в Польшу из России: по наблюдениям И. Омутьского, русские рекруты и солдаты тогда много пополнили польскую армию, в которой, как считалось, служить было легче, чем в русской [Рябинин 1912: 13, 14, 16, 18–20].

Спустя несколько лет старообрядческая эмиграция в Польше стала катализатором нового кризиса в русско-польских отношениях, предрешившего в ряду других причин второй раздел польско-литовского государства. Инициаторами кризиса выступили польские круги,

поддерживавшие идею войны в союзе с Пруссией против России за отторжение от неё украино-белорусских и даже смоленских земель. Свои враждебные намерения они камуфлировали рассуждениями о якобы неизбежной агрессии России против Речи Посполитой.

Впервые о пресловутой русской агрессии в Польше широко заговорили в эпоху Великого сейма, и более всего при открытой поддержке прусской дипломатии. Пруссия хотела столкнуть Польшу с Россией не без причины. Подзуживая поляков к походу на восток, она стремилась ослабить их и поживиться за их же счёт: города Гданьск и Торунь были для прусского короля лакомым куском.

Для России же, вступившей в 1787–1788 гг. в войну сначала с Турцией, а затем и со Швецией, в это время было важно обеспечить добрососедство или хотя бы лояльность Польши. В 1788 г. Г. А. Потёмкин предложил проект русско-польского союза. Но усилиями прусской дипломатии и старошляхетской пропрусской «патриотической партии» он был провален. И хотя весной 1789 г. Г. А. Потёмкин ещё сохранял надежду на альянс с Польшей, всё большей реальностью становился прусско-польский блок против воюющей на севере и на юге России. Особенно мощной атаке идея союза России и Польши подверглась на открытии Великого сейма 25 сентября 1788 г.: против неё ополчились все оппозиционные королю силы, подстрекаемые Пруссией.

Станислав Август не был искренним приверженцем союзных отношений с Россией, однако открыто отказаться от них не мог: других гарантий власти у него просто не было. Но страх за свой трон возникал у него и под сильным давлением «патриотической партии» [Елисеева 2000: 226–237]. В итоге неуклюжие попытки короля найти среднюю линию ещё более накаляли обстановку и умело использовались оппозиционерами. Так, 6 октября 1788 г. Станислав Август произнёс на Сейме речь о внешней политике. Выступая против голосов, раздававшихся всё громче и

громче в пользу войны против России в союзе с Пруссией, он заявил, что Польше при всём желании не хватит сил для такой войны, «при этом мы не должны забывать, что в случае коллизии мы, весьма правдоподобно, можем встретить самых жестоких врагов в собственных подданных». Станислав Август напоминал о Колиивщине — движении гайдамаков 1768 г., оставившем страшную память в польском обществе, но это было немедленно использовано против короля: его враги представили дело таким образом, что Россия «возмущает» православных, а король не только знает об этом, но и не считает нужным что-либо этому противопоставить.

В центре слухов, рождавшихся на Сейме и водопадом обрушивавшихся на польскую столицу и общество, оказалось имя Г. А. Потёмкина. Ему отводили роль главного организатора возможного бунта «греков-неунитов», оружейной базой и очагом которого, как считалось, будет огромное польское имение светлейшего князя — местечко Смела.

Вниманием пристрастных наблюдателей не было обойдено и то, что старообрядцы во множестве населяли Кричев и округу — бывшее польское староство, пожалованное Екатериной II Г. А. Потёмкину в вечное и потомственное владение, и то, что светлейший князь вообще покровительствовал «раскольникам». Представлялось, что в благодарность за покровительство «филиппоны» выступят агентами для доставки православному простонародью — «греческим хлопам» оружия, денег, инструкций.

Понятно, почему на староверов возводились такие подозрения. В юго-восточных районах тогдашней Польши основным родом их занятий был торговый промысел, и прозвище «маркетаны» (торговцы) за ними закрепилось неслучайно. Мелочная, розничная торговля «раскольников» с широким ассортиментом (текстиль, скобяные товары, фрукты, мыло, свечи) густо покрывала здешние воеводства Речи Посполитой, сами же

«филиппоны»-«маркетаны» по торговой части оказывались достойными конкурентами и нежинских греков, и львовских армян. Крупные торговцы-старообрядцы Ветки и малороссийских «описных слобод» в XVIII в. были частыми гостями на крупнейших ярмарках Восточной Европы. В понимании преубеждённых поляков «маркетаны» представляли собой просто идеальную агентурную сеть: они могли проникать всюду, не вызывая подозрений, и Потёмкину, как казалось, грех было этим не воспользоваться.

Клевету усердно разносил прусский посол в Польше Д. Луккезини. Не отставал от него и коронный гетман Ф. К. Браницкий. Браницкий был женат на племяннице Г. А. Потёмкина, числился по протекции светлейшего князя на русской службе и считался русской креатурой. Но жажда власти, мечты о польско-литовской короне толкнули его в ряды участников антирусской кампании. Интригуя против Станислава Августа, он к весне 1789 г. сблизился со старошляхетскими и пропрусскими силами, готовившими конфедерацию против короля. В обмен на обещания трона коронный гетман был готов поддерживать их словом и делом. В этих условиях слухи о бунте «греков-неунитов» для Браницкого оказывались крайне выгодными: так легче было добиться от короля назначения главой коронных войск на Украине и получить тем самым в руки один из важнейших рычагов влияния на обстановку в Речи Посполитой [Антонович 1902: 7–12; Елисеева 2000: 246–247].

Маневры гетмана не остались незамеченными в России. «Граф Браницкий, добиваясь получить в свои руки командование над войсками в Украине, рассеивает через своих о бунтах, подкупает таможенных, чтоб рапортовали всякую дичь», — прорвалось раздражение Г. А. Потёмкина делами «родственника» в одном из его приказов за март 1789 г. «Пора тебе унимать Браницкого. Я никак его поведением не обманута. Он в конфедерации ищет Короля ссадить, а как сие, конечно, не допущу... Он

же сам неблагодарнейшая тварь. Пожалуй, уйми его, пока ещё время», — делилась со светлейшим князем гневными переживаниями Екатерина II. — «Помилуй, матушка, чем я уйму Браницкого...», — вопрошал Г. А. Потёмкин, — когда «Польша вся — Браницкий»? [Екатерина II 1998: 338, 854].

Это была правда: практически всё польское общество жило слухами о грядущей «новой Хмельничине» и готовящемся заговоре России против Польши, находя в этом оправдание конфронтации с Россией. Соответственно, любой русский или православный в Польше рассматривался польскими властями как российский агент или проводник чуждого влияния. Под огнём оказались и староверы-эмигранты — пресловутые «маркетаны». Величайшая ирония судьбы: экономически активная часть старообрядческой эмиграции, наименее тяготевшая к России, была вдруг объявлена антирусскими силами в Польше главным виновником всех польских несчастий, связанных, по общему польскому мнению, с Россией и «греческим» православием.

Панические сообщения о вездесущих «филиппонах» и «маркетанах», достигнув восточных пределов Польши — Тульчина, Острога, Немирова, в январе–феврале 1789 г. поползли обратно в Варшаву. О нарастающей истерии свидетельствовал мемуарист Охоцкий: «Между прочим распространился слух, будто поймали несколько десятков филиппонских повозок, провозивших бочки, наполненные ножами. Ножи эти странной формы, снабжены будто страшными зубцами и крючьями, придуманными для причинения ужасных страданий; образцы этих ножей в Варшаве вырезывали из бумаги и рассылали всюду; при виде их дамы падали в обморок, мужчины же искали утешения в венгерском. Множество бумажных изображений этих страшных ножей я сам разослал в провинцию. Тем не менее ни в Варшаве, ни в провинциях никто не видел железного подлинника этого орудия; в Польше говорили, что ножи были

задержаны в Литве, в Литве указывали на Киевское воеводство, здесь же не могли указать источника этого тревожного слуха» [Антонович 1902: 15–19].

Слухи дошли и до Г. А. Потёмкина, который, так и не поняв, о каких ножах всё толкуют поляки, решил, что дело состоит в попытках торговцев из России провезти товары для воюющей с турками армии через Польшу в обход польской таможни. «Наши промышленники в Польше наделали... дурачеств, вздумалось им вести ножи скрытно в армию для продажи. Залили их в масло. Поляки сие открыли и взяли подозрение», — писал светлейший князь 23 марта 1789 г. Екатерине II [Елисеева 2000: 250–251].

Известия об оружии, якобы замаскированном «маркетанами» в бочках с маслом и завозимом ими в Польшу для подготовки будущего восстания православных против католиков, побудили польскую сторону к импульсивным действиям. С начала русско-турецкой войны русская армия снабжалась за счёт закупок в Польше, и закупки эти проходили через польские провиантские комиссии. Теперь территориальные провиантские комиссии преобразовывались в «порядковые» (правительственные), и основной их задачей становилось надзирать за «хлопами» (мужиками) и «маркетанами».

Новую паническую волну породило убийство в Подолии помещика Вележинского с супругой. Хотя быстро удалось установить, что жестокого пана зарезали его же дворовые, с удвоенной силой потянулись толки, что здесь не обошлось без «филиппонов», что это они пустили-таки в дело свои страшные зазубренные ножи. 31 марта 1789 г. паника достигла апогея, и Волынская порядковая комиссия распорядилась задержать всех «филиппонов» в Луцке, Кременце, других городах и наложить арест на их товары. Этот день и считается началом так называемой волынской тревоги 1789 г. Рапорт о мерах комиссии ушёл в Варшаву. На Сейме заговорили о

том, что заговор против Польши наконец-то разоблачён, и прервали заседания до получения новых известий с Волыни.

Волынская комиссия приступила к делу с размахом: малейшего подозрения было достаточно, чтобы объявить человека бунтовщиком, пособником «маркетанов» и арестовать. Оснований же для подозрений было сколько угодно: каждый, кто хоть раз покупал что-нибудь у «маркетанов», давал им приют на ночь, показывал дорогу или хотя бы перекидывался с ними парой слов на торжище, в корчме, на улице, считался неблагонадёжным и подлежал аресту. С арестованными не церемонились, пытками и побоями вынуждая показывать на соседей, родственников, приходских клириков, знакомых и незнакомых людей. Истеричная подозрительность чинов Волынской комиссии обернулась и настоящей эпидемией добровольного доноительства. Счёт арестованных пошёл на сотни, а вошедшие в раж следователи строчили в Варшаву отчёт за отчётом, придавая официальный вид и клевете, и оговорам, полученным под кнутом, и самым диким слухам.

От Волынской комиссии не отстала и Подольская. Первым делом она распорядилась пересажать «маркетанов». Этого показалось недостаточно, и тогда провели аресты среди «неунитов греческого закона» — крестьян, мещан, клириков. За последними гонялись особенно, считая их естественными организаторами готовящегося возмущения. Но православных священников в Подолии было мало, и широкой картины православных козней против Польши из их показаний было не создать. Выход, впрочем, нашёлся быстро — стали хватать униат. Рассуждали при этом просто: «греки-униты» — они ведь прежде всего «греки», а все «греки» по определению недруги Речи Посполитой. И тому, что униаты — вернейшие союзники католичества и «польскости» в одночасье превратились во врагов «вяры и отчизны», уже никто не удивлялся: в

обстановке нагнетавшейся подозрительности и ненависти к России и православию многое теряло свой смысл, переворачивалось с ног на голову.

В отличие от Волынской и Подольской комиссий, Киевская и Брацлавская подошли к делу спокойно. Не обнаружив признаков заговора, они ограничились проверкой паспортов у нескольких «маркетанов». Глава Брацлавской комиссии Ф. Потоцкий 15 апреля направил королю и Непременному совету рапорт, что никакого бунта нет и в помине.

Двухнедельное безумие на Волыни и в Подолии эхом отозвалось в Варшаве. Сеймовые чины самым серьёзным образом отнеслись к рапортам из порядковых комиссий, в которых, в частности, можно было прочесть и о том, что в Польшу из России «и из земли Китайской, лежащей по ту сторону Петербурга», уже направлены три тысячи агентов-«филиппонов», в изобилии снабжённых деньгами и готовых выдать каждому потенциальному повстанцу сто «московских рублей», да ещё и под квитанцию (эти квитанции «филиппоны» потом якобы предъявляли «москалям» для отчёта о проведённых вербовках).

16 апреля 1789 г. возобновились заседания сейма. Сейм обязал всех русских торговцев взять паспорта в скарбовой комиссии или в ближайшем судебном учреждении, или же в двухнедельный срок покинуть страну (нарушители подлежали аресту и высылке) [Антонович 1902: 28–68, 73–96]. 18 апреля 1789 г. вышел универсал сеймовых маршалов по поводу нового закона об общественном спокойствии, по которому высылке в две недели подлежали все русские неоседлые жители Речи Посполитой, в том числе и «филиппоны» [Акты о мнимом крестьянском восстании 1902: 13]. Между тем на местах следственная горячка несколько спала, и понимание того, что идея заговора против Польши, да ещё и руками «филиппонов», абсурдна, стало мало-помалу проявляться. Люди, томившиеся в застенках, получили передышку. Несколько опомнившись, они в один голос заговорили: «меня мучили и били, требуя показать о филиппонах,

священниках и крестьянах, и я от боли и страха утверждал всё, что мне подсказывали».

Но в Варшаве успокаиваться вовсе не хотели. В мае 1789 г. польские власти запретили проход через свою территорию обозов для снабжения русской армии. Не считал Сейм законченным и дело о «филиппонах». Для контроля за его дальнейшим расследованием в гродских судах и порядковых комиссиях решили создать особую комиссию. Так возникла печально известная «Депутация для следствия над лицами, обвинёнными в бунте», усилиями которой были организованы дальнейшие гонения на православных в целом, а не только на одних «филиппонов». Особенно «отличилась» новосозданная «Депутация», затеяв следствие против слущкого епископа Виктора (Садковского), кафедра которого была учреждена в Польше в 1786 г. русским Синодом, и который при вступлении на епархию присягнул на верность Станиславу Августу и Речи Посполитой [Антонович 1902: 19–21]. Это был пик кризиса, поставивший отношения между Россией и Польшей на грань войны [Елисеева 2000: 266–267].

«Волынская тревога» вызвала окончательный перелом в настроениях «загранишных» староверов: из-за угроз и тревог весны–лета 1789 г. многие из них решили перебраться из Польши в Россию. Таков был один из главных внешних факторов реэмиграции. Что же касается собственно реэмиграции, то точка в этом процессе была поставлена в связи с разделом Польши 1795 г.

§ 2. Либерализация законодательства о староверах в правовой политике самодержавия 1760–1790-х гг.

Попытки увеличить население и фискальные поступления за счёт религиозных меньшинств, как и в целом «импорт населения», были

предсказуемыми направлениями политики, по крайней мере для всех «просвещённых» остэльтских монархий — русской, прусской, «венгеро-богемской». Более того, если «увлечение» Иосифа II русскими старообрядцами на Буковине было сродни кампании Екатерины II по переселению выходцев из Европы, в первую очередь из германских земель, в Поволжье и на Юг России, то и политический инструментарий явился аналогичным: Иосиф II соглашался на религиозную автономию для староверов, Екатерина II подобным же образом жаловала сектантов, не приживавшихся ни в Старом, ни в Новом свете и ранее запрещённых даже и в России — гернгутеров, меннонитов.

Интерес Екатерины II к «расколу» был обусловлен её знакомством с экономическим учением физиократов. В бумагах Кабинета Екатерины II сохранилась справка о численности нижегородских и малороссийских староверов, датируемая временем III Генеральной ревизии. О заволжских скитниках в ней говорилось: «Предписанные состоящие Нижегородского, Балахонского и Юрьевского уездов в Керженских, Белбашских, Рыбновских, Кобылинских,⁵¹ Чернораменских лесах записные, в расколническом окладе келейные жители селени[я] свои имеют не в одном, но в разных местах, разстоянием в десети, пяти и менее верстах скит от скита, из них мужеск пол некоторые делают токарную резную деревянную посуду, а другие в летнее время, ходя по лесам, собирают лесные овощи, при том же ныне имеют по несколько ульев пчёл, от коих собирают мёд, а женщины прядут лён и ткнут разных доброт холсты и, по нитки соединяя с ниткою, шерстяную пряжу, и всё оное продают в городе Нижном и других лежащих в близости от их селеней местах, а более на Макарьевской ярмонке, за что получая д[е]н[ь]ги, как государственные подати платят бездоимочно, равно и пропитание себе имеют» [РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 58. Л. 2].

⁵¹ В документе ошибочно: «Икоявленских».

Скитники, таким образом, оказывались отнюдь не четой монахам господствовавшей церкви, которых в связи со сложившимися просветительскими подходами к Церкви считали «бесполезным» сословием. Это в известной мере могло примирить практичную Екатерину II с фактом существования скитов и скитников. Большой интерес она испытывала и к малороссийским слободам и их обитателям, «довольно преуспевшим» в заграничных «коммерческих оборотах». В тех же кабинетских бумагах есть собственноручная записочка Екатерины II — маленький листочек, на котором всего одна, но весьма примечательная фраза на шершавом русском языке: «О слобод расколничих, чтоб некоторых из них зделать городками» [РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 242. Л. 1].

Можно заключить: в старообрядцах Екатерина II видела одно из экономически активных религиозных меньшинств, способных подвинуть к выгоде казны и общества посредническую торговлю, в том числе и межгосударственную. Мы знаем, что аналогичные надежды Екатерина II на тот момент возлагала на бухарцев в Сибири, сеитовских татар в Оренбурге, индусов и джюльфинских армян в Астрахани, а после разделов Польши — и на евреев-ашкенази в Западном крае.

Соответственно, екатерининский курс начинался с послаблений по части правового статуса. В России того времени помимо записных, легальных «раскольников», закон к середине XVIII в. знал несколько территориальных групп адептов «раскола», отличавшихся спецификой социального положения. Прежде всего, это были малороссийские слобожане, но формально даже они делились на две такие группы. Наглядное представление о структуре слободского «общества» даёт известная ведомость населения, составленная в 1763 г. управляющим малороссийскими слободами Г. Титовым.

Первую группу составляли слобожане-старожилы, внесённые в перепись полковника Ергольского 1715 г. и последующие переписи в

период до 1730 г. Вторая группа — это новосёлы, внесённые в перепись наместника Малороссии А. И. Шаховского 1736 г., а также те, кто приписывался в слободы в дальнейшем, и их потомки. Хотя за давностью лет и по обычаю на них уже распространялись все статусные положения слободских обывателей, формально их положение в слободах до 50-х гг. XVIII в. было менее прочным: не существовало никаких юридических препятствий для их высылки из слобод, что и показали события 1737–1738 гг.

Малороссийские слободы были старообрядческим эксклавом, закрытым на выход: самочинное переселение в другие места здешним обывателям категорически запрещалось. После отмены малороссийского гетманства «описными государевыми» слободами ведала Канцелярия Министерского правления в г. Глухов, но и она, и подчинённые ей слободские сходы не могли переводить людей из слобод в другие места по своему усмотрению. «Слободские обыватели» вносили в казну одинарный подушной оклад [ПСЗРИ, 11 1830: № 8083]. От рекрутчины «натурой» они были избавлены: эта повинность заменялась денежным начётом.

Правда, во второй половине 30-х гг. XVIII в. власти предприняли попытку изменить податной режим в слободах. 10 ноября 1736 г. новый малороссийский наместник князь И. Барятинский направил в Кабинет донесение. В нём он сообщал, что перепись слободского населения, начатая ещё А. И. Шаховским, завершена, и что слобожане «к платежу состоятельны». Кабинет буквально вцепился в замечание князя. 16 ноября И. Барятинскому был дан именной указ с поручением удвоить, как в Великороссии, оклады слобожан, а если они смогут платить двойную подушину «бездоимочно», то сделать надбавку и сверх неё, причём как можно большую, насколько позволят ресурсы «раскольнических» хозяйств [ПСЗРИ, 9 1830: № 7100].

Ни о каком законодательном регулировании обложения староверов здесь, понятное дело, и речи не было: правительство руководилось самыми примитивными потребительскими соображениями. Но взвалить тогда на «описных» староверов надбавку не удалось: наместник отстоял «своих» старообрядцев под тем предлогом, что, «почуввав тяжесть», они «разбредутся» с «порубежного места», и тогда казна не получит и того, что имеет сейчас. А терять было что: в 1736 г. сумма подушины со слобожан составила 2 148 рублей 74½ копейки, дополнительных повинностей — 6 829 рублей 66 копеек. В 1737 г. последний показатель равнялся уже 9 242 рублям 89½ копейкам.

Вопрос на некоторое время был отложен, но в 1738 г. Кабинет вновь вернулся к нему. И. Барятинскому, опытному царедворцу, неудобно было убеждать кабинет-министров, что они во второй раз совершают ту же самую ошибку, следовательно, приказ об увеличении обложения волей-неволей приходилось выполнять. И здесь перед наместником стояла трудная задача: угождая начальству, повести дело так, чтобы не спровоцировать панику и побег «раскольников». Для этого администратор прибегнул к хитрости. Собрав слободских бурмистров и войтов «с лучшими людьми», он сообщил им, что Раскольническая контора запросила именные ведомости на слобожан, но если они согласятся платить двойной оклад, то от этого требования он их своей властью защитит.

Замысел был прост: староверы сочтут вмешательство со стороны куда большим злом и согласятся заплатить, полагаясь на обещанное покровительство. Однако представители слобод заметили: если уж и платить наравне с великорусскими «записными раскольниками», то только на условии сложения всех тех платежей и повинностей, что идут малороссийским властям [Починская 1993: 19, 24–25]. Барятинский был рад такому верному и вескому возражению: оно давало наместнику

возможность остановить взволновавшее «раскольников» дело о податях, не ставя себя в центр неудовольствия свыше.

Направив бумагу в столицу, И. Барятинский стал ожидать ответа. Ответа не последовало, и за слободскими староверами была сохранена прежняя одинарная подушина в размере 72½ копеек. Взносить её они были обязаны в Канцелярию Министерского правления. Фактически же жизнь «государевых» староверов оказалась ещё менее тягостной: как было указано в справке об обложении «раскольников» сенатской комиссии А. А. Яковлева, составленной в начале 1753 г., за время пребывания слобод в ведении Канцелярии с «раскольников» ничего «не брато» [РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Л. 38об.–40].

В связи с восстановлением гетманства Канцелярия Министерского правления упраздняялась, и по указу Сената от 2 июля 1750 г. контроль за окладными сборами с малороссийских «раскольников» поручался Киевской губернской канцелярии, а за неокладными — Штатс-конторе [ПСЗРИ, 13 1830: № 9773]. Этим был разрушен старый бюрократический порядок обложения, и, по всей видимости, в процедурах сборов с «раскольников» возникали перебои. В частности, комиссия Яковлева в своей справке указывала: с того времени, как слобожане переведены в киевское ведение, сведения об окладных сборах в Сенат не поступали, и непонятно, брали ли с них что-либо или нет. Исключение составляла слобода Стародубского полка Млынка, «которая особливо в окладе состоит»: известно, что она действительно и платила «особливо», включая положенные на неё 42 рубля неокладных денег.

На 1762 г. общая сумма сборов с «преждепоселившихся» слобожан (то есть с тех, кто попал в переписи 1715–1730 гг., и с их потомков) составляла 1 217 рублей 15½ копеек, в том числе 4 рубля 50 копеек с двух мельниц и 12 рублей с кожевенного заводика Я. и М. Осокиных при слободе Клинцы.

С «новоприбылых» (переписанных в 1730 г. и после) слобожан на 1762 г. причиталось 2 051 рубль 12½копеек. Всего с учётом окладов со 196 мужских душ, явившихся в самое последнее время, с которых было взыскано подушно, «а с иных подворно», окладные и неокладные сборы со слобод к январю 1763 г. равнялись 3 310 рублям 12½ копейкам. Это внушительная сумма, особенно с учётом известной по ведомости Г. Титова численности слобожан.

По слободам с середины 1750-х гг. не было недоимок, и для казны это было также важно, поскольку, по данным комиссии А. А. Яковлева, дела со сбором подушины с «записных раскольников» по всему государству обстояли отнюдь не блестяще: на 1753 г. с «раскольников» следовало 22 608 рублей 45 копеек, при этом «состоит в доимке» 22 148 рублей, в том числе по Сибирской губернии 13 718 рублей и «города Ржева на купцах» 2 277 рублей [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1487. Л. 49об.–50, 64об.; РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Л. 38об.–40].

Попытки кодификации законодательства о «расколе старообрядства» до екатерининских лет предпринимались не один раз, и впервые это было при Анне Ивановне. Изначально «раскол» трактовался как преступное деяние, специально же вопрос о нормах наказаний для богохульников и «церковных мятежников» был поставлен в Уложенной комиссии 1730 г. Эти положения предполагалось включить в главу «О богохульниках и церковных мятежниках» нового уголовного Уложения, которое было поручено разработать Юстиц-коллегии совместно с Канцелярией синодального правления и Раскольнической конторой. Однако работа ведомств ограничилась лишь присылкой в 1736 г. в Сенат копий указов о «раскольниках» [Латкин 1887: 14–15, 29, 60–64, 70].

Неоднократно имели место попытки привести всех «раскольников» и к одному фискальному знаменателю. В 1726 г. появился именной указ о сборе с них повсеместно не двойной, а четверной подушины. О двойном

окладе для всех без исключения «раскольников» говорил и указ Сената и Синода от 31 августа 1741 г. Но невыполнимость этих указов была очевидной, и вскоре после обнародования о них забывали.

В связи с работой Уложенной комиссии Елизаветы Петровны был востребован основополагающий кодекс о старообрядцах. Такой кодекс был подготовлен сенатской комиссией А. А. Яковлева в ответ на соответствующий запрос Уложенной комиссии. Но свой ответ в Уложенную комиссию направил и киевский вице-губернатор. 15 октября 1754 г. И. И. Костюрин подписал свои первые предложения по поводу грядущих реформ — «Пункты» о стародубских и черниговских «раскольниках».

Костюринские «Пункты» предлагали во избежание дальнейших земельных конфликтов между староверами и малороссиянами провести чёткое размежевание, причём непременно под эгидой киевских губернских властей. Также рекомендовалось разрешить старообрядцам приобретать «добровольною ценою» смежные со слободами пустующие земли, но «покупать к слободам, а не к одному крестьянскому дому, и те купчие иметь у крепостных дел в Киеве...». Таким образом, поддерживая общинную земельную собственность и выступая гарантом отношений староверов с малороссийским окружением, власти применительно к «раскольникам» перешли бы на патерналистскую позицию — позицию типичную, когда речь заходила об отношении самодержавия ко всему великорусскому крестьянству.

Податную и судебную стороны положения слободских староверов предполагалось урегулировать с учётом национального фактора во внутренней политике: великороссийский этнический элемент получал государственную поддержку по определению. Предложения И. И. Костюрина заключались в том, что сборы с «раскольников» можно увеличить, более того, в интересах военного ведомства это сделать даже

необходимо, но вместе с тем следует освободить слобожан от территориальных сборов: «ежели такой оклад на них положится, то уже те все малороссийские сборы отставить, потому что великороссийский народ кажется не почему не имеет платить податей малороссиянам...».

Судопроизводство И. И. Костюрин считал необходимым реорганизовать на общегосударственных, а не на автономистских началах, и притом частично передать судебные функции в слободские конторы: «...ежели кто из тех слобод жителей будут по купечеству или другим каким-либо делам иметь претензию на малороссиян, о том им *искать суда* и просить по порядку в *великороссийских судах*, где кто ведом; також ежели малороссияне будут о чём иметь претензию тех слобод на обывателей, искать и просить суда у управителей тех раскольнических слобод в волостной конторе... Ежели кто его судом не будет доволен, искать в Киевской губернской канцелярии...». «Пункты», таким образом, ставили жирный крест на желании гетмана сохранить за собой судебные функции в слободах.

В целом «Пункты» И. И. Костюрина явились важным правовым памятником эпохи «просвещённого абсолютизма», и им была суждена долгая жизнь, ибо в эпоху екатерининской веротерпимости они также оказывались вполне актуальными. Вопросы, так или иначе связанные с «расколом старообрядства», неизбежно вставали в екатерининской Уложенной комиссии. Киевская губернская канцелярия, вооружённая «Пунктами», оказывалась первой из числа государственных учреждений, откликнувшейся на насущные заботы комиссии. Сенат в общем порядке дважды (16 ноября 1766 г. и 4 января 1767 г.) направлял в Киев запросы о предложениях для составления Уложения. 15 февраля 1767 г. канцелярия отозвалась именно «Пунктами» И. И. Костюрина 1754 г. без всяких изменений. «Пункты» казались в Киеве настолько важными, что были направлены в Уложенную комиссию и вторично, после запроса генерал-

прокурора А. А. Вяземского от 29 августа 1768 г. по поводу новых предложений для законодательной комиссии [Владимирский-Буданов 1888: 37–38].

И. И. Костюриным в своё время был подготовлен и второй ответ на сенатское предложение — «Проект учреждений по Киеву и губернии» от 27 октября 1754 г. В документе администратор вновь возвращался к мысли о решительном перевесе великороссийских судебных начал там, где речь идёт о «раскольниках»-великороссах. Он, в частности, отмечал, что в местном законодательстве отсутствуют гарантии прав старообрядческих купцов-заимодавцев при заключении кредитных сделок с купцами — малороссиянами и греками, что в ряде случаев приводит к злостному отказу «инородцев» от платежей по долгам. Вице-губернатор считал, что только общеимперское вексельное право лучше всего может защитить интересы слободских купцов-«раскольников», и предлагал все их денежные тяжбы рассматривать на его основе.

И.И. Костюрин полагал, что реализация предложенных им мер приведёт к установлению стабильного положения слобожан, а это, в свою очередь, скажется на настроениях «загранишных раскольников»: «...ежели по сему те раскольники переписаны и в один оклад положены будут, то увидев за границею живущие великороссийского и малороссийского народа в Российскую империю охотно на житьё в те слободы переходить пожелают».

Принципиальным моментом костюринских «Пунктов» становилась терпимость к старообрядчеству как к религиозному учению. Отметим, что она обосновывалась с точки зрения интересов государства, именно как средство привлечь беглое население: «Из Польши ветковские жители просят устроить два монастыря, один мужеский, а другой женский, и отправлять им богослужение; а ежели церкви построить не можно, то хотя часовни, и как только позволение они получат, то совершенно могут

несколько тысяч великороссийского народу людей выйти в Россию без всяких затруднений» [Владимирский-Буданов 1888: 42–43].

Предложения И. И. Костюрина, таким образом, отражали тенденцию «просвещённого абсолютизма» на защиту «государственного интереса» и на поощрение старообрядческой реэмиграции. Они имели значение для поддержки не только малороссийских слобожан, но и новой группы новопришлых старообрядцев — поселенцев ведомств Новослободского полка и крепости св. Елизаветы. Эта категория новосёлов возникла после Манифеста от 4 сентября 1755 г. [ПСЗРИ, 14 1830: № 10454], вышедшего благодаря И. Ф. Глебову, чьим помощником в данном случае выступил И. И. Костюрин.

Пафос костюринских «Пунктов» отражал полемику с гетманом по поводу того, в чьём ведении должны находиться малороссийские слободы. Шедшая вместе с этими «Пунктами» линия на частичную вероисповедную либерализацию и поощрение старообрядческой реэмиграции резко контрастировала с духом и смыслом предложений яковлевской комиссии. Это понимали и в Уложенной комиссии: там сравнивали проекты А. А. Яковлева и И. И. Костюрина и не смогли не увидеть, что сенатская комиссия совершенно умолчала и о проблеме реэмиграции, приобретающей в свете сообщений с границ всё большую важность, и о малороссийских «раскольниках», не говоря уже и о «раскольниках» юга России. В результате от комиссии А. А. Яковлева Уложенная комиссия потребовала согласованных предложений.

Яковлевская комиссия была, безусловно, знакома с киевскими «Пунктами»: их экземпляр отложился в 46-й папке материалов Уложенной комиссии. Поступило в комиссию и челобитье ветковских иноков и мирян, направленное в ответ на «пригласительный указ» от 6 октября 1753 г. Однако настроения комиссии шли явно вразрез с «Пунктами» Костюрина. Для опровержения последних А. А. Яковлев написал особую «Записку о

ветковских раскольниках, желающих выйти в Россию». Формально здесь оспаривалась добросовестность намерений просителей с Ветки, но подлинной мишенью были именно костюринские пропозиции.

Раскольники, говорилось в «Записке...», подают челобитные о приёме их на поселение в Российской империи, и просят, чтоб им было разрешено отправлять службу по старопечатным книгам и в этом «во всём быть свободно», и «от Святейшего Правительствующего Синода... препятствия не чинить». Но «состояние сего дела двоякой вид имеет: 1. Приумножение народа всеконечно [есть] государственная полза, но, против того 2. Требуется им, чтоб жить, поселение дозволить в тех местах, где они выберут, а не инде где близ находящихся в Стародубском полку раскольнических слобод, ис чего видно, что желание их в том, чтоб селитца близ полской границы, чего ради часто впредь от них опасность в том, им позволяется дать не можно. Да и для того, что они не токмо в таком месте могут жить по своей воле и когда хотят жить в тех поселениях, а буде не похотят, по-прежнему в Польшу бежать и великороссийских беглых к себе» сманивать, «и оных за границу провозить, и обратно оных, яко выходцов из-за польского рубежа, у себя селить, из-за чего может последовать на прежних жилищах опустошение», и помещикам оклад за сбежавших платить будет «тягостно».

Что же касается разрешения на свободное дониконовское богослужение, «из того далее вред произойти может, понеже, как материя сего дела открывает, что народ подлой, весма в чинослужении церковном колеблющийся, ис чего и расколов умножилось». Если богослужение дозволить, то возрастёт бегство в скиты, попы и монахи «раскольников» поднимут голову, тогда как, по настоянию комиссии А. А. Яковлева, нужно делать всё для искоренения «раскола». К тому же и само это богослужение Церкви «противно; а чтоб некоторых из них в тех местах в оклады положить, где они ныне живут, то потому ж ползы быть

неупователно, будучи оныя в чужом государстве и справно никогда, и в том нияко в волном месте, никакого принуждения зделать неможно, и как позволится жителством за границую, люди могут чрез границу всегда свободно ездить и великороссийских людей туда уводить...

И понеже сие дело трактуется болшей частию о распространении веры, о защищении Церкви, о средствах ко умалению расколов, чего ради прибыток чаемо от тех обещанных к выходу раскольников за ничто почесть можно».

В комиссии отказывались поверить, что челобитье из-за границы выражает мнение сколь-нибудь значимой части старообрядческой эмиграции. К тому же, напоминала комиссия, верховная власть уже изъявляла желание пойти навстречу «загранишным», но результатов это не дало. «Да чтоб и та челобитная от них прислана была с согласия всех тех, кои раскольники находятся в Полше, утвердится неможно, — говорилось в “Записке”, — и всем оным выход в Россию самоволно быть ненадёжно. А не без притчины признать можно, что жительствующие в Малой России нет же такого пристрастия и исходатайствования от тех загранишних раскольников в оной челобитной, чтоб обнадёжить выходом в Россию многого числа людей, исходатайствовать требуемую волность, как то истой челобитной видно, что они, загранишние раскольники, не толко себе произвольное селение, но и произвольное священнослужение и оным малороссийским слободам просят, и когда в прошлом 1749 по докладу Иностранной коллегии по Всевысочайшему Е. И. В. императорскому указу находящимся в Полше беглым вечное прощение объявлено, чрез присланного от тех беглецов поверенного Заграбского селение оным в Белогородской и Воронежской губерниях позволено, оные не взирая на таковую Высочайшую Е. И. В. милость, как Иностранная коллегия в доношении своём в Правительствующий Сенат генваря от 18 дня сего года

объявляет, почти никого не вышло, следовательно, и ныне оным верить сумнительно...».

Комиссия А. А. Яковлева предлагала ограничиться выводом челобитчиков, если они и впрямь к тому готовы, в Велико- или Новороссию в соответствии с прежними указами Елизаветы Петровны: «...и как сие дело не мало осторожности подлежащее, то надлежит дать комиссию той персоне, кто в Малороссии... определён будет, коему по способности там разведать, та челобитная подлинно ли по самоизвольному всех загранишных или по исходатайствованию малороссийских раскольников прислана, и когда подлинно найдено будет, что согласие зарубежных, то во исполнение Вышепоказанного Высочайшего Е. И. В. указа объявить» подтверждение селиться Белгородской и Воронежской губерниях или в Новой Сербии, «а на требование их в священнослужении и в содержании иноков и попов умолчать». Когда беглецы начнут выходить в Россию, то направлять их до мест с провожатыми, «а одних их бродить не пущать, чтоб от них каких вредностей не происходило, понеже между ними не токмо одни расколы, но и самые воры, и по выходе пренуждены будут для селения с протчими сказыватца раскольниками».

Но даже при всей своей нелюбви к «загранишным» беглецам яковлевские «комиссары» были вынуждены признать: готовиться к их встрече в принципе нужно. Для этого «выходящим ис Полши, так и ис Турецкой области в Новую Сербию к поселению раскольникам надлежит позволить и быть оным на пашне, и для новости их поселения от платежей двухлетнею лготу дать. А поселение отводить им в таком месте, чтоб свободного к полской и турецкой стороне пути не имели, а о наложении на них окладов, смотря по их имуществу или торгу [в] нынешнее время, отдать в волю тамошним командирам, а впредь рассмотреть, а по входе их в поселения можно будет тогда рассуждать о далнем с ними предприятии и ко удовольствию прежних жилищ, откуда бежали, и приказать всё оное

производить с принадлежащею осторожностью, чтоб оные о подлинном намерении никак были неизвестный» [РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Л. 32–35].

Неявно поставив шедшие из Киева предложения под сомнение, комиссия А. А. Яковлева решила принципиально противопоставить либеральным веяниям всемерное ужесточение. Проект был доработан в нужном направлении, и, соответственно, на свет появилась вторая редакция «Пунктов о раскольниках».

Намерению максимально стеснить «раскол» отвечало уже предисловие ко второй редакции, сохранившееся в черновом виде. Оно кратко объясняло происхождение «раскола», но в основном было сосредоточено на трактовке политического вреда, наносимого «расколом» государству и монархии. «Во время благополучного царствования государя царя и великого князя Алексея Михайловича, — говорилось в этом предисловии, — бывшим патриархом Никоном поправление церковных книг некоторым упрямым людем всякими [т]щетными и к благополучию противными толками подано притчину в православной греко-российской Церкви ввести раскол». Патриарх исправление книг «чинил не един», а соборно, советуясь и с восточными патриархами, и в Москве с «нарочитыми мужами». Ничего противного вере в этом исправлении не было, и собор 1667 г., наложив «клятвы» на отступников, был совершенно прав.

«Отпадшие», то есть «раскольники», разделились на приемлющих и неприемлющих священство, рассеялись по стране и повсюду нашли приверженцев, стали «прельщать» простой люд, понуждать его к бегству и наживаться на этом. Правительственная комиссия в своё время обнаружила массу беглых на Выге, в Олонецком и соседних уездах. Не ослабевает, говорилось в документе, и «раскольническая» пропаганда, в которой особенно отличились «ржевские посадские», о чём было

«особливое следствие». Множество «раскольников» записалось в подушной оклад во время последней Генеральной ревизии. Не имея согласия в «законе», «раскольники» солидарны между собой только в ненависти к «благочестию», и лучшее тому подтверждение — стрелецкий бунт 1682 г. Мало того, они и «За Её Императорское Величество, нашу... Государыню, Бога не молят, вменяя по своей прелести, якоб в Божественном писании запрещает».

Цель составления «Пунктов» объявлялась в предисловии прежней: «штом не могли более размножатца и других прелщать..., следующие в пунктах слушая, определить надлежит» [РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Л. 2–9].

Во второй редакции проекта комиссии А. А. Яковлева появился ряд новых положений, призванных усилить ограничения «раскола» и охватить ими те стороны жизни «раскольников», которые были пропущены ранее.

В частности, было включено предписание «скиты раскольнические и другие отдалённые жилища, также по их именованию в лесах устраиваемые кельи вовсе разорить, для того, что всему злу корень от них», ибо как раз в лесных укромных скитах ютятся «расколоучтели» и «ересенаставники». Всех их, конечно же, должно «побрать под караул» и наказать: разослать по монастырям для работы и наставления в вере. Что же касается «простецов», то с ними намечалось поступить проще. Годных «в солдаты и матрозы» следовало отправить на службу, и при этом выдать на них их бывшим владельцам зачётные рекрутские квитанции. Гораздо худшая судьба ждала негодных к службе и «женск пол»: «отослать скованных, выбрав отдалённой остров и окружённой морем, где их и поселить». Не забыли и об имуществе, и книгах скитников: всё «имение», собранное в скитах, отобрать, а «старые книги» отослать в Синод.

Основным методом борьбы с «раскола» становилась его физическая и социальная изоляция. «Раскольников же разных губерний и городов из

разночинцов, жителствующих в разных жилищах», или «не имеющих настоящего», постоянного жилища, «всех собрав и из них годных написать в солдаты и матрозы, и по вышеписанному отдать, а негодных обоего полу на поселение против скитских и в монастыри», — гласил проект. Уложенная комиссия, рассмотревшая проект, полагала, что о судьбе «негодных обоего полу» здесь было «казано неопределённо», но, по всей видимости, комиссия А. А. Яковлева уготовила и этим несчастным уже знакомый нам «отдалённый остров» [РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Л. 10–10об.].

Линия на изоляцию «раскола» прослеживалась и в предписаниях касательно порядка ведения дел о старообрядцах в государственных учреждениях. Все такие дела, за исключением дел о сборах окладов и штрафов, теперь предписывалось производить секретно. Не допускалось общение арестованных «раскольников» с другими арестантами и конвоем, чтобы никого «не могли научать и в свое ереси приводить». «Раскольники» также подлежали высылке из мест временного и постоянного пребывания монархов: «Где... присутствие Е. И. В. будет, в том месте раскольникам не быть, а высылать их на то время по усмотрению в другие места». По всей видимости, у комиссии были сомнения в целесообразности таких строгих запретов, но жёсткость всё же взяла своё: указанные положения были сначала вычеркнуты, но затем восстановлены [РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Л. 24об.–25об.].

Радикальные меры предлагались для борьбы с самосожжениями староверов. В каждое село, деревню, посёлок должно было немедленно отрядить для надзора военных из расчёта один унтер и пять солдат на сто человек, дабы они могли пресечь отлучки «раскольников» из жилищ, их сборища, постройку ими «изб» (келий) в лесах. Жалование этим военным назначалось из «раскольнических» сборных сумм. Составители законов понимали, что староверы всё равно будут бежать, поэтому на случай их

поймки предписывали наказывать их плетьюми и солдатчиной, а негодных в солдаты возвращать на прежнее жилище, но перед тем нещадно сечь кнутом, чтобы наказание было не легче, чем у тех, кому доведётся тянуть солдатскую ляжку [РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Л. 20об.].

Непосредственно против костюринских предложений были направлены три заключительные статьи. В них говорилось, что о малороссийских раскольниках «ныне точного рассуждения положить невозможно» в связи с отсутствием сведений о них: последние данные относятся к 1736 г. Поэтому в слободах следует провести новую ревизию, «при которой переписи можно было и споры оных раскольников с тамошними владельцами разобрать», и преступления, в которых малороссияне обвиняют тех же «раскольников», расследовать. К «загранишным раскольникам» предписывалось относиться так, как это рекомендовано в цитированной выше «Записке о ветковских раскольниках, желающих выйти в Россию»: проект включал в себя здесь эту «Записку...» практически без изменений.

Составители второй редакции «Пунктов» позаботились и о порядке воплощения своих начертаний в жизнь. Соответствующий план отложился в документе под заголовком «Из назначенных пунктов к произведению следующим порядком поступить надлежит». Можно уверенно полагать, что он составлялся тем (теми), кто готовил «Пункты о раскольниках» и передавал их в Уложенную комиссию, и за кем было решающее слово в законосоставительной работе комиссии А. А. Яковлева.

Начало документа выполнено обычным писарским почерком: «Во-первых, объявля указом всенародно, как известно, раскольник по пре[л]щению лжеучителей жгутся, и што нужда в том состоит... учинить предосторожности, и потому отправить ундер-офицеров и рядовых», как это предписано 26-й статьёй, по «раскольническим жительствовам» для надзора за ними.

Но далее в текст сделана вставка другим почерком: «...а в скиты, где оных большее число живёт, и обер-офицеров с пристойными командами, против коих и другой претекст можно будет объявить». В бумагах 46-й папки эта рука также встречалась, причём уже дважды: ею были сделаны служебные пометы на самом первом, нумерованном листе дела с копией рапорта «колеского советника Алексея Яковлева» о передаче «подлежащих пунктов» в Уложенную комиссию, и написано заключительное предложение в цитированном предисловии ко второй редакции «Пунктов».

Продолжен и завершён документ третьим почерком, который, предположительно, является почерком А. А. Яковлева. Коль скоро офицеры и команды будут разосланы, говорилось во фрагменте, «раскольники» не смогут разбежаться, «и когда таким образом оные окружены будут, то можно будет далее действие производить, например, крестящихся двоеперстным сложением», если они присягнут, что они не «раскольники», исключить из «раскольнического» оклада. Надо надеяться, продолжал автор, что подобный пример многих приведёт к «обращению» к Церкви, «но разве останутся самые учителя и замерзлые раскольники». С этими следует поступить следующим образом: тех, кто внесён в списки недавней ревизии и не внесён в списки предыдущей, отослать для увещевания к епархиальным архиереям, впредь же «раскольниками» их не считать и из двойного оклада выключить, а тех, кто числится по обеим ревизиям, отправить по домам, установив за ними надзор в соответствии с настоящими «Пунктами». Завершить же кампанию «переревизования» следует не сразу, а спустя некоторое время, направив «под закрытым видом» воинские команды в скиты для их окончательного разорения и разбора тамошнего населения [РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Л. 26–30].

Особенностью текста второй редакции являются примечания к целому ряду статей. В примечаниях перечислены законодательные

источники петровского (преимущественно) и послепетровского времени, послужившие для разработки этих статей.

Основной содержательной характеристикой второй редакции «Пунктов» является заряженность против шедших из Киева предложений о поддержке старообрядческой реэмиграции и смягчении вероисповедных запретов. В целом же комиссия Яковлева ориентировалась на всемерное стеснение «раскола». В этом смысле проект, безусловно, представляя собою сводку карательного петровского законодательства, был свободен от потребительского отношения к расколу, свойственного временам и Петра, и Анны Ивановны. Он воплощал «чистый», идеальный образец абсолютистского стремления к ликвидации религиозного инакомыслия любой ценой. Исторически это связывалось с тенденцией первого десятилетия правления Елизаветы Петровны, когда были взяты жёсткие меры против «раскола», ислама, иудаизма, в типологическом же плане с железной закономерностью предварило собою наступление «просвещённых» времён. Ужесточение вероисповедного режима в преддверии века Просвещения — явление обычное: стоит вспомнить хотя бы отмену Нантского эдикта Людовиком XIV [Brennan 1987: 119].

Укрепление в политике монархии элементов «просвещённого абсолютизма» оставило преимущество за силами, поддерживавшими смягчение государственного курса в отношении «раскола», и предопределило судьбу яковлевских «Пунктов о раскольниках». Донесения от И. Ф. Глебова, поступавшие в Сенат в октябре–декабре 1754 г., в то самое время, когда в Уложенной комиссии рассматривалась вторая редакция «Пунктов» комиссии А.А. Яковлева, абсолютно расходились с антистарообрядческими предубеждениями, которыми проект Яковлева был буквально переполнен, и, что немаловажно, выглядели гораздо более убедительными.

В итоге «Пункты о раскольниках», будучи сданными 7 февраля 1755 г. в Сенат, уже 16 февраля были оттуда возвращены. Сенатский указ гласил: «онные пункты отдать тебе, советнику Яковлеву обратно, которые тебе и отданы, и велеть тебе... иметь рассуждение по присланным от генерал-майора Глебова о выходе из-за рубежа расколников в Россию доношениям, и сочинить единственное положение, согласуя с вышеписанными сочинёнными тобою пунктами», а по завершении переслать новый проект в Синод для консультаций.

Глава комиссии рапортовал о получении указа, похоронившего его проект, на следующий день, 17 февраля 1755 г. Перерабатывал ли он «Пункты» своей комиссии, мы не знаем. Однако достоверно известно о выполнении им второй части указа. На том же самом экземпляре документа имеется помета: «По силе одного указа в Святейшем Правительствующем Синоде сочинённые о раскольниках пункты вполне собраны, от коллежского советника Яковлева объявлены, которые и слушаны февраля 22 дня 1755 году» [РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Л. 84–84об.]. Это последнее свидетельство о работе комиссии А. А. Яковлева. Данных о том, как сложилась её деятельность в дальнейшем (если она вообще была продолжена), нет. Можно лишь уверенно предполагать, что отношение Синода к южной программе старообрядческой реэмиграции, с которой предполагалось «согласить» яковлевские «Пункты», было негативным.

С развитием процесса переселения старообрядцев законодательство о «расколе» всё более требовалось сообразовать с велениями жизни. Временем, когда подобные изменения получили своё воплощение, стала первая половина 1760-х гг.: именно в эту пору вышли указы, определившие новые правовые условия для «раскола» внешнего и внутреннего.

Изменения к лучшему стали осязаемыми для «раскола» уже на исходе правления Елизаветы Петровны. Так, в сенатском приговоре от 12 января 1761 г., принятом по инициативе И. Ф. Глебова, новосёлам в посаде при крепости св. Елизаветы разрешалось отправление культа «по старопечатным книгам» и предоставлялось шестилетнее освобождение от податей и работ.

И. Ф. Глебов заговорил и о необходимости расширить географию старообрядческих мест обитания помимо малороссийских слобод и крепости св. Елизаветы. В этом ему удалось с помощью Я. П. Шаховского убедить Елизавету Петровну, и она распорядилась о подготовке соответствующих указов, поручив Я. П. Шаховскому известить об этом Сенат. Сановник выполнил поручение. «1761 года марта 29 в собрании Правительствующему Сенату... Я. П. Шаховской словесно предлагал, что в учреждённой при дворе Е. И. В. Конференции о живущих в Польше российских беглецах и раскольниках рассуждено: статскому советнику Волкову с обер-секретарём Еромолаевым по имеющимся делам снести и потребное к рассуждению экстрактом изготовить, о чём от него... означенному обер-секретарю и приказано...» [Сенатский архив, XII 1913: 124]. В Сенате давно служил А.И. Глебов, сын И.Ф. Глебова и, как и отец, давний протеже И.И. Шувалова. Непосредственной подготовкой именного указа об «испомещении» новых «выходцов» в южносибирских степях занимался Д. В. Волков, руководствуясь соображениями родственного тандема Глебовых. Однако до завершения царствования Елизаветы Петровны закончить свою работу он не успел, и новое «узаконение» было подписано уже преемником императрицы — Петром III.

Указ от 29 января 1762 г., содержащий поручение Сенату разработать порядок вывода староверов из-за рубежа и поселения их в Барабинской степи, на первый взгляд, говорил «всего лишь» о желании продолжить петровскую политику по «сбережению народа» и извлечь из

этого пользу для государства. Однако на самом деле здесь содержалось отнюдь не одно лишь подтверждение готовности следовать заветам Петра Великого, которая вошла в привычку при Елизавете Петровне, и в необходимости которой елизаветинское окружение трона убедило и Петра III. Налицо были и отличия от прежнего курса. В указе было прямо заявлено о намерении верховной власти содействовать возвращению «в отечество своё» бежавших за границу староверов «с тем, чтобы им в содержании закона по их обыкновению и старопечатным книгам ни от кого возбранения не было». Если уж «внутри Всероссийской империи, — гласил указ, — и иноверные, яко магометане и идолопоклонники, состоят», не испытывая притеснений, то с ещё большей снисходительностью нужно относиться к «раскольникам», ибо «те раскольники — христиане, точию в едином застарелом суеверии и невежестве состоят, что отвращать должно не принуждением и огорчением их, от которого они, бегая за границу, в том же состоянии множественным числом проживают бесполезно» [ПСЗРИ, 15 1830: № 11420].

Настойчивое именование «раскольников» христианами симптоматично. В России того времени действовали «узаконения» Петра I и Манифест Анны Ивановны от 22 февраля 1735 г. о свободном богослужении христиан «всех исповеданий». Становилось очевидным, что дальнейший правовой прогресс в отношении «раскола» будет зависеть от того, насколько власти окажутся готовыми считать «раскольников» христианами со своими исповедными правами, а не «злыми еретиками» и «лютыми неприятелями», и предоставить им нужные юридические гарантии. И в том, что названная коллизия в принципе возникала, уже заключался большой шаг вперёд по сравнению с правовой политикой, заповеданной Петром Великим.

В день подписания Петром III январского указа бумагу в собрании Сената огласил А. И. Глебов, завоевавший симпатии государя и ставший

генерал-прокурором. Он также сообщил Сенату, что «для того Е. И. В. высочайшим указом соизволил о том Сенату, сочиня обстоятельное учреждение, предложить... к апробации». Тем самым был поставлен вопрос о подготовке общего, «генерального» положения о «расколе», с необходимостью чего согласился и Сенат. «Во исполнение онаго Правительствующий Сенат *приказали*: об оных раскольниках об имеющихся в Сенате дел сочиня экстракт, на апробацию учреждение предложить немедленно...» [Сенатский архив, XII 1903: 124].

Положение, или «учреждение», впрочем, так и не появилось — царствование Петра III оказалось слишком коротким. Вместе с тем указ от 29 января 1762 г. открыл начало кампании по поддержке старообрядческой реэмиграции и по улучшению правового положения староверов в стране, сопровождавшейся послаблениями как общего, так и частного характера. По указу от 1 февраля 1762 г. прекращались следствия по делам о самосожжениях: было предписано всех содержащихся по этим делам «под караулом, тотчас в дома отпустить и вновь никого не забирать» [ПСЗРИ, 15 1830: № 11434]. Указом от 7 февраля 1762 г. власти откликнулись на просьбу общества нижегородских староверов вносить деньги в Раскольническую контору «помимо» местных учреждений, дабы избежать волокиты и поборов мелких начальников, и приписать их по их желанию к Верхне-Исетскому заводу графа Р. И. Воронцова [ПСЗРИ, 15 1830: № 11435]⁵² (не стоит и говорить, что именно Р. И. Воронцову староверы и были обязаны исполнением их просьбы).

28 февраля 1762 г. в дополнение к январскому указу вышел Манифест, адресованный «великороссийским и малороссийским разного звания людям, также раскольникам, купцам, помещичьим крестьянам, дворовым людям и воинским дезертирам», по которому всем беглым,

⁵² Об этом также см.: [Соловьёв, 25 1851–1879: 19–20].

вернувшимся на родину в период до 1 января 1763 г., было обещано полное прощение [ПСЗРИ, 15 1830: № 11436].

Не были забыты и «государевы слободы» Малороссии. Приток населения в них считался для государства благом. Тревогу же государственных мужей в столице и управляющих слободами на месте вызывало соседство слобод с заграничной Веткой, оттягивавшей беглый люд на себя. Поэтому в задачу местной казённой администрации входило, по мнению сенаторов, сделать слободы более привлекательными для обывателей по обе стороны границы, нежели Ветка.

Сенат при замене управляющего малороссийскими «описными слободами» асессора Морозова надворным советником Г. Титовым составил для нового начальника должностную инструкцию. О её содержании можно судить по записи в сенатском журнале. Два первых пункта инструкции предписывали обращаться со слобожанами столь возможно мягко, дабы старых обитателей не распугать, а новых привлечь: «15 февраля [1762 г.] в собрании Правительствующего Сената при подписании журнала... приказали: 1) понеже оные... раскольники живут близ самой границы,.. следовательно, весьма лёгкий к уходу за границы, равно же и к выходу из-за границы, способ имеют, того ради всяким образом стараться им, Титову с товарищи, нималой причины не подавать, которая бы принудила их, раскольников..., бежать в Польшу и Литву, то есть не раздражать их напрасными без вины нападками, а особливо каким-либо неподлежащим взятием с них денег и прочаго, но содержать их без оскорбления и приласкивать, дабы не токмо ныне живущих в Малороссии не выгнать за границу, но ещё оттуда... выходить другим охоту подать... 2) В таком же рассуждении... стараться им, Титову с товарищи, охранять их, раскольников, от всяких обид, какие бы иногда, паче чаяния, им происходить могли от кого-либо других командиров».

Третий пункт инструкции предписывал «Титову с товарищи» собирать сведения о староверах на той стороне и выявлять иностранных соглядатаев среди выходцев (речь шла о некрасовцах, которых, как думалось, могут посылать шпионить турки), проявляя, впрочем, и на этот случай сугубую осторожность и осуществляя контрразведывательный режим «без алярма и без разгнания других неподозрительных людей». В заключении Титову поручалось составить «обстоятельную выписку» и ежегодно рапортовать о положении дел в слободах [Сенатский архив, XII 1913: 14–15].

Надо сказать, что Г. Титов как управляющий оказался на высоте поставленных задач. Это проявилось уже летом 1762 г., когда в слободы приехал миссионер из Синода (причины его прибытия указаны ниже). В ответ надворный советник немедленно поднял тревогу: в губернию и Синод полетели бумаги о скорейшем отзыве посланца, пока «раскольники» не разбежались. Работу проповедника Г. Титов ограничил, и тот, «ничтоже преуспев», в феврале 1763 г. под давлением начальника покинул слободы [Лилеев 1879: 69–72].

С лета 1762 г. престол России занимала Екатерина II. Новая государыня относилась к поддержке реэмиграции гораздо более осознанно, нежели её незадачливый супруг и предшественник на троне. В окружении Екатерины II в бытность её ещё великой княгиней об этом говорили многие, чаще же всех, пожалуй, З. Г. Чернышёв и Я. Е. Сиверс. Общее место их рассуждений состояло в том, что привлечь «раскольников» на родину можно, лишь уничтожив многие недостатки в управлении государством. Тема, однако, поднималась не только приближёнными Екатерины II. Затрагивал её и П. И. Панин, состоявший во враждебном придворном лагере. В 1763 г. он подал в Сенат записку, в которой отмечал, что «раскольников» на побеге, особенно за кордон, толкают гонения, страх перед рекрутчиной, неправосудие,

некомпетентность пограничной администрации, высокие цены на соль, и эти пороки состояния властей нужно устранить [Лебедев 1903: 217; Jones 1993: 110–111]. Соответственно, политика Екатерины II по «расколу» развивалась с должным пониманием ею того, что предстоит решать объективно назревшую и очень сложную задачу права и управления.

Для успеха «раскольнической» реэмиграции надлежало внести перелом в настроения самих «раскольников». В том, что трудностей здесь много, Екатерина II отдавала себе отчёт. «Я к вам посылаю генерал-прокурора с письмом от наших переселившихся в Польшу раскольников, — значитесь в одной из её записочек к митрополиту Димитрию (Сеченову). — Их до 300 тысяч, и нет надежды, чтоб они возвратились в Россию, еще менее, к православию, покамест они там.

Я б желала сыскать способы к тому и к другому, и того для вручитель сего имеет с вашим преосвященством говорить и посоветовать» [Бумаги императрицы..., 2 1872: 252⁵³]. Что, однако, государство могло предложить «раскольникам», чтобы побудить их вернуться?

На 2 октября 1762 г. была назначена конференция Сената и Синода, где и предполагалось рассмотреть пресловутые «способы к тому и к другому». Синод был склонен положить, что староверам «выход в Россию дозволить можно, точию с тем, что они содержаться будут во всём на таком основании, как здесь записные раскольники содержатся, без всякого им притеснения...». Заслушав синодское мнение, Сенат «имел рассуждения» по нему трижды — 10, 14 и 28 октября 1762 г.

В целом Сенат занимал здесь половинчатую позицию. С одной стороны, было решено всех выходящих в ведомство крепости св. Елизаветы устраивать на основании «записных раскольников», на чём и настаивал Синод. К его же радости Сенат отказался от ревизии положений о «расколе», начиная с петровских времён: всех их без изменений

⁵³ Тот же документ опубликован в: [Сборник ИРИО, 10 1872: 259].

намечалось внести в новый пригласительный Манифест. Но, с другой стороны, отказ был сугубой формальностью, ибо правовым основаниям для петровских строгостей был положен конец: определение Синода от 15 мая 1722 г. и совместное определение Сената и Синода от 16 июля 1722 г., трактовавшие «раскол» как еретическое учение, Сенат отныне отменял. Мотивировка гласила: «ибо оныя были учинены сверх... указов» и «не токмо от Его Величества [Петра I], но ни же от последовавших по нём монархов точно не утверждены, следовательно, и в закон почтены быть не могут». Для светского права «раскол» отныне формально становился не ересью, противной учению Церкви, а «всего лишь» другим, нецерковным вероучением.

Все положения такого рода резюмировались в особом постановлении Сената, к выработке которого Синод уже не имел отношения. В первом пункте провозглашалась свобода возвращения на родину: соответствующие Манифесты, говорилось в документе, практически готовы, и оставалось «в оных Манифестах толко подтверждение написать, что им, раскольникам и их детям, яко записавшимся в двойной оклад... никакого притеснения чинено не будет; и для лучшего приохочивания к выходу их в Россию надлежит при том обнадёжить: 1. Что они в рассуждении добровольного оттуда выхода не токмо за побегу в винах их, но и в разных оказавшихся преступлениях, яко то: по корчемным, соляным и тому подобным делам... прощаются», как это уже было обещано Манифестом о коронации Екатерины II от 22 сентября 1762 г. Второй пункт проекта решения отменял «указное платье» и бритьё бород, третий — объявлял свободу записи в любое непривилегированное сословие. Наконец, в четвёртом пункте всем выходцам из-за границы гарантировалась шестилетняя податная льгота.

Чтобы не страдали интересы помещиков, в третьем пункте специально оговаривалось: власти будут засчитывать помещичьих

крестьян в рекруты их бывшим владельцам, «или, в случае множественного числа выходящего народа, не зачитая их в рекруты, из собираемых с них доходов давать [помещикам] за них деньгами... за мужеска пола по 30 рублёв, а за женский против того вполы...» (спустя месяц за мужскую душу было решено давать по 60 рублей).

Несколько позже Сенат сделал добавления к своему приговору. Первое из них касалось освобождения от податей и работ: оно, настаивали сенаторы, предназначалось только тем, кто на момент выхода Манифестов находился за границей, новые же беглецы на него не должны были рассчитывать. Во втором добавлении Сенат вновь подчёркивал отказ от строгостей петровских законов, ныне представлявшихся излишними. Особая оценка здесь была дана петровскому указу от 27 октября 1722 г., в котором «раскольников» объявили «неприятелями» государя. «Раскольников», говорилось в сенатском документе, раньше подозревали, что они «преклоняют» в своё учение простонародье, потому-то некогда и появился такой указ. Ныне же, утверждали авторы постановления, времена изменились, и думать плохо о «раскольниках» не стоит, тем более, что угрозы от них нет никакой, да и власти не дремлют: старообрядцы-новосёлы, «вышед» на родину, «...селиться будут... отдалёнными от жилищ слободами, причём к их содержанию и все предосторожности тогда [будут] приняты...».

Предложения Сената, несмотря на их относительный либерализм, саму Екатерину II не очень-то устраивали: она тяготела к принципиальному разрешению вопроса о «загранишных раскольниках», не желая сводить дело, так сказать, к законотворчеству *ad hoc*— к изъятиям из действующего права для малороссийских, «свято-елизаветинских» и прочих старообрядцев, пусть даже изъятиям и сугубо положительным. На практике это означало, что с замыслами развития «раскольнической»

реэмиграции нужно увязать и статус внутренних, «записных раскольников», и поступать в дальнейшем по единому плану.

До тех же пор, пока этот план не составлен, и требуемый Екатериной II «о всех раскольниках доклад» не готов и ею самою не подтвержден, спешить с распоряжениями по части «раскола», как она полагала, не следовало. Сенат внял мнению монархини и, как следствие, 5 ноября 1762 г. вынес определение о приостановке всех мероприятий в отношении «загранишных» старообрядцев. Исключение с подачи Иностранной коллегии допускалось лишь для староверов, вышедших в Новороссию из «маетностей» магната Любомирского: вельможный пан хотел передать своих «филиппонов» крымскому хану, поэтому с их переводом на русскую сторону киевскому губернскому начальству предписано было не мешкать [Сенатский архив, XII 1903: 183, 190–195].

Доклад «о всех раскольниках» взялся готовить А. И. Глебов: если дело касалось «загранишного раскола», то этот человек, хорошо ориентированный благодаря своему отцу в сути вопроса, оказывался поистине незаменимым. «Александр Иванович! Приезжайте на час ко мне и привезите с собой манифест о вызове из Польши раскольников», — просила его Екатерина II 3 декабря 1762 г. [Сборник ИРИО, 7 1871: 187]. А. И. Глебов прибыл немедленно и представил бумагу, которую Екатерина II ждала уже целый месяц. На следующий день, 4 декабря 1762 г., Манифест к «загранишным раскольникам» был обнародован [ПСЗРИ, 16 1830: № 11720].

Будучи составленным по образцам предыдущих «узаконений» Елизаветы Петровны и Петра III, он был дополнен свободой записи «выходцов» в купцы или государственные крестьяне и шестилетним освобождением «от всяких податей и работ». Шестилетняя льгота с лёгкой руки А. И. Глебова в «пригласительных указах» для «загранишных» осталась навсегда.

«Сопоставляя льготы, обещанные этим указом раскольникам, с полной свободой вероисповедания, дарованной иностранным колонистам, можно видеть, что стремление умножить население вело правительство прямо к веротерпимости», — такой комментарий к Манифесту 4 декабря дал М. Шпилевский [Шпилевский 1897: 109]. Содержавшиеся в Манифесте религиозные гарантии сделали его важнейшим правовым основанием абсолютистской веротерпимости Нового времени в России и поставили его в один ряд с указами Петра I о приглашении иноземцев 1702 г. и о католических церквях 1705 г., с 10-м параграфом Ништадтского договора 1721 г., с аннинским Манифестом от 22 февраля 1735 г. и, наконец, с появившимся позже Манифестом самой Екатерины II от 22 июля 1763 г. о правах иностранных колонистов в России, шестой пункт которого также являл собою «просвещённую конституцию» толерантности [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 298–300].

Манифест 4 декабря появился в сложной обстановке. С 5 ноября, как мы помним, существовал запрет на все действия органов власти в отношении «раскольников», и именно названный Манифест был призван дать им новый старт. Между тем к началу декабря уже неоднократно фиксировались случаи, когда военные команды возвращали захваченных в Польше людей их бывшим хозяевам без всякой санкции свыше и вопреки декабрьскому Манифесту. О подобных нарушениях говорилось в особом докладе Сената, поднесённом императрице в тот же день, 4 декабря. К необходимости исправить перегибы Сенат возвращался и 12 декабря [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1488. Л. 1–4об., 10–20]. Соответственно, в развитие Манифеста требовались новые «узаконения», которые, с одной стороны, обеспечили бы защиту «загранишных раскольников» от произвола и ранее допущенных несправедливостей и, с другой, подтвердили бы, что переселение старообрядцев из-за рубежа следует в

общем правовом русле политики по «импорту народонаселения» и освоению окраин.

Сенатские протоколы показывают, что для подготовки подобных «узаконений» прорабатывалась юридическая база вероисповедной политики, начиная со времён Петра. В их основу закладывался принцип *raison d'état*: выходцы «потщатся, поселясь в России, пожить спокойно и в благоденствии, в пользу свою и всего общества», — писали сенаторы Екатерине II, поднося 13 декабря 1762 г. на конфирмацию новый указ [Сенатский архив, XII 1903: 211–216].

На следующий день, 14 декабря, сенатский указ был обнародован. В реестре, приложенном к нему, определялись территории для первоочередного размещения поселенцев из-за рубежа [ПСЗРИ, 16 1830: № 11725]. Исполнение указа ложилось на местных начальников: они должны были оказывать новосёлам «при том новом поселении все удобовозможные вспоможения». В целом Манифест 4 декабря и сенатский указ 14 декабря 1762 г. устанавливали принципиально единый порядок «испомещения» в России и завербованных иноземцев, и «загранишных раскольников».

Значение указа 14 декабря 1762 г. для судеб «раскола старообрядства» в России трудно переоценить. Он составил не только целый этап в процессе правового обеспечения старообрядческой реэмиграции, но и повлек за собой расширение географии мест легального обитания «загранишных» староверов в России: благодаря ему возникли заволжские сёла и Иргизские скиты в Малыковской волости, посёлок Каменный Яр «между городов Царицын и Черного Яру» (Астраханская губерния) [РГАДА. Ф. 822. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–3об.], слободы Лашникова, Богдановка, Черниговская и другие в Валуйском уезде (Белгородская губерния) [РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1069]. Но и после выхода

знаменательных декабрьских «узаконений» темпы процесса правотворчества не снижались.

Положение «загранишных раскольников» с учётом предоставленных им пожалований оказывалось более выгодным по сравнению с прочим сельским населением, и это привлекало в слободы «загранишных» беглый люд со всей России. И. Ф. Глебов уже 6 февраля 1763 г., то есть всего через полтора месяца после выхода «милостивых узаконений» Екатерины II о «раскольниках», доносил Сенату, что офицером его команды среди «раскольников» ведомства крепости св. Елизаветы обнаружены беглые мужики и уголовные преступники из внутренних районов страны, и предлагал обязать «свято-елизаветинских» и слободских «раскольников» круговой порукой, «чтоб таковых впредь не принимали и у себя не держали» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1489. Л. 14–15].

Но вместе с тем побеги населения в слободы «загранишных» открывали возможность укрепить систему «государственного феодализма» на Юге и в Малороссии, развить присущие ей патерналистские черты. Это совпадало с чаяниями самих слобожан. Весной 1763 г. до Екатерины II дошла челобитная депутатов от семнадцати старообрядческих слобод, подаренных было Петром III своему любимцу А. Гудовичу. Староверы просили не отдавать их в помещичью зависимость и причислить ко Дворцу. Челобитную рассмотрел Сенат и, как того и хотела Екатерина II, признал, что переводить раскольнические слободы в частное владение в связи с имеющимися у государства планами развития хлебопашества на южных землях нецелесообразно [РГАДА. Ф. 168. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–3]⁵⁴. 12 мая 1763 г. Екатерина II направила А. В. Олсуфьеву указ: слободы оставить в казне, а Гудовича, чтоб не обиделся, пожаловать вместо душ деньгами [Сборник ИРИО, 7 1871: 282; Соловьёв, 25 1851–1879: 133–134].

⁵⁴ Доклад Сената не датирован, но из дальнейшего изложения понятно, что он составлен не позже 12 мая 1763 г.

Вскоре Екатерина II распространила данные староверам льготы на прочее пребывающее в бегах за кордоном великорусское население. Соответствующий Манифест, составленный на основе очередного Всеподданнейшего доклада Сената, был обнародован 13 мая 1763 г. [ПСЗРИ, 16 1830: № 11815].

М. Шпилевский указывал, что данным Манифестом «льготы, обещанные раскольникам, были распространены вообще на всех помещичьих и всякого звания людей и крестьян, возвращавшихся из-за границы» [Шпилевский 1897: 110]. Екатерина II подтверждала этим свою принципиальную позицию: привлекать «раскольников», но не делать для них ни положительных, ни отрицательных исключений.

В источниках также имеются ссылки на указ от 20 мая 1763 г., по которому беглым «возвращенцам» из-за границы разрешалось свободно селиться и на землях Дворца. Нами этот указ не обнаружен, но, по всей видимости, он действительно существовал. В рапорте Сената, датированном временем после 1 июля 1763 г., указано, что в минувший год в дворцовых дачах имели место поселения «по силе указу», и «первой всему тому начало зделал... помещика Лаврова крестьянин Леон Козмин... с семейством, и один ящик из Полши..., но в которую дворцовую волость отослан, за неимением в Сенате репорта, неизвестно» [РГАДА. Ф. 168. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–2об.]. Собственно указ, «по силе» которого заселялись отводы Дворца, назван не был, но есть все основания связывать «испомещение народу» здесь именно с названным майским указом.

Тем временем продолжалась законодательная горячка. Сенат в развитие декабрьских «узаконений» 1762 г. штамповал всё новые и новые указы, и порой ему приходилось даже сдерживать себя. Например, 22 мая 1763 г. появился указ о распространении на всех новопришлых беглых великороссов на Юге норм Манифеста 4 декабря и указа 14 декабря 1762 г. Указ адресовывался И. Ф. Глебову, но по назначению его не отправили. В

Сенате, судя по тексту пометы на экземпляре указа, рассудили: власти на юге, получив указ 14 декабря, и сами вполне способны разобраться, что сфера действия документа предельно широка, и никаких дополнительных предписаний, во всяком случае на данный момент, не нужно [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1489. Л. 17–19об.].

Развитие намеченных Екатериной II мер требовало координации внешней и внутренней политики: только создав условия для массового исхода «загранишных» на родину, можно было рассчитывать на прекращение пограничных разбоев и нападений, основной силой которых и были «загранишные». На подготовку окраинных территорий к приёму «загранишных» был нацелен именно указ от 11 июня 1763 г. Этим указом под действие Манифеста 4 декабря и указа 14 декабря 1762 г. подводилась Новая Сербия.

В своё время при Елизавете Петровне ведомство Новой Сербии было учреждено, дабы посадить на землю переселенцев — сербов, молдаван, волохов, болгар, македонцев, и создать из них пограничные национальные части, которые были бы способны сами себя кормить и содержать, не вызывая расходов казны. Опыт оказался неудачным, к тому же поселенцев было слишком мало, чтобы формировать из них полки. Поэтому Новую Сербию преобразовали в Новороссийскую губернию и решили заселить возвращающимися из бегов велико- и малороссами. Общий контроль здесь возлагался на И. Ф. Глебова [ПСЗРИ, 16 1830: № 11861], которому вместе с тем предписывалось «попечение иметь» и об «умножении слободского населения и раскольнических слобод, о вызове из Польши беглых малороссиян и раскольников и других российских подданных» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1487. Л. 4]. И. Ф. Глебов, таким образом, должен был контролировать ход реэмиграции по обе стороны границы [Бумаги императрицы..., 2 1872: 32, 187, 298].

Действиям следовало придать стройность, чем в столице был озабочен уже А. И. Глебов. В те дни, когда готовился указ от 11 июня, он и представлял Екатерине II упоминавшийся сенатский доклад от 15 мая 1763 г. о мерах против «раскольников» на границе. «Подлинное определение, составленное 15 числа сего мая о раскольниках, взято Его Высокопревосходительством г[осподи]ном генерал-прокурором и отвезено во дворец июня 12 дня 1763 г.», — такая помета имеется на экземпляре майского доклада, отложившемся в бумагах Сената [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1488. Л. 57–59об.]. Для Екатерины II, ознакомившейся с докладом о положении пограничных дел, также не подлежало сомнению, что «испомещение» беглых старообрядцев в России и нажим на них в Польше должны быть согласованными.

Внутренний правовой аспект новой политики по «расколу» развивался под влиянием прагматической веротерпимости. Соответственно, требовалось иное, нежели раньше, отношение к проблеме ревизского учёта староверов.

Кроме того, было высказано принципиальное требование отказаться от инквизиционной практики. Оно содержится в сенатском указании Синоду в связи с делом о «раскольнических учителях», сосланных из Воронежа в Азов и Таганрог, но «совращающих в раскол по-прежнему» во время частых отлучек в родные места тайком от начальства. В решении по делу, записанном в журнал Сената 7 ноября 1772 г., значится: «...из всех вступивших теперь о раскольниках в Сенат дел, сочиня экстракт, отослать в св. Синод на его примечание, с тем, чтобы благоволил дать духовным властям наставление: при случае производства следствий о каких-нибудь суевериях подлежащие духовному суду люди требуются были в консисторию со всевозможным осмотрением и осторожностью, чтоб как-нибудь и таким [людям], которые к суевериям непричастны, не могло быть

причинено ни малейшего притеснения и чрез то не произвести бы существительного вида инквизиции» [Соловьёв, 29 1851–1879: 112].

Рекомендации Сената Синод воспринял вполне, о чём говорило и синодское постановление по делу о «раскольническом попе» Акиндинове. В Синоде дело слушалось 12 июля 1770 г. Из документов следовало, что греко-российский священник Акиндинов после смерти жены бежал на Ветку, вернувшись в 1764 г. «по силе указа» в Россию, жил в слободе Климовой, затем в Харькове, а позже перебрался на Дон, в Деркульскую станицу, к казакам-«раскольникам» и задержан близ г. Черкаска.

После ареста выяснилось, что обвиняемый перешёл в «раскол» задолго до своего рукоположения в иерейский сан, что делало и само посвящение неистинным. По духовным правилам Акиндинова следовало направить в светский суд как обычного бродягу. Однако арестованный священствовал у «записных раскольников», которых «по Высочайшим указам трогать не велено», и воронежский епископ Тихон (Соколов) не решился своей властью, «без особливого о том Святейшего Синода рассмотрения» расстричь беглеца и предать его светскому суду. Синод, вникнув в суть, определил: в синодскую компетенцию входит только лишить Акиндинова священства, что же касается наказания за службу у «раскольников», то это всецело прерогатива Сената [ПСПиР, 1 1910–1915: № 557]. Таким образом, духовные наказания в делах, связанных с «расколом», изымались во внешнем праве Церкви из сферы применения.

Роль руководящих указаний светской власти особенно заметна в деле «об оказавшихся в Воронеже отступниках от православной веры» — сектантах-духоборах. Первоначально оно рассматривалось в Сенате на основании рапортов «по команде» епископа Воронежского Тихона (Якубовского) и воронежского вице-губернатора Маслова. В документах говорилось, что после увещеваний часть сектантов всё же «обратилась к Церкви», а вот что делать с остальными, неясно. 19 февраля 1773 г. Сенат

постановил: «обратившихся» можно отпустить по домам, но под надзор приходского духовенства, прочих же передать для исправления православным «доброго жития», а если никто не возьмёт, то на фабрики «в работу».

В связи с данным делом перед Синодом была поставлена специфическая задача: разработать правила для выявления подобных отступников впредь. Поскольку духоборы были совершенно новой сектой, с которой властям ранее не приходилось сталкиваться, Сенат рекомендовал Синоду поступать, как и во всяком незнакомом деле, с «вящей осторожностью». Синод рекомендацию выполнил, подготовив следующие правила: 1) виновные подлежат светскому суду, но вызывать их туда должно через мирского депутата и с большой осторожностью, 2) Церковь не налагает наказаний, а только увещевает, и 3) вопрос о наказаниях находится в исключительном ведении светских учреждений.

Правила не получили юридического утверждения, хотя и применялись вплоть до николаевских времён. В частности, вскоре духоборы появились в Тамбове, и синодский указ в тамошнюю епархию был составлен уже «в силу третьего пункта» вышеназванных правил [ПСПиР, 2 1910–1915: № 679]. Духоборы никакого отношения к старообрядцам не имели, но, как мы знаем, власти под понятие «раскол» подводили и всех сектантов, и всех старообрядцев, а потому выдвинутые Синодом правила одинаково благоприятно сказывались на положении великорусских религиозных меньшинств: они ограничивали рвение и снижали произвол со стороны духовенства, особенно в европейской части страны. Настаивая на соблюдении этих правил, светской власти отчасти удавалось дисциплинировать Церковь, выветрить её «фанатизм», приучить к сдержанности в духовных делах «по расколу».

Система нового отношения к «расколу» в целом оформилась довольно быстро. Общий правовой порядок «испомещения» населения и

выплат компенсаций помещикам за потерянных людей, установленный, напомним, ещё 12 января 1761 г., и подтверждённый в 1762–1763 гг., в середине – второй половине 60-х гг. работал достаточно устойчиво.

В 80–90-е гг. XVIII в. продолжался процесс отмены дискриминации старообрядцев в соответствии с общей линией правовой политики «просвещённого абсолютизма». Сугубо прагматический характер подобной политики проявлялся, однако, в том, что в поисках юридического обоснования для расширения гражданских прав староверов законодатели не стали апеллировать к пресловутому «духу законов» непосредственно, а предпочли опереться на традицию малороссийского партикуляризма. В итоге важный шаг в деле урегулирования положения «раскола», такой, как участие в суде на равных правах, выглядел всего лишь как уступка автономным малороссийским правам. Тем не менее значение указа оказалось гораздо шире, нежели дарованное старообрядцам право подавать земельные иски против малороссиян. Отныне староверы становились субъектами гражданского права и формально могли принимать подданнические обязательства. Право присягать повлияло и на жизнь староверов в городах, о чём ниже.

Правовые послабления, допущенные «просвещённым абсолютизмом» в отношении «раскола», были достаточно серьёзны, но отнюдь не все они были зафиксированы в праве. Кроме законов, изменилось и отношение властей к «расколу», изменилось поведение должностных лиц. Это сказалось прежде всего в сфере культовой практики, причём даже вопреки мнению Церкви.

В России на протяжении XVIII в. старообрядческий культ открыто отправлялся только в северных Выговском и Лексинском монастырях. О существовании старообрядческих церквей или обителей в каких-либо иных местах, в том числе и в малороссийских слободах, власти долгое время даже слышать не хотели. Правда, в 1732 г. в местечке Городище

Стародубского полка был некий «скиток», куда затем хотели отправиться на житие старцы, выведенные в Россию с Ветки в 1734 г., но после гонений на слободских староверов 1737–1738 гг. известия об этом «скитке» исчезают.

Разоря в первый раз Ветку, власти позаботились, чтобы захваченные в тамошних слободах люди не переносили традиций, связанных с почитанием ветковского храма и его реликвий, в Россию, и для этого после сожжения церкви распорядились тщательно собрать и конфисковать хранившиеся при нём книги и «церковные рухляди», спасённые старообрядцами [Барсов 1897: 44]. Но при Екатерине II мистического неприятия «раскола» власти уже не испытывали и после вторичного разгрома Ветки в 1763 г. дали разрешение, чтобы старообрядческий храм из опустошенного местечка перевезти в Малороссию, в Климову слободу и там заново собрать. Церковь действительно перевезли: ордер на подводы для перевозки церкви был выдан слободским правлением 2 марта 1765 г. [Журавлёв 1799: 260–262].

Смягчение преследований в эпоху «просвещённого правления» было важной тенденцией правовой политики. Но у процесса упорядочения правовых отношений, составной частью которых явилась отмена ненужных с «просвещённой» точки зрения ограничений «раскола», была и другая сторона: следовало принять меры и к ликвидации всего того, что в понимании крепостников могло быть сочтено незаслуженным преимуществом «раскола».

Первым из таких «преимуществ» была возможность откупаться от рекрутства. Социальная интеграция «раскола», задуманная «просвещённым абсолютизмом», не была бы законченной без распространения на них рекрутской повинности наравне с прочими великороссами. 29 ноября 1763 г., то есть всего через месяц после второй выгонки Ветки, Военная коллегия представила Екатерине II доклад о

рациональном использовании захваченного на Ветке «человеческого капитала», и императрица утвердила этот доклад [ПСЗРИ, 17 1830: 11979]. 8 июня 1765 г. был Высочайше утверждён и другой доклад Военской комиссии — о сборе «с раскольников всякого звания рекрут натурою» [ПСЗРИ, 17 1830: № 11979].

Против рекрутской повинности поднялись малороссийские староверы, переселившиеся стараниями И. Ф. Глебова в Елизаветградскую провинцию. Дело было в том, что все южнорусские старообрядцы, вышедшие непосредственно из-за рубежа, были обязаны окладом с земли и рекрутчиной. Обыватели же «описных слобод», обосновавшиеся в здешних краях, упирали на то, что с них на старом месте следовала только подушина и денежный взнос в счёт рекрутской повинности, и данный порядок должен быть сохранён для них и сейчас.

В ответ на это 26 октября 1767 г. Сенат издал указ: выход раскольников из малороссийских слобод внутрь России допускается только в крайнем случае и с обязательного одобрения Главной Дворцовой канцелярии, а также самого Сената. Таким образом, неявно был сделан выговор И. Ф. Глебову, отступившему от обозначенного запрета. В отношении же «раскольников», в своё время отпущенных И. Ф. Глебовым в Елизаветградскую провинцию, Сенат решил, что в силу факта их переселения «прежнее их состояние уничтожается», и они обязаны нести повинности, включая и рекрутство, и «платить подати по подтвержденному о Новороссийской Губернии штату» [ПСЗРИ, 18 1830: № 12996]. Слободской обычай откупаться от рекрутчины, по мнению Сената, тоже подлежал искоренению: слишком уж многих «великороссийских мужиков» он соблазнял бежать в слободы. Аналогичным указом, вышедшим в тот же день, рекрутчина «натурою» распространялась и на слобожан [ПСЗРИ, 18 1830: № 12997].

Но в Киевской и Новороссийской губерниях порядок сбора рекрут в это время не сложился окончательно: здесь было много «загранишных» староверов, перешедших и прямо из-за кордона, и побывавших ранее во внутренних губерниях, а теперь жаждавших освобождения от податей и рекрутства. Указ Сената от 29 ноября 1767 г. постановлял, что рекрут следует брать со всех, кроме «прямых выходцов», которые получили шестилетнюю льготу по указу 14 декабря 1762 г. и у которых «та льгота ещё не миновала» [ПСЗРИ, 18 1830: № 13023]. Слободские переселенцы были здесь причтены к выходцам из внутренних губерний.

На запрос новороссийского губернатора о том, как же быть с повинностями переселенцев из Стародубского полка, не обзаведшихся на новом месте хозяйством, 6 марта 1768 г. последовал новый указ Сената: для пользы государства рекрут следует брать со всех без различия, дабы не провоцировать «раскольников» к постоянным переходам с целью уклонения от рекрутчины [ПСЗРИ, 18 1830: № 13076]. Порядок набора рекрут с малороссийских слобожан тем самым был окончательно утверждён.

1760-е гг. и Уложенная комиссия были ступенями в развитии вероисповедных реформ, серьёзно изменивших положение «раскола». Крестьянская война на время прервала этот процесс, но после её подавления практика вероисповедной либерализации была продолжена.

Отправной точкой новых преобразований стали прения в Сенате 31 января 1778 г. по делу «о записывающихся в двойной раскольнический оклад». В журнале I Департамента значилось: «Слушали: два ведения Синода о записывающихся в двойной раскольнический оклад раскольниках после положенных в 764 и 765-м годах сроков к подаче им о себе сказках. Приказали: ...о всём том, выписав из дел не только публичных, но и секретных, предложить к докладу в полном 1-го Департамента собрании, а как сиё, яко касается до веры, суждение имеет

быть вообще с Св. Синодом, то потребовать, дабы благоволил и оный приказать сделать историческое описание». Конечное решение сводилось к тому, чтобы всемерно поощрять запись старообрядцев в любые (податные) сословия. Говорилось тогда же и о необходимости осуществлять обложение «раскольников» на общих для всех сословий основаниях [РГАДА. Ф. 248. Оп. 49. Д. 4176 Л. 178–178об.].

Ликвидация двойного оклада и гражданских ограничений стимулировала старообрядческую колонизацию Юга России. Старообрядцы, обращавшиеся к Г. А. Потёмкину за содействием, сами могли выбрать наиболее удобные земли в Таврической области. При этом они избавлялись на полтора года от податей, на старом же месте их подати раскладывались на их бывших односельчан, которым в виде компенсации передавались все земли переселенцев. Новосёлы получали лес для строительства домов с оплатой в рассрочку на несколько лет и годовую хлебную ссуду. Также все переселенцы на три года освобождались от постоев и нарядов на работы, и от платы за речные перевозки.

Процесс либерализации отнюдь не был прямым: рецидивы запретительной и репрессивной политики также имели место. Так, в мае 1784 г. с жёстким «антираскольническим» проектом выступил генерал-прокурор А. А. Вяземский, однако его предложения разошлись с либерализационной практикой монархии, и Екатерина II его даже не рассматривала [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 304. Л. 3–23; Ряжев 2004: 150].

Льготы, пожалованные староверам, на практике подлежали расширительному толкованию. Таково было общее правило «законной монархии» Екатерины II, ибо зрелый «просвещённый абсолютизм» не желал делать из старообрядцев особого сословия или сословной группы, тем более привилегированной — линия на правовую унификацию и в сфере духовной политики была незыблемой. Так, в преддверии русско-

турецкой войны 1787–1791 гг. Г. А. Потёмкин призвал староверов, ранее приглашённых им в своё наместничество, на казачью службу.

Вскоре добровольно поступать в казаки было предложено и греко-русским обывателям Тавриды. Местные учреждения не успевали за светлейшим князем и потребовали разъяснений: касается ли объявленная вербовка по-прежнему одних лишь староверов-переселенцев, коих в губернии на тот момент насчитывалось 5 155 душ, или речь идёт уже обо всех казённых крестьянах? После запроса Екатеринославской казённой палаты Г. А. Потёмкин 28 марта 1788 г. подчёркивал: не только старообрядцы, но и «...все те, которые из правоверных пожелают вступить в сие звание и восприятие выгод, пожалованных старообрядцам, могут быть записаны в число казаков» [Сборник ВИМ, VI 1875: № 269].

Церковь «просвещённого абсолютизма» соглашалась, таким образом, с передачей её функций явочным порядком государственному аппарату, и ограничивала себя лишь их дублированием, в принципе уже необязательным. Это показало одно из дел, возникших в Синоде в период начавшейся V Генеральной ревизии. Епископ Тамбовский Феофил доносил в Синод, что в Спасске, городке его епархии, судя по сообщениям тамошних духовных, появились «пропагандисты» раскола, и один из них «совратил» многих горожан и внёс «в сказки с собою» как «записных раскольников». Докладывал епископ и о том, что в городе и до ревизии было много «записных», в последнее же время они оживились и даже устраивают публичные погребения. Владыка запрашивал рекомендации, как ему с ними со всеми поступать.

Синод своё решение от 3 октября 1795 г. начал с выволочки епископу, словно выпавшему из своего времени: и записное состояние, и само понятие «раскольник» давно отменено, и преосвященному не худо бы это наконец уяснить и «того держаться». Если же он этого до сих пор не знал, то должен был снестись с наместническим правлением, и там бы ему

всё разъяснили, и тогда не было бы необходимости утруждать Синод «толь-
странными» запросами. Своё суждение Синод подкрепил длинной цитатой
из памятного доклада Е. П. Кашкина. Что же касается борьбы с
«раскольническими лжеучителями», гласило синодское предписание, то
Церковь здесь всецело подчиняется законам «светского правления»,
которые и архиерей обязан соблюдать, но почему-то не соблюдает.
Соответствующий алгоритм в них многожды прописан: сообщать о
«лжеучителях» светским властям и организовывать против них в приходах
увещевания «с пастырской любовью», не входя при этом к прихожанам-
старообрядцам «в дома противу воли их», и не допуская никаких
самочинных следствий и «расправ» [Сборник ВИМ, VI 1875: № 1608].

Можно не сомневаться, что результаты намеченных в 80-е гг. XVIII
в. в области духовной политики реформ, в том числе и в том, что касалось
старообрядчества, были бы существенно более широкими, не помешай
этому войны и политическая напряжённость вокруг трона [Ряжев 2004:
150]. Во всяком случае, никаких юридических препятствий для перевода
«раскола старообрядства» на положение отдельного исповедания не было,
и если в описываемое время данный путь оставался закрытым, то только
по идеологическим соображениям самодержавия.

Вопрос о «расколе» (так же, как и вопрос об исламе или иудаизме)
был вопросом не о религиозной терпимости самой по себе, но о пределах
этой терпимости в рамках политико-идеологической системы
«просвещённого абсолютизма». Для «раскола старообрядства» в рамках
этой системы при Екатерине II был сделан максимум возможного.

Правовое совершенствование государственного строя, поставленное
в порядок дня «просвещённым абсолютизмом», сделало необходимым
налаживание отношений между исповеданиями, не исключая и греко-
русского, и государством. С середины XVIII в. актуальным было
упорядочивание взаимосвязей и между «иностранными исповеданиями» в

русских пределах, и для этого также требовались «узаконения», между тем, как подчёркивалось в указе Синода в Коллегию Иностранных дел от 30 марта 1756 г., вышедшем в связи с длительным и тяжёлым конфликтом между астраханскими армянскими общинами григориан и католиков, «в таковых их, яко иноверных, друг на друга претензиях, где и каким порядком разбирательство чинить следует, о том точных указов» нет вообще [Кузнецов 1898: 92].

То же можно было сказать и о состоянии правовой базы межконфессиональных отношений в целом. Рост государственной территории России и наряду с этим «импорт народонаселения», отнюдь не моноэтничного и не моноконфессионального, ещё более усложняли данную задачу, и без того нелёгкую. Известно, например, чего стоила властям одна только нормализация отношений униат с православными и католиками в 70–80-е гг. XVIII в. в Белоруссии, а ведь были ещё и коллизии между католиками и лютеранами в Западном и Остзейском краях и в Санкт-Петербурге, и взаимные счёты католических орденов, и конфликты между сторонниками различных патриархов среди армяно-григориан, и вражда между шиитами и суннитами, и всё это требовало государственного вмешательства.

Процесс формирования «просвещённого» управления исповеданиями получил старт с самых первых лет екатерининского правления. Г. В. Ибнеева, характеризуя политическое значение путешествия Екатерины II по Волге в 1767 г. в контексте проблематики Уложенной комиссии, видела его в том, что правительницей уже тогда в полной мере был осознан фактор полиэтничности и поликонфессиональности огромной империи, а следовательно, объективная неизбежность терпимого отношения к «полулегальным» массовым религиозным учениям — старообрядчеству, исламу [Ибнеева 2000: 99]. В такой же мере императрица понимала, что религиозная

толерантность должна выступать составной частью общего регулятивного подхода к состоянию исповеданий, в котором самодержавие, как и в других сферах, призвано играть скрепляющую и организующую роль.

С достижением «просвещённым абсолютизмом» своих зрелых форм государственное управление исповеданиями всё более встраивалось в единую систему высшего подчинённого управления. В это время, то есть в 70–90-е гг. XVIII в., целый ряд губернаторов и сановников считал вполне допустимым подвести под названное управление и старообрядчество, признав его тем самым, пусть и «всего лишь» в видах приращения «человеческого капитала» и хозяйственного освоения окраин, ещё одним «иностранным исповеданием». Однако против этого был целый ряд объективных обстоятельств, и главное из них заключалось в самой природе политических взаимосвязей под эгидой абсолютной монархии.

Общие принципы «просвещённого» государственного управления диктовали необходимость объединения близкородственных конфессий. Политика русской «просвещённой» монархии здесь ничем не отличалась от политики монархии австрийской: вспомним, что и Иосиф II пробовал поставить над буковинскими староверами-липованами сербского православного епископа.

Прописной истиной «просвещённого абсолютизма» было и религиозное подчинение подданных только своей, инкорпорированной в государственную структуру иерархии, причём не в ущерб интересам господствующего исповедания. Примеров такого рода в истории остэльтских «просвещённых» монархий также сколько угодно, но в высшей степени характерно, что урок усвоил и хан Шагин-Гирей, копировавший в своей политике «просвещённые» государственные порядки. Именно в подобном духе был составлен его берат о возвращении ушедших в Турцию в 1778–1779 гг. некрасовцев в крымское подданство (см. вторую главу). В частности, религиозные свободы некрасовцев в

документе жёстко увязывались с их подданническим состоянием и были подчинены интересам и престижу ислама как господствующего исповедания: «что же касается до гражданских законов, то они всячески должны повиноваться суду и судьям... магометанского закону» [Дубровин, 4 1892–1894: 227–230].

На данных принципах строилась и вся «просвещённая» политика мягкой интеграции «раскола старообрядства» второй половины – конца XVIII в., включая и политику развития единоверия — важнейшего аспекта этой самой мягкой интеграции. Первыми её жертвами должны были стать такие старообрядческие согласия, которые в спокойные времена Екатерины II под влиянием социальной дифференциации отходили от критики символики и атрибутов самодержавия (государственного герба, паспортов, денег), и, шире, от проявлений патриархального антимонархического эсхатологического протеста — те же поповцы (беглопоповцы), поморцы, федосеевцы. Причём поповцы для властей были намного предпочтительнее прочих: в организационном и догматическом планах их разрыв с греко-российской Церковью выглядел совсем уж непринципиальным.

Отсчёт политики по насаждению единоверия можно вести с того времени, когда государство стало принуждать старообрядцев к поминовениям императрицы и царствующей фамилии по утверждённому Синодом образцу — по «печатной форме», или «табели», которую Синод направлял в каждую греко-российскую епархию и приход. «Печатная форма» представляла собой текст специальной здравицы в честь правящего монарха (монархини) и официального наследника. Возглашать эту здравицу следовало на каждой литургии. Отступать от текста, что-либо прибавлять, убавлять, изменять строго запрещалось.

К староверам Синод «печатных форм», понятное дело, не направлял, да и для самих старообрядцев эти «формы» были весьма сомнительным

новшеством, впрочем, как и всё, что связывалось у них с греко-российской церковью. Станным казался им и «языческий» императорский титул русских монархов. По этим причинам синодских «табелей» не было на Выге, хотя там задравные поминовения царствующей фамилии всё-таки совершались, начиная с петровских времён. Ни «табелей», ни поминовений императоров никогда не было и на Иргизе.

С развитием реэмиграции всё более отчётливой становилась тенденция «просвещённого абсолютизма» приспособить духовные институты старообрядцев для внушения им верноподданнических настроений, хотя власти, по всей видимости, вряд ли рассчитывали здесь на большую удачу. Что же касается Церкви, то она относилась к этому как к попыткам с заведомо негодными средствами. Но даже «просвещённые» деятели духовенства опасались, что староверы откликнутся на правительственные усилия. По их мнению, это могло стать прологом к признанию старообрядчества самостоятельным исповеданием. Подобные опасения занимали значительное место в настроениях иерархии. Об этом можно уверенно судить на основании обширной частной переписки митрополита Платона (Левшина) 80–90-х гг. XVIII в. — источника, достаточно репрезентативного для понимания взглядов духовенства высокого ранга: в письмах Платона и к Платону подобные тревожения прорывались постоянно [Извлечения из писем... 1877: 55].

Впервые проблема «форм» для старообрядцев была поставлена Синодом в промемории в Сенат от 17 июня 1768 г. Синод, получивший известия о строительстве в малороссийских слободах старообрядческих часовен, напоминал Сенату, что выступает против часовен для «раскольников», ибо пресловутых «печатных форм» у них нет, властей они поминать не будут, а в этом случае и разрешать им богослужение вовсе незачем.

Сенат предпочёл отмолчаться, но дело о «формах» вскоре получило продолжение. В Киевскую губернскую канцелярию поступил донос малороссийского слобожанина Т. Болховитинова. Тот сообщал, что слободские «раскольники» поминают Екатерину II царицей, а не императрицей, и не называют её при этом благоверной и благочестивейшей: предписанные эпитеты опускаются при чтении тропарей, и на ектеньях в возглашениях их также нет. Канцелярия предложила черниговскому епископу послать в слободы «печатную форму... о воспоминании полного титула Е. И. В...». Преосвященный рекомендацию выполнил. Генерал-губернатор, в свою очередь, установил надзор за соблюдением «формы», направив наверх рапорт, что «из Киевской губернской канцелярии как в раскольническую слободскую контору, так и к оному» Т. Болховитинову «о надсматривании за ними, чтобы по форме точно исполняли [поминование], указы посланы».

Синод узнал о случившемся из рапорта епископа от 20 августа 1768 г. и сделал преосвященному выговор: «как оным раскольникам публично молитвы отправлять и часовни иметь позволения не дано, то Его Преосвященству как оных форм посылать не надлежало, так и впредь к ним не посылать...». Затем Синод вновь передал бумаги в Сенат. Поскольку всё, что касалось нарушения «формы», относилось к разряду преступлений об «оскорблении величества», Сенат поручил провести следствие Тайной экспедиции, куда вскоре затребовали и самого Т. Болховитинова. Однако в Экспедиции раздувать дела не стали: времена были не те. Официальная мотивировка об отказе вести розыск, предъявленная Синоду, гласила: действий и намерений к «оскорблению величества», расследованием чего только и могла бы заняться Тайная экспедиция, данный инцидент не содержит. С другой стороны, говорилось в определении Тайной экспедиции, вся соль «приключения» состоит в том, что у «раскольников» не «обретено» синодской «печатной формы», между

тем обязанность заботиться о наличии у верующих таких «форм» лежит именно на Синоде. Поэтому туда дело и должно вернуться: «от генерал-фельдмаршала, сенатора и кавалера графа П. С. Салтыкова той [Московской] синодской конторе чрез прокурора Ражнова объявлено, что де оное до Тайной экспедиции не принадлежит, а по существу дела следует на рассмотрение... Синода...».

Но полностью от дела Сенат всё же устраняться не стал. Некоторое время спустя Синоду был предложен «приличный», по мнению светской власти, способ решить вопрос о посылке (непосылке) староверам «формы». «11 октября 1768 г. сообщённым в... Синод из... Сената ведением объявлено: учинено о том в... Сенате таковое определение, чтобы киевский генерал-губернатор Воейков» призвал выборных от «раскольников» и сделал им внушение. Воейкову поручалось строго предупредить «раскольников»-слобожан: если донос Т. Болховитинова на них верен, то они «подвергают себя по законам за то осуждению...».

Вместе с тем, говорилось в сенатском решении, в деле о «форме» нужно руководствоваться презумпцией невиновности и относиться к староверам снисходительно: «но однако ж как о том, кроме показания... Болховитинова, на котором ещё точно утвердиться не можно, а другого доказательства нет, к тому же, если и правда, то Сенат признаёт сей их поступок не иначе как от привычки к наречию по старопечатным книгам, не меньше же и от невежества, погруженного суеверством, и по их легкомыслию происходящей». Поэтому на первый раз достаточно ограничиться предупреждением об обязательном соблюдении впредь установленной Синодом для всего государства и всех подданных-христиан «формы» заздравного поминовения императрицы.

2 июля 1769 г. Сенат информировал Синод, как прошло дело: генерал-губернатор Воейков вызывал представителей слобод, и они заявили, что прежде не соблюдали «формы», ибо таковой не только не

имели, но и о существовании её не подозревали, с прошлого же августа, когда получили её от епископа, соблюдают, в чём и дали соответствующую подписку.

К этому времени Т. Болховитинов, в обязанность коего, как мы помним, входило надзирать за соблюдением «формы» в слободах, умер, и ответственность легла на его сына, Д. Болховитинова. Однако он обратился в московскую контору Синода с челобитьем о закрытии дела по доносу покойного отца. Челобитчик указывал: он лично не может присматривать за слобожанами в Малороссии, ибо давно живёт в Москве и перешёл из «раскола» в господствующее исповедание. С такими доводами трудно было не согласиться. 22 июля 1769 г. «по указу Е. И. В... Синод, слушав из Московской Св. Синода Конторы доношение», дело о «формах» в малороссийских слободах закрыл.

В итоговой промемории в Сенат Синод подчеркнул: в вопросе о «формах» его позиция неизменна. Хотя раскольникам и велено соблюдать «формы», но Синод по-прежнему выступает против официального направления «форм» в малороссийские «раскольнические часовни», дабы слобожанам не приходило в голову, что власти тем самым признают «раскол» и одобряют их богослужение. Синод указывал, что в его распоряжении до сих пор нет никаких сведений, на каком официальном основании существуют часовни в «описных слободах» [ПСПиР, 1 1910–1915: № 503]. Сенат 7 августа 1769 г. в виде уступки Церкви принял решение об уничтожении всех «раскольнических церквей и публичных часовен» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 151. Д. 8157. Л. 77], но уступкой это было исключительно словесной: ни одна часовня или скит потревожены не были.

Однако идея заключить соглашение с Церковью и тем самым упрочить собственные социальные позиции была близка части старообрядцев. В этой связи весьма показательным явилось ходатайство

1757 г. поверенного группы стародубских старообрядцев И. Коренева перед Московской конторой Синода о присылке в слободу Клиницы греко-российского священника.

Инициативу в 1762 г. поддержал ротмистр-вербовщик Д. М. Попов, и синодский миссионер прибыл в слободу Климову. Воспротивился этому, как мы знаем, слободской управляющий Г. Титов, изгнавший проповедника по просьбам рядовых староверов. Но очевидно, что среди самих малороссийских слобожан были не только противники, но и сторонники общения с греко-российской церковью. Открытый конфликт между этими «партиями» оставался только делом времени.

В свою очередь, к отказу от строгостей в отношении «старого обряда» под влиянием тенденций, шедших свыше, склонялась и часть «просвещённой» иерархии. Пионером стал задонский святитель, воронежский епископ Тихон (Соколов). Получив из Синода указ от 26 марта 1764 г. о том, чтобы не считать приверженцев двуперстного крещения еретиками, он издал соответствующее распоряжение по своей епархии. Тогда же он разрешил донским казакам, чьё войско значилось приписанным к его епархии, исполнять некоторые обряды по дореформенным образцам.

Дважды, в 1776 и 1783 гг., это разрешение подтвердил и следующий воронежский архиерей, Тихон (Малинин). В 1785 г. он также согласился с тем, чтобы богослужение по старопечатным книгам совершалось для староверов, изъявляющих к тому желание, в греко-российских храмах Воронежской епархии, в том числе и в патрональном храме Войска Донского в г. Черкасске. В своих епархиях также позволяли дониконовскую обрядность в 70-е гг. астраханские преосвященные.

Особую заинтересованность в мягкой интегративной политике в отношении «раскольников» проявлял Г. А. Потёмкин. По его мнению, единоверие могло бы стать хорошим способом привлечь староверов,

особенно «загранишных», в Новороссию, а та, в свою очередь, явилась бы полигоном для постепенного включения старообрядческих общин в приходскую структуру господствующей церкви по всему государству. В начале 80-х гг. XVIII в. вопрос о «раскольниках» для Г. А. Потёмкина приобрёл значение ещё и потому, что он превратился в фактор русско-польских отношений в контексте «диссидентского вопроса».

Зачинателем единоверия при Екатерине II стал архиепископ Херсонский и Славенский Никифор (Феотоки). Это был один из виднейших людей своего времени. Уроженец о. Корфу (Керкира), выходец из аристократической греческой семьи, он смолоду отличался выдающимися способностями. Ионические острова, к которым относился Корфу, входили тогда в состав республики св. Марка (Венецианской республики). В Венеции Никифор получил широкое и разностороннее образование, по завершении которого, вернувшись на родину, принял постриг и стал преподавать в основанной им Общественной школе Керкиры.

В греческой общине Венецианской республики, наиболее влиятельной и культурно развитой по сравнению с прочими греческими общинами Европы, молодой корфиот составил репутацию отличного проповедника. Это привлекло к нему внимание фанариотов, заправлявших делами православия в Турции и османских владениях. Иеромонах Никифор был приглашён в Константинополь, куда прибыл в 1763 г. Здесь он познакомился с великим драгоманом Г. Гикой, ставшим у «счастливого порога» Блистательной Порты его постоянным покровителем.

Вскоре Г. Гика сделался молдавским господарем и позвал Никифора преподавать в Княжескую академию в Яссах. Никифор получил здесь полную свободу рук и даже составил программу для всей академии.

В 1765 г. Никифор напечатал в Лейпциге двухтомный учебник по физике и сборник своих проповедей. Весной 1767 г. он вернулся в

Константинополь, где в течение полугода занимался в богатой библиотеке Г. Гики и вёл разыскания по библеистике.

Конфликт с константинопольским патриархом Самуилом II заставил учёного монаха в 1768 г. покинуть Турцию. Надолго обосновавшись в Лейпциге, он активно включился в научную и общественную жизнь тамошнего университета, преподавал на теологическом факультете, выступал с проповедями. Подготовленное Никифором в 1770 г. издание духовных слов Исаака Сирина привлекло внимание Паисия Величковского — основателя русского старчества Нового времени и принесло самому Никифору славу одного из крупнейших представителей православного Возрождения.

Проповеди и книги Никифора имели самую широкую аудиторию: красоту и силу его рассуждений отмечали не только православные, но и католики, протестанты, армяно-григориане. Однако его отчётливая православная позиция не раз приводила к конфликтам с католической администрацией. Пока Никифор жил в Венеции, Турции, Молдавии, он постоянно вызывал недовольство венецианского нунция. История повторилась и в Вене, куда Никифор вынужден был переехать в 1774 г.: венский нунций также выступил против него.

Решающее значение в жизни Никифора (Феотоки) возымело его тесное знакомство, переросшее в дружбу, с Евгением (Булгарисом), другим знаменитым деятелем греческого и русского Просвещения. Судьба свела их в Лейпциге. В 1776 г. по рекомендации Евгения Екатерина II пригласила Никифора в Россию, и тот принял приглашение. Он уже успел неоднократно убедиться, что жизнь под турецким господством, в условиях османско-фанариотского режима, несёт мало хорошего для него, человека учёного и независимого. За долгие годы он понял и то, что в Европе православный, кто бы он ни был, всегда остаётся презируемым

«схизматиком». В православной же России Никифор хотел обрести новую родину [Bruess 1981: 8–23, 84–87].

В 1779 г. Никифор (Феотоки) стал архиепископом, сменив на кафедре в Славянске (будущем Екатеринославе) своего друга и предшественника Евгения (Булгариса). Преосвященный смог наладить добрые отношения с Г. А. Потёмкиным и в дальнейшем опереться на его поддержку. Начинания Никифора (Феотоки) в отношении «раскола» нашли у светлейшего князя полное понимание.

Никифор (Феотоки) был не первым либералом в русской церкви. Вместе с тем, думается, неслучайно, что именно «просвещённый иноплеменник» оказался тем, кто пошёл на соглашение с «расколом старообрядства». Как и другие пришельцы — «старые» малороссы, Никифор не понимал природы «раскола», но, в отличие от них, совершенно не жаждал крови. Чуждыми для преосвященного оставались и многие традиционные предубеждения против «раскола»: он не видел в «раскольниках» отторженной касты, не считал их антисистемной оппозицией, не уподоблял их евреям-иудеям. В отношении Никифора к спорам между дореформенным и реформированным русским православием сквозило то же искреннее удивление, с каким в своё время, более чем за сто лет до того, отвечал на вопросы виновника раскола патриарха Никона об обрядах константинопольский патриарх Паисий [Каптерев 1899: 162–179]. Русская святость, соответственно, и духовный смысл «старой веры» оставались недоступными Никифору, но для него, хорошо знавшего церковную жизнь и Константинополя, и православного Востока, обрядовые различия в православии были вещью допустимой и даже тривиальной, и здесь не из-за чего было, полагал учёный грек, ломать копья.

18 июня 1780 г. Никифор освятил один из старообрядческих храмов в своей епархии и лично провёл там богослужение. Кроме того, он дал

разрешение на проведение служб «по старопечатным книгам» в тех приходах, где старообрядцы составляли большинство [Субботин 1901: 6]. Спустя месяц, 16 июля, он разослал по своей епархии пастырское послание к старообрядцам, призывая их приходить для службы Божией «по-старому» в греко-русские храмы. Всё это было ответом на предыдущие челобитья старообрядцев, поступавшие в своё время ещё к Евгению (Булгарису).

В действиях архиерея в полной мере сказалось и незнание с русскими церковными порядками. Никифор привык к тому, что в греческой церкви епископ — это полновластный хозяин, и возражений своим действиям ни с чьей стороны не ожидал. Поэтому то, что в России на каждый шаг иерарху должно ожидать санкции Синода, повергло его в немалое смущение. Узнав же о том, что и содержание его послания к пастве вызвало в Синоде бурю (правда, бурю тихую: иерархи, приученные Екатериной II к дисциплине и сдержанности, громко бушевать не смели), и что им недоволен даже «просвещённый» архипастырь Гавриил (Петров), владыка был ещё больше обескуражен. Решившись объяснить, 3 августа он обратился к митрополиту Гавриилу с личным посланием. В ответном письме Гавриил сообщал, что решения Никифора действительно вызвали в Синоде сильное негодование, и митрополиту лично пришлось приложить определённые усилия, чтобы снизить накал страстей. Гавриил извещал Никифора, что официально Синод не будет принимать по делу никакого решения, «дабы не возбуждать новых волнений» среди «раскольников» и «не смущать православных», мнение же членов Синода доводится до сведения «виновного» в частном порядке, и на будущее он должен иметь его в виду [Субботин 1892: 108–121; Греков 1894: 121–138; Титлинов 1916: 888–890; Bruess 1981: 154–156].

В старообрядческой среде послание Никифора также не осталось без ответов — как положительных, так и отрицательных [Скальковский 1836:

275–279]. Для многих сторонников «старой веры» примирение с греко-российской Церковью казалось новой унией, и то, что Церковь предлагает староверам то же самое, что православию всегда предлагали католики — признать чуждую власть, чуждое превосходство и сохранить свои обряды, казалось им ещё одним доводом за отступление греко-российской церкви от истинной веры: те, кто думают и поступают как «папешники», считали они, не могут быть православными.

Но там, где присутствие и давление властей было более сильным, идея соглашения находила твёрдых приверженцев в рядах старообрядцев. Настоятель стародубского старообрядческого Успенского монастыря инок Никодим в 1783 г. представил на рассмотрение генерал-губернатора и президента Малороссийской коллегии П. А. Румянцева проект в двенадцати пунктах, состоявший «в соединении старых церковных обрядов к восточной греко-российской церкви». Суть предложений Никодима сводилась к тому, чтобы учредить в малороссийских слободах, разделённых между Черниговской и Новгород-Северской губерниями, «особливое» выборное духовенство для старообрядцев. Это духовенство должно было иметь официальное разрешение «отправлять службу Божию по старопечатным книгам» и в каноническом отношении подчиняться иерарху, для которого вводилась специальная должность хор-епископа (сельского епископа), бытовавшая в первые века христианства и давно вышедшая из обихода. Хор-епископ подчинялся бы Синоду и имел бы резиденцию в старообрядческом Успенском монастыре в г. Стародубе.

В ноябре 1783 г. Никодим двинулся в Петербург хлопотать о своих предложениях. В декабре П. А. Румянцев передал дело о просьбе старца в Сенат [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 306. Л. 21–24; РГАДА. Ф. 248. Оп. 52. Д. 4316]. Тогда же и с теми же двенадцатью пунктами инок обратился и к Г. А. Потёмкину [РГАДА. Ф. 248. Оп. 52. Д. 4316. Л. 3–6об.]. Светлейший князь поддержал Никодима.

Стародубские скиты были влиятельным центром «раскола», Г. А. Потёмкин об этом знал и потому исходившие отсюда флюиды к соглашению с «просвещёнными» властями оценивал довольно высоко.

2 января 1784 г. Г. А. Потёмкин лично принял игумена, прибывшего в столицу [Субботин 1901: 31–34]. О начинании Никодима он писал затем Екатерине II: «В Екатеринославской губернии находятся раскольники, вышедшие из заграницы, которые требуют позволения иметь церкви в следствие обещания, данного всем приходящим в Россию свободно пользоваться отправлением службы Божией по их закону.

Наконец, подали [прошение] с некоторым присоединением к церкви... Не угодно ли будет Высочайшей воле назначить им селиться на степи крымской, дав Епископа той стране, к которому и их, и стародубовских [староверов] привязать, также и белорусских, и сему повелеть мне с Новгородским Архиереем... составить проект» [Екатерина II 1988: 191–192].

Екатерина II пошла навстречу Г. А. Потёмкину, и он немедленно связался с Гавриилом (Петровым) [Из бумаг митрополита 1870: стлб. 1601–1604]. Подготовленную почву нашёл один из основных пунктов никодимовского проекта, гласивший, что различия между старообрядчеством и греко-российским исповеданием заключаются только в области «обрядов богослужения» и не затрагивают существа «православнокафолической веры».

Вскоре Г. А. Потёмкин информировал императрицу: «В силу... Вашего... повеления, нам с Преосвященным Гавриилом... данного, о приискании способов к удовлетворению старообрядцев, живущих в Белоруссии, Малой России и Екатеринославском наместничестве..., мы находим лутчим способом поручить их Архиерею, которого епархия будет в Херсоне Таврическом». В том же письме он подчёркивал и желательность указа, допускавшего церковное общение греко-российских

пастырей со староверами: «...А между тем, когда угодно будет Высочайшей воле, чтоб повелеть Митрополиту Новгородскому отписать к Архиереям Белорусскому и Славянскому, чтоб помянутым старообрядцам священников давать и по старым обрядам службу отправлять дозволять».

Но Екатерина II предвидела, что шаг, объяснимый с точки зрения веротерпимости, может породить в среде иерархии подозрения: не хотят ли светские власти установить «раскол» в качестве отдельного исповедания, принятого в России наряду с прочими христианскими «законами»? В её ответном письме Г. А. Потёмкину находим: «Я рассуждаю, что конфирмовав сей доклад, подам повод ко многим подобным от раскольников прошениям, из чего родиться может Церкви нашей неприятное: иногда раскольникам род привилегии таковой, что раскольники, всегда избегая местных Архиереев установленной власти, захотят быть у избранных ими Архиереев, чего тогда избегнуть раскольники иначе не можно будет, как разве подчинив все раскольники в России единому Архиерею, чрез что войти могут в состояние прочих в России христианских исповеданий, кои не нашей веры. Сей пункт поныне всегда избегаем был с ними, и по сию пору о сём никто, а наипаче духовный чин слышать не хотел». В этих условиях ей не представлялось возможным обойтись без формального одобрения «духовного чина»: «О делах же Церкви едва ли и прилично устанавливать что-либо, минуя Синод» [Екатерина II 1998: № 701, 702].

28 февраля 1784 г. Екатерина II предписала, чтобы и Г. А. Потёмкин, и митрополит Гавриил в установленном порядке подали свои мнения о пунктах Никодима для дальнейшего обсуждения проекта в Сенате, Государственном Совете и Синоде [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 306. Л. 2об.].

После «общаго разсуждения» Сената и Синода вышел именной указ 11 марта 1784 г., предписывавший первенствующему члену Синода митрополиту Гавриилу содействовать, чтобы греко-российские

священнослужители были направлены для староверов Белорусского, Малороссийского и Екатеринославского наместничеств [Титлинов 1916: 906] (комментарии к указу см.: [Климов 1995: 125–126]). Гавриил, несмотря на всю присущую ему «просвещённость», к новшеству отнёсся с опаской. Написав о вейниях свыше епископу Никифору (Феотоки), своё письмо он заканчивал особым внушением: «Я сим оное Высочайшее повеление Вашему Преосвященству для единственного Вашего ведения препровождая, рекомендую делать исполнение с ведома Его Светлости князя Григория Александровича Потёмкина, впрочем не относить онаго ни к консистории, ни к другой команде, а если обстоятельства потребуют, то писать ко мне» [Лебедев 1903: 82]. Что же касается указа, то официально он был доведён до сведения членов Синода Гавриилом лишь спустя четыре года, 21 июля 1788 г.

Хор-епископа старообрядцам, конечно же, не дали: создавать для них особую иерархию, пусть и под управлением Синода, «сугубить» (двоить) Церковь показалось неприемлемым. Камнем преткновения оставался и вопрос о выборности приходского клира: староверы, склонные подчиниться греко-российским епископам, тем не менее настаивали на свободных, договорных отношениях клира и мира. Самой активной силой здесь выступало казачество, сохранявшее в силу исторических традиций симпатии к старообрядчеству, и лёгкая на подъём старообрядческая переселенческая масса Юга России.

Между тем иерархи греко-российской церкви приходского демократизма не признавали категорически. Свобода «старых обрядов» в их понимании никогда не простиралась до свободы прихожан самим выбирать себе священников, и указ от 11 марта 1784 г. здесь полностью отвечал настроениям епископата. Ликвидация выборности клира была для иерархии необходимым условием примирения со старообрядчеством, и без этого никакое соглашение не могло признаваться действительным.

Своё неприятие низовой общественной самодеятельности Церковь обосновывала спекулятивными ссылками на «печальный» пример Великой Французской революции: если старообрядцам дать волю хоть в чём-нибудь, то они поднимутся против Церкви, а затем и против властей и, «...во-первых, нас, духовных, переколотят; а потом достанется и дворянам. Их все намерения к тому стремятся, да и некоторые проговариваются уже, чтобы сперва отклониться от церкви и духовенства, а потом и от дворянства. Как бы не вышло тоже, что ныне происходит во Франции», — делился в 1791 г. своими размышлениями с Синодом нижегородский «просвещённый» архиерей Дамаскин (Семёнов-Руднев) [Барсов 1898: 220].

Екатерина II верно предсказывала, что реформа положения староверов многими будет воспринята как превращение раскола в ещё одно «иностранный исповедание», которое должно существовать вне связи с Церковью. Причём эту ошибку делали обе стороны: не только Церковь, но и старообрядцы были склонны толковать меры властей во исполнение указа от 11 марта 1784 г. расширительно, и начальству приходилось их сдерживать. Так, спустя некоторое время после выхода мартовского указа делегаты от обществ старообрядцев Новгорода-Северского, Курска и Екатеринослава обращались к Г. А. Потёмкину за разрешением открыть свои приходы, где службу вело бы выборное старообрядческое духовенство, признающее духовную власть местных греко-российских архиереев. Светлейший князь отказал. Его резолюция гласила, что «устроить дело» можно лишь по точному смыслу указа от 11 марта 1784 г., а если прошение с ним расходится, то во внимание оно принято не будет [Записка... 1860: 287].

Указ от 11 марта 1784 г. был положен в основу «старообрядческой» политики Г. А. Потёмкина на Юге, завершавшей таким образом систему мер по переселению старообрядцев из-за рубежа, условно названную

южной программой и проведённую киевскими администраторами в 1750–1760-е гг.

3 апреля 1785 г. светлейший князь подписал письмо к жителям раскольнической слободы Знаменки, приглашая их перейти на новые места на левом берегу Днепра в пределах его наместничества. При этом Г. А. Потёмкин обещал им построить монастырь, в котором смогут жить старцы и который будет в ведении епархиального архиерея [Скальковский 1836: 171]. О том же речь шла во Всеподданнейшем докладе Г.А. Потёмкина об открытии Таврической области, представленном Екатерине II 10 августа 1785 г. Пункт 2-й доклада гласил: прошу «дозволить всем старообрядцам, которые переселились на места, лежащие между Днепром и Перекопом, получать попов от архиерея Таврического, отправлять служение по старопечатным книгам, приписав к нему в епархию Стародубские слободы, которые по частому к нему обращению верно узнав те места, туда переселятся. Заграничным же, прописав сии выгоды, сделать вызов; для первого опыта я уже переселяю Знаменскую слободу из Елизаветградского уезда на Конские воды» [Сборник ВИМ, VI 1875: 120].

9-й пункт ответного именного указа от 13 августа 1785 г. содержал нужное разрешение, «а дабы разсеянных вне границ Империи Нашей старообрядцов вызвать в Россию, вы можете опубликовать сии свободы, им дозволенные» [ПСЗРИ, 22 1830: № 16239].

26 августа 1785 г. Г. А. Потёмкин поставил в известность о разрешении монархини митрополита Гавриила (Петрова), и тот, как первенствующий член Синода, предъявил указ Екатерины II от 13 августа в собрании Синода [Жмакин 1900: 986].

27 августа об этом же был извещён депутат малороссийских староверов инок Иоасаф. Ему же светлейший князь сообщил о своём

намерении соорудить для староверов в Таврической области приходские церкви и «монастырь каменный» [Скальковский 1836: 280–281].

Всё происходившее по этой части на Юге было в известной мере личной политикой Г. А. Потёмкина, за которой не всегда поспевало законодательство. Поэтому смерть Г. А. Потёмкина поставила екатеринославского архиерея Амвросия (Серебрякова) в тупик: следует ли продолжать начатую светлейшим князем линию?

В январе 1792 г. Амвросий запрашивал П. А. Зубова, номинально заменившего Г. А. Потёмкина на Юге: можно ли разрешить старообрядцам строить церкви? Дело было передано на усмотрение Екатерины II, и она ответила положительно.

3-й пункт именного указа от 2 октября 1795 г. постановлял, что староверы, записавшиеся в купцы по г. Вознесенску (будущая Одесса), получают разрешение на свободное богослужение, строительство храмов и монастырей (сколько их можно будет построить, губернское начальство решит особо) с назначением духовенства от епархиального архиерея [ПСЗРИ, 23 1830: № 17392].

В дальнейшем на сей счёт никаких сомнений не возникало, и преемник Амвросия (Серебрякова) Гавриил (Банулеско-Бодони) разрешал староверам строить церкви уже и своей властью «по силе указа» [Лебедев 1903: 83–84].

Приписка стародубских слобод к Екатеринославской епархии при Г. А. Потёмкине растянулась на два года. 25 марта 1787 г. последовало обращение Г. А. Потёмкина к староверам в Малороссии и за рубежом, в котором, в частности, говорилось: «касательно монастырей, определения в оныя настоятелей и к мирским церквам священников, также принятия беглых попов и диаконов неподозрительных, то о сём должно отнестись к преосвященному Амвросию, архиепископу Екатеринославскому и Таврическому, и какое о том с ними постановление сделано будет, не

премину я приложить старание о произведении онаго в действо» [Жмакин 1900: 986–987]. Потёмкин не ограничивался обещаниями: соответствующий приказ он направил и В. М. Каховскому.

Уже говорилось, что многие староверы отнюдь не были расположены к посулам Никодима и гарантиям Потёмкина. Противником инока Никодима выступил инок Михаил (Калмык), тот самый, в монастыре которого в 1772 г. укрывался перед бегством в Польшу Е. И. Пугачёв. Михаил призывал не верить обещаниям свыше: «Голцыте, и отверзется вам, кричите, будите! — иронизировал он в полемических посланиях против “никодимовских мудрований”. — Ваша мать Церковь уснула, будите более! Или не видите, глупые, что проводят вас и обманывают? Кто вам даст на старые обряды?».

Но сторонники Никодима тоже не дремали. Они обратились к митрополиту Гавриилу (Петрову), и по его указанию екатеринославский преосвященный Амвросий (Серебряков) направил в слободы Знаменку и Зыбку миссионера А. И. Журавлёва, впоследствии автора известной историко-полемической книги о старообрядчестве.

По сведениям старообрядческих памятников, А. И. Журавлёв пытался водвориться и в старообрядческом Покровском монастыре, а когда его туда не пустили, новгород-северский губернатор послал ему в помощь гусарскую команду. Это вызвало волнения староверов, и киевский генерал-губернатор М. Н. Кречетников, вмешавшись, приказал снять осаду и оставить монастырь в покое [Петров 1881: 380–384].

Чтобы поддержать сторонников соглашения с Церковью, Г. А. Потёмкин вспомнил о своём обещании построить для них «монастырь каменный». Земля под монастырь была отведена в Екатеринославском наместничестве в декабре 1787 г. Настоятелем монастыря был назначен уже упоминавшийся инок Иоасаф. В 1788 г. в

Елизаветграде для староверов — «согласников великороссийския Церкви» соорудили и первый приходской храм [Жмакин 1900: 986–987].

Особое значение интегративная политика в отношении «благонамеренных» староверов приобрела в связи с приближением очередной турецкой войны. Г. А. Потёмкин считал возможным задействовать этих староверов для усиления иррегулярной кавалерии, идеально соответствовавшей, по его мнению, условиям степного театра боевых действий будущей войны. Насущные соображения светлейший князь изложил во Всеподданнейшем докладе от 3 января 1788 г. по поводу открытия Таврической области (это был уже второй такой доклад). Г. А. Потёмкин, в частности, указывал: «Раскольнические слободы, в Екатеринославской губернии лежащие, не дают рекрут, да и доход с них весьма малый. Желание их быть казаками по примеру донских, так, как однодворцы сей губернии учреждены, я нахожу сие весьма полезным. Из них прекрасное будет войско. Да и в Польше состоящие таковых слободы охотно согласятся переселиться в российские границы, если те казаками останутся».

Предписание военным и гражданским властям наместничества о вербовке слобожан-раскольников в казаки Г. А. Потёмкин дал 5 января 1788 г.: «Имея всегда неусыпное попечение о пользе и благосостоянии... вверенных мне от Е. И. В. губерний, поставлял я всегда себе за правило доставить обывателям оных всевозможные выгоды. По сему самому и теперь при открывшейся с Портою Оттоманскою войне, зная способность к военному делу жителей сих слобод и склонность их к службе казацкой, предпоручил я господину надворному советнику Лореру обще с господином полковником казачьим Кусковым ехать во все слободы старообрядческие и объявить им дозволение записаться в казачье звание на основании Войска Донского, так что все записавшиеся остаются

свободными от подушного сбора; отряженные же на службу будут получать жалование и на лошадей фураж по примеру донских казаков».

Высочайшим рескриптом от 14 января 1788 г. предложения светлейшего князя были одобрены: «Жителей раскольнических слобод, в Екатеринославской губернии лежащих, устроить также казаками по примеру донских, так как однодворцы той губернии устроены, позволяя число их умножать выходцами из Польши, им подобными, по Вашим распоряжениям» [Сборник ВИМ, VI 1875: 172, 177–178, 183].

На призыв властей записываться в казаки откликнулись староверы только двух слобод — Злынки и Ровной. Обращаясь к ним со словами одобрения, Г. А. Потёмкин одновременно решил дать прочим «раскольникам» урок воспитания в «политичном» и гражданственном духе: «Высочайшая Е. И. В. воля, всегда пекущаяся о благе своих подданных, состоит в том, чтобы границы обселены были войсками, и для того в сходственность с однодворцами и слободы старообрядческие повелено обратить в казачьи. Вы, жители вышеупомянутых слобод, сию Высочайшую волю предупредили своим собственным желанием быть обращёнными в военной казацкой службы состоянии, открывшего всем путь достижению чрез усердие и храбрость всяких военных почестей и достоинств. Вы поняли разницу с подлым крестьянским состоянием и тем благородным и почтенным [казачьим состоянием], в кое вы входите. По сему похвально вашему расположению дадутся вам всевозможные выгоды, состоящие: 1-е, в свободном отправлении веры по обряду старому; 2-е, в облегчении, сколько можно, на первый случай по службе; 3-е, в вспомоществовании нужном неимущих; 4-е, в произведении в старшины из вас самих; 5-е, в даче достаточных земель, а сверх того донести во всей цене об усердии вашем Е. И. В. Грубые же и злонравные раскольники прочих слобод, опричь Привольного, которые сюда ещё не представились,

за оказание недоброхотства в новом и столь почтенном звании военных казаков, предаются жребию, им определённому.

Вам же, жители слобод Злынки и Ровной, сверх вышесказанного объявляю, что вы ни в военное, ни в мирное время не будете определяться на службу к другим границам».

Наряду с однодворцами и староверами свои призывы о записи в казачество Г. А. Потёмкин обращал и к мещанам Екатеринославского наместничества. Однако староверы были всё же основным «человеческим капиталом». 26 января 1788 г. Потёмкин объявил «состоящим в наместничестве Екатеринославском по правую сторону Днепра слободам старообрядческим», что императрица согласилась на их зачисление в казаки и на положенные по такому случаю выгоды. По сравнению с обещаниями, данными староверам Злынки и Ровной, в новом порядке было дополнительно оговорено, что «не будут они в мирное время отягощены нарядом казаков, кроме небольшого числа для охранения границы. В военное время служить должны хотя и все, способные к службе, но только противу соседей сей губернии, получая жалование по 12 рублей в год, а в мирное по 9, провиант указной, а фураж на одну лошадь боевую и на подъёмных, которое число повозками положится.

Старшинам жалованье противу донских старшин в случае употребления их на службу, тож разумеется и о казаках». Перевод староверов на Юге России в казаки был формально завершён 2 февраля 1788 г. В этот день Г. А. Потёмкин предписал Екатеринославскому наместническому правлению именовать впредь жителей здешних старообрядческих слобод казаками, а сами слободы станицами [Сборник ВИМ, VI 1875:] 193–198].

20 февраля светлейший князь докладывал императрице, как обстоит дело с формированием нового подразделения из староверов. Первым командиром иррегулярного казачьего полка был назначен протеже

Г. А. Потёмкина — полковник Ф. П. Денисов (см. о нём первую главу). Но существование части было недолгим: среди показаченных слобожан и мещан обнаружались пацифисты, не желавшие применять в бою оружие — сектанты-духоборы, и командование было вынуждено переформировать полк.

13 мая 1788 г. на имя Потёмкина поступил рапорт о слиянии «раскольнического» соединения с другим полком и под началом другого офицера [РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 452. Ч. 2. Л. 1а–4], Ф. П. Денисова же вскоре перевели на шведский театр.

Политика Г. А. Потёмкина на Юге развивалась в условиях жесточайшей критики при дворе со стороны так называемого «социетета». Смерть Г. А. Потёмкина превратила «социетет» в крупнейшую политическую силу у подножия трона, и с этим был вынужден считаться и А. А. Безбородко, который при жизни Г. А. Потёмкина отнюдь не был его врагом. Однако после смерти Г. А. Потёмкина с «социететом» приходилось всё более считаться.

17 ноября 1791 г., спустя полтора месяца после кончины светлейшего князя, А. А. Безбородко писал: «Я не знаю, как граф Николай Петрович [Салтыков] вы[й]дет из всего нынешнего военного хаоса. Название полков и вооружение их всё не то, что мы знаем, и ни на что нет почти государыневой конфирмации. Страшнее всего, что покойникова страсть к казакам до того простиралась, что он всё видимое превращал в сие название. В Екатеринославской губернии мещанин, однодворец, грек, раскольник, серб и волох преобразён в казака» [Григорович 1879: 157].

Адресатом письма был А. Р. Воронцов, один из лидеров «австрийской партии», и очевидно, что А. А. Безбородко подстраивался под господствующее мнение «социетета». Отсюда понятно, какую оценку действиям Г. А. Потёмкина давал и весь «социетет». Впрочем, о сколь-

нибудь объективном содержании отзывов из этого лагеря, касавшихся Г. А. Потёмкина, говорить не приходится.

С точки зрения мягкой интеграции «раскола» меры Г. А. Потёмкина были действенными. Они вызывали внутренние конфликты в старообрядческих общинах, борьбу между сторонниками и противниками правительственного курса. Сведения об одном из таких крупных конфликтов донесло прошение «посадов стародубческих поверенных купцов», поданное 30 ноября 1790 г. Г. А. Потёмкину от имени двух тысяч староверов новгород-северского наместничества. В прошении говорилось, что в старообрядческие монастыри, расположенные в слободах Злынка и Зыбка, по приказу екатеринославского епископа Амвросия (Серебрякова) направлены священники В. Аврамов и А. Иванов, которые пытаются занять храмы, выстроенные на средства староверов, хотя община не подавала просьб об их присылке.

Виновниками инцидента в бумаге назывались «согласники с греко-российскими». Именно они, говорилось в челобитной, просили прислать клириков и захотели отнять у староверов их храм, поскольку «своим коштом» построить собственный храм не могут, а на помощь казны и Церкви ввиду их малочисленности им рассчитывать не приходится: «от прихожан оных священников точно малаго количества, и не более как в Зыбкой в десяти, а в Злынке в одиннадцати дворах, с монастырей в Покровском трёх человек жительствоющих, принять благословение от его высокопреосвященства на построение для их церкви или молитвенного храма всегда натурально презирается».

Староверы апеллировали к «просвещённому» законодательству, полагая, что оно даёт им право свободно жить по своей вере. В прошении они указывали, что уже обращались к новгород-северскому губернатору И. Б. Бибикову «с изъяснениями во оных между прочих обстоятельств Всевысочайшего Е. И. В. соизволения в 494 и 496-й статьях Наказа

комиссии и 124-й статьи Городового положения.., но нимало на таковы прошения неуважено...», и храмы приказано передать меньшинству [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 311. Л. 3–6].

Г. А. Потёмкин был доволен, что среди староверов обнаружались «согласники с греко-российскими», но не признать известной правоты их противников-челобитчиков не мог. К тому же неприятной была и угроза возможных беспорядков и открытого столкновения «факций» на религиозной почве. Поэтому впредь без его особого разрешения посылать «греко-российских духовных» в старообрядческие слободы он запретил [Титлинов 1916: 907–912].

«Согласникам» всё-таки удалось одержать здесь победу, хотя праздновали они её уже после смерти светлейшего князя. По именному указу от 8 мая 1796 г. на имя исправляющего должность правителя Новгород-Северского наместничества Алексева все старообрядческие храмы в слободах передавались сторонникам «старого обряда», поступившим под власть местного греко-российского архиерея [ПСЗРИ, 23 1830: № 17456]. В целом же готовность части южнороссийских староверов признать Церковь была большим успехом «просвещённой» политики Г. А. Потёмкина и Екатерины II.

К середине 90-х гг. XVIII в. представителей синодального духовенства удалось внедрить и во многие стародубские старообрядческие общины. По всей вероятности, это и имел в виду М. И. Лилеев, когда писал, что по сравнению с началом 1760-х гг. позднейшие меры по «обращению в [греко-российское] православие» стародубских и черниговских «раскольников» были «более успешными» [Лилеев 1895: 72].

Впрочем, на тот момент абсолютные цифры, свидетельствовавшие о развитии единоверия на Юге, выглядели довольно скромно. Так, 1 июля 1795 г. екатеринославский митрополит Гавриил (Банулеско-Бодони)

доносил Синоду, что в его епархии с 1789 г. единоверцами числятся 6 524 человека, и, кроме того, имеются неучтённые единоверцы в слободе Малая Знаменка, в городах Елизаветград, Кременчуг, Николаев. С другой стороны, низкие показатели и не должны никого удивлять: единоверие действительно стало фактом, но делало лишь первые шаги.

Предметом забот властей становилась также и оптимизация приходской структуры южнорусского единоверия. Малая численность старообрядческих общин, принимавших официальное духовенство, не позволила Синоду открыть для них церкви с греко-российским штатным расписанием, рассчитанным на строго определённое количество дворов. Поэтому для новообращённых возникла особая приходская система, которую Синод впоследствии постоянно переподчинял различным епархиям Мало- и Новороссии. С административной точки зрения это было довольно неудобно, особенно в тех случаях, когда под управление далёких епархий подводились отдельные приходы. История одного такого прихода (в белорусском г. Белицы), отданного от Могилёвской епархии к Екатеринославской, в дореволюционной историографии стала притчей во языцех [Лебедев 1903: 283]. Решать эту задачу приходилось уже преемникам Екатерины II.

Политика насаждения единоверия в последней четверти XVIII в. высветила вполне определённую коллизию. Власти вели дело к соединению «раскола старообрядства» с Церковью. Для простонародья курс «просвещённого абсолютизма» открывал возможности отстаивать самостоятельность низовой церкви. Вместе с тем уже давала себя знать социальная дифференциация в старообрядческой среде, и для экономически активных кругов старообрядчества единоверие было удобным способом лучше вписаться в общественную надстройку, или, как говорила об этом сама Екатерина II, приобрести «со всем своим именем... твёрдое и известное положение».

Со второй половины 1780-х гг. Синод предпринимает попытки создать приходы единоверцев в Поволжье. Инициатором и здесь стал Никифор (Феотоки), переведённый в 1786 г. на астраханскую кафедру и также поддерживавший там связи с Г. А. Потёмкиным. С этого времени политика подчинения староверов Церкви становится необратимой.

Выводы

1790-е гг. стали завершением политической линии на поддержку возвращения староверов из-за рубежа, особенно с южных земель Восточной Европы. Отправной точкой подобной политики стало закрепление статуса малороссийских слобожан с последующим расширением их прав. В 60–90-е гг. это вылилось в последовательный курс отмены ограничений «раскола» и постепенной интеграции его в структуру податного населения и господствовавшей Церкви. Важно отметить, что линия церковной интеграции была сформулирована и при поддержке Г. А. Потёмкина проведена представителями греческой иерархии — носителями европейских идей православного Просвещения.

ГЛАВА V. КАТОЛИЧЕСКИЙ ВОПРОС И ЕГО ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

§ 1. Европейские миссионеры на южных окраинах к началу 1760-х гг. и российские власти

Среди важных факторов, определявших религиозную обстановку на юге в конце XVII – начале XVIII в., значилось развитие католической экспансии. Для католической миссии на Востоке это было время натиска [Харлампович 1910: 68]. Миссионеры, появлявшиеся вблизи российских рубежей, происходили из разных монашеских орденов, однако в массе своей представляли те орденские подразделения, которые поддерживались австрийскими Габсбургами. Первыми в Россию проникли иезуиты, и их миссии создавались за австрийский счет [Кучумов 1996: 184–186]. Вслед за иезуитами шли капуцины, францисканцы, доминиканцы — австрийские ставленники и выходцы из пределов, подвластных Австрийской монархии.

Рост влияния католичества мыслился европейцами как спутник их проникновения в неевропейские общества и не связывался с миссионерством как таковым. В частности, и М. Змаевич, один из сподвижников Петра I, и Д. Ферран, врач крымского хана, несмотря на разные политические вкусы, ставили одинаковую личную цель — распространение католичества в стране пребывания. Миссионерство же воспринималось современниками как предприятие сугубо политическое: тот же Д. Ферран считал нужным в антироссийских видах крестить черкесов, союзных Крыму, и отводил это поручение монаху-миссионеру в Бахчисарае [Андреев 2010: 7, 8].

Для Габсбургов и связанных с ними торговых кругов экспансия миссионеров была составной частью стратегической задачи — вхождения в Азию. Австрийская монархия делала ставку на иезуитов и капуцинов, обладавших наибольшим опытом работы за пределами Европы. К тому же

для капуцинов именно арабо-мусульманский мир в Новое время стал основной ареной деятельности, хотя некогда они готовились к приходу и в Россию [Cocchia 1873: 188–329].

России с конца XVII в. отводилось известное назначение: австрийская сторона стремилась вовлечь ее в войну с османами (тем самым снизив их натиск на Балканах) и получить с ее территории доступ к прямому восточному транзиту.

В целом положение орденов в России зависело от состояния российско-австрийских и российско-французских отношений, претерпевавших известные колебания при Петре I и позже [Ряжев 2018: 92–94].

В петровские времена российское восприятие католичества в сфере политики и дипломатии определялось отношениями с австрийским двором и папством. Пётр I лично относился к иезуитам отрицательно. Вместе с тем он хотел использовать их для идеологического укрепления своих позиций в Европе, обещая Риму доступ миссионеров-иезуитов в Китай через Россию в обмен на признание императорского титула. Подобные притязания не нашли понимания: с позиции папского универсализма императором тогда мог быть лишь католик — глава Священной Римской империи. Не сыграла роли гарантия транзита для папы Климента XI (Дж.Ф. Альбани) и по конкретным причинам. Орден иезуитов давно не был единым: в давнем конфликте папства и португальских королей часть ордена выступала на стороне последних, и римские правители не находили резона поддерживать иезуитов в целом. Кроме того, Климент XI имел другие приоритеты: миссию в ближайших не католических регионах Европы, в частности, в Далмации и Албании, он считал для судеб католической веры более важной, нежели в далёком Китае [Verducci 1979: 298–300].

Значение деятельности в России во многом спорным полагали и в «Обществе Иисуса». Миссионеров — сторонников португальской монополии на морское сообщение (через Бендер-Аббас, Гоа, Макао) со Средним и Дальним Востоком — сухой путь через «Московию» не привлекал. Не выглядели бесспорными его достоинства и для представителей других орденов. С учётом относительно стабильного морского и сухопутного сообщения со Средним Востоком, Китаем, Индией, установившимся в раннее Новое время, доступ в Центральную Азию из Персии или Индии представлялся более предпочтительным. В частности, именно так осуществил своё путешествие миссионер Ипполито Дезидери — последний иезуит, побывавший с миссией в Тибете [Wessels 1992; 205–272]. К тому же в условиях тяжёлого конфликта между иезуитами и капуцинами из-за миссионерских полномочий в Тибете и Центральной Азии, развивавшегося в 1712–1732 гг., перспективы пропаганды католичества в указанных регионах представлялись тогда в принципе неясными [Beltramini 2021: 69, 70].

На положение иезуитов-миссионеров в России негативно влияло и непризнание австрийской стороной императорского титула Петра I, порождавшее трения между дворами. В итоге русско-австрийский дипломатический кризис 1719 г., усиленный делом царевича Алексея, вина за которое была возложена и на иезуитов, привёл к их изгнанию из страны. Позже к услугам иезуитов российская дипломатия всё же прибегала. Так, в 1722 г. миссионер Н. Джанприамо, будучи в России проездом из Китая, доставил ко двору папы Иннокентия XIII (М.А. Конти) грамоту канцлера Г.И. Головина с просьбой остановить униатские гонения на православных в Речи Посполитой [Соловьёв 1993: 406].

Однако вскоре отношения с Австрией нормализовались. В 1719–1720 гг. с поручением Петра при австрийском дворе находился силезский

уроженец на русской службе И.Б. Вейсбах, позже генерал, который и готовил почву для нормализации отношений [Петрухинцев 2010: 220].

Место же иезуитов в австрийских планах относительно России заняли капуцины. Начало 1720-х гг. для капуцинов было отмечено борьбой за влияние в Санкт-Петербурге против францисканцев, за которыми стоял французский посол Кампредон. Коллегия иностранных дел в ходе расследования споров, касавшихся имущества и права службы в приходах, констатировала: «ордена... живут беспокойно, во всякие не надлежащие им дела вступаются и у чужестранных министров протекции ищут». В этой связи она даже предлагала Петру I выслать и капуцинов, и францисканцев, заменив их доминиканцами. Столичный конфликт в 1725 г. завершился в пользу францисканцев [Кузнецов 1898–1899: 69–75], но на южных окраинах России капуцины оказывались сильнее.

В централизованном движении капуцинов на Восток важное место отводилось планам в отношении армян: это было одно из главных и экономически сильных религиозных меньшинств Восточной Европы, обладавшее к тому же системой взаимопомощи и связями с единоверцами от Средиземного моря до Индии [Григорян 1980: 49–52]. В XVII в. капуцины проникли в Грузию, где взялись за работу с армянами вплотную [Cocchia 1873: 329–340].

Армяне как экономически активное этноконфессиональное сообщество были для капуцинов важной целевой группой и в России. Посему капуцины в первую очередь направлялись именно в те российские города, в которых существовали сильные объединения армян, задействованные в восточной торговле, — в Астрахань и Нежин.

Работа патеров носила системный и трансграничный характер. В 1700-е гг. армянское духовенство в России постоянно жаловалось администрации на миссионеров, жестко вторгающихся в армяно-григорианские приходы. В Персии в то же время росло количество

аналогичных жалоб армянского католикоса персидским властям на кармелитов и других миссионеров [Эзов 1898: XVI–XIX; *A Chronicle of Carmelites...* 1939: 499–521]. Здесь давал себя знать общий натиск орденов на Востоке, составной частью которого стало давление на армян.

Укрепление русско-австрийских отношений в период Северной войны, важность союза с Австрией для Петра I открыли миссионерам двери: проповедь патеров среди армян, калмыков, горцев не встречала сопротивления, более того, власти на местах помогали пришельцам, полагая их труд фактором европеизации и не задумываясь о прерогативах господствующей Церкви. В этой связи источники демонстрируют, что капуцины, давая знать о своих устремлениях властям в столице и на местах, очень скоро добились нужных разрешений. Так, в документах зафиксирована просьба «начального капуцинского патера Патрициуса», главы клириков тогдашней католической общины в Санкт-Петербурге, позволить пребывание монахов в Астрахани для нужд немцев, французов, «цесарцев» и иных европейцев-католиков на русской службе. Из тех же документов следует, что соответствующий указ Посольского приказа астраханскому губернатору А.П. Волынскому вышел через непродолжительное время, и датировался он 16 февраля 1716 г.

Аналогичным был и результат обращения, с которым обратился затем и патер Венуст, новый глава капуцинов в России. В бумаге, поданной в Коллегию иностранных дел 31 января 1721 г., он просил разрешить отправку двух монахов ордена в Астрахань и Нежин. Губернатор А.П. Волынский отнесся к прибытию патеров благожелательно, известив Коллегию, что со временем от них можно ждать пользы [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762). Л. 19; Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 2 (1760). Л. 37, 55–55об.]. Сановник полагал присутствие европейцев-миссионеров благотворным для здешней окраины, по составу населения преимущественно инородческой, особенно при нехватке и слабой

миссионерской подготовке клириков господствовавшей греко-российской церкви [Толстой 1876: 173]. Преемники А.П. Волынского занимали аналогичную позицию, и значительная внешнеполитическая самостоятельность астраханских губернаторов способствовала их свободе в отношении миссионеров и прочих иноземцев [Торопицын 2017: 218–220].

В переписке Коллегии в этой связи отложилось, что в 1720–1721 гг. в Россию через Ригу и Киев прибыло по меньшей мере восемь капуцинов и францисканцев [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 2 (1721). Л. 1–5; Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 2 (1760). Л. 36–36об.]. На основании материалов коллежского делопроизводства можно сделать вывод, что в том же 1721 г. астраханский католический приход оформился окончательно: обер-комендант Чириков разрешил, «не имея никакого о том указа», как обвинял его епископ Илларион, построить для католиков гарнизона «римского закона костел» и быть при нём «католицким патерам» [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762). Л. 17об.].

Известное число армян-католиков — выходцев из Персии и Закавказья находилось в Астрахани с незапамятных времен, и миссионеры, взяв их под крыло, развернули соответствующую работу. Именно с этого времени в Коллегию иностранных дел стали поступать жалобы армяно-григорианского духовенства на вторжение капуцинов в астраханские приходы. Разбирая их, дипломатическое ведомство в 1721 г. было вынуждено направить запрос на имя А.П. Волынского. Тогда же русский консул в Гиляне сообщал о прозелитизме капуцинов среди армян в Персии и негласной переписке миссионеров с астраханскими собратьями, в связи с чем Коллегия поставила вопрос о высылке капуцинов из Астрахани. Однако её предложение столкнулось с позицией губернатора, ограничившегося лишь предупреждением [Толстой 1876: 173].

Миссионерская активность капуцинов, особенно их деятельность вне контроля властей, отразилась и в документах Св. Синода, поступавших в Коллегию иностранных дел. Они показывают, что Синод испытывал по этому поводу значительное беспокойство. Синодское вѣдение (записка) от 15 марта 1722 г. со ссылкой на жалобу астраханского епископа Иоакима указывало, что в 1718 г. в Астрахань из Персии выехал капуцин «патер Антоний», который в 1721 г. построил там свой «костел». Из документа также следовало, что имел место и случай насильственного венчания миссионерами некой русской «женки от живого мужа» с иноверцем, причѐм губернатор провести дознание по делу не разрешил. Соответственно Синод был вынужден ограничить степень своего опасения и расширить свободы католиков. Разрешение вести домашние богослужения было выдано астраханским капуцинам 27 апреля 1722 г. Отправить сюда ещё двух патеров с аналогичным позволением Синод согласился 5 мая того же года, о чём известил Коллегию иностранных дел [АВПРИ. Ф.10. Оп.10/1. Д. 1 (1759–61). Л. 184–187]. В итоге миссионеры получили фактически полную свободу.

В послепетровское время в течение многих лет, вплоть до начала правления Екатерины II, ориентация на Австрию стала основой российского курса в европейских делах. В 1726 г. Австрия заключила союз с Россией, признание же Веней русского императорского титула в 1742 г. в ходе войны за австрийское наследство, когда Австрия высказала заинтересованность в подобном союзе, и новый союзный договор 1746 г. ещё более укрепили двусторонние отношения [Собко 2006: 157]. Капуцины продолжали работу на российском юге, не упуская из виду, в частности, армянскую общину в Нежине, и «австрийская система», господствовавшая во внешнем курсе канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, расширяла их влияние.

Дальнейшие события в Нежине вполне подтвердили данное обстоятельство. В первые годы правления императрицы Анны Иоанновны там осел «один римский поп, именем Петр Эфендии», служивший при католической часовне. В 1738 г. генерал А.И. Румянцев, новоназначенный правитель Малороссии, заподозрил, что он не обычный католический «ксенз», как полагал его предшественник И.Ф. Барятинский, а «эзуит», нахождение которых в России с петровских времён запрещалось. Скрытыми от верховной власти оказались и основания, на которых патер «в доме у себя по закону своему и церковные службы отправляет», ибо «по какому указу он тамо живет, о том тамо неизвестно». В данной связи в Коллегию иностранных дел поступила записка из Кабинета с поручением провести соответствующее расследование [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 2 (1738). Л. 1].

Сведений о судьбе вышеназванного «римского попа» не найдено, а при часовне, как выяснилось, пребывали не иезуиты, а капуцины. Окончательно существование «капеллы» (часовни) в 1741 г. признал киевский архиепископ Рафаил (Заборовский) по челобитью патера Иосифа, служившего при ней. Из бумаг Коллегии следует, что патер имел «аттестат», то есть разрешение на въезд в страну и службу, выданный по распоряжению А.П. Бестужева-Рюмина [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762). Л. 5].

Выяснился и порядок финансирования духовенства при часовне, который ввел не кто иной, как киевский генерал-губернатор и командующий Украинским корпусом генерал-аншеф И.Б. фон Вейсбах. Генерал умер в августе 1735 г. [Петрухинцев 2010: 211, 223, 225]. В копии патента на имя патера Иосифа, датированной 1746 г. и отложившейся в коллежских бумагах, указывалось, что при часовне обязаны были находиться два патера, причём один с обязательным знанием армянского языка. В соответствии с завещанием генерала на патеров и часовню в год

полагалась тысяча «реинских гуldenов». Выплаты шли «из получаемых с вершков с того капитала, которой у Его римско-императорского Величества находится», то есть процентов по вкладу, хранившемуся в Австрийской империи. За этим должны были следить душеприказчики покойного генерала директор «Шлезского (Силезского. — А.Р.) обер-амтманства» Шафюс и «бреславской прелат» Санкт-Матеус, а после их кончины — их наследники [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762). Л. 6, 7]. Прелат из Бреслау (Breslau, ныне Вроцлав/ Wrocław, Польша), столицы Силезии, и силезский чиновник фигурируют в деле не случайно: Вейсбах был уроженцем именно Силезии, в своё время входившей в состав Австрийской империи, но завоёванной Пруссией в ходе войны за австрийское наследство.

Если в Астрахани покровителем капуцинов выступал А.П. Волынский, то в целом подобное отношение к миссионерам в 1730–1740-е гг. оказывалось отнюдь не местным или персонализированным явлением. Расследование в отношении католической общины Нежина показало это в полной мере.

Как было сказано выше, не знали капуцины проблем и в Астрахани. В частности, 31 марта 1747 г. Коллегия выдала указ, разрешавший отправлять здесь службу капуцину Иоаннесу. Орден планировал наладить транзит между Персией и Европой через Северный Кавказ, однако Коллегия иностранных дел не желала допускать присутствия, пусть и временного, миссионеров, формально не подчинённых российским властям. Из того же указа известно: первым о нежелательности подобного транзита заявил Бакунин, российский консул в Гиляне. Он доносил, что «в Гиляне находятся их езуиты, а в протчих местах по Персии многое число живущих при персицких командирах не отлучно находится разных ординов их римского исповедания попов, с которыми они из России, а особливо из Астрахани переписку имеют и иметь могут, а пресечь оную не

только трудно, но и невозможно...». Между тем, добавлял дипломат, из Персии астраханские католики представляются сообществом, имеющим откровенно миссионерский характер: «... в Астрахане живущий капуцин Иоаннис ни в чем ином, как в превращении армян и других иноверцов в папешество упражняется, и такое они своих попов житие явно именуют и пишут римскою астраханскою проповедническою миссиею». Пополнения сил астраханских католиков из Персии, заключал Бакунин, допускать нельзя: для российских властей из этого, «кроме предосудительности, иного отродится не может». Коллегия прислушалась к консулу и закрыла патерам путь: «Рящ» (Решт) и Астрабад не стали транзитными станциями для поездок миссионеров в Астрахань, Кизляр, Моздок. Это вызвало австрийский дипломатический демарш [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 27–29; Д. 1 (1759–61). Л. 184–187; Д. 1 (1762). Л. 20].

Он остался без ответа, но фактические уступки были сделаны. Центральные власти никаких дальнейших указаний о капуцинах на место тогда так и не спустили, астраханские же инстанции долгое время, вплоть до середины 50-х гг. XVIII в., смотрели на капуцинов сквозь пальцы, следуя заложенной А.П. Волынским традиции.

В 1755 г. власти проводили в Астрахани дознание по обвинениям армяно-григорианским духовенством капуцинов во вторжении в его приходы и «похищении паствы» [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 7]. Во время разбирательства один из миссионеров составил челобитную на имя Елизаветы Петровны, где заявлял, что со времени приезда в Россию патеры пребывали в готовности переводить иноземцев «из армянского, персидского, турецкого, арапского и протчих законов», занятых в городе торговлей, «в свой римский закон... по их добровольному желанию...» [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 5об.]. Иными словами, дело у миссионеров строилось широко, с охватом всех вовлеченных в коммерцию этноконфессиональных групп, и можно не

сомневаться, что его именно так и поставили с начала XVIII в. Помимо католиков, на российский юг устремлялись и другие европейцы.

Миссионерские замыслы гернгутеров были продиктованы эпохой. Складывание к XVIII в. новой сети торговых путей, возникновение ранее неизвестных способов и акторов взаимодействия европейских держав с остальным миром оказали влияние на христианское миссионерство, усилив, в частности, его движение в восточном направлении. При этом дал себя знать рост начинаний не только католиков — тогда основных проводников христианства вне Европы, но и протестантов. Большой интерес в данной связи вызывала вступившая на путь европеизации Россия. В понимании европейцев она была территорией условно безопасного транзита в Центральную Азию и Индию. Кроме того, российские окраины, близкие к регионам давнего европейского миссионерства — Святой земле, Персии, Закавказью или сопредельные с ними, населялись народами, в отношении которых также возникали миссионерские намерения.

Принципиальный вклад в идеологию миссионерства протестантов на рубеже XVII–XVIII вв. внесли пиетисты. Горячим сторонником миссии был идеолог пиетизма, профессор университета г. Галле (Halle, Германия), богослов А.Г. Франке (August Hermann Francke, не путать с полным тёзкой и потомком — миссионером в Ладакхе, берлинским тибетологом рубежа XIX–XX вв.). Он же вдохновлял пиетистов на Востоке и, в свою очередь, вдохновлялся тем опытом, который оставили Б. Цигенбалг (Bartholomäus Ziegenbalg) и Г. Плютшау (Heinrich Plütschau) — основатели миссионерского пункта в поселении Транкебар (Tranquebar) близ Мадраса (ныне Ченнаи/ Chennai, Индия), на юго-восточном побережье Индостана. Знакомство с религиями Востока в подобном опыте присутствовало и вызывало немалый интерес среди немецких пиетистов [Jeyaraj 2006: 27].

Н.Л. фон Цинцендорф, глава гернгутеров — духовных последователей пиетистов, говоря о возникновении миссии в Индии, оказавшейся для лютеран первой в мире, отмечал, что она обладала особой ценностью, её, считал он, надлежало сохранять и подпитывать. Потому перед Цинцендорфом, как и перед прочими европейскими христианами, мечтавшими развернуться в Индии, стояла задача — получить по возможности комфортный доступ туда.

Можно предположить, что заявленное Цинцендорфом миссионерское устремление в Индию лежало в русле разведывания торговых путей, поддерживавшегося европейскими монархиями. Так, монахи католических орденов, шедшие в XVIII в. на Восток по российской территории, опирались на помощь австрийских Габсбургов [Ряжев 2018: 92–94]. С учётом связей и репутации Цинцендорфа при саксонском, прусском, датском дворах не исключено, что имели место аналогичные намерения протестантских королей. Во всяком случае, пример датской колонии Транкебар, освоенной пиетистами, а затем гернгутерами, этому отнюдь не противоречит.

Для подготовки миссионерских путешествий были необходимы соответствующие сведения. В этой связи в 1735 г. по заданию Цинцендорфа в Санкт-Петербург для встреч с информантами — европейцами, посещавшими окраины России и наслышанными о тамошних народах, их языках и верованиях, приезжал гернгутер Д. Ничман. Но данные графского порученца оказались скудны: ему удалось собрать лишь слухи, отрывочные известия и немногие личные впечатления собеседников [Teigeler 2006: 122–158].

Осуществление «восточной» проповеди требовало наличия опоры в России. Опора, впрочем, была: с конца 1720-х гг. гернгутеры уже действовали в российских провинциях и успели завоевать симпатии части остзейского рыцарства (дворянства) и лютеранского духовенства.

Мотив пропаганды учения на Востоке в призывах графа Цинцендорфа находил отклик среди слушателей, не исключая и остзейской молодёжи, дворянской и городской. Вряд ли она опиралась на сколько-нибудь прочные знания о буддизме или верованиях, существовавших в Индостане. Но зажигательные проповеди Цинцендорфа производили, как признавал Э. Гуцлев (E. Gutslev, в русских документах также Гутслев), лютеранский суперинтендент (superintendent) — церковный управляющий Эзельской провинции (о. Эзель/ Ösel/Oesel, или Саарема/ Saaremaa, Эстония), глубокое впечатление на аудиторию [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 27]. Соответственно возрастали духовная мобилизованность и миссионерское рвение.

С позиции планирования маршрутов сквозь Россию, полагал Цинцендорф, внимания требовали калмыки и монголы: именно с ними предстояло встретиться миссионерам при движении по обеим ветвям российского пути в Индию — и на берегах Каспийского моря, и в Сибири. Уверенность графа на сей счёт подкреплялась книгой Ф.И. Страленберга «Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии» [Стокгольм 1730]: пользу историко-ландшафтных, этнографических, лингвистических сведений из этого издания, а также приложенный к нему калмыцко-монгольский словарь лидер гернгутеров отмечал именно в контексте будущих миссионерских маршрутов.

Намерения Цинцендорфа были поддержаны моравской церковью. В 1741–1742 гг. европейские синоды — территориальные органы гернгутеров — приняли решение о начале миссии у калмыков. На них влияли призывы не только графа, но и пиетистов из Галле, в поле зрения которых калмыки попали с 1700-х гг. [Teigeler 2006: 199, 275–282]. В протоколах гернгутских синодов, как и в замыслах пиетистов в целом, калмыцкой миссии придавалось более самостоятельное значение. В отличие от проектов Цинцендорфа она не сопрягалась жёстко с

индийскими перспективами, хотя им и не противоречила, ибо назначенные к калмыкам миссионеры при необходимости могли проявить себя и в Индии. Так, в 1743 г. в Россию прибыли три гернгутера: К. Ланге из Гессен-Касселя, З. Гиршель из Дрездена и М. Кунд из Кёнигсберга. Они желали вести миссионерскую работу среди калмыков и монголов [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 3–4об.]. Попытка не увенчалась успехом, но М. Кунд позже продолжил служение именно в Транкебаре [Teigeler 2006: 199] (хотя в опубликованном списке первых 54 тамошних миссионеров XVIII – первой половины XIX в. его имени нет [Fenger 1863: 312–320]).

Однако в первой половине 40-х гг. XVIII в. положение «моравских братьев» в Прибалтике, на которых рассчитывали и Цинцендорф, и другие европейские деятели движения, пошатнулось. Причиной послужил конфликт между группами немецко-прибалтийского дворянства — сторонниками и противниками гернгутеров, в котором, склонив на свою сторону российские власти, победу удалось одержать последним. Конфликт разгорался на протяжении более чем десяти лет, но его кульминация, сказавшаяся на отношении властей к моравской церкви и судьбах гернгутеров в России, пришлась на 1743 г., когда против гернгутеров было начато расследование в Лифляндской губернии.

Поводом для следствия, инициированного недругами гернгутеров из числа остзейских дворян, стало появление зарубежных миссионеров. Как было сказано ранее, весной 1743 г. в Юстиц-коллегию обратились трое иностранцев, незадолго до того прибывших в Санкт-Петербург. В прошении, поданном в Коллегию на немецком языке, они назвали себя посланцами «моравских братьев» и «яко назначенные от евангелического общества к службе Святого Евангелия люди» заявили о намерении далее направиться к «язычникам» Российской империи, «а имянно к мунгалам и

калмыкам до границ Китайского государства» [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 1–4 об.].

Россия тогда пребывала в состоянии войны со Швецией, посему инициатива иноземцев вызвала беспокойство властей. Её трактовали как интригу шведской и стоявшей за ней французской дипломатий, направленную на отвлечение российского внимания от Прибалтики в период переговоров о мире в г. Або (Åbo, ныне Турку/ Turku, Финляндия). И.А. Черкасов вскоре после приезда миссионеров обращался к А.П. Бестужеву-Рюмину с тем, чтобы тех немедленно допросили в Коллегии иностранных дел. 11 апреля 1743 г. он повторял вице-канцлеру: «... я... Ваше Сиятельство просил о живущих здесь и требующих пашпорта в Хину, Персию и в Калмыки эрн-гутерах, кто они таковы, и в какой силе прошение о тех пашпортах подали..., о том же топерь прошу пожаловать, оное все прислать...» [Письма 2007: № 3].

Проникновение миссионеров в калмыцкие кочевья оказалось бы некстати и вне русско-шведских коллизий. Отношения новоназначенного наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши и астраханского губернатора В.Н. Татищева были накалены, наместник подозревался в желании увести калмыков из российского подданства [Торопицын 2012: 34–36]. Посему миссионеры, попади они в калмыцкую степь, могли, как представлялось в российском дипломатическом ведомстве, лишь ухудшить обстановку.

16 апреля 1743 г. вышел императорский указ на имя лифляндского вице-губернатора Д.Ф. Еропкина о проведении расследования о гернгутерах [Правительственные меры 1896: 1391]. Ему поручалось также выяснить вопрос о миссии гернгутеров у калмыков. Поручение носило персональный характер, ибо Д.Ф. Еропкин со времён службы в Низовом корпусе слыл сведущим в восточных делах.

Главную роль в расследовании играла остзейская дворянская комиссия, выводов которой российским учреждениям и следовало дожидаться. Комиссия работала медленно — сказывалось противостояние гернгутеров и лютеран в немецко-прибалтийской среде. Между тем Абосский мирный конгресс не положил конец боевым действиям, война продолжалась, в данной связи первым лицам государства было не до миссионеров, и о них после указа на время забыли. Однако в начале лета 1743 г., в разгар переговоров о мире между Россией и Швецией, активисты остзейской комиссии напомнили И.А. Черкасову о далеко идущих (в прямом смысле) миссионерских прожектах гернгутеров.

4 июня кабинет-секретарь отозвался: он вновь обратился к А.П. Бестужеву-Рюмину с просьбой допросить пришельцев в Коллегию иностранных дел. На допросе надлежало установить: как давно челобитчики пребывали в Санкт-Петербурге, какими документами, удостоверяющими их личности, были обеспечены, где имели местопребывание, «и кто ещё их секты и где обретается в гражданах российских». По-прежнему вызывали тревогу и мотивы намеченной поездки гернгутеров «к мунгалам и калмыкам» [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 5–6; Письма 2007: № 8]. Однако глава Иностранной коллегии А.П. Бестужев-Рюмин и кабинет-министр тайный советник К.Г. фон Бреверн полагали вопрос о гернгутерах относящимся к ведению Юстиц-коллегии и пытались его за ней и оставить [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 2об., 8–9об.]. Ведомственные разногласия, политико-дипломатические перипетии Абосского мира вкупе с обстановкой вокруг остзейской комиссии привели к затягиванию расследования [Письма 2007: № 49], и лишь в связи с обвинениями в государственной измене, возведёнными лютеранской «партией» на гернгутеров [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 58об.], к зиме 1743 г. оно было завершено.

Цинцендорф, оказавшийся после допросов миссионеров в центре негативного российского интереса, пытался переломить ход расследования, для чего неоднократно обращался к российским властям письменно, а затем и лично — в декабре 1743 г. он приехал в Ригу [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 77–77об.].

Однако отрицательное мнение верховной власти о гернгутерах уже сложилось [Письма 2007: № 55], и граф изменить его не мог. 23 декабря кабинет-секретарь адресовался к вице-канцлеру: «...ныне... Синцендорф в Риге живет. Не можно ль ево сюда взять, и будет ли в том полза, того я не знаю, ибо он имперской граф... Чтоб не могло последовать впредь каких отзывов от держав протестантских и реформатских..., не лутче ль для убежания того выслать ево за границу...» [Письма 2007: № 56]. В итоге Цинцендорф был выслан, учение гернгутеров в России подверглось запрету [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 98, 104–110], а задержанные миссионеры оставались в заключении несколько лет [Teigeler 2006: 199–202].

После подписания Абосского мира и снятия в регионе напряженности следовало уделить внимание и положению на юго-востоке, вошедшему в повестку из-за миссионерских затей гернгутеров. Это сказалось на судьбе вице-губернатора Д.Ф. Еропкина, увязывавшего пересечение гернгутской миссии с восточной политикой: он получил назначение в Астрахань с передачей ему калмыцких и татарских дел, ранее находившихся в ведении губернатора В.Н. Татищева [Торопицын 2012: 36, 37].

Неудача 1740-х гг. не охладила пыл гернгутеров-проповедников. Они по-прежнему грезили о миссии на российских рубежах: в гимнах гернгутеров среди народов, которым в перспективе адресовалась проповедь учения, упоминались и персы, и «моголы» (монголы) [Hardin 2014: 232]. Европейский интерес к буддизму в России благодаря пиетистам

и гернгутерам рос. Если миссия 1740-х гг. не дала результатов, то с возникновением в 1765 г. колонии гернгутеров в Сарепте процесс получил новый импульс, обогатив европейцев устойчивыми представлениями о российских буддистах. В обиход также были введены этнологические и антропологические сведения, характеризующие жизнь народов — носителей буддизма [Дюльденко 2016: 44, 45]. Возможности добраться к монголам через Россию гернгутеры искали и позже [Комиссарук 2012: 213].

В российских низших и высших властных структурах было известно системном характере деятельности капуцинов в середине 1750-х гг.. Так, как известно, католики смогли установить взаимоотношения с будущей императрицей Екатериной (см. далее § 2). В этих условиях Коллегии иностранных дел, на которую приходилась значительная часть вопросов по католической части, следовало в случае возникновения религиозных конфликтов, порождаемых экспансией католиков, выстраивать коммуникацию с конфликтовавшими сторонами очень осторожно. Что касается капуцинов, то в ходе столичного расследования инцидентов между армянами и капуцинами появился указ Св. Синода от 30 марта 1756 г., наиболее ранний официальный документ.

В фокусе первого события был купец католик Кайхосров Бабежанов, «тифлисский житель», ведший дела в Астрахани, и его дети. После смерти купца армяно-григориане оспорили законность крещения в католичество его сына. Третейский судья — православный архимандрит (позже астраханский владыка) Мефодий — подтвердил правоту патеров. Но, как настаивали те, армяне не отступили и насильно крестили другого сына, которого покойный отец также видел католиком, по своему обряду крещения. Второе происшествие затронуло судьбу католички Елизаветы Айвазовой. Её, как жаловались капуцины, грубо принудили к браку с

армянином и при попустительстве светских органов и опять-таки против воли обвенчали «по армянскому закону».

Монахи сочли казусы возмутительными и потребовали наказать виновных. В своё время астраханский губернатор А.П. Волынский покровительствовал миссионерам. Сановник считал их полезными для судеб просвещения в крае, возлагая надежды на постепенную диффузную европеизацию, носителей которой он искал и в капуцинах [Толстой 1876: 173]. Традиция приобрела живучесть: преемники губернатора редко отступали от неё. Однако в конфликте с армянами «эффект Волынского» себя исчерпал: новый глава губернии А.С. Жилин, как выяснилось, не собирался протезировать католикам.

Позже капуцины доказывали: из-за негативизма местных властей они не могли участвовать в расследовании на равных. Так, подчёркивали они, допросы свидетелей в Астраханской губернской канцелярии проводились только с переводчиком от армяно-григориан, но не от католиков (того к процедуре не допустили). Кроме того, должностные лица игнорировали свидетелей, выдвинутых католиками. По этим причинам в 1755 г. последние и настояли на переносе разбирательства из губернии в Св. Синод и Коллегию иностранных дел.

Названным выше случаям миссионеры придавали знаковый характер. В делопроизводстве Коллегии сохранились составленные капуцинами перечни обид, которые пришлось им вытерпеть в Астрахани. Один из списков фиксировал нападки армян, второй — прегрешения местной администрации, и оба начинались со споров о детях купца Бабежанова и допуске переводчиков в губернское присутствие.

На допросах в столице, и в переписке патеры заявляли, что стали заложниками сговора армяно-григориан с губернским начальством. Но, стремясь предстать в качестве невинно пострадавших, поверенные капуцинов не выбирали средств в отношении противников, возводя на них

и политические наветы. Священный трепет в общении с высшими российскими учреждениями им тоже был чужд: капуцины требовали фиксировать итоги этапов следствия и выдавать бумаги для ознакомления сообразно с европейским порядком. Не стеснялись они напоминать и об австрийской поддержке, чем весьма озадачили Св. Синод: для него дипломатическая материя оказывалась посторонней, а коммуникация на равных вне властной системы — немислимой. Что касается Коллегии, то она в 1755–1756 гг. вела себя с миссионерами уступчиво, стараясь лишь охладить страсти. Ничего другого не оставалось: «австрийская система» не давала маневрировать [Толстой 1876: 176–178; Кузнецов 1898–1899: 79–87]. К тому же правовая база государства по части отношений между иноверными тогда практически отсутствовала, что в астраханском деле было отмечено не раз.

Изменить переговорную ситуацию помог случай: донос армяно-григорианской стороны о переводе миссионерами в католичество православных российских подданных. Коллегия отреагировала немедленно: «сие в превращении и крещении в свою веру российской природы подданных, яко государственное дело, от их партикулярной споры отличность имеет, то и надлежит по такому доносу без отлагательства с них ответ взять...», — значит в протоколе допроса поверенных от астраханской миссии, датированном 23 января 1757 г.

Давление подействовало на миссионеров обескураживающе. Пытаясь найти сочувствие у вице-канцлера М.И. Воронцова, капуцин Ф.-М. Агроно обратился к нему с посланием от 30 апреля 1757 г. и приложил письмо собрата по ордену, снабдив текст припиской: «Сие переведено с латинского писма патера товарища моего от 24-го апреля, которое я недавно получил из Астрахани». Монах сообщал: «...Во-первых, должен я Вам объявить, что в Санктпетербурге во всех судебных местах Вас обманывают... Еще слышал я, что Иностранная и Военная коллегии

издали противу нас в пользу армян указы, кои здешней губернатор тайно содержит, и оные никому, кроме соперников наших, от которых мы много всево слышим, не показывает; дай Б(о)же, чтоб то неправда была, ибо в прочем все наше малое стадо погибнет... Повер[ь]те мне, что я с печали почти ума лишился, ибо каждой день происходят здесь новые конфузии, и для того мы праздник Пасхи более со слезами, нежели с радостью, праздновали...

Соперники наши похваляются именем губернаторским, что он не токмо все бедное стадо наше, но сошлет и нас всех на галеры» [Толстой 1876: 109].

Отправка письма М.И. Воронцову отражала старую тактику — представлять в качестве беззащитной жертвы, близкой к отчаянию. Однако перемена участи — превращение из обвинителей в обвиняемых — капуцинов, присутствовавших в столице, страшила всё более. Один из них, Ф. Сотер, вскоре покинул страну, а осенью 1757 г. выслали и второго, Ф.-М. Агроно, впредь закрыв обоим въезд в Россию. Столичное же следствие по решению Коллегии прекратили, дабы не давать хода прозвучавшим армянским обвинениям, не трогать других капуцинов и не портить отношения с австрийской короной [Саввинский 1900: 95].

Корректно Коллегия отнеслась и к армянской стороне конфликта — клирикам, общине, ратхаусу Астрахани. Если в случае с капуцинами довлела «австрийская система», то теперь Коллегии предстояло взять в соображение экономический потенциал армянского купечества в городе и регионе. Оно состояло и из российских подданных, и из иноземцев, имело связи от Европы до Индии, держало в руках многие нити восточной торговли России, и Коллегия понимала, почему губернатор высказывался в его пользу.

У армян нашлись свои знаковые случаи, о которых дипломатическое ведомство получало извещения не однажды. Они отражены в переписке

1759–1760 гг., но таковые имели место и раньше, также являясь причиной возникновения конфликтов.

В частности, из экстракта материалов следствия, приложенного к доношению Астраханской губернской канцелярии в Коллегию иностранных дел от 29 февраля 1760 г., вытекает, что в тяжёлой истории тамошних межармянских отношений армянский епископ Стефан придавал особое значение случаю с замужеством горожанки Екатерины Васильевой. Дочь католички, рождённой в исламе, и армянина-григорианина, она рано осиротела и была переведена в православие, хотя осталась в католическом приходе. Позже женщина вышла замуж за католика, и её сына, рождённого в данном браке, крестили по католическому обряду. Стефан счёл это покушением на его паству и потребовал у российских чиновников принятия мер во избежание таких поползновений.

Губернская канцелярия, получив претензии, предписала перевести ребёнка в православие. Стефана решение не устроило, ибо сохранялось католическое исповедание Е. Васильевой. Недовольство выразили и капуцины, усмотрев в случившемся очередной антикатолический компромисс губернии с армянами.

О другом болезненном для армян эпизоде сказано в записке Публичной экспедиции Коллегии от 22 марта 1759 г. Житель Тифлиса, обосновавшийся в Астрахани, армянин-католик Мелкум Назаров Читанянц некогда обнаружил завещание. По нему купец полагал жертвовать «в астраханскую католическую церковь» 700 рублей. В 1757 г. он умер, не подписав завещания. Наследники Читанянца — его сыновья — обязательство отца в отношении прихода сначала признали и в счёт суммы выдали несколько векселей. Но затем они добились возврата бумаг, а вскоре объявили завещание недействительным. Благо братьев армяно-григориан было благом общины (деньги не уходили из неё), поэтому ратхаус и клир поддержали наследников. Так же поступил и губернатор.

Более того, он отменил обязательства по завещанию в пользу капуцинов, что весьма их разозлило и дало им повод для очередного тура разбирательства. Коллегии оставалось участливо принимать негодование армяно-григориан и искать возможности для примирения на месте.

Приняв к сведению связку губернских властей с армянской средой в Астрахани, дипломатическое ведомство в дальнейшей коммуникации на властях и сосредоточилось, верно отмечая именно их субъектность в принятии конечных решений (удалив миссионеров из Петербурга и остановив своё следствие, Коллегия свернула контакты с армянами, передав те Св. Синоду).

Коллегия, прежде всего, обозначила главный, по её мнению, промах губернского звена. В черновике указа в Астраханскую канцелярию, составленном, судя по тексту, после 22 октября 1757 г., то есть спустя месяц после решения о высылке патера Ф.-М. Агроно, в этой связи говорилось: если в городах юга было решено поднять обвинения армян против «всех состоящих в римском законе», то следствие надлежало организовать как общую проверку неправославных, и «уже из того следствия и армене, и протчия иноверцы выключены быть не должны, ибо ежели в Астрахани и в Кизляре о том следование производиться толко о содержащих римскую веру, то оные и в самом деле не иначе как за утеснение оное почесть могут». Коллегия тем самым находила, что в губернии дали повод австрийской стороне обвинить Россию в нарушении равенства «законов» и веротерпимости.

Вопрос имел чувствительность для монархии, наметившей поворот к веротерпимости. Ещё большую чувствительность он приобрёл для амбиций Елизаветы Петровны, причём как раз в австрийском контексте. В конце 1740-х гг. российская дипломатия по настоянию императрицы выступала в защиту сербов. Венский двор отказался тогда принять посредничество [Соловьёв 1993: 53–55; Рора 2016: 1099, 1100], да сербы и

не нуждались в защите [Костяшов 2015: 89–91]. Но ныне, полагала Коллегия, из-за местных властей возникало основание, на котором австрийцы могут вернуть упрёк.

Дипломатический аспект астраханского дела Коллегия подчеркнула указом губернатору А.С. Жилину от 28 февраля 1758 г. В указе говорилось: «чрезвычайный посол господин граф Эстергази представлял... о непрестанно происходящих (производимых. —А.Р.) в Астрахане римско-католическими и армянскими духовными персонами, по причине религии, раздорах и несогласиях...», в силу чего администратору предписывалось принять срочные меры, «чтоб таковые ссоры ими (враждующими группами. — А.Р.) вовсе пресечены» были и огласка их снизилась [Толстой 1876: 171]).

К анализу шагов губернатора Коллегия возвращалась и во внутреннем документе — записке от 30 апреля 1759 г. В ней также констатировалось, что сановник нарушил правовой порядок — поддерживал армян «сверх указу». В плане же коммуникации с региональными инстанциями весьма показательным явился указ в Астраханскую губернскую канцелярию от 24 июня 1759 г. В нём подчеркивалось: «...по обстоятельству сего дела тех обоих законов духовные почти равное участие имеют» и в равной степени не без греха. Между тем местное следствие приняло позицию лишь одной стороны и наделало ошибок, приведших к еще большим недоразумениям. Ошибки в указе перечислены подробно: здесь и привлечение к допросам только переводчиков — армяно-григориан, и пренебрежение свидетелями католической стороны, и промедление с выдачей капуцинам паспортов для поездок, и, разумеется, не взыскание денег по векселям, которыми в своё время расплатились с капуцинами Читах и Каспар, дети покойного Мелкума Читанянца. Иными словами, Коллегия признала, что у капуцинов имелись резоны выразить недовольство поступками губернских органов, и

потребовала соблюдать нейтралитет. В продолжение темы она внушала: следствие на юге вообще затеяно напрасно, ибо споры между общинами надо улаживать «через тамошнего полицмейстера или чрез их собственных попов».

Коллегия, впрочем, не держалась менторского тона в отношении местных властей. Своё вхождение в дело она откровенно объясняла приверженностью к «австрийской системе». Дрязги иноверцев, говорилось в указе, мало касаются Коллегии, «однако ж она Астраханской губернской канцелярии в том справедливость рекомендует не по иному какому случаю, но единственно в рассуждении чинимаго от римско-императорского посла за капуцинов заступления».

Советы не остались втуне: в канцелярии почли за лучшее прекратить разбирательство и впредь подобных жалоб не принимать, ограничиваясь лишь дознаниями исподволь. Коллегия была извещена об этом доношением от 29 февраля 1760 г.

Самым сложным и неудобным для Коллегии актором коммуникации выступала, естественно, австрийская дипломатия. Итогом её вмешательства, долго не встречавшего возражений, стала промемория «римско-императорского и королевина посла» Н. Эстергази от 9 мая (28 апреля) 1759 г., нагруженная также вопросом о строительстве католических храмов в местах пребывания миссионеров на юге.

Творец «австрийской системы», бывший канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, в то время находился в опале, а его преемник М.И. Воронцов к удовольствию Елизаветы Петровны напомнил австрийской стороне австрийскую же отповедь девятилетней давности. Нужная нота готовилась быстро: 1/ 12 мая посол получил её на конференции у канцлера. Документ подчёркивал: в условиях царящей в стране веротерпимости сетования капуцинов на притеснения «неосновательны». «... В Российской империи, — гласила нота, — издревле дозволенные о свободном содержании каждой

веры свободы всегда ненарушимы в своей силе остаются, но все помянутые между ними, духовными, несогласии и ссоры происходят от того толко, что каждый из них старается приезжающих из-за границы уловить в свой закон, а будучи оное Высочайшими Ея Императорского Величества указами запрещено, те духовные отваживаются то исполнять скромно», тайком, а «когда с противной между ими стороны оное сведается, тогда вступают они друг на друга в доносы».

Однако и М.И. Воронцов, и сама императрица, проявляя в сфере дипломатии осторожность, не склонялись целиком подрывать бестужевскую конструкцию, а посему констатацию в духе «австрийской системы» нота включала: в России внимательно относятся к капуцинам и так «поступлено... единственно в рассуждении римско-императорского двора». Канцлер просил австрийского посла выразить ответное уважение: довести до патеров, чтобы они не вступали в вероисповедные вопросы, «а оставили б то чинить здешнему... духовенству».

Конфликт был урегулирован, однако имели место и другие конфликтные точки. Важной целью монахов-австрийцев стал Северный Кавказ, где утвердиться они предполагали опять-таки благодаря проникновению в армянскую среду и формированию в российских городах близ южных границ армяно-католических общин.

Интерес капуцинов к Северному Кавказу был действительно замечен. Российские власти в ходе урегулирования конфликта между армянами и капуцинами рассматривали также обвинения капуцинов в том, что они привлекли в католичество и православных российских подданных. Перед лицом подобных обвинений капуцин Ф.-М. Сотер, один из участников тяжбы и глав капуцинской миссии в Астрахани, осенью 1756 г. заявил о желании выехать из России. Но даже в качестве подследственного, то есть понимая угрозу, возникавшую в случае неблагоприятного для него исхода расследования, он желал покинуть

пределы государства не иначе, как предварительно побывав именно на Северном Кавказе и уже оттуда собираясь выехать за пределы России — в Турцию [Ряжев 2020: 11]. Его сотоварищи, оставшиеся в Астрахани также неоднократно требовали паспорта для выезда в Кизляр.

Капуцинская методика проникновения на Северный Кавказ отличалась многомерностью. Прощупывая подступы к цели, патеры изучали обстановку и в степи, и они смогли наладить отношения с Калмыцким ханством. Для этого был использован один из стандартных миссионерских приёмов — оказание медицинской помощи. Иезуиты в своё время использовали его в Тибете [Beltramini 2021: 69, 70]. Капуцины в калмыцкой степи от них не отставали.

В 1760 г. патер Рамолдус просил в Астраханской губернской канцелярии разрешения «по требованию калмыцкого хана Дондук-Даши... для лечения в калмыцких улусах больных к нему, хану, съездить позволить, и лекарства... из здешней аптеки за денги его собственные или ханские отпустить...», да и впредь по требованию хана не запрещать подобных степных визитов.

В ответ из гарнизонной аптеки донесли, что отпускать медикаменты Рамолдусу и принимать его рецепты для изготовления снадобий «не велено». К тому же врач из патера весьма посредственный, «ибо он, как видно из его рецептов, в теори[и] медицинской невеликое основание имеет», посему лекарств ему давать не стоит во избежание вреда больным — и калмыкам, и прочим. Настырный капуцин обошёлся, впрочем, и без казённых медикаментов, В итоге астраханские власти дали ему санкцию на выезд в степь, «да и впредь» постановили не запрещать, имея в виду и настоятельное ханское пожелание, и высказанную ранее рекомендацию Коллегии иностранных дел. Тактика капуцинов, таким образом, себя вполне оправдывала.

Подобная тактика могла бы носить ещё более успешный характер при сохранении традиции покровительственного отношения к миссионерам, заложенной астраханским губернатором А.П. Волынским в начале XVIII в. Однако с середины столетия здесь назревали изменения.

В своё время, в разгар конфликта между капуцинами и армяно-григорианами третейским судьёй в нём выступал астраханский архимандрит Мефодий, в связи с этим соприкоснувшийся с вопросом о миссионерах в Астраханской епархии. Через несколько лет, будучи в сане правящего архиерея, Мефодий провёл своё расследование по поводу присутствия капуцинов.

Результаты подобного расследования отложились в промемории Астраханской консистории в Астраханскую губернскую канцелярию и канцелярском доношении Астраханской губернской канцелярии в Коллегию иностранных дел от 27 января 1761 г. Из последнего документа следует, что преосвященного весьма тревожила активность католических эскулапов: он опасался, что они возымеют успех не только у калмыков, но и у русских. «В сообщенной в губернскую канцелярию из духовной преосвященного Мефодия, епископа Астраханского и Ставропольского консистори[и] промемори[и], — гласило доношение, — написано, известно де Его Преосвященству учинилось, что прибывшие пред недавним временем незнаемо откуда в Астрахань римского исповедания патеры два человека, о именах их неизвестно, жителство имев при построенном здесь римском костеле, о превращении в свой их закон из разных иноверцов стараются неуспешно, и притом, ходя по дворам, не токмо иностранному народу, но по невежеству и российским несведущим силы и Писания немощным людям, находящимся в различных болезнях, не дав прежде о себе Его Преосвященству знать, производят, получая неведомо где, лекарства, а о ползе того их якобы врачества, дабы оные

между тем не могли и от православные веры кого отторгнуть, есть не без сомнения...».

Епископ не упустил также случая поставить под сомнение пребывание католиков в Астрахани вообще. «... К тому же не токмо оным патерам, хотя б из них одному, — продолжал преосвященный, — но и костелу их в Астрахани, что здесь природных римлян, кроме превращенных, как по справкам з губерниєю оказалось, почти никого не имеется, быть не у чего; о чем в силе указов и Святейшему Правительствующему Синоду со мнением от Его Преосвященства представлено...». Как следствие, владыка Мефодий в той же промемории потребовал от канцелярии провести расследование по поводу правомерности нахождения миссионеров в Астрахани ныне и представить в консисторию результаты.

Астраханская губернская канцелярия на просьбу архиерея откликнулась и расследование провела. Капуцинов-докторов оказалось не двое, как сообщал преосвященный, а трое — патер Канутус, патер Кресениус и уже известный нам патер Рамолдус. Все они были допрошены и дали объяснения по поводу причин приезда и о содержании деятельности в России. В частности, они показали, что прибыли через Польшу из «Венгеро-Богемского королевства», имея паспорта, которые им выдали «Мари Терези», тамошняя государыня, и Г.-К. Кайзерлинг, русский посол в Вене, «приезд же их (миссионеров. — А.Р.) в Россию последовал по указу римского папы». В Россию они, выехав из Вены и достигнув Варшавы, добирались затем разными путями: Канутус избрал Кёнигсберг, Кресениус — Люблин и Белую Церковь, Рамолдус — Митаву. Канутус и Рамолдус по прибытии в Санкт-Петербург явились в Коллегию иностранных дел и затем двинулись в Москву, Кресениус же в северной столице не был: миновав Киев, он сразу направился в Москву. В итоге все трое оказались в Астрахани «з данными им от находящегося в Москве

римского католического монастыря префектов пропускными письмами, также от глуховского коменданта генерал-майора Ивана Делатура, царицынского коменданта полковника Чистюнина и из Лифляндской генерал-губернаторской канцелярии пашпортами» [Ряжев 2020: 14–16].

Показания миссионеров знаменательны, ибо в них обозначены силы, продвигавшие капуцинов на южнороссийскую границу — папство и австрийская императрица Мария-Терезия. Не случайно здесь фигурирует и посол Кайзерлинг — сторонник русско-австрийского сближения, адепт «австрийской системы», он в течение ряда лет обеспечивал документами для поездок в Россию миссионеров, чьими патронами выступали австрийские Габсбурги. Ту же функцию в отношении проезжавших через украинские земли миссионеров выполнял и генерал И. Делатур (правильно: де ла Тур), занимавший важный пост коменданта г. Глухов — одной из резиденций украинского гетмана [Ряжев 2020: 13, 14].

Нарушений за патерами не нашлось, и их отпустили, обязав подписками о запрещении миссионерской работы среди российских подданных. В дальнейшем они продолжили миссионерствовать в Астрахани и бывать у калмыков (по крайней мере, до смерти хана Дондук-Даши). Канутус заявлял о необходимости поездки «для монастырских нужд» в Кизляр и Моздок. Местные власти противились этому: канцелярия сделала запрос в консисторию, и та ответила, что без указа Св. Синода дать разрешения не может, что в принципе выезд нежелателен по духу указов центральных учреждений, появившихся в период расследования капуцино-армянского конфликта и запрещавших капуцинам миссионерство в отношении российских подданных. В этой связи канцелярия заключила, что Канутуса в Кизляр не отпустит по той причине, что он не являлся в «главный российский коллегийум», к тому же ни он, ни другие капуцины-лекари своего приезда в канцелярии с момента прибытия в Астрахань «не объявляли». Что же касается врачевства капуцинов, то оно

разрешено лишь Рамолдусу и только по просьбе хана Дондук-Даши, но не для более широкого контингента страждущих.

За проблему неопределённости статуса капуцинов-миссионеров на российских окраинах ухватилась австрийская дипломатия, оказывая давление на российское внешнеполитическое ведомство и пытаясь добиться фиксации их фактических свобод. Подобные вопросы стали предметом обсуждения на конференции, которую в январе 1761 г. провели «цесарский» посол Эстергази и канцлер М.И. Воронцов. Канцлер, признавая важность союза с Австрийской монархией, пошёл на уступки. В частности, он согласился с необходимостью строительства каменных храмов для католиков в городах, где пребывание миссионеров было давним, а в Астрахани и Нежине католические общины отличались устойчивостью.

После майской ноты и июньского указа Коллегия сочла конфликт урегулированным. Переговоры 1760–1762 гг. с Н. Эстергази, несмотря на широту проблематики и осведомлённость о ней Елизаветы Петровны, а затем и Петра III, в основном велись вокруг постройки каменных церквей для миссионеров. Во всяком случае соответствующий коллежский документ — «Экстракт о римских церквах в Астрахани и Нежине», датированный 9 февраля 1761 г. и обновлённый в 1762 г., в качестве финальной бумаги по капуцино-армянскому делу называет ноту от 1 мая 1759 г. Таким образом, тема южного вероисповедного конфликта на дипломатическом уровне на тот момент была исчерпана.

Однако и в рамках российской политико-правовой надстройки с середины 1750-х гг. осознавалась необходимость упорядочения законов о миссионерах и точного определения порядка их взаимоотношений с властями и духовными институциями на территории Российской империи. Затруднение, с которым сталкивались учреждения, особенно местные,

было чётко обозначено в донесении Астраханской губернской канцелярии в Коллегию иностранных дел от 27 января 1761 г.

С одной стороны, говорилось в документе, по итогам расследования канцелярия вынуждена «при том объявить, хотя она консистория того промеморию и требует, надлежит ли тем капуцинам впредь в Астрахани быть, от губернской канцелярии мнения, но понеже указом Святейшего Правительствующего Синода, присланном к Его Преосвященству, велено за оными духовными смотрение иметь Его Преосвященству, почему губернская канцелярия об них и мнения своего предписать не может, а все оное зависит в рассмотрени[и] Его Преосвященства...». С другой стороны, как отмечалось, в связи с врачебной деятельностью капуцинов, их обращениями в аптеку, вояжами в калмыцкие улусы нужен однозначный указ сверху об их статусе в отношении светских властей на местах, «а особливо ж как их генерално именовать (ибо они домогаются всегда называть себя патерами, яко всем отцами)», но «команде архиерейской» подлежать отнюдь не хотят.

Итак, документы о миссии капуцинов в отношении калмыков позволяют заключить следующее. Во-первых, главная роль в вероисповедных отношениях эпохи «просвещённого абсолютизма» принадлежала светским властям. Синод вёл себя пассивно и не пытался повлиять на принятие решений. Во-вторых, вероисповедные отношения на окраинах были предельно сложны и запутаны. В этих условиях религиозная терпимость и формальное равенство исповеданий вытекали из прагматических соображений властей в центре и на местах, поскольку оказывались единственно возможными в видах бесконфликтного управления многоконфессиональными территориями. И, в-третьих, в начале 1760-х гг. из дел на местах стала вполне понятной слабость правовой базы по делам исповеданий, причём как в целом, так и в отношении неправославных религий. В частности, капуцины при

поддержке сверху легко обходили запреты на распространение неправославных учений: медицина и «монастырские нужды» служили прикрытием для их миссионерской работы. Отсюда выработалось понимание того, что отсутствие правовых установок для отношений исповеданий с властями и друг с другом вызывает конфликты. В рамках «просвещённого абсолютизма» решение проблемы наметилось позже, именно с воцарением Екатерины II и её законодательной работой в 60–80-х гг. XVIII в.

§ 2. Великая княгиня Екатерина Алексеевна — будущая императрица и католические миссионеры на юге: взаимная заинтересованность

Системный характер деятельности капуцинов в середине 1750-х гг. давал себя знать в российских властных структурах снизу доверху. В частности, католики установили взаимоотношения с Екатериной — великой княгиней и будущей императрицей.

Параллельно с возникновением обозначенных выше трений завязался и другой конфликт, именно на севере, в Санкт-Петербурге. Жертвой обстоятельств вновь стала католическая община, хотя здесь в отличие от Астрахани ее постигло не внешнее, а внутреннее неустройство. Виновником явился католический супериор (старший миссионер) Ф.А. Торино, жаждавший единолично распоряжаться средствами столичного прихода. Охваченный стремлением наложить руку на приходские деньги, супериор игнорировал обращения в католические инстанции со стороны прихожан, в силу чего тем пришлось вспомнить и о верховных российских прерогативах. Апелляции мирян-католиков подробно изложены в протоколе Юстиц-коллегии от 2 апреля 1756 г., занимавшейся их рассмотрением. Коллегия, как понятно из документа, на протяжении 1755 г. советовала супериору принять во внимание позицию

мирян-католиков и дать им отчет в расходах, но Ф.А. Торино рекомендаций с российской стороны также не принял.

Весной–летом 1756 г. градус напряжения возрастал и среди католиков северной столицы, где миряне выдвинули клирика в противовес супериору. Тот, однако, смог найти общий язык с частью прихода, перетянув ее на свою сторону. Ситуация охарактеризована в промемории Конгрегации пропаганды веры (*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*), составленной для «Его Преизящества кардинала Александра Албани». Александр (Алессандро) Албани не значится в списке начальников, он был одним из префектов Конгрегации пропаганды веры и на тот период принадлежал к ее первым лицам. Именно он и переслал бумагу российскому канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину. Перевод промемории, сохранившийся в Коллегии иностранных дел, не несет даты, но, судя по изложению событий, текст возник не ранее 17 июня 1756 г. В документе сказано о «произшедших... у патера Карла Лудовика из Ниццы с патером Ф. А. Торино спорах» и о том, что «от них разделилось тамошнее католическое общество...» [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 14. Л. 1]. Юстиц-коллегия, изучавшая обстановку в общине, признала восстановление порядка невозможным, если инициаторы ссоры останутся на своих местах, и 2 апреля 1756 г. постановила в шесть недель выслать обоих клириков из России [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 14. Л. 30–33об.].

Католические власти также полагали, что патерам, устроившим публичное противостояние, должно оставить проповедничество в Санкт-Петербурге и явиться для разбирательства прямиком в Рим [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 14. Л. 23–25]. В мае 1756 г. Конгрегация пропаганды веры представила соответствующие предписания, попросив вице-канцлера М.И. Воронцова выдать их на руки обоим. Супериор действительно ознакомился с приказом об отзыве, известив Конгрегацию пропаганды веры, что ждет лишь прибытия супериора-преемника, «патера Доминика

из Горы Маренца», чтобы передать ему ключи и архив [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 14. Л. 2]. После приезда преемника Торино тем не менее остался в Санкт-Петербурге, пренебрегая и следующим приказом Конгрегации пропаганды веры, который на этот раз взялся передать имперский посол граф Н. Эстергази (Miklós/Nicolas Esterházy). Новоиспеченный супериор просил в данной связи российского вице-канцлера «от себя приказать... оному патеру» получить очередное письмо об отзыве и покинуть Россию [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 14. Л. 34, 35–36об. (подлинник адресованного Ф.А. Торино письма на итальянском)].

Конфликты, таким образом, разгорались, и усилия Коллегии иностранных дел по их урегулированию оказывались тщетными. Осознав внезапный оборот, Ф. Сотер, один из монахов, немедленно заявил о желании выехать из России в Турцию, причем через Кизляр и далее через «Тефлис». Уклончивость патера представлялась весьма подозрительной сама по себе. Согласие на выезд, впрочем, последовало, но бесконтрольным путешествиям «миссионара» по стране положили конец. Его отправили немедленно «прямым путем», издавна налаженным в России для всех, кто ехал в Турцию из Петербурга посуху — через Москву в Киев и оттуда за границу, полагая к тому же «иметь за ним присмотр», пока монах будет находиться на российской территории [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 71–71об., 84–84об.].

Вскоре появился повод для высылки и второго подозреваемого — патера Ф.М. Агроно. Вместо объяснений, которых требовала Иностранная коллегия, он направил личное послание вице-канцлеру М.И. Воронцову, в котором просил помощи против «диоскуровой ереси» в Астрахани [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 104–105]. Александрийский патриарх Диоскор, живший в V в., известен как влиятельный адепт еретических учений, выросших из монофизитства, исповедуемого Армянской апостольской церковью. Давая такое название оппонентам,

патер подчеркивал несходство армяно-григорианства с доктринами католичества и православия и стремился придать еще больший вес ранее высказанным политическим обвинениям.

Кроме того, оба миссионера составили дополнительное обращение к сановнику. В документе они напоминали о том, что миссию патронирует австрийская дипломатия, и намекали на возможные осложнения между обеими державами в случае невыгоды результатов астраханского конфликта для миссионеров [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 101–103].

Здесь патеры расставляли акценты со знанием дела. В доношении Коллегии иностранных дел от 1 сентября 1757 г. в Синод говорилось о том же самом: давление на миссионеров может затруднить союзнические отношения России с австрийскими Габсбургами, поэтому предпочтительно выслать обвиняемых за рубеж, следствие же о незаконных переводах в католичество спустить на тормозах. По форме же обе апелляции патеров к материям высокой политики представляли собой неслыханную дерзость, в сущности, шантаж, чего российские власти оставить без внимания не могли. В итоге выдворение миссионеров оказалось предопределено: в октябре «патер Франциск Мария» получил вызов в Иностранную коллегию и уведомление о предстоящей высылке из России с запретом въезжать вновь. То же постановили и насчет Ф. Сотера, ранее уже покинувшего страну [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 115, 113–134, 138, 150–153].

Оставалась далекой от разрешения и ситуация в Петербурге, влиявшая на южные перипетии. Супериор «патер Доминик» в письме от 21 июля 1758 г. информировал канцлера М.И. Воронцова (он сменил на посту А.П. Бестужева-Рюмина, угодившего в опалу и лишённого чинов): капуцин Ф.М. Торино по-прежнему живет в столице «с надеждой остаться

здесь» и имеет сторонников среди прихожан [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 146–147об., 148–149об. (оригинал письма)].

Отношения Екатерины с католической средой, сложившиеся в столь неоднозначных условиях, зафиксированы в цитированной ранее промемории Конгрегации пропаганды веры. Автор документа, задавшись вопросом о причинах длительного сохранения беспорядков в общине северной столицы, в поисках ответа констатировал: «...Бывший при российском дворе послом от двора польского господин Понятовский уведомил кардинала Архинта о старательствах великого князя и великой княгини, чтобы учинена была какая-либо честь тому священнику с прибавлением такового слова: что ежели их рекомендации возимеют к себе те уважения, коих они ожидали, то церковь католическая, там (в России. — А.Р.) находящаяся, имела бы надежду на их протекцию...» [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 14. Л. 3]. Именно в расчете на покровительство Торино «весма удалялся от пользования себя таковыми ласковыми ему внушениями» католических авторитетов на предмет отъезда в Рим и «продолжал пробывание свое в Петербурге, да может статья, что и для прибрания еще между тех к себе партии: что ясно оказывается ис поданного господину вице-канцлеру в последние от некоторых италянцев и французов и сообщенного Преизящнейшему господину кардиналу Албани письма»...» [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 14. Л. 3об.].

Приводимый документ недвусмысленно давал понять: разжалованный католический супериор в России находился со времени отставки под покровительством великокняжеской супружеской четы, что и позволило ему оставаться в Санкт-Петербурге и вести борьбу за влияние на прихожан-католиков. Налицо, таким образом, весьма ценное свидетельство источника, обозначающее к тому же временной отрезок, в течение которого к Екатерине протянулась ниточка от католиков.

Это первое четкое показание источников об альянсе великой княгини Екатерины Алексеевны с католиками, сопряженном к тому же с гарантиями для всего исповедания с ее стороны. Добавим, что это единственное упоминание об участии Екатерины в делах католической общины совместно с супругом — наследником престола великим князем Петром Федоровичем. В прочих эпизодах, касавшихся столичных католических перипетий, упоминается только великая княгиня.

Не случайна и активная роль саксонско-польского посла С. Понятовского (Stanisław August Poniatowski), отмеченная Конгрегацией пропаганды веры. В системе дипломатических связей, оказывавших поддержку католикам, в частности, католическим миссионерам в России, он занимал далеко не рядовое место. Сведения о дальнейших событиях это в полной мере подтверждают.

29 мая 1758 г. на пограничном форпосте близ г. Васильков под Киевом при попытке пересечь границу Российской империи задержали капуцина Ф. Сотера, годом ранее попавшего под подозрение в нарушении правил миссионерской работы и тогда же спешно покинувшего страну. На руках он имел паспорта от австро-венгерских властей и русского посла в Вене. Патер оставался нежелательной персоной в России, через границу его не пропустили, более того, как человека подозрительного подвергли обыску и конфисковали имевшиеся при нем письма. В сохранившемся реестре бумаг Ф. Сотера отмечены, в частности, восемь рекомендательных писем, а круг адресатов писем весьма примечателен: канцлер М.И. Воронцов, сенатор П.И. Шувалов, комендант г. Глухов генерал-майор И. де ла Тур, послы в России — маркиз де Лопиталь (Paul-François Galluci, marquis de L'Hôpital), представитель Франции, и уже известный С. Понятовский. Рекомендательными письмами к С. Понятовскому монах запасся наиболее основательно — их насчитывалось четыре [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 177–177об., 190–190об., 206–207об., 209].

Присутствие в списке коменданта — начальника гарнизона в городе, где находилась одна из двух резиденций украинского гетмана, также не случайность: из дальнейшего изложения понятно, что генерал был надежным контактером миссионеров, предоставлявшим паспорта для проезда в южные области России.

Кроме того, Ф. Сотер вез и частные письма от разных лиц. Перечень их адресатов небезынтересен, поскольку обозначает и круг знакомств миссионера, и социальную среду, вращаясь в которой, он мог обрести помощь в России: камергер римско-императорского двора и компаньон посла Эстергази граф Кеглович (в другом упоминании Кеглевич), «графиня Кетлерова», два капуцина-миссионера, осевшие на российском юге — Сатурнин в г. Нежин и Ромуальд в Астрахани. Фигурировало и письмо некой Василисе Ершевой «в дом П.И. Шувалова», начинавшееся обращением «любезная сестрица», и «письмо армянское» [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 17–177об., 200–201об., 203–204; Хаванова 2017: 20, 22].

В попытках проникнуть в Россию патер проявил настойчивость, и неудача на русской границе его не обескуражила: из-под Киева он двинулся через Польшу в Данциг, сел в тамошнем порту на корабль и прибыл в Санкт-Петербург. Здесь он настойчиво искал контакты с М.И. Воронцовым и С. Понятовским, прося содействия у посла Эстергази, но не преуспел: «цесарский» представитель, хотя и протезировал миссионерам, не хотел помогать человеку без рекомендаций, к тому же незаконно находившемуся в стране пребывания [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 209].

Желание миссионера опереться на поддержку С. Понятовского и получить содействие со стороны великой княгини, подобное тому, которое она оказывала патеру Ф.А. Торино, таким образом, налицо. Информантом Ф. Сотера выступил кардинал Архинт — партнер С. Понятовского,

фигурировавший в источниках в связи с казусом скандального петербургского супериора: именно упомянутый прелат и выдал одну из тех рекомендаций, которые Ф. Сотер вез польскому послу и которых лишился на форпосте под Киевом [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 190–190об.].

Отчаянные попытки Ф. Сотера попасть в Россию вполне объяснимы. Пребывание на русском юге значилось в числе приоритетов капуцинов, строивших планы расширения присутствия в Закавказье, поэтому орден хотел вновь задействовать опытного миссионера, к тому же отлично знакомого с местными условиями. Собственно миссионерство ордена капуцинов значилось и в арсенале средств австрийской дипломатии. В ее расчетах посол С. Понятовский оказывался не последней фигурой.

Паспорт в Россию Ф. Сотеру выдал Г.-К. Кайзерлинг, российский посол при австрийском дворе. Из документов Коллегии иностранных дел, посвященных астраханскому конфликту, известно об аналогичных случаях [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 75–79об.]. Иными словами, посол долгие годы исправно обеспечивал миссионеров путевыми документами. Это отвечало планам венского двора, да и для посла служило занятием далеко не проходным: Г.-К. Кайзерлинг зарекомендовал себя при А.П. Бестужеве-Рюмине сторонником русско-австрийского союза и так называемой «австрийской партии» при русском дворе. Некогда он был домашним учителем и воспитателем С. Понятовского и сохранил на него влияние до конца своих дней. В конце 1762 г. Г.-К. Кайзерлинга определили послом в Варшаву, где он способствовал избранию С. Понятовского королем Речи Посполитой. Работая при польском дворе, он занимался, в частности, решением «диссидентского вопроса» — вопроса о политических правах православной и протестантской шляхты в равной степени российских и австрийских интересов. Здесь налицо проавстрийский тандем при русском дворе, упрочивавший по мере сил

положение австрийских миссионеров в России. Доверительные же отношения, сложившиеся у С. Понятовского с великой княгиней Екатериной Алексеевной в изучаемые годы, делали того идеальным посредником между ней и католическими сферами, способным, в частности, ввести столь высокопоставленную особу — одну из центральных фигур российского «малого двора» — в круг проблем столичной католической общины.

Взаимосвязь казусов Ф.А. Торино и Ф. Сотера была очевидной для русской дипломатии, как было очевидным для нее и то, что она покоится на участии именно великой княгини в католических делах. Екатерина Алексеевна тогда переживала не лучшие времена: после опалы А.П. Бестужева-Рюмина, ее теневого придворного наставника, она пребывала в центре негативного внимания императрицы Елизаветы Петровны, с большим подозрением относившейся к политической активности супруги наследника престола. Поскольку Ф. Сотер за несколько месяцев пребывания в Санкт-Петербурге так и не вышел ни на С. Понятовского, ни на Екатерину, власти намеревались взять нежеланного гостя под стражу, вывезти в Кронштадт и принудительно посадить на первый же корабль, шедший в Европу. Известно, однако, что 1/11 сентября 1758 г. капуцин еще пребывал в столице — дата стоит под его благодарственным письмом М.И. Воронцову по поводу окончания, как отмечено, «нашего с армянами дела» [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 186–186об.].

В отношении Ф.А. Торино канцлер М.И. Воронцов не решался предпринять какие бы то ни было действия. Продержав у себя два года письмо супериора патера Доминика, адресованное Ф.А. Торино и извещавшее того об отставке и отзыве в Рим, сановник надумал вернуть его адресату. «NB: упоминаемое письмо к патеру Антонию Франциску Туринцу Его Сиятельство изволил у себя оставить с тем, чтоб обратно

отдать патеру Доменику, супериору католицкой церкви», — гласит приписка на русском экземпляре письма Доминика, датированная тем же днем, что и последнее письмо Ф. Сотера на имя М.И. Воронцова, то есть 11 сентября 1758 г. [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 34]

Стойкость Екатерины Алексеевны в вопросе о Ф.А.Торино, ставшую главным препятствием для удаления супериора из России, раскрывают новые промемории Конгрегации пропаганды веры, поступавшие своим порядком в Коллегию иностранных дел.

25 ноября 1758 г. кардинал А. Албани направил российскому канцлеру новую бумагу с резким осуждением Ф.А. Торино и просьбой содействовать прекращению раздоров в приходе Санкт-Петербурга [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 14. Л. 39–39об.]. В другой промемории, приложенной к письму прелата от 12 декабря 1759 г. М.И. Воронцову, говорилось, что патер Ф.А. Торино давно заслужил порицания, «чего ради не преминула бы Священная Конгрегация пропаганды веры употребить духовных наказаний..., есть ли бы она не восхотела за лучшее возиметь некое терпение ко уважению достопочтенных Ее Императорского Высочества Великой княгини благоповедении, нам известным из писем господина великого канцлера и патера Префекта учинившихся» [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 14. Л. 7об.].

Причины екатерининского упорства были, как представляется, весьма значимыми. Но Конгрегация пропаганды веры глубоко не копала — для нее всё сводилось к амбициям молодой представительницы правящего дома, и посему шел поиск решения, не обидного для последней и не способного отвратить ее от Рима вообще. В этой связи деятели Конгрегации пропаганды веры предложили следующий выход из сложившегося положения: повлиять на Торино, воздействовать на него, дабы он сам отказался от покровительства высокой особы и покинул Петербург. Тогда, обещала Конгрегация пропаганды веры, и клирик не

понесет наказания за упрямство, и самолюбие великой княгини, обещавшей защищать патера, не будет, как представлялось из Рима, уязвлено [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 14. Л. 8].

Очередная промемория Конгрегации пропаганды веры «для его Преизящества кардинала Александра Албани» демонстрировала, что католические власти оказались близки к осуществлению предложенного плана. Текст документа не содержит даты, по логике же событий он является более поздним по отношению к цитированным выше бумагам. В промемории значилось: «знатнейшие оные особы... льстивыми онаго священника поступками иногда обманувшись», покровительствовали ему раньше, но теперь «отложили свое ходатайство, а за лучшее признали установиться на благоразумных внушениях господина великого канцлера» [АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 14. Л. 9].

Екатерина могла поддаваться давлению — после отправки в ссылку опального А.П. Бестужева-Рюмина и вынужденного отъезда С. Понятовского из России она оказалась в известной изоляции, почему тяжесть пресловутых «благоразумных внушений» оказывалась велика. Впрочем самой Екатерине это представлялось тактическим отступлением, необходимым лишь для того, чтобы выиграть время и начать борьбу вновь. Выйти из «дела Торино» она вряд ли могла, и вот почему.

Екатерину, очевидно, не устраивал имевшийся на тот период при русском дворе конъюнктурный выбор между ориентацией на прусский или австрийский двор (за которым, как в случае с тем же А.П. Бестужевым-Рюминым, стоял и двор сент-джеймский). Настраиваясь на борьбу за престол, она искала новые возможности и новую опору. Католическая дипломатия, в целом курировавшаяся папством и имевшая возможность действовать открыто благодаря сформированной в России католической европеизированной среде, вполне могла выступить в качестве искомой опоры — деньги, связи, отлаженные в Европе «технологии власти». О

ресурсах папской и шире католической дипломатии Екатерина знала очень хорошо. Столь далеко шедшие расчеты порождали интерес к католическим сферам, и порвать с последними под воздействием чьих бы то ни было «благоразумных внушений» она применительно к моменту не могла.

О политических контактах Екатерины с католиками в научной литературе ранее не упоминалось. Это новая, неизвестная страница ранней биографии российской императрицы.

Вместе с тем выявленные факты при всей их новизне не выбиваются из привычного контекста, окружавшего молодую Екатерину. Миссионерская пропаганда на южных и юго-восточных окраинах Российской империи была составной частью стратегии австрийских Габсбургов по проникновению на Восток, выстраивавшейся ими с конца XVII в. Канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, негласный опекун великой княгини, посол в Вене Г.-К. Кайзерлинг, пожизненный куратор С. Понятовского, выступали носителями «австрийской системы» — союза с Австрийской монархией. Отсюда свобода рук «цесарской» дипломатии, курировавшей миссионеров и добивавшейся повышения их статуса, заходила в России довольно далеко, захватывая и малый двор.

Подобное сближение привлекало и католическую среду, и папство: приключения капуцина Ф. Сотера, выдавленного из России миссионера, искавшего возможность вернуться с помощью сильных мира сего при российском дворе, это вполне доказывают. Вопрос, разумеется, должно изучить более глубоко, но уже сейчас можно констатировать, что дальнейшее поведение сторон предполагало известную степень взаимного доверия. Во всяком случае после воцарения Екатерины II папство вынашивало определенные надежды в России, особенно на южных и юго-восточных окраинах империи, близких к ним и смежных территориях (Балканы, Закавказье, Персия). Императрица, придя к власти и затронув «диссидентский вопрос» в Речи Посполитой после избрания польско-

литовским королем С. Понятовского, в 1760-е гг. в отношении тамошних прерогатив католического Рима вела себя предельно корректно. Известный консенсус между дипломатией русской и дипломатией папской в польских и восточных делах разладился лишь в 1769 г. с выходом екатерининского Католического регламента.

Участие Екатерины II в бытность супругой наследника престола и великой княгиней во внутренней борьбе католического сообщества Санкт-Петербурга и соответственно ее взаимоотношения с католическими кругами северной столицы являются бесспорными. Источники подтверждают, что на протяжении 1755–1759 гг. упомянутые контакты носили прочный, устойчивый характер и обусловили поиск католическими кругами, жизненно втянутыми в миссионерскую работу на юге России, поддержки со стороны Екатерины.

С учетом сказанного надлежит принять во внимание принципиально важные и недооценивавшиеся качества будущей российской правительницы. Прежде всего, она гораздо более самостоятельна как политик, нежели это представлялось в предшествующей литературе. Нельзя забывать и о том, что «молодая Екатерина» в мечтах об императорской короне и в борьбе за нее вела себя жестко, по-своему даже цинично [Сафонов 2016: 116, 126, 127]. С середины 1750-х гг. она готовилась к решающей схватке и искала нужные резервы. Именно насущными поисками и был продиктован конкретный момент, связанный с вниманием к католичеству. Однако дальнейшие события (кончина Елизаветы Петровны, знакомство с Орловыми) задали другую траекторию движения Екатерины к трону.

§ 3. Католический регламент

Принципиальным моментом в оформлении государственного суверенитета над исповеданиями вне греко-российской Церкви стала подготовка Католического регламента 1769 г. В 1760-е гг. давние конфликты, имевшие место в католической общине Петербурга, вступили в открытую фазу. 13 мая 1765 г. прихожане заключили с договором патером-супериором. Текст договора мы не располагаем, но 12 пунктов его содержания изложены в экземпляре прошения прихожан в Юстиц-коллегию. Само прошение не датировано, но можно полагать, что оно составлено осенью-зимой того же года, то есть после того как прихожане обращались непосредственно к Екатерине II, та передала дело в Юстиц-коллегии.

Договором регулировалась, прежде всего, деятельность церковного совета в делах «церковной экономии». Совет включал в себя по одному старшине от четырёх национальных секций и большинством голосов «обще» с супериором должен был вести имущественные дела прихода, принимая по ним требуемые отчёты супериора, а также печатывать и хранить церковный сундук. Чрезвычайные расходы подлежали обсуждению на общем собрании прихожан. Кроме того, в случае отзыва нынешнего супериора приход оставлял за собой право добиваться замены его кандидатом из приходских патеров, «что и в Москве есть», ибо общине лучше, нежели «римским прокурорам», видно, кто достоин места в приходе. В приходе полагалось быть пяти патерам: одному итальянцу, одному французу и троим немцам. Патеры-немцы должны были также отправлять требы у немцев-католиков в Кронштадте, Ингерманландии, Лиф- и Эстляндии. Супериор обязывался поддерживать службу в храме и по духовной части надзирать за клиром. Конфликты между супериором и клириками относились к компетенции вышестоящего духовного суда, но не прихода [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 61–65об.].

Однако прихожанам хорошо было известно, что духовенство прихода отнюдь не склонно придерживаться статей договора: супериоры не признавали контроля церковного совета, да и рядовые патеры были не прочь запустить руку как в кошельки паствы, так и в церковную кассу. 25 октября 1765 г. на имя Екатерины II католики подали прошение за подписями 43 делегатов. Суть дела прихожане изложили так: они уже давно просят согласия Рима на свободный выбор клириков и церковных старост, а также на ведение старостами совместно с супериором «церковной экономии», однако римское «духовное правление» этому всячески противится, супериор пытается самовольно распоряжаться имуществом общины и храма, от него не отстают и некоторые патеры, не стесняющиеся за собственные долги давать закладные даже на дома прихожан, почему прихожане и вынуждены обратиться к содействию русских гражданских властей [ПСЗРИ, 17 1830: № 12777, 12778].

Ответом Екатерины II стали указы от 6 ноября 1766 г. в Коллегию иностранных дел и Юстиц-коллегию [ПСЗРИ, 17 1830: № 12777, 12778]. Первичный проект Католического регламента появился очень быстро: на Высочайшее утверждение его подали уже 23 ноября. По всей видимости, именно между 6 и 23 ноября и было составлено прошение в Юстиц-коллегию с пересказом пунктов договора, приведенных выше. Не датированные копии этого прошения на русском и французском языках отложились в переписке Г.Н.Теплова. В челобитной прихожане сначала излагали договорные статьи. Затем члены общины указывали, что супериоры постоянно оспаривали всё, что касалось «церковной экономии». На этом основании ходатаи просили утвердить все пункты именно в Юстиц-коллегии как в русском присутственном месте [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 61–65об.].

Среди бумаг Г.Н.Теплова находится также не датированная промемория Юстиц-коллегии на немецком языке и её русский перевод.

Есть немалые основания думать, что данные документы также связаны с расследованием Юстиц-коллегией ситуации в общине и попыткой выяснить позицию прихода. Воспользуемся этими документами.

В немецкой промемории Юстиц-коллегии на основе показаний церковных старшин, допрошенных о «католицком деле» в коллегии, отражено внутреннее положение в общине. Из неё следует, что для обращения в Юстиц-коллегию у католиков была не одна, а несколько причин. С супериеором прихожане конфликтовали из-за контроля не только над храмовым имуществом, но и над землёй под новую церковь: хотя стройка началась давно, участок официально до сих пор не был отмежёван, и прихожане пребывали в неведении, кто же будет его владельцем. С супериеором, да и друг с другом прихожане переругались насмерть как и из-за превышения строительной сметы, так и в связи с выборами клира, когда порой не только каждая секция, но и отдельные клики внутри таких рыхлых секций, как немецкая или итальянская, хотели «порадеть родному человечку».

Судя по показаниям старшин, до обращения к властям расстановка сил в общине оставалась достаточно сложной. Тон в приходе задавали «бемеские и нирберские купцы» численностью до двадцати человек и «фамилия господ Лицано», к ним же примыкали «господин Краузе и другие». Они в основном и «воевали» с супериеором, стараясь при этом найти общий язык с Римом через его голову и апеллируя к авторитету российских властей. Источник характеризует позицию этой группы как компромиссную: «поступали всегда в силу узаконений Российской Империи без предосуждения и ослушания Конгрегации пропаганды веры. Однако другая группа, «господа Мишель Бранко-Ливно и Лакруа всегда были несогласными и ныне несогласны», поддерживая супериеора. Была и «третья сила» — «господа Россини, почти всегда при прежних несогласиях между прихожанами и супериеорами нейтрально поступали...».

Теперь же общине требовался мир, дабы скорее закончить дорогостоящее строительство (опять «прилучились» виной «господа Мишель Бранко-Ливно и Лакруа» — это они «принудили заводить толь излишнее и ненадобное церкви строение с башнями», что и обернулось тратой средств). «Водворить спокойствие» старшины считали возможным только на основе договора общины с супериором. Его заключение могло утихомирить вражду и поставить всех в равное отношение к супериору, тем более что у сторонников договора намечался перевес: «нейтралы Россини» ныне «признают... пункты за справедливые...». Однако утвердить договор возможно было только на общем собрании, а для его созыва требовалась помощь русских властей. При этом старшины особенно подчёркивали важность выборного права общины, которое не противоречило ни русским законам, ни канонам католической церкви [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 58–59]. Чины Юстиц-коллегии, готовя проект регламента, постарались максимально учесть мнение старшин, и это также отражало подход властей к решению вероисповедных вопросов.

Первоначальный регламент Юстиц-коллегии был положен под сукно: авторы, озабоченные исключительно вопросами внутреннего устройства и «добротого порядка» в общине, упустили из виду другой принципиальный вопрос — об отношениях православной самодержицы, под чьим «гражданским правлением» находились все общины иноверцев и католического супериора, назначаемого Конгрегацией пропаганды веры от имени папы [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 19–21 (русский перевод документа)]. Только в появившихся спустя два года проектах И.Х.Фезерна и Г.Н.Теплова, из которых и вырос собственно Католический регламент, был проведён основополагающий тезис о верховном суверенитете самодержавия над католической общиной, исключая «дела закона», то есть собственно вероучение и культ.

С данной точки зрения Католический регламент и был доработан. Первенство в вопросе перешло к Г.Н.Теплову. Поводом к передаче ему «католического дела» стало письмо неаполитанского маркиза Кавалькабо Екатерине II от 7 декабря 1768 г. Маркиз предлагал императрице обойти затруднения с Конгрегацией пропаганды веры, назначив к петербургской церкви не монаха, а представителя белого духовенства. Теплову в этой связи было поручено увязать все внешне- и внутривосточные аспекты.

С конца 1768 г. он завязал переписку с Юстиц-коллегией и вице-канцлером А.М.Голицыным, курировавшим контакты с Конгрегацией пропаганды веры [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 207–207об.]⁵⁵. Одновременно Г.Н.Теплов снёсся с обер-аудитором Юстиц-коллегии И.Х. Фезерном (Fesern; в русских источниках часто также Фезер или Фейзер), едва ли не единственным католиком в составе Юстиц-коллегии, попросив его высказать своё мнение о челобитной Кавалькабо и заодно о положенном под сукно регламенте. Немец Фезерн предложение экспансивного итальянца отверг начисто: «Это против права Российской Империи». «На представление Марки[за] Кавалькабо, — писал Теплов Екатерине II по этому поводу, — Фезер мне объявил...», что присутствие «белых попов» при храме противоречит указу 28 февраля 1724 г.: в нём говорится исключительно о представителях орденов, то есть о монашествующем духовенстве [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 209]⁵⁶. На регламент Фезерн отозвался обстоятельным, по-немецки педантичным «Мнением», в котором со ссылками на пожелания прихожан отстаивал права общины по отношению к Риму и приоритет немецкой секции во внутренних делах.

Главное, на что упирал Фезерн в вопросе о взаимоотношениях императорской власти и института супериорства (напомним, именно в

⁵⁵ На письме имеется помета: «подано декабря 18 дня 1768».

⁵⁶ Записку Теплова, адресованную Екатерине, Фезерн заверил своей подписью.

этом состояло главное затруднение, остановившее продвижение регламента в 1766 г.), заключалось в следующем. Римское вмешательство отвергалось, выбор супериора прихожанами назначался свободным, а процедуру выборов следовало соблюдать светскую: обряд выборов «с Высочайшего соизволения Е.И.В. в присутствии некоторых членов Коллегии, трёх старейших патров, также учреждённых церковных старост и старейших из прихожан четырёх наций по объявлении на кафедре без дальнейшего церемониала совершён и Коллегии членами в протокол записан будет». Таким образом, русский немец, будучи католиком, разделял протестантский принцип территориализма, хотя мнение своё он составлял не только «яко верноподданный Её Величества раб», но и «яко послушный сын [католической] церкви, её вере и правилам» [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 80–81об.].

Права на всё имущество общины и храма Фезерн сохранял за верующими. Супериор мог только распоряжаться средствами, но отнюдь не в собственных корыстных видах, а лишь для приумножения на благо общины. Не забывал Фезерн и о пополнении приходской суммы за счёт собранных супериором пожертвований: он считал, что данные средства являются таким же достоянием общины, как и подаяния верующих на храм, и должны поступать в кассу, а не утекать в Рим или, что ещё хуже, оседать в глубоком кармане супериора [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 98].

С учётом фезернова «Мнения» Г.Н.Теплов подготовил окончательный вариант регламента. В составе дела о католическом регламенте имеется особая бумага — «устав вчерне». Формуляр «устава» отражает значительную работу, проведённую составителем: в колонке слева идёт первичный текст, в колонке справа, — внесенные рукой самого Теплова предложенные поправки. Для полноты картины Г.Н.Теплов знакомился также с имеющимся российским законодательным

материалом: в его бумагах значатся выписи по Полицмейстерской конторе (о выделении места под строительство), «по Иностранной коллегии» (уже известные указы 1719–1720 гг. о католических храмах), по канцелярии Синода («об имеющихся в России иноверных церквях» за 1715–1728 гг.) и по Юстиц-коллегии (ранее собранные этой коллегией материалы см. выше) [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 125–165, 297–305].

В итоге текст преамбулы регламента вырос вдвое и был сильно изменён, хотя и с сохранением общего смысла. Если в начальном варианте основанием для регламента выдвигался частный случай — челобитье прихожан на супериора и затеянная последним свара, то в финальном тексте был сделан уже общеправовой акцент, защищалась необходимость принципиального правового регулирования жизни католической общины в государстве. Для этого в преамбулу вставлялся соответствующий фрагмент из именного указа в Коллегию иностранных дел от 6 ноября 1766 г.: «... не только при сей кирхе никаким законом не определено быть должному порядку и взаимным обязательствам в собрании и взаимном обязательстве в собрании и употреблении доходов её, но и никакое по сие время судебное место в правительствах наших не назначено им законом, к которому бы они в случае несогласия между прихожанами и духовенством прибежище иметь могли для получения суда и расправы». Рельефно выделялась мысль о примате русского «гражданского правления»: «сия римская кирха находится (исключая догматы веры ея) под нашими гражданскими установлениями».

Коренное исправление с учетом фезернова «Мнения» Г.Н.Теплов внёс в первую главу регламента: вместо пассажа об общих требованиях к духовенству включалась характеристика общины, «яко состоящей из четырёх наций...», говорилось об их равноправии. Очевидно, это шло вразрез с примечаниями Фезерна на первые три главы проекта, где

подчёркивалось историческое первенство «немцов и галанцов» в общине и вытекающие отсюда их привилегии.

Соглашался же Теплов с Фезерном в том, что количество «духовных» при храме должно определяться по наличию уже имеющихся для них квартир (Фезерн писал, что община не потянет расходов более чем на шесть клириков, включая оплату их жилья). Руководствуясь вышеупомянутым именным указом от 6 ноября 1766 г., Теплов также добавлял, что все клирики должны быть францисканцами [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 306–307, 309; ср.: ПСЗРИ, 17 1830: № 12777]. Также «по Фезерну» шли все дальнейшие поправки к закону: о праве прихожан вызывать духовенство при посредничестве Коллегии иностранных дел, о ненужности присутствия московского префекта-капуцина при выборе суперiorsа-францисканца, о выборе двух старшин вместо одного от каждой нации, о контроле Юстиц-коллегии за патерами «по делам разводным» и «в рассуждении наблюдения здешних узаконений», о распространении уставных положений по «церковной экономии» на храмы в Москве, Прибалтике и «новых колониях» Поволжья [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 78–84об., 306–320об.].

Окончательно регламент был готов не позже 29 января 1769 г. Об этом мы судим на основании тех же бумаг Г.Н.Теплова. Среди них сохранился экземпляр указа Екатерины II о новом здании столичного костёла, на котором именно под указанным числом стоит помета: «Копия с сего отдана для переписки в Иностранную коллегию...» [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 52]. Очевидно, что работа над данным указом, по материи прямо связанным с Католическим регламентом, вряд ли могла закончиться раньше, нежели Г.Н.Тепловым было завершено составление собственно регламента.

12 февраля 1769 г. Католический регламент был официально утверждён [ПСЗРИ, 18 1830: № 13252]. При его обнародовании сильно

давал себя знать конфликт между национальными секциями католиков. Регламент был дважды, 29 марта и 2 апреля 1769 г., оглашён в приходе, и на втором собрании, как сообщали в Юстиц-коллегию старшины и делегаты немецкой секции во главе с Фезерном (всего под документом было 10 подписей), французы и итальянцы «с немалым криком знать дали, что де они против оног... установления протестуют, ибо де патер-супериор им сказывал, что сие следует против догмат и установлений Конгрегации пропаганды веры. Сим вспыльчивым и раздражённым людям обстоятельного оспаривания учинено не было для того, что б, как вид тому казался, не дошло до драки». Особую вину немцы возлагали на супериора, который, по их мнению, не только не успокаивал, но, напротив, разжигал страсти: взяв у секретаря бумагу с текстом Регламента, прямо на собрании он начал критиковать документ «с обыкновенной своею вспыльчивостью и горячими поступками», из-за чего «уже многие из немецкой и италийанской нации ни к чему приступать не хотят, особливо когда им же патер супериор говорил, что де нас равно другим, евангелическим прихожанам, Юстиц-коллегии подчинили, несмотря, однако, на то, что мы римские католики...». Немцы вновь повторяли, что мир в общине не наступит, пока сохранится присутствие здесь супериора Ремедия де Прага, и в заключение делали политический намёк: может ли кто-либо в таком тоне и со столь «великим озартом» толковать Высочайшие указы, «не учинясь чрез то преступником в оскорблении Величества»?

Намёк был понят правильно: 7 апреля Г.Н.Теплов потребовал, чтобы из Юстиц-коллегии немедленно явился ответственный чиновник «с подробным письменным изъяснением», что случилось при оглашении указа и Регламента и какие были «несогласия». Юстиц-коллегия отозвалась рапортом за подписью одного из первых авторов Регламента — Н.Алфимова, из которого следовало, что документы были прочтены в его присутствии на русском языке «в примечательном молчании» прихожан,

когда же экземпляр документа взял в руки супериор, «то началось между прихожанами журчание, которое вскоре обратилось и в шум. Сколько из шумящих приметить мог, были большей частью италианцы, из которых особливо мастер каменных дел именем Киеза горячился, и оставя напоследок италианский язык, кричал по-немецки, что де все мы, прихожане, италианцы, французы и прочие, подадим Её Императорскому Величеству челобитную на прихожан немецкой нации...».

По утверждению Алфимова, «против Высочайшего же Регламента... никакого возражения не произошло», «журчание» же и «горячность» прихожан следует оценить как недоразумение: они расценили происходящее как захват немцами главенства в делах церковной экономики, очевидно, и со второго раза не поняв, что в Регламенте принцип равноправия национальных секций в полной мере защищён. Алфимов рапортовал также, что супериор 6 апреля прислал извещение, что полностью ознакомился с Регламентом и отослал его копию в Рим, обо всём же несходном с догматами религии лично даст объяснение в Коллегии. Объяснения такого в «католицком деле» из архива Г.Н.Теплова нет, отложившиеся здесь документы супериора говорят только о его стычках с клириками, прихожанами и особенно с Фезерном [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 170–171об., 174–175об., 179, 180, 188–189]⁵⁷.

Тем не менее подобное объяснение всё же состоялось, и реакция русских властей была не в пользу супериора: Екатерина II лично составила указ о его немедленной высылке. Здесь важно отметить принципиальную мотивировку такой меры в указе: Регламент дан для «свободного отправления веры» католиками, и если супериор отказывается его признавать, то он именно свободе веры и препятствует, и его следует выслать. Если же вспомнить и его «продерзость» в отношении

⁵⁷ Те же документы на немецком языке [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л.172–173, 177–177об., 178, 186–187об.]

утверждённого свыше Регламента, склочность и вольное обращение с приходским сундуком, то он вообще заслужил «должное истязание», и ещё должен премного благодарить великодушие и человеколюбие императрицы: ведь его просто прогнали (с запретом возвращаться когда-либо впредь), а не подвергли другому, более суровому наказанию.

22 апреля 1769 г. Юстиц-коллегия отрапортовала Теплову, что супериор ознакомлен с указом о его высылке из России. Впрочем тотчас Ремедий де Прага не выехал: его письмо вице-президенту Юстиц-коллегии с поношениями Фезерну, укорами Теплову и обещанием отправить на них жалобу самой Екатерине II по прибытии в Рим датировано 19 июня [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 2об., 196–198], и, по всей вероятности, это письмо написано ещё в России — в самый канун непочётных проводов.

Источники показывают, что Католический регламент стал подлинно работающим «узаконением»: ссылки на него и апелляции к нему встречаются постоянно.

За появлением Католического регламента стояла тенденция формирования правовых основ религиозной политики, именно введения в жизнь естественно-правовых принципов правотворчества, основанных на идеях Просвещения. Нововведение Екатерины вызвало интерес за рубежом, и отнюдь не всегда доброжелательный: папство, спокойно относившееся к действиям императрицы в «диссидентском вопросе», встретило появление Регламента в штыки. Российские представители при зарубежных дворах подчёркивали, что императрица движима желанием в обустройстве европейских христиан в России, исключить их зависимость от институций вне России и подвести исключительно под действие российского права. Кроме того, основой законодательства России становилась веротерпимость, внесённая Екатериной II в «Наказ» для Уложенной комиссии, к тому времени получившим в Европе известность

как подлинный манифест «просвещённого абсолютизма» [Ряжев 2004: 150–152].

§ 4. Управление католическим исповеданием (по материалам переписки Екатерины II и Пия VI)

Первый раздел Речи Посполитой, католический, униатский и иезуитский вопросы в России и воссоединённых с нею областях вели к новым столкновениям с папством. Кроме того, 70-е гг. XVIII в. — это поворот русской внешней политики в духе «греческого проекта», что также тревожило Рим в связи с судьбами католичества в дунайско-балканском и ближневосточном регионах.

Сохранение ордена иезуитов в Белоруссии, шедшее вразрез с папской буллой 1773 г., преследовало в первую голову внешнеполитические цели. По замыслу Екатерины II, «благоденствие» иезуитов под её скипетром должно было впечатлить представителей ордена в Польше, вынужденных оставить монашество и влиться в ряды лиц свободных профессий, и поскольку бывшие иезуиты сохраняли своё влияние на польское общественное сознание, то направить в её пользу симпатии шляхты. Следует подчеркнуть, что во многом эти замыслы оправдались. Так, в «Газете варшавской» нередко становятся восторженные панегирики в честь императрицы, сбивавшие волну антирусских настроений [Lojek 1959: 68, 96]. Поэтому на неуспех в иезуитском вопросе в России были обречены и посредничество венского посла князя Лобковича, и вторая миссия Саграмозо, вооружённого собственноручной инструкцией папы Климента XIV (1774–1775 гг.) [Loret 1910: 97, 108, 111–115, 225, 252–254; Piwarski 1974: 16–37; Винтер 1964: 164–165]. Дело усугублялось и личным отношением Екатерины II к папам:

к Клименту XIV она испытывала глубочайшее презрение, к Пию VI (выбран в начале 1775 г.) — сдержанную снисходительность.

Наиболее серьёзные управленческие задачи по католической части встали перед «просвещённой» монархией после первого польского раздела. Указом белорусскому генерал-губернатору З.Г.Чернышёву от 16 августа 1772 г. давались гарантии свободного исповедания в Белоруссии неправославных «законов». Для умиротворения католиков, безусловно, важнейшую роль сыграло учреждение Могилёвской епископии. Выдвижение духовного главы русских католиков явилось одним из сложнейших мероприятий вероисповедной политики Екатерины II. Прежде всего к этому понуждала запутанная ситуация, сложившаяся в начале 1770-х гг. в воссоединённых западных областях державы. Белорусские владения католической церкви на землях, отошедших к России после первого раздела Речи Посполитой, включали в себя ряд каноникатов (всего шесть) и владений виленского капитула, которые теперь следовало свести под единое управление. Российскому епископу также назначались в подчинение все католические храмы и общины, существовавшие до того в империи. З.Г.Чернышёв, в чьём наместничестве и планировалось создание новой кафедры, сообщал Екатерине II: «...Учитывая то, что я не знаю ни одного подданного, подходящего для этого поста, я попросил господина тайного советника Сальдерна, бывшего посла в Варшаве, и подполковника Каховского, который хорошо знает польское духовенство, указать мне такового...».

К.Сальдерн, в свою очередь, предлагал передать назначение епископа папе или же «...выбрать одного из виленских каноников и направить его в Рим с тем, чтобы он принял титул архиепископа *in partibus infidelium* и стал затем архиепископом в российских землях...». Бывший посол также информировал, что он и Каховский «уже имели беседу с господином аббатом Сестренцевичем, человеком умным и весьма

учёным, который мог бы взять на себя эту обязанность» [Амара-Пуанье 1996: 46, 49]. Выбор епископа Екатерина II не передоверила бы папе ни при каких условиях, С. Сестренцевич же был ей известен: некоторое время назад она присутствовала на службе в честь спасения короля Станислава Августа от покушения, где у Сестренцевича был случай показать свой ораторский талант.

До своего возвышения на русской службе Сестренцевич прошёл немалый и извилистый путь. Польский шляхтич, уроженец Литвы и кальвинист, он начал службу офицером в прусской кавалерии. Тяжелое ранение на полях Семилетней войны перечеркнуло военную карьеру, и он обратился к изучению теологии. Занятия во Франкфуртском университете, общение с католиками, необходимость вернуться на родину, где не католику не было места под солнцем, — всё это подтолкнуло его к перемене исповедания. Епископ Виленский И. Масальский, оценив незаурядные способности и разностороннюю образованность Сестренцевича, предложил ему духовную карьеру. Сестренцевич быстро сделался каноником виленского капитула и ближайшим сотрудником епископа. Масальский был сторонником Станислава Августа и имел репутацию русской креатуры, следовательно, приход человека из его окружения был для Екатерины II приемлемым [Винтер 1964: 156]. В итоге именным указом Екатерины II от 14 декабря 1772 г. Сестренцевич назначался епископом с передачей ему в управление «всех римско-католических монастырей и церквей как в присоединённых от Польши провинциях, так и в во всех городах находящихся» [ПСЗРИ, 19 1830: № 13922].

Екатерина II с назначением Сестренцевича связывала самые серьёзные надежды — он был обязан стать её главным «просвещённым» сотрудником в борьбе с политическими претензиями католической церкви в России. Екатерина II не хотела также допускать «нездешней»

зависимости назначенного ею епископа: этого требовали и соображения её личного престижа, и виды русской политики в Речи Посполитой и воссоединённых западных землях — нельзя было забывать, что правящий и образованный слой здесь составляли преимущественно католики. Сестренцевич, немедленно вызванный после посвящения в Санкт-Петербург, сразу принял, внешне сохраняя уважительный тон по отношению к Риму, сторону императрицы. На первой же аудиенции у монархини он сказал ей: «...заповедь св. Павла достаточно однозначна для того, чтобы он, будучи настоящим христианином, мог поступать иначе: нужно подчиняться властителям как из страха, так и из убеждений, и он будет подчиняться исключительно Её Императорскому Величеству» [Godlewski 1900: 15]. Слова он доказал и делом, отказавшись поднимать вопрос об уничтожении в России ордена иезуитов, хотя имел на этот счёт прямые инструкции нунция Гарампи.

Монархиня, в свою очередь, убедилась, что выбор, павший на Сестренцевича, оправдан, и сделала следующий шаг: в ноябре 1773 г. именным указом назначила Сестренцевича епископом Белорусским и всех «католических в России церквей» [ПСЗРИ, 19 1830: № 14073; см. также: Богословский 1896: 298–299].

По отношению к Риму новый статус ставил Сестренцевича в канонически дефектное положение: во-первых, не все белорусские земли относились к переданной ему части виленской епископии; во-вторых, остальной территорией России ведала Конгрегация пропаганды веры, без разрешения которой ни один прелат-католик не мог вступать в «дела закона». Но расположение Екатерины II для Сестренцевича было важнее, и он, будучи по натуре царедворцем (недолюбивавший его Г.А.Потёмкин говорил даже, что Сестренцевич не «духовный», а «политик» и «экс-гусар»), последовательно придерживался екатерининской линии.

В частности, своё участие в деле об утверждении иезуитского новициата Сестренцевич в отношениях с курией трактовал в соответствии с долгом верного подданства [Винтер 1964: 168–170]. «Добрый католиком» и вместе с тем послушным слугой престола изображал себя Сестренцевич и в собственноручной инструкции канонику Бениславскому, где также поднимался вопрос об иезуитах. Он писал, что вовсе не нарушил правил послушания папе и не рвался командовать иезуитами в России, ибо по получении императорского повеления «найти средство к сохранению ордена иезуитов Сестренцевич (он пишет о себе в третьем лице. — А.Р.) не сей час приступил к исполнению, ... не имел к тому прав. Но когда Римский Двор возложил на него правление всеми монахами в России, тогда он не мог уже отлагать исполнение Высочайшей воли. Сверх того вся нация наша признаёт иезуитов правильными монахами и, следовательно, Сестренцевич поступил сообразно всеобщим чувствам, тем паче что в грамоте Климента XIV сказано, чтобы иезуиты не прежде были сделаны светскими, как после судного о них решения и публичного объявления об уничтожении сего ордена, но сего в нашем государстве учинить невозможно» [Кузнецов, 76 1898–1899: 162–163]. В 1778–1779 гг. к Сестренцевичу за содействием в деле уничтожения иезуитской организации в России обращались послы бурбонских держав, но тот предложил дипломатам «стараться» самим и не втягивать его в предприятие, в котором он как верноподданный участвовать не может. Екатерина II оценила жест Сестренцевича, дав ему об этом знать через А.А.Безбородко [Блинова 1990: 122, 125].

Перед «Римским Стулом» Екатерина II недвусмысленно высказалась в поддержку Сестренцевича в цитированном уже письме папе 1782 г. Она писала, что в случае с иезуитами Сестренцевич «не зделал иннаго, как исполнил волю своя самодержицы по долгу верного подданства» [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 39], и обращалась к Пию VI: «мог ли он

исполнением долга присяги своей навлечь на себя негодование ваше?..» [Толстой, 2 1876: 34]. Формально папе нечего было этому противопоставить. Э.Винтер, оценивая смысл противостояния русской монархии и папства, отмечал, что в идейном плане здесь проявлялся конфликт двух «тотальностей», когда каждая из сторон представляет себя предельным воплощением земных источников власти и не желает уступать другой стороне этого первенства [Винтер 1964:492].

Сестренцевич отстаивал строгое разделение церковно-канонического и финансово-имущественного управления (все экономические вопросы по католическому исповеданию были переданы им в Юстиц-коллегию, как это и было положено по русскому Католическому регламенту 1769 г.). Он безоговорочно признавал примат русской императорской власти в отношении канонических распоряжений пап. Основы отношений русской католической епископии с папами конституировались именным указом от 17 января 1782 г.: над католическим епископом, только отчасти подчинённым Риму, ставились «государыня да Сенат», и указы, обязательные для епископского исполнения, могли исходить только от них. Сенат становился и высшей апелляционной инстанцией по делам, решавшимся епископом и католической консисторией. В соответствии с этим же указом Юстиц-коллегия теряла всякие полномочия в отношении «римского исповедания» (запрет этот по существу касался лишь дел о католиках вне белорусских провинций, ибо католические общины Западного края в порядке подчинённого управления под Юстиц-коллегией никогда и не состояли).

Вторым важнейшим актом на этот счёт стал сенатский указ от 26 февраля 1786 г., в котором архиепископу Сестренцевичу непосредственно сноситься с Римом даже по делам, не связанным с верховными правами русской короны и требовавшим по каноническим понятиям неременной санкции папы (например, браки по близкому свойству), было запрещено.

Все эти дела ему предписывалось решать исключительно самостоятельно «как учреждённому по всем духовным римского исповедания делам начальнику», руководствуясь установками и канонического, и русского гражданского права. Если казусы затрагивали компетенцию верховной власти, то следовало представлять юридические справки «со мнением» в Сенат для доклада на Высочайшее имя. В Сенат же по его указу от 7 января 1791 г. Сестренцевич был обязан представлять «все полученные им от Папской конгрегации послания» [ПСЗРИ, 21 1830: № 15326; ПСЗРИ, 22 1830: № 16333; ПСЗРИ, 23 1830: № 16933].

Екатерина II ценила преданного сотрудника и последовательно продвигала его. В 1773 г. Сестренцевич был назначен ею архиепископом Могилёвским. Усилиями императрицы архиепископ превратился в полновластного господина, «безпосредственно» вставшего над всем католическим духовенством России. Именным указом от 3 июля 1779 г. на имя губернатора З.Г.Чернышёва в государстве были запрещены визитации — инспекции духовных владений и орденов зарубежными иерархами. Указ гласил, что въезд в пределы страны «заграничных духовных Римского и Униатского законов под именем провинциалов, визитаторов и тому подобное, паче же распоряжение ими в делах церковных» не может быть допущен без согласия архиепископа Сестренцевича, а визитации — без его присутствия [ПСЗРИ, 20 1830: № 14891].

Для возвышения Сестренцевича Екатерина II вынуждала католическую сторону к серьёзным уступкам в его пользу. Власть могилёвского архиепископа в бракоразводных делах по настоянию монархини определилась декретом Конгрегации пропаганды веры от 15 августа 1776 г. наравне с властью примаса в Польше или нунция в других католических странах. Тем самым ему, как писал об этом сам Сестренцевич, было дано «позволение решить дела бракоразрушительные без перепону, которой польские епископы долженствовали допускать

делать присяжным защитителям брачных союзов обращения или к первенствующему польскому иерарху, то есть примасу, или к варшавскому нунциусу, хотя бы и обе стороны, тяжбу производящие, довольствовались решением их консистории». В 1784 г. нунций Аркетти признал его в достоинстве архиепископа и от имени папы передал ему полномочия митрополита римско-католических церквей в России. Даже явное нерасположение Г.А.Потёмкина к Сестренцевичу не отталкивало от него Екатерину II. Она настаивала на его производстве в кардиналы, а это на практике привело бы к автономии русского католичества, и только смерть самой императрицы разрушила эти планы (об отношениях Екатерины II с папами и месте среди них Сестренцевича см.: [Толстой, 2 1876: 2-67; Винтер 1964: 154–177]).

Сестренцевич всегда разделял и поддерживал официальную позицию о полном торжестве веротерпимости в России. Так, направив Г.А.Потёмкину личное письмо из Полоцка, он просил того оказать покровительство католикам-мещанам Екатеринославского наместничества (по всей видимости, епископ имел в виду армяно-католиков, так как напоминал светлейшему об указе от 14 ноября 1779 г., коим все армяно-католики в России поручались ему как латинскому епископу). И здесь же Сестренцевич утверждал, что наиболее умная политика по отношению к тем, кто вне господствующей Церкви, — это политика широкой терпимости, и в России эта истина, или, говоря философским языком эпохи, максима — «максима наимудрейшей толерантности», безусловно, торжествует.

Данной точки зрения архиепископ придерживался и в противовес курии, утверждавшей, что католичество в России подвержено стеснениям. В переговорах с католическими властями положение русских католиков он оценивал как весьма благоприятное. В качестве аргумента прелат часто приводил статью о смешанных браках, имевшуюся в русско-польском

договоре от 13/24 февраля 1768 г. Эта статья предусматривала венчание подобных браков в храме того исповедания, к которому принадлежит невеста, и воспитание родителями детей своего пола в своей вере (позже это было дополнено постановлением о невенчании смешанных браков в степенях родства, запрещённых греко-российской Церковью) [Сборник материалов по вопросам о смешанных браках ... 1906: № 16]. С воссоединением белорусских земель это правоустановление было сохранено в отношении католиков нового русского владения, и спустя четверть века С. Сестренцевич говорил нунцию, что терпимость русской монархии и нежелание Екатерины II вносить резкие изменения в исповедную политику возымело положительное влияние на состояние католичества в империи: «После отделения Белоруссии в 1772 году я получил право продолжать в этом отношении прежнюю практику, что спасает нам некоторых из нашей паствы» [Дневник Сестренцевича 1913: 91].

Своей бескомпромиссностью «добрый католик» Сестренцевич заслужил неприязнь курии, порой переходившую в неприкрытую ненависть. Нунции Гарампи и Аркетти упрекали его в лицемерии и властолюбии. «Пока этот человек будет жить, присутствие в России папского представителя невозможно», — писал о Сестренцевиче нунций Т.-М.-А. Ареццо в 1803 г., в разгар нового витка борьбы за петербургскую нунциатуру. Позже Ареццо вообще поставил крест на католической лояльности «монсиньора Сестренцевича», которого в переписке с Римом называл не иначе как «настоящим бичом Божьим» и «смертельным врагом апостольского престола» [Амара-Пуанье 1996: 65].

Но справедливости ради следует сказать, что отнюдь не один Сестренцевич находил преимущества в «полунезависимости» от папства. После третьего раздела Речи Посполитой в России были учреждены новые католические епископии, и на кафедру в Каменец-Подольском Екатерина

II возвела епископа Сераковского. 12 декабря 1795 г. Сераковский просил П.А.Зубова походатайствовать перед императрицей, чтобы «мог... я иметь по примеру архиепископа Могилёвского все те от папы римского дозволения...» [РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 99. Л. 15об.]. Государственный секретарь Папской области кардинал Паллавичини называл некогда Сестренцевича «папой Российской империи» [Амара-Пуанье 1996: 63, 66]. Сераковский, таким образом, тоже хотел стать «российским папой», пусть и вторым, но во всём равным первому. Так что в своём «автономизме» Сестренцевич, стоит повторить, был далеко не одинок, и никто из высших католических иерархов России тогда не выступал с ультрамонтанских позиций, что вполне объяснимо: политическая система «просвещённого абсолютизма» отторгала и перемалывала ультрамонтанство.

О своих моральных и юридических приоритетах в исповедных делах Екатерина II писала папе в 1782 г. [Толстой, 2 1876: 33] По её мнению, санкция Пия VI на каноническое посвящение Сестренцевича или Бениславского нисколько не увеличивала их зависимости от Рима и не изменяла характера их правительственного назначения, «потому что сан сей не иное что есть, как степень внешнего церковного управления, от самодержавной власти всячески и неограниченно зависящаго» [АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 1181. Л. 10об.].

Большое беспокойство вызывало у папства положение униатства на Украине. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и действий русских частей против «бажан» состояние униатства выглядело особенно плачевным. С одной стороны, его подтачивала правобережная украинская «колиивщина», с другой — сильнейший конфликт начала 1770-х гг. в униатском руководстве, когда полоцкий митрополит Смогоржевский, близкий к Чарторыским член «партии» короля Станислава Августа, будучи уже утверждённым Екатериной II в качестве главы униат в России (это произошло в 1772 г.), начал оспаривать первенство над униатским

исповеданием в Речи Посполитой у галицко-волынского митрополита Ф. Володковича, сторонника Потоцких и бывшего «саксончика». Папство рассчитывало, что «колиивщину» удастся затушить с помощью России (этому были посвящены многие маневры Д. Гарампи, нового варшавского нунция), и уособицу между униатскими иерархами можно будет преодолеть, передав бразды правления униатами в урезанной Польше и приросшей Австро-Венгрии львовскому епископу Л. Шептицкому, австрофилу (с тем, что Смогоржевский остаётся в России, Климент XIV был согласен). В 1778 г. умирает Володкович, отчаянно сопротивлявшийся намерениям курии, и тем самым, казалось, избавляет Рим от дальнейших хлопот. Однако на следующий год умирает и Шептицкий, Смогоржевский же немедленно переезжает из Полоцка в Варшаву [Коялович 1873: 115–117, 160–168]. 2 июня 1779 г. А.А. Безбородко писал Н.И.Панину, что посол в Польше О.М.Штакельберг рекомендовал Екатерине II на освобождённую Смогоржевским вакансию хелмского епископа М.Рылло [АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 562. Л. 1–1об.]. Однако Рылло, познакомившийся в 1768 г. с русской гарнизонной тюрьмой, в Россию ехать не захотел, и предпочёл при содействии Вены богатую и спокойную епархию в Перемышле. Смогоржевский по согласованию с Гарампи прочил в Полоцк своего ставленника, но Екатерина II рассудила иначе, передав в 1780 г. Полоцкую митрополию в каноническое управление верноподданному Сестренцевичу и учредив подчинённую белорусскому генерал-губернатору консисторию из нескольких базилиан для контроля за текущими хозяйственно-административными делами униатской митрополии. В итоге брошенная кафедра, формально не закрытая, фактически оказалась упразднённой, а собственно униатское исповедание — фактически обезглавленным.

Протесты нунция и Конгрегации пропаганды веры не дали никаких результатов, и тогда Пий VI решил воздействовать на Екатерину II лично.

Указывая, что её решение отрывает сторонников униатского обряда от «Римского сообщества», он просил удовлетворить просьбу Смогоржевского о назначении в Полоцк преемника и при этом ставил Екатерине II в пример Петра Великого, который, как писал папа, поддерживал добрые отношения с Климентом [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 3–4 (на итальянском)]. Письмо Пия VI, датированное 6 сентября 1780 г., открывало его переписку с Екатериной II и Павлом I, спорадически развивавшуюся вплоть до смерти самого папы. Екатерина II ответила папе в декабре 1780 г. Она указывала, что, во-первых, консистория состоит из добропорядочных униат и потому за униатство не стоит опасаться; во-вторых, по принятым в России законам все верующие имеют возможность свободного исповедания своей религии, в том числе и униаты, «чем всякое сомнение» о судьбах данного исповедания «достаточно изъято да пребудет». Здесь же Екатерина II говорила о необходимости повысить ранг Сестренцевича, на плечи которого ложится двойная нагрузка, до архиепископа [Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 25–26об.]. Политический агент России в Риме аббат Пинто Полоний сообщал, что условие Екатерины II поставило папу в тупик, и он, по всей видимости, не знает, что предпринять: «Ибо как ни от статской канцелярии не оказывается никакой поступки, ниже от конгрегации распространения веры продолжается сношение с санкт-петербургским двором, то весьма вероятно, что Папа в сём случае с Её Императорским Величеством действует один и сам собою без всякого посредства» [АВПРИ. Ф. 78. Д. 59. Л. 86об.].

Фактором, дестабилизировавшим униатство на юге Украины, стало православное Немировское движение. В этой связи Пий VI решил продолжить переписку с Екатериной II грамотой от 27 октября 1781 г. Он выражал готовность назначить архиепископа в Могилёв, но только не Сестренцевича, чьё поведение по отношению к своему престолу он находил предосудительным и противоречащим церковным правилам

[АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 5–9]. Но Сестренцевич, возражала Екатерина II, не совершил по отношению к Риму ни одного поступка, не предписанного ему монаршей волей, и верноподданство есть первейший долг всякого христианина, в том числе и католика, если же папа не готов этого признать, то не только организационное, но и каноническое общение моголиёвской епископии с курией будет навсегда пресечено [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 15–18об.]. Этот ответ ушёл в Рим в январе 1782 г. и произвёл там эффект разорвавшейся бомбы. Получить вторую Утрехтскую церковь, на этот раз на востоке Европы, где и без того (в непосредственном соседстве с Польшей как оплотом католичества) существует формально не признающий папу орден иезуитов, и тем самым окончательно «уронить кредит» перед своими главными политическими патронами — Бурбонами, папство не могло. Для Пия VI это было уже второе потрясение за короткий срок, ибо 13 октября (по новому стилю) 1781 г. появился Патент о веротерпимости Иосифа II, касавшийся кальвинистов, реформатов, лютеран и православных во всей державе Габсбургов, а 18 октября в Богемии патент был распространён и на евреев [Weill 1982: 202]. Интересно, что, судя по дате проекта письма Екатерины II, сохранившейся на одной из копий, документ был готов уже 29 октября 1781 г. (по новому стилю 19-го) [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 40–43]. Наверняка здесь был соблазн взять папу в клещи, но, как можно предполагать, осторожность возобладала, и императрица предпочла выждать, как поведёт себя Рим, пойдёт ли он, в частности, на прямую конфронтацию с другим императорским престолом.

Возможность согласованного наступления на папство возникла в результате дипломатического сближения Екатерины II и Иосифа II с конца 70-х гг. XVIII в. При этом следует подчеркнуть, что происходило оно на фоне долговременных последствий вероисповедных мер русской короны. Как известно, в 30–40-е гг. XVIII в. в Остзейском крае активно развивалось

движение гернгутеров, но в результате преследований 1743–1744 гг. по делу «об эрнгутерской секте в России» оно оказалось стеснённым. Г.Л. Цинцендорф, лидер гернгутерства, после выдворения из России обосновался в Моравии, найдя поддержку у местного протестантского населения. Симпатии протестантов подталкивали Фридриха II к экспансии в землях габсбургской короны (Силезия, Моравия, Глац), что обостряло отношения в треугольнике Вена–Берлин–Петербург. В период баварского кризиса и последовавшего затем Тешенского конгресса (1778–1779 гг.) Вена оказалась крайне заинтересованной в поддержке России. Последнее побудило чешских евангеликов к открытому поиску покровительства России по примеру польских «диссидентов» и в соответствии с обычной практикой борьбы религиозных меньшинств той эпохи за свои права. Руководители протестантского движения в Моравии и австрийской Силезии готовили петицию на имя русского представителя в Тешени Н.В. Репнина, и только их арест в апреле 1779 г. предотвратил их встречу с Н.В.Репниным и вручение ему петиции. Чтобы об аресте не стало известно иностранным делегатам, граф Кобенцель распорядился не проводить расследования в Силезии, а тайно вывезти и негласно осудить виновных в Словакии. Н.В.Репнин о петиции ничего не знал, во всяком случае в его тешенской документации никаких сведений о евангеликах нет. Но для Марии-Терезии и Иосифа II петиционное движение евангеликов было серьёзным предупреждением, и оно во многом способствовало оформлению курса веротерпимости в землях габсбургской короны и переходу к йозефинизму в церковной политике. В 1784 г. Иосиф II стал императором Священной Римской империи, и поддержка протестантов против Фридриха II была ему необходима и в борьбе за общегерманскую гегемонию [Kovács 1982: 33–49].

Обмен письмами между Екатериной II и Пием VI в 1780–1782 гг. не мог, конечно, успокоить самого папу. Ещё большую тревогу внушало

курии продвижение России в Закавказье, ибо ставило вопрос о судьбах католичества и унии в Грузии и Армении. Пий VI настаивал на переговорах, но Екатерина II через Штакельберга и варшавскую нунциатуру давала понять, что архиепископский сан для Сестренцевича — не предмет обсуждения, а необходимое условие, на котором папский представитель только и может быть допущен для переговоров в Россию. Папство было вынуждено согласиться. 26 апреля 1783 г. Пием VI была подписана кредитивная (верительная) грамота варшавскому нунцию Д.А. Аркетти, которому и поручалось в Санкт-Петербурге посвятить Сестренцевича в архиепископы. Миссию Аркетти госсекретарь Паллавичини определил так: лучше отступить и соблюсти видимость участия Рима в посвящении Сестренцевича, нежели спровоцировать разрыв и допустить, чтобы Сестренцевич стал «папой Российской империи» [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/1. Д. 59. Л. 6–6об.]. Кроме того, согласившись на признание Сестренцевича каноническим главой католического исповедания в России, папство рассчитывало на встречные движения Екатерины II в иезуитском и униатском вопросах. Затруднения вызывал и обряд посвящения Сестренцевича: архиепископская присяга содержала проклятие в адрес «схизматиков», как называет католическая церковь православных, и в присутствии Екатерины II просто не могла быть произнесена. Императрица, однако, преодолела его легко: собственноручно отредактировав текст присяги, она вычеркнула опасный фрагмент и вставила вместо него верноподданнические обязательства архиепископа как главы исповедания в России [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/1. Д. 59. Л. 98–109].

Русская сторона дала согласие на визит нунция по своим причинам. Русско-польский договор 1775 г. в гарантиях с пользу православной церкви в Речи Посполитой не избавил последнюю от притеснений униатов, а главное — не улучшил внутреннего её состояния [АВПРИ. Ф. 79. Оп.

79/6. Д. 562. Л. 12–12об.; Д. 1144. Л. 1–4, 6–6об. Д. 1172 Л. 33–33об.; Д. 1214. Л. 11], и встречу с нунцием было решено использовать для улучшения ситуации в Польше. Вопросы же организации католической и униатской церкви в России Екатерина II просто отказалась обсуждать [Винтер 1964: 160–179; Godlewski 1900; Rouët de Journel 1942: 36–64], тем более что выяснилось, что посланец, привезя с собой папское благословение для Сестренцевича и декреты Конгрегации пропаганды веры, почему-то не привёз паллиум (чёрно-белый шерстяной шарф, отличительный знак католического архиепископа), который выдаётся от имени папы. Более того, императрица заявила о необходимости посвятить в епископы и каноника И. Бениславского, назначенного коадьютором Сестренцевича. Хотя нунций пробыл в столице на Неве с декабря по июнь (рекредитивная, или отпускная, грамота была вручена ему 31 мая 1784 г. [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 113–113об.]), добиться ему ничего не удалось. В декабре 1784 г. Екатерина II через Штакельберга и Аркетти, к тому времени уже вернувшегося в Варшаву, направила письмо Пию VI, в котором выражала удовлетворение от выполнения её условий относительно Сестренцевича [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 111–111об.]. Одновременно рескриптом в дополнение к письму Штакельбергу было приказано «внушить нунциусу, что Мы надеемся, что государь его не затруднится более прислать требуемой паллиум для нового архиепископа Нашего и поставит коадьютора его во епископы, потому как паче, что противной поступок не может иначе, как послужить к некоторому предосуждению Римского стула» [АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 1181. Д. 10–11]. В итоге власть Сестренцевича в Закавказье была установлена именным указом Екатерины II.

Папство признало поражение, но оружия, конечно, не сложило. Вскоре оно взяло реванш: маневры варшавского нунция привели к тому, что «диссиденты» не смогли провести в сейм депутатов, причём даже в тех

округах, где составляли абсолютное большинство, и действовавший вяло Штакельберг не смог ничего этому противопоставить [Wolff 988: 177–178]. Аркетти также смог выгодно использовать недалёкого и очень тщеславного Штакельберга в других целях. В частности, нунций добился от посла поддержки, организовывая провал проекта новых законов Речи Посполитой, подготовленного канцлером А.Замойским (прелату проект не нравился тем, что предусматривал повышение роли национальной церкви в Польше и упразднение многих полномочий нунциатуры) [Tarnawski 1916: 211–219]. В 1786 г. Екатерина II поднимает вопрос о присвоении Сестренцевичу сана кардинала, но Пием VI эта просьба была встречена в штыки. Аркетти в пространном письме И.А.Остерману излагал аргументы папы: кардинальство даётся прелатам только в католических странах и за особые заслуги перед римским престолом, Сестренцевич же даже не рождён в католической вере, а его родственники «ещё и по сие время остаются в кальвинском законе» [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 20. Л. 5–10].

С началом Четырёхлетнего сейма (1788–1792 гг.) вопрос о православной епископии в Польше, будто бы служащей России прикрытием для подстрекательства православного населения Речи Посполитой к «новой Хмельничине» (дело о «бунте грецких хлопов» 1788–1789 гг.), был использован сторонниками прусской ориентации и прусской дипломатией для организации союза против России [Kalinka 1881: 25–114; Deruga 1938: 4–45]. Появился и проект упразднения Слуцкой епархии и создания автокефальной православной церкви Речи Посполитой под патронатом константинопольского патриарха. Г.А.Потёмкин располагал текстами этого проекта и нескольких польских памфлетов-«писес» с его обоснованием [РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 39. Л. 4–52]. Предложения о Дакии, выдвинутые им, служили противовесом этим начертаниям [Елисеева 2000: 244–271]. Реализация «автокефалистских» тенденций в Польше нашла своё отражение в попытках удалить из Польши

зависимого от России архиеерея (о чём посол Я.И.Булгаков сообщал вице-канцлеру И.А.Остерману 6 марта 1792 г.) [АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 1314. Л. 23–23об.] и в работе православной Пинской Конгрегации пропаганды веры [Дложевский 1897: 222–246]. Однако второй раздел Польши положил конец подобным действиям. Планы раздела в 1792–1793 гг. поддерживали и дворяне-протестанты Пильтенского округа Курляндии, по собственной инициативе перешедшие в русское подданство [АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 633. Л. 4–4об.].

Европейский кризис, вызванный Великой Французской революцией, всё более толкал Пия VI к поискам политической поддержки со стороны России (например, в Авиньонском деле) [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/1. Д. 60. Л. 1–1об.; Толстой, 2 1876: 215]. Менялся и тон папской дипломатии. Так, в октябре 1792 г. госсекретарь кардинал Зелада уже «униженно благодарил» А.А.Безбородко за покровительство, оказываемое Россией «дунайским христианам» (католическому населению Валахии, в том числе армяно-католикам), хотя незадолго до того курия протестовала против подчинения Сестренцевичу католиков Могилёва-на-Днестре. Екатерине II, напротив, видимый конец «старого режима» развязывал руки в отношении папства: она отдавала себе отчёт, что роль пап как участников и в известной мере организаторов «старого режима» в Европе будет пересмотрена. Об этом говорит содержание и характер её дальнейшей переписки с Пием VI. Ослабление папства монархиня считала необходимым использовать к выгоде России в польских делах.

Папа не замедлил с выражением благодарностей по поводу поддержки против революционной Франции. Об этом речь шла в его письмах от 25 февраля и 13 ноября 1792 г. Екатерина II, ознакомившись с первым из них, 20 марта направила А.А.Безбородко указание: «Благодарение сие весьма учтиво и усердно написано, и принять можно было бы с приятностью, ежели в то же время Папской нунций в Польше не

употреблял всякие интриги для угнетения единоверных наших, о чём не худо было бы господину вице-канцлеру молвить слово древнему его другу кардиналу Аркетию» [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 149]. О том, что козни католиков в Польше не остаются незамеченными, говорилось в другом, недатированном письме. Екатерина II предупреждала здесь папу: ухищрения дали свой результат — началось восстание Костюшко, но католикам не стоит рассчитывать погреть руки, ибо первыми жертвами «злодейского замысла» инсургентов-«бунтовщиков» будут сами же интриганы — духовенство и шляхта Польши [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 115–116об.]. Однако на кону стояло кардинальство для Сестренцевича, и потому Екатерина II, не желая ссоры с папой, не отправила письма.

24 августа 1793 г., после второго раздела Польши, Пий VI вновь писал Екатерине II, прося императрицу о милостях к католикам — «новым Твоим подданным» и напоминая об их вероисповедных правах по договору о разделе. Проект ответа Екатерины II с уверениями в том, что вероисповедные права всех исповеданий в России ненарушимы, в апреле 1794 г. был составлен, однако его отправление императрица также задержала. Одновременно через Варшаву из Санкт-Петербурга шли настойчивые просьбы о кардинальском сане для Сестренцевича, но от личных посланий папе Екатерина II уже отказалась. Третий раздел Польши и меры по обустройству католического и униатского исповеданий на новых воссоединённых территориях вызвали и новые письма Пия VI — от 12 сентября 1795 г. и 29 июня 1796 г. В обоих письмах речь шла о правах римского престола, нарушенных, с точки зрения курии, назначениями и распоряжениями Екатерины II [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 155. Л. 181–184об., 186об., 189, 209–210об., 213]⁵⁸. Одновременно через нунция в

⁵⁸ В деле сохранились подлинники, а также копии, но только на латинском и французском языках. Русский перевод письма от 12 сентября 1795 г. [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 155. Л. 32–34].

Варшаве папа давал понять, что поддаётся на «домогательства» по поводу сестренцевичева кардинальства. М.Ж. Рюэ де Журнэль и Э.Винтер считали, что только смерть Екатерины II остановила производство Сестренцевича в кардиналы. Однако для Пия VI, для курии в целом «кардинальская» уступка была началом нового тура борьбы против Сестренцевича и за свои канонические интересы — встречным условием было учреждение в Санкт-Петербурге постоянной нунциатуры, дабы римская церковь могла «предстательствовать за подданных». Об этом шла речь в первом письме, полученном Павлом I от Пия VI и датированном 7 января 1797 г. Папа обращался к Павлу I ещё дважды, прежде чем тот ответил лично: 11 февраля 1797 г. поздравлял его с днём ангела, 29 марта 1798 г. описывал бедственное положение своего престола в связи с оскорбительными действиями французов в Риме. 14 декабря 1798 г. император сообщил Пию VI о действиях против французов и учреждении русских приорств Мальтийского ордена [АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 220–223, 240–241, 244–251, 264–266]. В целом отношения с папством (в том числе и при новом папе, Пие VII) вращались не вокруг устройства пограничных латинских исповеданий, а вокруг Мальтийского ордена и иезуитов в России.

Ограничение католического миссионерства на юге при Екатерине II, а затем и влияние «диссидентского вопроса» не повлияло на состояние взаимоотношений России с папством. Влияние Католического регламента оказалось принципиально иным — отношения на длительный период были испорчены. Сближение России с Австрийской монархией и усиление на юге заставило папство стремиться к их налаживанию с целью защиты интересов католической религии и позиции католических орденов в Закавказье и на Среднем Востоке. Помимо этого, остро стояли и вопросы состояния католичества и униатства в областях, присоединённых к России

после разделов Речи Посполитой, особенно на юго-западе, где позиции униатского исповедания были весьма сильны.

§ 5. Опыт политико-правовой модернизации на основе Католического регламента

Реформатская община Санкт-Петербурга на протяжении 1760–1770-х гг. переживала внутреннюю напряжённость, связанную с противоречиями между национальными секциями. 13 мая 1770 г. Екатерина II одобрила двусторонний протокол немецкой и французской секций реформатов о совместном владении столичным храмом [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 507. Л. 9]. Дальнейшее урегулирование повлекло необходимость составления закона о протестантах.

Манифест от 11 мая 1778 г. давно опубликован и хорошо известен в литературе [ПСЗРИ, 20 1830: № 14748]. Однако обстоятельства появления памятника, а равно и его авторство, до сих пор оставались неустановленными. Ныне же всё это возможно восстановить на основании новых архивных источников. Легче всего было определить автора. Им является А.А. Безбородко, занимавший к тому времени место статс-секретаря: хранящийся в архиве экземпляр манифеста выполнен его рукой и несёт его личную правку.

Что же касается перипетий составления документа, то они становятся понятными из бумаг Г.Н. Теплова. Когда в среде питерских реформатов наметился конфликт между национальными секциями и дело дошло до Екатерины II, она вспомнила, что подобные коллизии ранее возникали в католической общине и были устранены с помощью написанного Г.Н. Тепловым Католического регламента. Через А.А. Безбородко императрица затребовала у автора все материалы по Католическому регламенту, намереваясь ввести в столице аналогичные

установления и для реформатов. Работать над «узаконением» монархия поручила тому же А.А. Безбородко, чья звезда в ту пору круто возшла при дворе.

Г.Н.Теплов отозвался уже на следующий день. В ответном письме он обещал выслать копию сразу же после того, как её перепишут. 4 апреля 1778 г. он сообщил А.А.Безбородко, что заказанные бумаги уже направлены ему [РГАДА. Д. 507. Л. 2, 31]. Документы были использованы адресантом в дальнейшей работе. Таким образом, структура подготовленного Безбородко документа повторила тепловский Католический регламент. К примеру, в предисловии к Католическому регламенту говорилось об историческом приоритете одной нации перед другой и об их формально-юридическом равенстве с точки зрения русских законов. Аналогичный сюжет возник и у А.А.Безбородко, тем более что почва внутреннего конфликта в общине реформатов была той же, что и у католиков в своё время.

Включил А.А.Безбородко в преамбулу манифеста и исторический экскурс с объяснением причин выхода закона: «...здешняя реформатская церковь, получа первое основание от французов, в империи нашей жительствовавших и в службе находившихся, когда по разным обстоятельствам и недостаткам оставались несколько времени без действия, то с восстановлением оной последовало и соединение с ними немецкой нации того же исповедания, которое и пребывало постоянно даже и во время сооружения нынешнего храма без всякого спора с какой-либо стороны, так что от обеих сторон избираемые старшины управляли церковными делами, в пользу обеих распоряжаемы были доходы, и на обоих языках отправляема была служба и проповедь слова Божия, но по несогласию в избрании пастора вошли в настоящую распрю и тяжбу в нашей Юстиц-коллегии, дошедшую потом к нашему Сенату и неоднократно ко престолу нашему достигшую приносимыми между тех по

разным в деле происшествиям, жалобам и прошениям...» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 332. Л. 1об.]. Наконец, А.А.Безбородко так же, как и Г.Н.Тепловым, в отношении национальных секций католиков было постулировано правовое равенство реформатов-«разнонационалов».

Этот Регламент не только утвердил штатное расписание Санкт-Петербургской реформатской общины, но и особым положением ввёл равное жалованье для немецких и французских пасторов, что было направлено против постоянных тенденций немецкой секции, более многочисленной, нежели французская, к созданию национального конвента с более высоким жалованьем для своих пасторов. Споры в общине после этого не прекратились, но благодаря вмешательству Юстиц-коллегии, стоявшей на страже Регламента, они никогда не переходили опасной черты [Кузнецов 1898–1899: 202].

Выше говорилось о стремлении «просвещённого абсолютизма» концентрировать исповедные дела в руках губернских властей. Здесь, однако, имелось принципиальное исключение, связанное со статусом Юстиц-коллегии. В глазах Екатерины II положение в государственном управлении Юстиц-коллегии — органа регионального, но выполнявшего общегосударственные функции по делам инославных, выглядело весьма двусмысленным, ибо представлялось неоправданным расширением полномочий учреждения по сравнению с титульными. До определённого момента, однако, с этим противоречием приходилось мириться. В частности, сенатский указ от 7 ноября 1772 г. по поводу жалобы Юстиц-коллегии на вмешательство Выборгской губернской канцелярии в дела тамошней консистории гласил: «так как Юстиц-коллегии подчинены все иноверных христианских исповеданий консистории, то до неё и принадлежат рассматривающиеся в них дела. Губернской же канцелярии не следует вмешиваться, а ещё того менее предписывать указами, как поступать им в своей духовной должности» [ПСЗРИ, 19 1830: № 13902].

Подобные декларации были столь же необходимы, сколь была до определённого момента необходима и Юстиц-коллегия как противовес автономистским устремлениям остзейского дворянства, подчинившего себе консисторское управление. Жалобы из консисторий на то, что коллегия в своей деятельности нарушает церковные постановления догматического характера, дошли до Сената. 9 декабря 1776 г. последовало сенатское разъяснение, что у Юстиц-коллегии нет права «к суждению дел, до веры касающихся» [Вашкевич 1890: 39]. Местные консистории сейчас же воспользовались этим, чтобы оспорить контроль коллегии за периодичностью и правильностью кирхшпильных визитаций старших пасторов. Однако Сенат учёл негативное отношение императрицы к остзейскому (впрочем, как и ко всякому другому) автономизму и выпустил указ от 19 февраля 1779 г., где верховные полномочия Юстиц-коллегии по надзору за исполнением пасторами своих обязанностей «в христианском законе» всё же подтверждались [ПСЗРИ, 20 1830: № 14841; Ср.: ПСЗРИ, 18 1830: № 13085].

Юстиц-коллегия в силу самого факта своего существования представляла собой живое свидетельство сохранявшегося партикуляризма в административно-территориальном управлении, что в представлении Екатерины II было также нетерпимо. Как известно, изжить это явление и, в частности, упразднить Юстиц-коллегию, была призвана губернская реформа. В соответствии с её замыслом конфессиональное управление включалось в структуру управления общегражданского, и это означало бы, что на Юстиц-коллегии здесь должен был быть поставлен крест.

Первым шагом в подготовке губернской реформы в Прибалтике стало учреждение в Эзельской провинции поста штатгальтера. Насколько позволяет судить наказ штатгальтеру, Высочайше одобренный 7 июля 1774 г., в церковном управлении данный администратор должен был полностью подменить Юстиц-коллегию: его обязанности по этой части

аналогичны коллежским [ПСЗРИ, 20 1830: № 14154]. Сфера деятельности Юстиц-коллегии, причём титульная, была, таким образом, урезана территориально. В связи же с государственной «абсорбцией» новых территорий, воссоединённых с Россией после первого польского раздела, полномочия коллегии были сокращены и в конфессиональном отношении.

С присоединением Белоруссии тамошние неправославные христиане формально поступали в ведение Юстиц-коллегии как центрального органа по западным исповеданиям. Однако специальных указов на этот счёт не было, ибо правительство сталкивалось здесь с целым рядом коллизий. Во-первых, имелся правовой барьер: Юстиц-коллегия состояла хранительницей шведского права, между тем русская корона объявила о консервации в Белоруссии норм III Литовского статута, и отсюда было невозможно распространить на эти земли ведение Юстиц-коллегии. Во-вторых, это исключалось и по политическим соображениям: территориальные структуры конфессионального управления предстояло переориентировать с Польши на Россию, а эта задача в порядке общегражданского обустройства не могла быть предметом чьих бы то ни было, в том числе и Юстиц-коллегии, непосредственных забот, нежели верховной власти. По именному указу от 17 января 1782 г. Юстиц-коллегия, как уже говорилось, теряла всякие полномочия в отношении «римского исповедания». Запрет этот по существу касался лишь дел о католиках вне белорусских провинций, ибо католические общины Западного края в порядке подчинённого управления под Юстиц-коллегией, повторим, никогда не состояли.

Юстиц-коллегия, таким образом, становилась главным ведомством одного лишь протестантского исповедания. Однако фигурировала она здесь номинально, ибо западнорусские протестанты «в духовную команду» коллегии специальными указами не передавались. К тому же и в этом качестве Юстиц-коллегия пребывала не более десяти дней. 28 января

1782 г. генерал-прокурор объявил Сенату новое повеление Екатерины II: «как с открытием губернии Петербургской, Полоцкой и Могилёвской Юстиц-коллегии не следовало бы уже вступаться и в духовные дела иноверных, в тех губерниях обитающих», то Сенат должен рассмотреть, во-первых, «каким именно местам, учреждённым по губерниям, должно поручить церковные дела других вер как экономические на основании данных тем церквам привилегий и регламентов, так и судные», и, во-вторых, «где и на каком основании нужно учредить сходственно обрядам их собственные консистории, дабы дела сих законов не прямо в вышние губернские места вступали, но по разбору в подобных консисториях». Апеллировать по поводу решений местных консисторий католики могли к главной консистории в Могилёве, протестанты — к местным гражданским палатам [ПСЗРИ, 21 1830: № 15356].

С передачей проекта об инославных консисториях 1781–1785 гг. в Сенат он окончательно превратился в общее ведомство по делам инославных. Здесь был сконцентрирован весьма широкий круг вопросов: законодательство о разновременных браках, переподчинение консисторий губернскому управлению, права состояния духовных лиц и Конгрегаций пропаганды веры и так далее. Первое сенатское решение на тему смешанных браков последовало 20 ноября 1780 г., когда было указано, что в Белоруссии дети от таких браков должны воспитываться в вере родителей того же пола. В начале 1791 г. в Сенат поступил запрос из Юстиц-коллегии по делам о разводах смешанных браков. Коллизия заключалась в том, что подобные дела неизбежно затрагивали и католическое брачное право, а между тем в полной силе сохранялся вышеупомянутый запрет на вмешательство Юстиц-коллегии во все дела, относящиеся до «закона римского». Сенат рассмотрел это противоречие и 28 марта 1791 г. выпустил указ, разрешавший Юстиц-коллегии принимать прошения от католиков о разводе и рассматривать их в присутствии

духовных лиц одного исповедания с ответчиками-протестантами. Острый конфликт в то же время возник между Юстиц-коллегией и Могилёвской консисторией в связи с совершениями пасторами разноверных браков в столичных городах: католическая сторона сочла это нарушением указа от 13 ноября 1780 г. о совершении духовенством браков того исповедания, к которому принадлежит невеста. Однако 12 ноября 1792 г. Сенат разъяснил, что пресловутый указ, во-первых, касается только Белоруссии, и, во-вторых, брачащиеся могут совершать обряд в храме любого исповедания по взаимному соглашению, ибо Россия является веротерпимым государством [ПСЗРИ, 20 1830: № 15088; ПСЗРИ, 23 1830: № 16955, 17081].

Значительна была роль Сената и при передаче дел по «иностранным исповеданиям» в учреждённые по губернской реформе палаты гражданского суда. Прежде всего эта роль проявилась в Санкт-Петербурге. В 1782 г. при проведении очередных выборов в католической общине невской столицы в связи с изъятием католических дел из Юстиц-коллегии потребовалось внести изменения в Католический регламент. Поскольку католических консисторий ещё не существовало, Сенат вынес решение о передаче функций Юстиц-коллегии по выборам в Петербургскую палату гражданского суда, и 1 ноября 1782 г. сенатский доклад был Высочайше утверждён [ПСЗРИ, 21 1830: № 15566]. По этим же резонам указом Сената от 26 марта 1784 г. все духовные дела по Выборгской губернии передавались губернской палате гражданского суда [Кузнецов 1898–1899: 206].

В ходе губернской реформы инославные консистории, как известно, так и не были созданы, и их функции остались за гражданскими палатами. Однако ранее существовавшие прибалтийские консистории были переподчинены в порядке апелляции палатам гражданского суда на полном основании первоначального замысла «Учреждения о губерниях»

(здесь, несомненно, сказалось отсутствие у тамошних лютеран российской епископии). В частности, 24 мая 1784 г. Сенат издал соответствующий указ по поводу Лифляндской Обер-консистории (напомним, что после учреждения эзельского штатгальтерства эта консистория, считаясь по традиции старшей и сохраняя приставку «обер-», замыкалась только в границах Лифляндской губернии), несмотря на её нежелание получать указы из губернского учреждения. В Эстляндии реформа была не столь радикальной: для апелляций по брачным делам в Ревеле был учреждён Главный духовно-апелляционный суд из светских и духовных заседателей, подчинённый Юстиц-коллегии.

Идея создать протестантские губернские консистории зародилась у Екатерины II в 1782 г., когда с учреждением Петербургской, Полоцкой и Могилёвской губерний «иноверные, в тех западных губерниях обитающие» оказались формально неподсудными Юстиц-коллегии — главному на тот момент органу по делам «иностранных исповеданий» [ПСЗРИ, 21 1830: № 15356; ПСЗРИ, 22 1830: № 16001; Вашкевич 1890: 40]. Развивая замысел, Екатерина II поручила Сенату собрать отзывы губернаторов о целесообразности ввода консисториального звена для протестантов. Рекомендации с мест были весьма широки, Сенат же, повинуясь установкам свыше, желал на тот момент свести дело исключительно к организационной стороне: взаимоотношениям со степенями губернского управления, штатам, административно-территориальной структуре и так далее. По сенатскому плану консистории приравнивались к губернским магистратам и подводились под апелляцию гражданских палат [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 201. Л. 26–28, 33–59об.].

Губернаторский корпус отнёсся к инициативе Сената с энтузиазмом, однако понял её совершенно не так, как того хотели в Петербурге. Многие начальники губерний приняли сенатский проект за начало централизованного преобразования исповедного управления в целом. III

Департамент Сената сообщал Екатерине II, что, запросив мнения губернаторов, он столкнулся с «толиким разнообразием» их, «коликое число оных в Сенат вступило, ибо едва не каждое мнение имеет особое своё положение; а при том сверх такового распоряжения некоторые слово “Консистория” в толь обширном и несвойственном разуме приняли, что в мнении своём изъясняли дела о учреждении Главной и подчинённых оной консисторий для управления духовными делами магометанского закона, так же и индейцов (речь идёт о торговых колониях индусов, крупнейшая из которых располагалась в Астрахани. — А.Р.), жительствующих в России».

Дабы администраторы на местах исправили свою «ошибку», до них пришлось специально доводить, что проект о протестантских консисториях верховная власть затребовала в связи с изъятием в 1782 г. дел по западным исповеданиям из ведомства Юстиц-коллегии, и других христиан (например, армян, не говоря уже о старообрядцах), «а тем менее ещё для разных народов магометанского закона и индейцов, находящихся в России», он касаться не может: во-первых, в том просто нет нужды в силу Высочайших гарантий «свободного отправления веры», а во-вторых, указания свыше поступили только насчёт протестантов, католики же, униаты и армяне григорианского исповедания имеют своё, уже установленное духовное управление [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1 Д. 201. Л. 23–25; Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1409. Л. 1–20об.]. Тем не менее позиции Сената и губернских начальств «согласить» не удалось, и к концу 1785 г. дело застопорилось.

В связи со шведской войной план протестантского консисториального управления было поручено доработать сотруднику Юстиц-коллегии Фитингофу. Об авторстве говорит собственноручная записка Екатерины II. Здесь же имеется объяснение причин, по которым Фитингоф и получил своё задание: «Сей проект составлен по моему

приказанию тайным советником Фитингофом и клонится к тому, чтоб заводить в Лиф-, Ест- и Финляндии, такожде в России, где есть протестантские кирки, папов из российских подданных тех законов, дабы избавится» от пасторов «шведских и иных наций, кои развращают те народы и не вперяют в них верность и ревность к России, что ныне летом в Финляндии довольно оказалось» [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 201. Л. 2]. Записка была зачитана в Сенате 26 февраля 1789 г. вместе с представленным туда проектом Фитингофа [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 201. Л. 76]. Очевидно, что фитингофов проект был призван укреплять верноподданнические настроения финляндского лютеранского дворянства, на чьих религиозных чувствах в преддверии военной кампании на территории Финляндии пытался играть Густав III, дабы настроить их против России. Симптоматично и время обсуждения проекта Фитингофа в Сенате: именно тогда, в феврале 1789 г., шли русские переговоры с лидерами Аньяльской конфедерации [Екатерина II и Г.А. Потёмкин 1998: 912].

Положения Фитингофа, многие из которых повторяли предыдущий сенатский план, состояли в следующем. Консистории вновь учреждались в 38 городах Европейской и Азиатской России, включая обе столицы, «Кавкас» и Таврическую область. Они группировались по шести округам с центрами в Санкт-Петербурге, Москве, Саратове, Киеве, Архангельске и Тобольске. Наряду с этим сохранялось старое консисториальное управление прибалтийских провинций во главе с Рижской (Лифляндской) обер-консисторией и Ревельской провинциальной (не городской!) консисторией. Верховным духовным органом российских протестантов становилась Генеральная консистория в Санкт-Петербурге, её возглавлял подчинённый генерал-прокурору директор. Он же становился президентом светского судебного присутствия Генеральной консистории, а в духовном суде президентом должен был быть генерал-суперинтендент (в помощь

обоим придавалось по два заседателя). Однако Остзейский край в ведение Генеральной консистории не передавался, генерал-суперинтендент Рижской обер-консистории и презус Ревельской провинциальной консистории утверждались верховной властью и подчинялись только своим генерал-губернаторам. Все консистории были лютеранско-реформатскими, с равными правами и представительством обоих исповеданий, но по делам своих приходов в них могли обращаться и кальвинисты. Компетенция новоучреждаемых консисторий ограничивалась кругом вопросов по семье и браку, духовенству и «церковной экономии».

За прибалтийскими консисториями традиционно сохранялся более широкий круг дел и большая самостоятельность. Апелляционной инстанцией для консисторий становились гражданские палаты, но для Рижской обер-консистории, Ревельской провинциальной консистории и Аренсбургской консистории сохранялся прежний апелляционный порядок, закреплённый в прибалтийском губернском устройстве 1783 г. Генеральная консистория подводилась под апелляцию Сената. Проект Фитингофа также намечал штаты и смету консисторий, порядок выборов на руководящие места и контингент выборщиков [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 201. Л. 81–94 (немецкий текст и русский перевод проекта)].

По Фитингофу при Генеральной консистории следовало быть и духовному училищу [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 201. Л. 77]. Однако Екатерина II, придававшая особое значение духовному образованию в деле воспитания гражданских добродетелей, сочла училище недостаточным для подготовки подлинно просвещённых верноподданных. Вместо училища было намечено открыть протестантский университет. Устав протестантского университета готовился отдельно от проекта Фитингофа

[РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 201. Л. 3–22об.]⁵⁹, но представлялся его неотъемлемой частью и подлежал рассмотрению в Сенате совместно с ним.

Главой университета назначался Куратор (Curateur), утверждавшийся императрицей. В его ведение передавались кадры, финансово-хозяйственная и дисциплинарная части, типография и библиотека. Интересы профессуры представлял Старейшина (Doyen), выбираемый из профессоров теологии. Объявление о наборе преподавателей предполагалось опубликовать в российской прессе и в «La Gazette littéraire Universelle de Jenas». Студентами могли стать русские подданные — молодые люди протестантских исповеданий, достигшие 18 лет, достаточно сведущие в гуманитарных дисциплинах, особенно приветствовалось знание немецкого и классических (латинского, греческого и древнееврейского) языков. Содержание образования определялось так: нравы, просвещение, вероучение. В университете предполагалось открыть два факультета — теологии и философии, но студенты могли получить не одну лишь гуманитарную подготовку: на философском факультете силами экстраординарных профессоров намечалось чтение математики, физики, естественной истории.

26 февраля 1789 г. проект Фитингофа был одобрен Сенатом на условии подчинения Генеральной консистории всех без исключения консисторий на местах, в том числе и остзейских. Кафедральным собором протестантов должен был стать храм немецкой общины Св. Петра (хотя в Санкт-Петербурге, как известно, были и шведская община Св. Екатерины, и финская Св. Марии). Образовательный план подвергся ограничению: вместо университета предполагалось открыть «новые классы» (факультеты), в том числе с преподаванием шведского и финского языков,

⁵⁹ Текст проекта Устава в 27 параграфах на французском языке с подписью (автора?): Готтлоб Кретьен Девак (Devack).

на базе школы при немецкой общине Св. Петра и Рижского лицеума. Особо Сенат настаивал, что учащиеся должны быть русскими подданными. Готовился и проект указа по Генеральной консистории и училищу [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 201. Л. 76–77об., 95–107], однако в итоге всё дело застопорилось. О причинах можно только догадываться, но, думается, что главную роль сыграло изменение политической ситуации в Финляндии: пока шла подготовка протестантского проекта, адресованного прорусской дворянской оппозиции Финляндии, её позиции там сильно пошатнулись. Густав III, напротив, смог уже в начале 1789 г. укрепиться за счёт поддержки недворянских финских сословий [Екатерина II и Г.А. Потёмкин 1998: 912, 919, 939], так что проект очень быстро потерял актуальность.

Но решимость Екатерины II не допускать «нездешней» зависимости духовенства, служившего в пределах Российской империи или на вассальных территориях, не была потеряна. После второго раздела Польши императрица была настроена резко против присутствия зарубежных уроженцев, не связанных подданнической присягой, среди протестантского клира в Курляндском герцогстве и Пильтенском округе [ПСЗРИ, 23 1830: № 17319].

Побочным результатом проекта протестантских консисторий явилось создание Духовного собрания мусульман. В 1782 г. Екатерина II поручила Сенату собрать отзывы губернаторов о целесообразности ввода консисториального звена для протестантов. Рекомендации с мест были весьма широки, Сенат же, повинувшись установкам свыше, желал на тот момент свести дело исключительно к организационной стороне: взаимоотношениям со степенями губернского управления, штатам, административно-территориальной структуре и так далее. По сенатскому плану консистории приравнивались к губернским магистратам и

подводились под апелляцию гражданских палат [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 201. Л. 26–28, 33–59об.].

Однако неожиданное продолжение последовало в середине 1780-х гг. Впервые о необходимости централизованных учреждений по духовным делам мусульман заговорил уфимский и симбирский генерал-губернатор О.А. Игельстром. Служа в Крыму под начальством Г.А. Потёмкина, он на своём опыте явно столкнулся с проблемой включения чуждого по культуре и религии этноса, в данном случае крымско-татарского, в русскую политико-правовую систему. Будучи переведённым в Уфу на губернаторство, О.А. Игельстром обнаружил, что подобная проблема стоит и на юго-восточной окраине России с её многочисленным кочевым и полукочевым населением. Беспокоился уфимский наместник прежде всего о том, что, во-первых, к татарам, башкирам и казахам могут проникать носители враждебных настроений — духовные лица из ориентированных на Турцию государств Средней Азии, и что, во-вторых, татарские муллы, действующие в Приуралье и Поволжье, получают образование в среднеазиатских же учебных заведениях и напитываются там сильнейшим антирусским духом, чему были и бесспорные подтверждения.

Отсюда у генерал-губернатора возник замысел создания из доверенных представителей исламского духовенства «особливой комиссии», призванной под контролем местной администрации экзаменовывать и назначать к мечетям «ахунов, мулл и азанчеев», а заодно давать разрешения и на строительство самих мечетей. По рекомендации Игельстрёма главой комиссии должен был стать хорошо ему известный первый ахун Оренбургской пограничной экспедиции М.Хусейнов, членами — двое дорожных ахунов и двое специально назначенных в комиссию мулл. Кроме того, в работе комиссии должны были участвовать губернский прокурор и два члена верхней расправы. Окончательное

утверждение кандидатур оставалось за наместническим правлением. Задачу комиссии сановник видел, прежде всего, в сокращении количества «безуказных» мулл во вверенном ему крае. Их число, как полагал Игельстром, стало чрезмерным, «неограниченным», между тем, продолжал губернатор, эти муллы в сущности обыкновенные бродяги, «избывающие служеб и податей» за счёт «лехковерных» соплеменников и принявшие «обеты закона своего ложно», дабы «вольнее из места в место переходить под предлогом распространения веры своей, коим способом и за границу потаённым образом отлучаются». Предложения о комиссии за подписями О.А. Игельстрома и советника наместнического правления Д.Б.Мертваго были направлены Екатерине II 31 мая 1788 г. [РГАДА. Д. 934. Ч. 4. Л. 143–144об.].

Стойкая тенденция к ухудшению отношений с Турцией была причиной внимательного отношения правительницы к представленному документу. По её указанию проект подвергся доработке в III Департаменте Сената: учреждение получило не региональный, а общегосударственный характер (из ведения предполагаемой комиссии изымалась только Таврида в связи с известными потёмкинскими опытами учреждения там особого муфтията [Fisher 1970: 149] и по внешнеполитическим соображениям. Председатель собрания получал титул муфтия (опять-таки по крымскому примеру), а духовные члены именовались заседателями. Выбирать их следовало из поволжских татар (по-видимому, после памятного путешествия 1767 г. по Волге в их лояльности Екатерина II была наиболее уверена), но опять-таки с проверкой на политическую благонадёжность и достойное сану поведение: духовные места должны были занимать люди «в верности надёжные и доброго поведения». Все эти положения отразились в данном О.А. Игельstromу именном указе от 22 сентября 1788 г. Так возникло государственное ведомство, известное в литературе под названием Оренбургского магометанского духовного собрания.

Нельзя не видеть, что учреждением Духовного собрания и поста его председателя верховная власть вводила духовную иерархию «магометанского закона». Более того, назначение законоположения о том, что муфтий является духовным главой, начальником «над всеми обитающими в России магометанского закона людьми» [ПСЗРИ, 22 1830: № 16710, 16711] (повторим, за исключением мусульман Крыма), включённое в текст именного указа Сенату от 22 сентября 1788 г., именно в этом и состоит. Иерархическая соподчинённость в исламе в принципе отсутствует, однако она вполне отвечала интересам существовавшего на тот момент в России «штатного» мусульманского духовенства, укрепляя его социальные позиции.

Наиболее рьяным проводником идеи о единоначалии стал сам М.Хусейнов. По поводу назначения муллы в Духовное собрание О.А. Игельстром вступил в переписку с казанским генерал-губернатором П.С.Мещерским. В «Правилах для наблюдения и исполнения Духовному магометанского закона собранию» О.А. Игельстром утвердил персональный состав присутствия и следующим образом определил его статус: «... состоит под ведомством и указом наместнического правления и потому равняется со средними судебными местами». Заседания Собрания должны проводиться, как он ранее и предлагал, в присутствии двоих заседателей верхней расправы, делопроизводство вестись на русском языке (с последующим переводом документов, в том числе отпусков, на татарский), экзамены — на татарском. Особый пункт определял требование к кандидатам на духовные звания: представить заверенную земским исправником рекомендацию от общины. В компетенцию Духовного собрания входили дела, регулируемые обычно шариатом (имущественные и брачно-семейные), а также сношения с местными властями по поводу строительства мечетей и работы мектебов — начальных духовных школ при мечетях. Вопрос о судебных полномочиях

Духовного собрания на долгое время стал предметом забот наместников. А.А. Пеутлинг выступал за твёрдое разграничение функций светских и духовных судей. Сменивший его О.А. Игельстром, а затем и И.Г. Фризель в полном соответствии с правоприменительной практикой «просвещённого абсолютизма» были сторонниками передачи всех судебных вопросов в гражданские инстанции и уничтожения «толикого разнообразия», когда губернское правление то разрешало Духовному собранию производить следствия и выносить решения, то запрещало [Материалы по истории Башкирской АССР 1960: 563–566; Азаматов 1999: 123–124].

Духовное собрание функционировало на основе судебного регламента. Регламент определял для такого рода инстанций шесть дней недели как присутственные и воскресенье как выходной, однако в связи с почитанием мусульманами пятницы по просьбе уфимского генерал-губернатора А.А. Пеутлинга именным указом от 15 июня 1792 г. для Духовного собрания вводилось изъятие: «свободным от присутствия» днём была объявлена именно пятница. Канцелярский штат Духовного собрания был утверждён Высочайше подтверждённым сенатским докладом от 30 апреля 1789 г. [ПСЗРИ, 23 1830: № 16759, 17053].

В целом опыты правовой модернизации на основе Католического регламента явились характерным образцом так называемой очаговой фронтальной модернизации, главным актором которой выступало государство. Она сопровождалась централизацией конфессионального управления и внедрением единых просветительских правовых стандартов.

Выводы

Содержанием русско-папских отношений была борьба за осязаемые политические преимущества. Папство было обеспокоено возможным ослаблением католицизма в Польше и на территориях, отошедших от неё к

некатолическим государствам, его не устраивало назначение главой католиков в России С. Сестренцевича, и оно всячески стремилось оказать давление на Екатерину II и сорвать её планы. Русская дипломатия как могла отбивала эти наскоки. Приземлёнными были причины столкновений с папством и помимо Польши. Российское продвижение на юге в 80–90-е гг. XVIII в. вызывало тревогу Рима за судьбы тамошнего католичества и унии, и потому он не желал укрепления российской католической кафедры во главе с Сестренцевичем, подчинения ей католиков Крыма, Грузии, Армении, дунайских княжеств. Для России же неприятие римско-католической миссии в Грузии и шире — на юге, высказанное Г.А. Потёмкиным, носило характер борьбы за собственное влияние.

Правовые принципы, положенные в основу католического управления, имели кумулятивный эффект: на их основе разворачивалось управление и другими, помимо католичества, неправославными исповеданиями в России. В частности, правовая модернизация, проводившаяся екатерининской монархией, привела к созданию на общеправовой основе институций мусульман.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ показал, что становление веротерпимости как европейского явления раннего Нового времени относится к периоду Контрреформации и дальнейшему политическому развитию континента. Линию политического развития ведущих европейских стран XVII–XVIII вв. (Нидерланды, Англия, Франция, Бранденбург-Пруссия, государство австрийских Габсбургов) определяли коллизии между католиками и протестантами или различными направлениями протестантизма, для австрийских же Габсбургов они становились залогом целостности владений.

В этой же связи установлено, что политически веротерпимость оказалась возможной в рамках особого европейского типа церковно-государственных взаимоотношений — просвещённого абсолютизма. Типология просвещённого абсолютизма разрабатывалась на основании политических критериев, и особенности конфессиональной политики также учитывались в европейской классификации. Современная типология просвещённого абсолютизма выделяет в качестве одного из вариантов подобного типа церковно-государственных отношений остэльтский просвещённый абсолютизм с конкретными вариантами (Австрия, Пруссия, Россия). Очевидно, что австрийский и прусский варианты определяются в зависимости от конкретных взаимоотношений между католичеством и протестантизмом в этих государствах, с одной стороны, и между монархами и папами, — с другой. В этой связи русский вариант просвещённого абсолютизма занимает особое место, поскольку в своей политике российская монархия не ставила задачи борьбы с политическим клерикализмом и располагала полнотой власти в отношении православной церкви.

Религиозная терпимость издавна была элементом вассальных и служебных отношений, выстроенных российской короной в средневековье.

В работе показано, что с началом петровских реформ они исчерпали себя, в связи с чем наметился поворот к более широкой веротерпимости, распространяющейся на податные сословия и предполагавшей приоритет гражданских ценностей перед религиозными (конфессиональными). В петровские времена встала и задача отказа от конфессионализма в сфере внешней политики. Отдельные элементы политики веротерпимости находили проявление в действиях российской монархии на протяжении первой половины XVIII в. в различных регионах (Нижнее Поволжье и северное побережье Каспийского моря, Остзейский край), однако поворот российской монархии к веротерпимой политике в целом наметился в середине 1750-х гг.

В исследовании установлено, что факторами, способствовавшими подобному повороту, стала проблематика, имевшая как внешнее, так и внутреннее наполнение — вопрос о военно-политическом состоянии казачества и вопрос о старообрядческой эмиграции. Старообрядческий протест в казачьей среде в последней четверти XVII – начале XVIII в. был подавлен, но окончательно не побеждён, частично сохраняясь в латентной форме, частично же проявляя себя открыто после ухода на южную и юго-восточную периферию России. В этой связи казачьи группы на российской службе пережили и религиозный, и политический раскол, ослабивший не только лояльность, но и боеспособность. Власти, добившись вытеснения старообрядцев, были вынуждены решать вопрос об укреплении военно-политического состояния казачества. Выход был найден в расширении его рядов за счёт этноконфессиональных групп, по определению невосприимчивых к проповеди старообрядчества — украинского казачества, а также калмыцких и тюркских формирований, как крещёных, так и некрещёных. Именно калмыки в первой половине XVIII в. стали основным резервом пополнения и развития иррегулярных войск в составе российской армии и в период крупнейших войн в Европе и на юге.

Старообрядческая эмиграция как явление также возникла на почве подавленного народного религиозного движения последней трети XVII – начала XVIII вв. и явилась выражением недовольства усилением крепостничества в указанное время со стороны податных сословий. Она привела к развитию бегства простонародья в сопредельные европейские государства и на турецкие вассальные территории, а также на отдалённые окраины Российского государства и возникновению общей замкнутой социальной системы на российских границах и вблизи них. Наибольшим был отток населения в Речь Посполитую вследствие значительной доли здесь православного простонародного населения и либерального отношения к старообрядцам со стороны польско-литовских и католических властей. Борьба с оттоком податного населения в первой трети XVIII в. стала заметным фактором внутренней и внешней политики Российского государства.

Выяснено, что необходимость использовать человеческий потенциал старообрядческой эмиграции привела к расширению терпимого отношения к старообрядцам и выработке мер по привлечению беглого старообрядческого населения с целью укрепления и освоения южных окраин. Меры носили как политический, так и правовой характер, в частности, они повлекли правовую либерализацию в отношении старообрядчества, наметившуюся в заключительный период правления Елизаветы Петровны и в связи с работой Уложенной комиссии в 1754–1755 гг.

Подобная политика была продолжена Петром III и Екатериной II, достигнув при последней своего предельного развития. Фактором, осложнявшим и затруднявшим старообрядческую реэмиграцию, стали взаимоотношения между Россией и Речью Посполитой и, в частности, один из основных вопросов этих взаимоотношений — «диссидентский вопрос», именно вопрос о политических правах православной и

протестантской шляхты Польско-Литовского государства. Международная система гарантий, сложившаяся ещё в XVII в. с участием России, претерпела в период Северной войны и позже определённые изменения, однако участие России в ней было по-прежнему подтверждено. Перипетии «диссидентского вопроса» (разумеется, наряду с другими обстоятельствами) привели к первому разделу Речи Посполитой и в дальнейшем, в 1770–1780-е гг., не раз становились причиной кризисов в отношениях двух государств. Они в значительной мере сдерживали реэмиграцию вплоть до конца 1780-х гг., когда в полной мере обозначилось внимание России к освоению Северного Причерноморья.

Первый раздел Речи Посполитой и унификация церковных порядков на исторических и приобретенных территориях, а также проблематика освоения юга России (Северное Причерноморье, Северный Кавказ, Северный Прикаспий) заставили российские власти обратить внимание на состояние церкви в государстве и выработать в середине 1780-х гг. план соответствующих преобразований.

На подходы к реформам значительное влияние оказывали просветительские идейно-политические представления. Они положили начало кодификации и либерализации религиозного законодательства, расширению прав старообрядцев как экономически активного меньшинства в городе и деревне, особенно на новоосваиваемых южных территориях. То же касалось и других экономически активных меньшинств, чья хозяйственная деятельность стимулировалась соответствующей правовой политикой екатерининского времени.

В работе изучен вопрос об отношении государства к католицизму на юге. Показано, что активизация российской политики на юге вызвала усложнение взаимоотношений с государством с католицизмом, для которого южные регионы России и регионы, сопредельные с ними, были давней зоной экспансии. В процессе осознания подобного усложнения

власти России установили слабость соответствующей внутренней правовой базы и низкий уровень реального контроля за состоянием миссионерской работы католиков на южных окраинах, ущемлявшей признанные прерогативы православной церкви. Это вызвало необходимые политико-правовые коррективы, отразившиеся на законодательном уровне и в сфере международных отношений. Их памятниками стали Католический регламент Екатерины II, принятый в 1769 г., и переписка императрицы с папой Пием VI.

В целом взаимоотношения России с папством на протяжении второй половины XVIII в. были неровными. Екатерина II в видах борьбы за власть испытывала определённый интерес к католическим силам. Имел место и ответный интерес, связанный с надеждами на либерализацию в отношении католичества в России. Это нашло своё отражение в том, как разрешался в 1760-е гг. «диссидентский вопрос» в Речи Посполитой: папство и Екатерина II относились друг к другу предельно корректно. Отношения были испорчены лишь в связи с принятием Католического регламента и мерами Екатерины II по созданию территориально-административной структуры католического исповедания в обход папства. При этом зонами столкновения интересов в 1780-е гг. были не только белорусские территории, присоединённые к России после первого раздела Польши и Литвы, но и Закавказье, прежде всего, Грузия, где католические миссионеры обосновались издавна.

Католический регламент явился одним из крупнейших правовых памятников правления Екатерины II. Его разработка имела кумулятивный эффект: на основе обозначенных правовых принципов было продолжено законодательное регулирование жизни конфессий в Российской империи, что привело к появлению протестантского регламента 1778 г. и учреждению Духовного собрания мусульман в 1787 г. Религиозные институты рассматривались самодержавием как важное средство

управления и поддержания верноподданнических чувств в среде неправославного населения государства. В отношении же старообрядчества была выработана линия на его политическую интеграцию и постепенное включение в систему церкви с правами автономии в обрядовой сфере и на приходском уровне.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

1. Архив внешней политики Российской империи

1. Фонд 2. Внутренние коллежские дела.
2. Фонд 10. Духовные дела по иностранным исповеданиям.
3. Фонд 32. Сношения России с Австрией.
4. Фонд 78. Сношения России с папами.
5. Фонд 79. Сношения России с Польшей.
6. Фонд 96. Сношения России со Швецией.

2. Российский государственный архив древних актов

7. Фонд 10. Кабинет Екатерины II и его продолжение.
8. Фонд 11. Переписка разных лиц.
9. Фонд 12. Дела о Польше и Литве.
10. Фонд 16. Внутреннее управление.
11. Фонд 18. Духовное ведомство.
12. Фонд 168. Сношения русских государей с правительственными местами и с должностными лицами.
13. Фонд 248. Сенат и его учреждения (объединённый фонд).
14. Фонд 342. Комиссия о сочинении Нового Уложения.
15. Фонд 822. Оренбургская губернская канцелярия.

3. Российский государственный военно-исторический архив

16. Фонд 20. Воинская (Секретная) экспедиция Военной коллегии
17. Фонд 52. Г.А. Потёмкин (личный фонд).

4. Российский государственный исторический архив (РГИА)

18. Фонд 796. Канцелярия Синода.

5. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)

19. Фонд И-36. «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе».

6. ГАСО (Государственный архив Саратовской области)

20. Фонд 1276. «Вольский городской магистрат».

Опубликованные источники

21. Анисимов, Е.В. Дело о доносе В.Н. Татищева 1738 г. // *Quaestio Rossica*. — 2019. — № 1. — С. 317–319.
22. Армяно-русские отношения в XVIII в.— Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1953–1978. — Т. 1–3. — [6] л. факс.; 396; 420; 408 с.
23. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 1. Т. 2–10. — Киев: Унив. тип., 1859–1911.
24. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 1. Т. 10. Акты, относящиеся к истории Галицко-русской православной церкви (1423–1714 гг.). — 1904. — 28, 967 с.
25. Базарова, Т.А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (Исследование и тексты). — СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. — 863 с.
26. Бакунин, В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 г. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. — 153 с.
27. Барсов, Е.В. Новые материалы для истории старообрядчества XVII–XVIII веков. — М.: Унив. тип., 1898. — XII, 243 с.

- 28.Барсов, Е.В. Описание актов архива Маркевича, относящихся к истории Стародубских скитов. — [Б. м.]: [б. и.], 1891 — 11 с.
- 29.Барсов, Т.В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. Т. 1. — СПб.: скл. изд. у авт., 1885. — 663 с.
- 30.Вахушти (Багратиони). История царства Грузинского. — Тбилиси: Мецниереба, 1976. — 339 с.
- 31.Владимирский-Буданов, М. Ф. Проекты Киевской губернской канцелярии, представленные в Елизаветинскую и Екатерининскую законодательные комиссии // Киевская старина. — 1888. — № 5. — С. 37–43.
- 32.Вяткин, М. Журнал оренбургского муфтия // Исторический архив. Т. 2. — М.–Л.: [б.м.], 1939. — С. 117–220.
- 33.Голицын, Н. Н. История русского законодательства о евреях. Т. 1. — СПб., 1886. — XVI, 1117 с. (Материалы Комиссии для пересмотра законов о евреях; 6).
- 34.Григорович, Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. 1. 1747–1787 гг. — СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1879. — 687 с.
- 35.Дневник А.В. Храповицкого 1782–1793 гг. (По подлинной его рукописи). — СПб.: А.Ф. Базунов, 1874. — 610 с.
- 36.Дневник Сестренцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России. Ч. I. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1913–1916. — 185 с.
- 37.Дубровин, Н.Ф. Присоединение Крыма к России: Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. 2, 4. — СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1892–1894.
- 38.Екатерина II и Г. А. Потемкин: Лич. переписка, 1769–1791. — М.: Наука, 1997. — 989 с.
- 39.Ефименко, М.Н. Система епархиально-административного контроля христианизации нерусских народов и борьбы со старообрядцами и

- сектантами в Оренбургской губернии в XVIII – XX вв. // Христианство и ислам на рубеже веков. — Оренбург: Печатный дом «Димур», 1998. — С. 194–197.
40. Журавлев, А.И. Полное историческое известие о древних стригольниках, и новых раскольниках, так называемых, старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях. — СПб.: При Императорской Академии наук, 1795. — 463 с.
41. Законодательство Екатерины II: В 2 т. — Т. 1–2. — М.: Юрид. лит., 2000 – 2001. — 1053, 981 с.
42. Законодательство Петра I. — М.: Юрид. лит., 1997. — 878 с.
43. Записка новгород-северских, курских и екатеринославских старообрядцев, представленная кн. Потёмкину в 1784 г. с его примечаниями на полях // ЧОИДР (Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских). Кн. 4. 1860. Октябрь–декабрь. — М.: Унив. тип., 1861. — С. 287–290.
44. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). Новое полное издание с примечаниями. — СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1893. — 197 с.
45. Записки о том, как было сохранено в Белоруссии Общество Иисуса // Европейский альманах: История. Традиция. Культура. 1991. — М.: [б.м.], 1991. — С. 163–171.
46. Зелич, Г. Житие, сиречь рождение, воспитание, странствование и различна по свету и у отечеству приключения и страдания Герасима Зелича, архимандрита Светоуспенске Крупе в Далмации, бывшего кое у истой державы, кое у Боки Которской, од лета 1796 до лета 1811 над православными восточного исповедания церквами генерал- и великого викария; ним самым себи и своима за спомен списано; и другими за любопытство, где што зарь и за поучение, на свете издано. — Будим: Писмены Крал. Університета Унгарскаго, 1823. — 643 с.
47. Иваницкий, С.М. Переяславский епископ Гервасий Линцевский и начало воссоединения униатов в Западной или Польской Украине (1757–1769 гг.). — Каменец-Подольск: тип. С.П. Киржацкого, 1904. — X, 392 с.

48. Иосселиан, П. Путешествие по Новороссийскому краю Ионы, митрополита Рущского в 1791 году // Записки Одесского общества истории и древностей (далее – ЗООИД). — 1853. — Т. 3. — С. 556–563.
49. История Татарии в материалах и документах / Ин-т истории Акад. наук и Татарский научно-исслед. ин-т марксизма-ленинизма. — М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. — 503 с.
50. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв.: Документы и материалы: В 2 т. Т. 2. XVIII в. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 424 с.
51. Каманин, И. Из истории международных отношений Польши и России: по материалам Киевского центрального архива // Киевская старина. — 1882. — № 7. — С. 42–60.
52. Кулбахтин, Н. М. Религиозная политика царизма в Башкирии в XVIII в. — Уфа: БГУ, 1988. — С. 34–43.
53. Летописи хоринских бурят / отв. ред. акад. А. П. Баранников. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. Напеч. в Л., 1940. — 1 т. [Вып. 1]: Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова / Пер. Н. Н. Поппе. — 1940. — 108 с.
54. Лилеев, М. И. Письмо к архиепископу Платону от архимандрита Симонова монастыря Амвросия 2-го декабря 1782 г. // Русская старина. — 1879. — № 1. Т. 24. — С. 145–146.
55. Материалы для истории Подольской губернии. (1792–1796). Вып. 1. — Каменец-Подольск: Губ. тип., 1885. — 318 с.
56. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. — М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.
57. Материалы по истории Казахской ССР. Алма-Ата, 1948. Т. II. Ч. 2 (1741–1751 гг.). — М.–Л.: Ин-т истории Акад. наук СССР. ЛО, 1940. — 456 с.
58. Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4 (1785–1828 гг.). — М.–Л.: Акад. наук СССР, 1940. — 543 с.

59. Мачарадзе, В.Г. Грузинские документы из истории русско-грузинско-египетско-эфиопских отношений 80-х гг. XVIII в. — Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1967. — 71 с.
60. Мачарадзе, В.Г. Грузинские документы по истории грузино-курдско-ассирийско-русских взаимоотношений (60–70-е гг. XVIII в.). — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1989. — 73 с.
61. Морошкин, М. Я. Иезуиты в России с царствования Екатерины II-й и до нашего времени. — СПб.: тип. 2-го отд-ния собственной Е. И. В. канцелярии, 1867–1870. Ч. 1: Часть первая, обнимающая историю иезуитов в царствование Екатерины Великой и Павла I-го. — 1867. — [570] с. разд. паг.; Ч. 2: Часть вторая, обнимающая историю иезуитов в царствование Александра I-го. — 1870. — 528, VIII с.
62. Орлова, К.В. История христианизации калмыков. Середина XVII – начало XX в. — М.: Вост. лит., 2006. — 207 с.
63. Орлова, К.В. «Крещенные живут по-прежнему, по-калмыцки»: к вопросу о конфессиональной идентичности крещеных калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (=Oriental Studies). — 2018. — №1. — С. 31–35.
64. Переписка гр. П.А. Румянцева о восстании на Украине 1768 года // Киевская старина. — 1882. — Т. 4. № 9. — С. 523–552.
65. Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне. Текст. Транскрипция. Перевод на русский язык. Факсимиле. — Уфа: УНЦ РАН, 1993. — 252 с.
66. Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. I – XXV. — СПб.: тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. — 1029 с.
67. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Серия I. Т. 1–10. — СПб., 1869–1911; Серия II. Т. 1–4. — СПб., 1899–1912; Серия III. Т. 1–3. — СПб.–Пг., 1910–1915; Серия IV. Т. 1. — Пг., 1915.

- 68.Правительственные меры по случаю появления в Лифляндии секты гернгутеров в 1743 г. // Русский архив. — 1896. — 716 с.
- 69.Православный собеседник, издание Казанской духовной академии. — Казань: Унив. тип., 1875: Ч. 1–3, № 1–6, 8, 9, 11–12.
- 70.Румянцев, П.А. Документы. В 3 т. — М.: Воениздат, 1953–1959. Т. II: 1768–1775. — 863 с.; Т. III: 1775–1796. — 654 с.
- 71.Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1–2. — М.: Наука, 1978–1990. — 703, 669 с.
- 72.Русско-осетинские отношения в XVIII в.: сб. док-тов в 2 тт.— Орджоникидзе: Изд-во «Ир», 1976–1984. — Т. 1. — 512 с.; Т. 2. — 439 с.
- 73.Саввинский, И.И. Армяне в Астраханской епархии и отношение к ним местных архипастырей в 18-м веке. — Астрахань: тип. В.Л. Егорова, 1900. — 106 с.
- 74.Сенатский архив Т. XII, XIII, XV. — СПб.: Сенатская тип., 1913. — 706, 614, 1095 с.
- 75.Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI. — СПб.: Воен. тип. Гл. штаба, 1875. — 378 с.
- 76.Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и о вероисповедании детей, от сих браков происходящих. — СПб.: Гос. тип., 1906. — 527 с.
- 77.Сборник Императорского Русского исторического общества. — СПб.: [б. и.], 1867–1916. — 511 с.
- 78.Т. 4. Исторические сведения о Екатерининской комиссии. — СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1869. — 553 с.
- 79.Т. 7. Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Гос. архиве Мин-ва иностранных дел. — СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1871. — 457 с.
- 80.Т. 8. Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового уложения. — СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1871. — 649 с.

- 81.Т. 10. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном Архиве Министерства иностранных дел. Ч. 2 (годы с 1765 по 1771). — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1872. — XXXVI, 477 с.
- 82.Т. 14. — СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1875. — 572 с.
- 83.Т. 32. — СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1881. — 686 с.
- 84.Т. 36. — СПб.: Тип. и Хромолитография А. Траншеля, 1882. — 461 с.
- 85.Т. 48. — СПб.: Университетская тип., 1885. — 718 с.
- 86.Т. 57. Политическая переписка Екатерины II. Ч. 3. 1764–1766. — СПб.: Университетская тип., 1887. — 605 с.
- 87.Т. 84. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1728. — СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1893. — 788 с.
- 88.Т. 87. Политическая переписка Екатерины II. Ч. 5. 1768–1769. — СПб.: Университетская тип., 1893. — 578 с.
- 89.Т. 108. Бумаги кабинета министров Императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740. — СПб.: Тип. К. Матиссена, 1900. — 580 с.
- 90.Т. 145. Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II. Ч. 9. 1776–1777. — СПб.: Тип. А. Траншеля, 1914. — 656 с.
- 91.Скальковский, А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823. Ч. 1–2. — Одесса: Гор. тип., 1836–1838.; Ч. 1: С 1731 по 1796 год. — 1836. — XIV, 289 с.; Ч. 2: С 1796 по 1823 год. — 1838. — VIII, 351 с.
- 92.Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Святейшего Синода. Кн. 1. (1716–1800). — СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1860. — 792 с.
- 93.Сочинения Ю. Ф. Самарина. В 12 тт. — М.: Д. Самарин, 1887–1911. Т. 6: Иезуиты и статьи богословско-философского содержания. — 1887. — XI, 563 с.
- 94.Хроника войн Джара в XVIII столетии. — Баку: АзГНИИ, 1931. — 77 с.

95. Черногорско-русские отношения. 1711–1918 гг. Т. 1. Русские архивные документы о Черногории (конец XVII – середина XIX в.). — Подгорица–М.: Институт Славяноведения и Балканистики АН СССР, 1991. — 431 с.
96. Шпилевский, М. Политика народонаселения в царствование Екатерины II: Исслед. Мих. Шпилевского. [Ч. 1]. — Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1871. — 178 с. (Из «Зап. Имп. Новорос. ун-та»).
97. Brennan, J. F. Enlightened despotism in Russia: The reign of Elisabeth, 1741–1762. — New York etc.: Lang, Cop., 1987. — 295 с. (American univ. studies . Ser. 9 . History ; Vol. 14).
98. Godlewski, M. *Analecta Historika Petropolitana*. — St.-Petersburg, 1906.
99. Godlewski, M. *Monumenta Ecclesiastica Petropolitana*, Vol. II. — St.-Petersburg, 1906–1913.
100. Weill 1982
101. Welykyj, A. *Acta Sancta Congregationis de Propaganda Fide Ecclesiam Catholicam Ucrainae et Bielarussiae spectantia*. — Vol. 3. — Roma, 1953. — 327 p.
102. Welykyj, A. *Litterae Sacrae Congregationis de Propaganda Fide Ecclesiam Catholicam Ucrainae et Belorusjae spectantia*. — Vol. 4. № 5. — Roma, 1954–1957.

Литература

1. Аваков, П.А. «...И живут во всяком непорядке». Документы РГА ВМФ о жизни казаков-некрасовцев в Крымском ханстве. 1711 г. // Исторический архив. — 2015. — № 4. — С. 26–28.
2. Азаматов, Д.Д., Хусейнов, М. Оренбургское магометанское духовное собрание // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энцикл. слов. / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. — М.: Вост. лит., 1998. — Вып. 1. — 159 с.

3. Азаматов, Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в общественной и духовной жизни мусульманского населения Урала в конце XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Азаматов Даниль Дамирович. — Уфа, 1994. — 23 с.
4. Алакшин, А.Э. Становление протестантской общины в Санкт-Петербурге в первой четверти ХУШ в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Алакшин Александр Эдуардович. — Челябинск, 1998. — 24 с.
5. Александров, И.Ф. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России // ИТУАК (Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии). Т. 51. — Симферополь: Тип. Таврическ. Губернск. Земства, 1914. — С. 207–220.
6. Алиев, Б.Г., Умаханов, М.-С.К. Союзы сельских общин в борьбе за независимость Дагестана в XVII – первой половине XVIII в. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. — Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1986. — С. 55–70.
7. Альтести, А.И. Записки о нынешнем возмущении Польши / пер. с фр. яз. капитан Н. Яценков; [отв. за изд.] Я.И. Булгаков — СПб.: тип. при Императорской Академии наук, 1792. — 77 с.
8. Амара-Пуанье, М. Посол Его Святейшества. Деятельность Томмазо Ареццо, апостольского нунция в Санкт-Петербурге в царствование Александра I. — СПб.: Глаголь, 1996. — 194 с.
9. Амирханов, Р.М., Мухаметдинов, Р.Ф. Общественная и философская мысль в XVII–XVIII вв. // Очерки истории татарской общественной мысли. — Казань: Татарское книжное изд-во, 2000.
10. Ананян, Ж.А. Армянская колония Григориополь. — Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1969 (на арм. яз.). — 275 с.
11. Андреев, А.Н. Российские «инородцы» в XVIII веке и западно-христианское влияние // Вестник Южно-Уральского государственного

- университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2010. — № 28 (204).— С. 6–10.
12. Андриашвили, Р.И. Особенности исторической эволюции ислама в Грузии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Андриашвили Рагим Исламович. — Тбилиси, 1990. — 42 с.
 13. Анисимов, Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. — 331 с.
 14. Антонович, В.Б. Волынская тревога 1789 г. — Киев: Киев. комис. для разбора древ. актов, 1902. — 99 с.; 25.
 15. Антонович, В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. — Киев: тип. Е.Я. Федорова, 1885. — 351 с.
 16. Антонович, В.Б. Очерк отношений Польского государства к православию и православной церкви / изд. состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе Временной комиссии для разбора древних актов. — Киев: тип. А. Сыркина, 1866 (2-е изд. Вильна, 1867). — 32 с.
 17. Антонович, В.Б. Очерк состояния православной церкви в Юго-Западной России по актам (1650–1798) // Акты Юго-Западной России. — Киев: Унив. тип., 1871. — Ч. I. Т. 4. — 99 с.
 18. Антошевский, И.К. Державный орден Святого Иоанна Иерусалимского, именуемый Мальтийским, в России. — СПб.: тип. т-ва «Екатерингоф. печ. дело», 1914. — 61 с.
 19. Аншаков, Ю.П. К истории «Греческого проекта» Екатерины II // Исторические исследования. Сборник научных трудов. — Самара: [б.м.], 1997. — С. 10–18.
 20. Аракелян, Г.Х. Духовный центр Эчмиадзина в сфере противоборства России и Ирана в первой четверти XIX века по персидским и турецким

- документам Матенадарана: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Аракелян Григор Хачатурович. — Ереван, 1991. — 16 с.
21. Арапов, Д.Ю. Ислам в Российской империи: (Законодат. акты, описания, статистика). — М.: Академкнига, 2001. — 366 с.
22. Арапов, Д.Ю. Неправославные религии в системе государственного управления Российской империи // Государственное управление: история и современность: матер-лы междун. науч. конф. — М.: Университетский гуманитарный лицей, 1997. С. 64–65.
23. Арсений, архимандрит. Готская епархия в Крыму // ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения). — Ч. 165. № 1. — СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1873. — С. 60–86.
24. Арсений, епископ Псковский. Исследования и монографии по истории молдавской церкви. — СПб.: тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1904. — 583 с.
25. Артамонов, В.А. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г. Г. Литаврина. — М.: Наука, 2001. — С. 269–286.
26. Артамонов, В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). — М.: Наука, 1990. — 205 с.
27. Арш, Г.Л. Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — 368 с.
28. Арш, Г.Л. Некоторые соображения по поводу «Греческого проекта» // Век Екатерины II: Россия и Балканы. — М.: Наука, 1998. — С. 60–80.
29. Асочакова, В.Н. Политика христианизации в Хакасско-Минусинском крае в XVIII–XIX вв. // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. — Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 1998. — С. 88–93.
30. Асфандияров, А.З. Религиозная политика царизма в Башкирии в период феодализма // Башкирский край. Вып. 1. — Уфа: Литера, 1991. — С. 4–10.

31. Базанов, А.Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере (Тобольский Север). — Л.: Институт народов Севера им. П. Г. Смидовича Главсевморпути при СНК СССР, 1936. — 132 с.
32. Бакаева, Э.П. Буддизм в Калмыкии: ист.-этногр. очерки. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. — 128 с.
33. Балкашин, Н.Н. О киргизах вообще и о подвластных России мусульманах. — СПб.: Тип. М-ва внутрен. дел, 1887. — 56 с.
34. Бантыш-Каменский, Н.Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии с показанием начала и важнейших, в продолжение оной чрез два века, приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униятов на благочестивых тамошних жителей гонении, по Высочайшему блаженныя памяти Императрицы Екатерины II повелению, из хранящихся Государственной Коллегии Иностранных дел в Московском архиве актов и разных исторических книг, Действительным Статским Советником Николаем Бантышем-Каменским 1795 года собранное. — М.: В Синодальной типографии, 1805. — 454 с.
35. Барсов, Т.В. Синодальные учреждения прежнего времени. — СПб.: скоропеч. и лит. И.Ф. Пухира, 1897. — 249 с.
36. Бартольд, В.В. Соч.: в 9 т. Т. 6. Работы по истории ислама и Арабского халифата. — М.: Наука. ГРВЛ, 1966. — 784 с.
37. Бархударян, В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань. — Ереван: Айастан, 1996 (на арм. яз.). — 528 с.
38. Басилов, В.Н., Кармышева, Д.Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). — М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. — 161 с.
39. Беднов, В. Л. Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum). — Екатеринослав: тип. С.И. Барановского, 1908. — 511 с.
40. Безъев, Д.А. К вопросу о взаимоотношениях украинской православной иерархии и московского правительства во второй половине XVII века // Преподаватель XXI век. — 2012. — № 3. Ч. 2. — С. 248–254.

41. Беликов, В. Отношение государственной власти к Церкви и духовенству в царствование Екатерины II (1762–1796) // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения (ЧОЛДП). — 1874. Кн. 1, 3, 6, 8.
42. Белозерская, Н.А. Царское венчание в России: ист. очерк // Русская мысль. — 1883. — Кн. 4. — С. 1–40; Кн. 5. — С. 1–48.
43. Белоликов, В.З. Из истории поморского раскола во второй половине XVIII в. // Труды Киевской Духовной академии. — 1915. — № 9. — С. 138–141.
44. Белоликов, В.З. Инок Никодим Стародубский (Его жизнь и литературная деятельность). — Киев: тип. АО «Петр Барский в Киеве», 1915. — 470 с.
45. Беляев, И. Русские миссии на окраинах: ист.-этногр. очерк. — СПб.: изд-е П.П. Сойкина, 1900. — 308 с.
46. Берг, Л. Римско-католическая церковь и православная Россия. — Берлин: Германия, 1926. — 65 с.
47. Бердников, И.С. [рец.]: Благовидов Ф.В. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX в. (Казань, 1899). — Казань: Типо-литогр. Императорского ун-та, 1900. — 14 с.
48. Бердников, И.С. Краткий курс церковного права Православной греко-российской церкви, с указанием главнейших особенностей католического и протестантского церковного права. — Казань: тип. Имп. ун-та, 1888. — 294 с.
49. Бершадский, С. А. Положение о евреях 1804 г.: опыт исторического исследования оснований и мотивов этого законодательного памятника (на основании источников) // Восход. — 1895. — № 1, 3, 4, 6.
50. Благовидов, Ф.В. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX в. — Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1899. — 430 с.
51. Блиев, М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII в. – 30-е гг. XIX в.). — Орджоникидзе: Ир, 1970. — 379 с.

52. Блинова, Т.Б. Иезуиты в Беларуси. Роль иезуитов в организации образования и просвещения. — Гродно: Изд-во Гродненского ГУ, 1990. — 426 с.
53. Блэк, Л.С., Болховитинов, Н.Н. Путь на Новый Валаам: становление Русской православной церкви на Аляске // История Русской Америки (1732–1867). — М., 1997. — Т. 1: Основание Русской Америки (1732–1799). — С. 251–277.
54. Бобылев, В.С. Россия и Испания в международных отношениях второй половины XVIII века [1759–1799]. — М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. — 284 с.
55. Богословский, К. Государственное положение римско-католической церкви в России от Екатерины Великой до настоящего времени // Вера и Разум. — 1896. — № 17. — С. 298–299.
56. Богословский, М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 5. Посольство Е.И. Украинцева в Константинополь. 1699–1700. — Л.: Гос. соц.-экон. изд., 1948. — 312 с.
57. Борисенок, Ю.А. Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Вопросы истории. — 2003. — № 3. — С. 116–122.
58. Браславский, Л.Ю. Ислам в Чувашии: ист. и культурол. аспекты. — Чебоксары: Чувашия, 1997. — 158 с.
59. Бринкман, Г. Йохан Фредерик Хендрик Карп. История злополучного служения пастора в 1745–1749 гг. // Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927). — СПб.: Блиц, 2001. — С. 90–102.
60. Булеишвили, М.Н. Два посольства из Восточной Грузии в Россию во второй половине XVIII в.: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Булеишвили Марина Николаевна. — Тбилиси, 1985. — 22 с.

61. Бутаев, А.А. Народно-освободительное движение на Восточном Кавказе под руководством Хаджи-Давуда Мюшкюрского (первая треть XVIII в.). — Махачкала: Мавел, 2006. — 159 с.
62. Буховец, И.А. Антинародная деятельность Православной церкви в Северной Буковине и борьба прогрессивных сил края против социально-экономического и политического гнета духовенства (1774–1918): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Буховец Инна Александровна. — Львов, 1987. — 23 с.
63. В память столетия Оренбургского духовного собрания. — Оренбург, 1901.
64. Валеев, Р.М., Набиев, РЛ. История ислама в России // Ислам и мусульмане в России. — М.: КДТ, 1999. — С. 108–112.
65. Валиханов, Ч.Ч. Собр. соч. — М., 1976. — Т. 1. — С. 414; Т. 2.
66. Ванина, И.Ю. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Восточной Азии (середина XVII – середина XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ванина Ирина Юрьевна. — Иркутск, 1995. — 16 с.
67. Ванчикова, Ц.П. Монголоязычные биографии бурятских лам // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. — С. 33–42.
68. Вартамян, В.Г. Армяно-григорианская церковь в конфессиональной политике России (последняя треть XVIII в. – первая половина XIX в.): автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.02 / Вартамян Вячеслав Грантович. — Ростов-на Дону, 1999. — 27 с.
69. Васильев, Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. — М.: РОССПЭН, 2014. — 470 с.
70. Васильев, И. М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г.: [В 2 ч.]. — Уфа: [Б/и], 2000. — 171; 175–292 с.

71. Вашкевич, В. Исторический обзор законодательства об устройстве евангелическо-лютеранской церкви в Прибалтийском крае. — СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1890. — 54 с.
72. Вашкевич, В. Ламаиты в Восточной Сибири / Сост. чиновником особых поручений при министре вн. дел В. Вашкевичем; М.В.Д. Деп. духов. дел иностр. исповеданий. — СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1885. — 144 с.
73. Верховский, Т.А. Искание глаголемыми старообрядцами в XVIII веке архиерейства. — СПб.: Изд-во В. Головина, 1868. — 71 с.
74. Викторин, В.М. Из истории религиозной политики России на Северном Кавказе (60-80-е годы XVIII в.) // Восток. — 1998. — № 6. — С. 48–52.
75. Викторин, В.М. Исторические предпосылки современной этноконфессиональной ситуации на Северном Кавказе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: информ.-аналит. бюл. — 1997. — № 2. — С. 66–78.
76. Винтер, Э. Папство и царизм / Пер. с нем. Р. А. Крестьянинова и С. М. Раскиной; Предисл. и ред. В. Т. Пашуто и М. М. Шейнмана. — М.: Прогресс, 1964. — 536 с.
77. Витевский, В.Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Вып. 1–5. — Казань: типо-лит. В.М. Ключникова, 1889–1897. — Вып. 2. — 1890. — 177–368 с.; Вып. 4. — 1895. — С. 617–844.
78. Витевский, В.Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военно-гражданской власти в половине XVIII в. — Казань: тип. Ун-та, 1877. — 68 с.
79. Вишленкова, Е.Л. Принципы российской политики в отношении к католической церкви на бывших польских землях (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Сподвижники Великой Екатерины: тез. докл. и сообщ. конф. — М.: ИРИ, 1998. — С. 15–19.

80. Вишленкова, Е.Л. Религиозная политика: официальный курс и “общее мнение” России александровской эпохи. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. — 188 с.
81. Власова, Л.В. Россия и Речь Посполитая в политической биографии митрополита Досифея (источники новые и заново прочитанные) // Проблемы источниковедения истории Молдавии периода феодализма и капитализма. — Кишинев: [б.м.], 1983. — С. 87–104.
82. Воскресенский, Г. А. Православные славяне в Австро-Венгрии. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. слав. благотвор. о-ва, 1913. — 206 с.
83. Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в. Документы и материалы. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х — 60-е гг. XVIII в. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. — 320 с.
84. Волохова, А.А. Российская духовная миссия в Китае в XVIII в.: оценка американского историка // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. — СПб.: Андреев и Сыновья, 1993. — С. 27–30 (рец. на кн.: Widmer, E. The Russian Ecclesiastical mission in Peking during the eighteenth century. L.: Cambridge, 1976).
85. Вольтер, Ф. М. А., де. Опыт исторический и критический о разгласиях церквей в Польше, сочинен Иосифом Бурдильлионом, профессором права общенародного, а с французского переведен В<асилием> Т<редиаковским>. — СПб.: При Морск. шляхетн. кад. корпусе, 1768. — 40 с.
86. Воронец, Е. Материалы для изучения и обличения мухамедданства. Вып. 1–3. — Казань: Унив. тип., 1873–1877. — 150, 66, 46 с.
87. Воронец, Е. Нужны ли для России муфтии. — М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1891. — 8 с.

88. Воронец, Е. Основные черты распространения христианства на Руси девятьсот лет назад и ныне. — Харьков: Тип. В. С. Бирюкова, 1890. — 107 с.
89. Воронец, Е. Русским ли правительством узаконено иноземное идолопоклонническое ламство в православной России. — Харьков: Тип. В. С. Бирюкова, 1889. — 33 с.
90. Высоцкий, И.И. Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией (1710–1910 гг.). Вып. 1–4. — Рига: тип. Н.А. Нитавского, 1910. — Вып. 2: Православие. Ч. 1. — 35 с.
91. Высоцкий, Н.Г. Отношение к старообрядцам светского правительства в царствование императора Петра III // Богословский вестник. — 1916. — № 2. — С. 276–300.
92. Гаспринский, Исмаил Бей. Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания Исмаила Гаспринского. — Бахчисарай: типо-лит. газ. «Переводчик», 1896. — 20 с.
93. Гаспринский, Исмаил Бей. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. — Симферополь: тип. Спиро, 1881. — 45 с.
94. Гвинчидзе, О.Ш. Антим Ивериец. — Тбилиси: Мецниереба, 1989. — 261 с.
95. Георгиевский, Г. Коронование русских государей (ист. очерк) // Русское обозрение. — 1895. — № 11; 1896. — № 1, 3–5.
96. Георгий (Конисский, Г. О.). Слова и речи / [Соч.] Георгия Конисского, архиеп. Могилевского. — Могилев на Днепре: Ред. Могил. епарх. вед., 1892. — 466, II, 11 с.
97. Гессен, Ю.И. Галерея еврейских деятелей. Вып. 1: литературно-биографические очерки / О.А. Рабинович, И.Г. Оршанский. — СПб.: Типо-Лит. А. Е. Ландау, 1898. — 163 с.
98. Гессен, Ю.И. История еврейского народа в России. Т. 1–2. — Л.: Тип. К.-О. Ленингр. Губпрофсовета, 1925–1927. — 245, 234 с.

99. Гессен, Ю.И. К истории религиозной борьбы среди русских евреев в конце XVIII и в начале XIX в. (по архивным данным) // Евреи в Российской империи XVIII–XIX вв. — М.; Иерусалим: [Б.и.], 1995. — С. 237–277.
100. Гилязов, И.Л. Политика христианизации народов Среднего Поволжья. — Казань, 1993. — С. 162.
101. Гирченко, В.П. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. — Верхнеудинск: Кн-во Объединенного прибайкальск. союза кооперативов, 1922. — 20 с.
102. Горбунова, С.В. Оренбургская Пограничная комиссия и политика России в Младшем казахском жузе: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Горбунова Светлана Витальевна. — М., 1998. — 18 с.
103. Горчаков, М.И. [рец.]: Барсов Т.В. Святейший Синод в его прошлом. СПб., 1896. — СПб.: тип. Акад. наук, 1899. — 29 с.
104. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). 2-е изд. — М.: РАГС, 1996. — 252 с.
105. Григорович, Н.И. Обзор общих законоположений о содержании православного приходского духовенства в России со времени введения штатов по Духовному ведомству 1763–1764 гг. — СПб.: Синод. тип., 1866. — 114, 33 с.
106. Григорян, В.А. История армянских колоний Украины и Польши (армяне в Подолии). — Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1980. — 291 с.
107. Громов, В.П. Административно-территориальное деление и церковное управление Предкавказья во второй половине XVIII – первой половине XIX в. — Ростов-на-Дону, 1982 (Деп. в ИНИОН АН СССР).
108. Громыко, М.М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. — 1984. — № 5. — С. 70–80.
109. Грот, Я.К. Екатерина II в переписке с Гриммом. II. Папы и иезуиты // Сб. ОРЯС. — 1881. — Т. XXI. № 4. — С. 1–22.

110. Гузевич, Д., Гузевич, И. Великое посольство. — СПб.: Феникс, 2003. — 305 с.
111. Даревский, И.А. К истории евреев в Киеве от половины VIII в. до конца XIX в. — Киев: тип. И. М. Розета, 1907. — 120 с.
112. Демьянович, А. Иезуиты в Западной России в 1569–1772 гг. — СПб.: Печатня В.И. Головина, 1872. — 226 с.
113. Ден, В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. — М.: Унив. тип., 1902. — 2 т. — Отт. из Учен. записок имп. Моск. ун-та. Юрид. фак.; Вып. 21. — XII, 377 с.
114. Джаналидзе, Д.В. «Письма» Савари как источник по истории грузино-египетских связей // Источниковедческие разыскания. 1979. Б.м.; Б.и., 1984. — С. 79–84.
115. Дионисий, иеромонах. Идеалы православно-русского инородческого миссионерства. — Казань: Типо-Литогр. Имп. Ун-та, 1901. — 264 с.
116. Дложевский, С. Попытка преобразовать управление православной церковью в бывшей Польше. Пинская конгрегация 1791 г. и учреждение Брацлавско-Житомирской консистории в Богуславе // Труды Подольского епархиального комитета. — 1897. — С. 222–246.
117. Дмитриева, Л.В., Мугинов, А.М., Муратов, С.Н. Описание тюркских рукописей Института научного атеизма. — М.: Наука, 1965. — Т. 1. — 258 с.
118. Доброклонский, А. Руководство по истории Русской церкви. — М., 1898. — Вып. 3.
119. Доброклонский, А.П. Отношение европейских правительств к католичеству и католической церкви во второй половине XVIII века // ЧОЛДП. — 1881. — № 8. Отд. I. — С. 187.

120. Добросмыслов, А.И. Введение ко второму выпуску «Оренбургской епархии в прошлом ее и настоящем» Н. Чернавского // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. — Оренбург, 1901. — Вып. 10. — С. 4.
121. Дорджиева, Г.Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии: опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало в.). — Элиста: Джангар, 1995. — 127 с.
122. Дорджиева, Г.Ш. Политика самодержавия и православная миссия среди калмыков (конец XVII – до середины XIX в.). — М., 1977 (Деп. в ИНИОН АН СССР).
123. Дорджиева, Г.Ш. Политика самодержавия и православная миссия среди калмыков (конец XVII в. – 1771 г.) // Культура и быт калмыков. — Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. — С. 17–40.
124. Дризен, Н.В. Густав IV и великая княжна Александра Павловна. 1794–1796 гг. (По неизданным документам шведского королевского архива) // Русская старина. — 1896. — Т. 85–88. № 2–5, 7–10.
125. Дубнов, С.Н. Судьбы евреев в России в эпоху западной «первой эмансипации» (1789–1815) // Евреи в Российской империи XVIII–XIX вв. — М.; Иерусалим: [Б.и.], 1995. — С. 279–329.
126. Дубровская, Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие. 1552–1775 годы. — М.: Крафт+; ИВ РАН, 2001. — 251 с.
127. Елисеева, О.И. Геополитические проекты Г.А. Потемкина. — М.: [б. и.], 2000. — 341 с.
128. Жмакин, В.И. Единоверие в 1797–1799 гг. // Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. — 1900. — № 46. — С. 1867–1877.
129. Жмакин, В.И. Начало единоверия (1780–1796) // Христианское чтение. — 1900. — № 12. — С. 979–1004.

130. Жмакин, В.И. Учреждение единоверия (27 октября 1800 года) // Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. — 1900. — № 43. — С. 1735–1742.
131. Жмакин, В.И. Эпизод из истории единоверия // Христианское чтение. — 1903. — № 10. — С. 438–485.
132. Зайченко, Б.А. Теория «просвещённого абсолютизма» в произведениях Феофана Прокоповича// Из истории развития политико-правовых идей. — М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1984. — С. 76–83.
133. Захаров, Е. Л. Характер и особенности религиозной политики династии Цин в Монголии и Тибете в XVII–XVIII вв. // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии: взаимоотношения народов и культур: материалы региональной конференции. — Барнаул: БГПУ, 1997. — С. 20–27.
134. Знаменский, И.М. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. — М.: тип. М.Н. Лаврова и К°, 1880. — 186 с.
135. Знаменский, П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. — Казань: Унив. тип., 1873. — 855 с.
136. Знаменский, П.В. Руководство к русской церковной истории. — СПб., 1871.
137. Зобов, Ю.С. Политика правительства по отношению к дворянству в Оренбургской губернии в дореформенный период // Социальная политика, социальное образование на региональном уровне: материалы межрегион. науч.-практ. конф. — Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2000. — С. 75–76.
138. Зольникова, Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). — Новосибирск: Наука. СО, 1981. — 183 с.
139. Зольникова, Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. — Новосибирск: Наука. СО, 1990. — 288 с.

140. Зутис, Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. — Рига: Книгоизд-во и тип. № 2 VAPP, 1946. — 649 с.
141. Ибнеева, Г.В. Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 г.: узнавание империи // *Ab Imperio*. — 2000. — № 2. — С. 87–104.
142. Ибнеева, Г.В. Путешествие Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. — Казань: Казанский гос. ун-т, 2006. — 254 с.
143. Иваницкий, С.Ф. Значение Барской конфедерации в истории крестьянского восстания на Украине 1768 г. // *Учен. зап. Ленинградского ПДИ*. — 1939. — Т. 19. — С. 211–253.
144. Иваницкий, С.Ф. Польша во второй половине XVIII в. и возникновение Барской конфедерации // *Учен. зап. Ленинградского ПДИ*. — 1939. — Т. 22. — С. 103–187.
145. Иваницкий, С.Ф. Первый период Барской конфедерации // *Учен. зап. Ленинградского ПДИ*. — 1941. — Т. 45. — С. 222–259.
146. Ильминский, Н. О переводе православных христианских книг на инородческие языки. — Казань: Унив. тип., 1875. — 47 с.
147. Иоаннисян, А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. — Ереван: Изд-во Гос. ун-та, 1947. — 286 с.; 2-е изд. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1990. — 193 с.
148. Иосселиани, П.И. Исторический взгляд на состояние Грузии под властью царей-магометан. — Тифлис: тип. Канцелярии наместника кавказского, 1849. — 133 с.
149. Ислаев, Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. — 214 с.
150. Ислаев, Ф.Г. История Новокрещенской конторы. — Казань, 1998.
151. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). — М.: Академкнига, 2001. — 368 с.

152. Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. Сб. ст. — Казань: ИЯЛИ, 1994. — 205 с.
153. История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). — М.: Межд. Отношения, 1998. — 304 с.
154. История Казахской ССР: С древнейших времен до наших дней. В 5-ти т. Т. 3. — Алма-Ата: Наука, 1979. — 558 с.
155. История Калмыкии с древнейших времён до наших дней: в 3 тт. Т. 1. — Элиста: ГУ «Издательский дом „Герел“», 2009. — 848 с.
156. Ишемгулов, Б. Русское самодержавие и мусульманское духовное правление. — М.: Центриздат, 1930 (на татар, яз.). — 326 с.
157. Ишмухаметов, З.А. Социальная роль ислама в Татарстане: ист. очерки. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1979. — 224 с.
158. Кабузан, В.М. Заселение Новороссии в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). — М.: Наука, 1976. — 307 с.
159. Казанский, П.Е. Власть Всероссийского императора. — М.: Журн. «Москва», 1999. — 505 с.
160. Казачество в тюркском и славянском мирах. — Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2018. — 804 с.
161. Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, КИГИ РАН. — М.: Наука, 2010. — 568 с. (Народы и культуры).
162. Каменский, А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). — М.: РГГУ, 2001. — 575 с.
163. Каппелер, А. Две традиции в отношении России к мусульманским народам Российской империи // Отечеств. история. — 2003. — № 2. — С. 129–135.

164. Каптерев, Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1–2. — Сергиев-Посад: тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1909–1912. — Т. 1. — 1909. — 525 с.; Т. 2. — 1912. — 548 с.
165. Каптерев, Н.Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия // Православный Палестинский сборник. Вып. 43. Т. XV (Вып. 1. С половины XVI до конца XVIII столетия). — СПб.: тип. В. Киршбаума, 1895. — 840 с.
166. Карагодин, А.И. Калмыцкое духовенство в XVII – первой половине XIX в. // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. — Элиста: КНИИИФЭ, 1987. — С. 5–23.
167. Карашевич, П.И. Очерк истории Православной церкви на Волыни. — СПб.: тип. Королев и К°, 1855. — 157 с.
168. Карташев, А.В. Очерки по истории Русской церкви. В 2-х т. Т. 2. — М., Берлин: Директ-Медиа, 2020. — 495 с.
169. Кидирниязов, Д. С., Лысенко, Ю.М. Осетинская духовная комиссия на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории. — 2015. — № 3. — С. 163–169.
170. Кидирниязов, Д.С. Северный Кавказ в системе взаимодействия России с Портой и Персией в начале XVIII в. // Проблемы востоковедения. — 2017. — № 3 (77). — С. 24–28.
171. Клиер, Дж.Д. Россия собирает своих евреев: происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. — М.; Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 1999. — 351 с.
172. Климов, В.В. Православная церковь в Украине: от самостоятельности к зависимости (конец XVII–XVIII ст.). — Киев, 1995.
173. Климович, Л.И. Ислам в царской России: очерки. — М.: Гаиз, 1936. — 496 с.
174. Клочков, М.В. Генерал-прокуроры при Павле I. — СПб.: Сенат. тип., 1912. — 55 с.

175. Клочков, М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. — Пг.: Сенат. тип., 1916. — 631 с.
176. Ключевский, В.О. Курс русской истории. Ч. 4–5 // Соч.: в 9 т. Т. 4, 5. — М.: Мысль, 1989. — 400 с.; 476 с.
177. Ковалев, Ф. Церковь и государство. Ч. 1. — М.: Центр. контора снабжения Политпросветучреждений при Главполитпросвете, 1926. — 14 с.
178. Козлов, С. Л. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). — СПб.: Кольна, 1996. — 263 с.
179. Комиссаренко, А.И. Г.Н. Теплов и секуляризационная реформа 1764 г. // Сподвижники Великой Екатерины: тез. докл. и сообщ. научн. конф. — М.: ИРИ, 1997. — С. 49–52.
180. Комиссаренко, А.И. Ликвидация церковной земельной собственности и русское общество (отношение духовенства, дворянства и крестьянства к секуляризационной реформе // Церковь, общество и государство в феодальной России. — М.: Наука, 1990. — С. 313–334.
181. Комиссаренко, А.И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в.: очерки истории секуляризационной реформы 1764 г. — М.: Изд-во Всесоюз. заоч. политехн. ин-та, 1990. — 202 с.
182. Кортунов, А. И, Годовова, Е. В. Взаимодействие государства и казачества в ходе освоения приграничных территорий юго-востока России (XVII–XVIII века) // Новый исторический вестник. — 2018. — № 3 (57). — С. 8–10.
183. Кортунов, А. И., Фокин, А. А. Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала (XVI–XIX вв.). — Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2012. — 113 с.

184. Косач, Г.Г. Город на стыке двух континентов: оренбургское татарское меньшинство и государство. — М.: Изд. центр ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. — 148 с.
185. Костиц, М. Православная сербская церковь в Австрии, со времени переселения сербов в Австрию при патриархе Арсении III Чарноевиче в 1690 году, до конца XVIII в. // Труды Киевской Духовной Академии. — 1869. — Т. 2. № 5. — С. 211–214.
186. Костяшов, Ю.В. Русско-сербские церковные связи в XVIII в. (по материалам российского посольства в Вене) // Балканские исследования. — М., 1997. Вып. 17: Церковь в истории славянских народов. — С. 140–160.
187. Костяшов, Ю.В. Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке. — Калининград: Калинингр. ун-т, 1997. — 220 с.
188. Коялович, М.О. [рец.]: Русская греко-униатская церковь в царствовании императора Александра: историческое исследование по архивным документам П.О. Бобровского. СПб., 1890 // ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения). — 1890. — № 6. — С. 346–347.
189. Коялович, М.О. История воссоединения западно-русских униатов старых времен. — СПб.: в Тип. Второго отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1873. — 400 с.
190. Крачковский, И.Ю. Очерки русской арабистики. — М.; Л.: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. — 299 с.
191. Кричинский, А. Очерки политики российского царизма на окраинах. — Баку: Изд-во Союза мусульманской трудовой интеллигенции, 1919. Ч. 1. — 295 с.
192. Круглова, Т.Л. Отношение старообрядческих общин Левобережной Украины к правительственной политике во второй половине XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура

- русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. — Новосибирск: Наука. СО, 1992. — С. 288–294.
193. Крылов, В.В. Екатерининская комиссия в её отношении к духовенству как сословию // Вера и Разум. — 1903. — № 8. — С. 467–483; № 9. — С. 553–584; № 10. — С. 622–639; № 11. — С. 695–723; № 12. — С. 758–771.
194. Крылов, В.В. Екатерининская комиссия по вопросу о расколе // Вера и Разум. — 1893. — № 16. — С. 207–222.
195. Кудряшов, Г.Е. Православное миссионерство в Среднем Поволжье: история и оценка его деятельности // История христианизации народов Среднего Поволжья: крит. суждения и оценки. — Чебоксары: ЧГУ, 1988. — 123 с.
196. Кузнецов, Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лица. Кн. 74–77. — Ярославль: Типо-литография Г. В. Фальк, 1898–1899. — 400, 336, 606, 432 с.
197. Кульшарипов, М.М. Открытие духовного управления мусульман в Уфе // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (доревол. п-д). — Уфа: БГУ, 1988. — С. 43–47.
198. Курило, О.В. Лютеране в России (XVI–XX вв.). — М.: Фонд «Лютеранское Наследие», 2002. — 400 с.
199. Курило, О.В. Очерки по истории лютеран в России (XVI–XX вв.). — М.: ИЭА, 1996. — 182 с.
200. Кучумов, И.В. Первая католическая миссия в Москве в 1684–1689 гг. (по мемуарам Иржи Давида) // Древняя Русь и Запад. — М.: [б.м.], 1996. — С. 183–186.

201. Кучурин, В.В. Проблемы религии и церкви в трудах С.М. Соловьёва: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кучурин Владимир Владимирович. — СПб., 1997. — 25 с.
202. Кюгельген, А., фон. Расцвет Накшбандия-Муджадия в Средней Трансоксании с XVIII до начала XIX в.: опыт детективного расследования // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): сб. статей памяти Фритца Майера (1912–1998). — СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2001. — С. 275–330.
203. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б. и др. — Новосибирск: Наука, 1983. — 235 с.
204. Латкин, В.Н. Законодательные комиссии в России XVIII ст.: ист.-юрид. исслед. Т. 1. — СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1887. — 595 с.
205. Лебедев, А.С. Вероисповедное положение армян в России до времени Екатерины II (включительно) // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). — 1909. — Кн. 4. Отд. III. — С. 1–26.
206. Лебедев, Е.Е. Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу // Христианское чтение. — 1903. — № 1. — С. 76–95; № 2. — С. 284–287; № 3. — С. 443–463.
207. Левиатов, В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. — Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1948. — 228 с.
208. Лемерсье-Келькеже, Ш. Волжские калмыки между Российской и Османской империями в период правления Петра Великого (по документам Османского архива) // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. — Казань: Инст. истории АН РТ, 2009. — С. 255–271.
209. Лео (Бабаханян, А.) Католикос Иосиф Аргутян. — Тифлис: тип. Ротинянц, 1902 (на арм. яз.). — ... с.

210. Лещиловская, И.И. Балканская политика Екатерины II // Вопросы истории. — 1999. — № 2. — С. 29–41.
211. Лещиловская, И.И. Петр I и Балканы // Вопросы истории. — 2001. — № 2. — С. 46–48.
212. Лилеев, М. И. Очерк миссионерских мер по обращению в православие стародубских и черниговских раскольников до времён Екатерины II. — Чернигов: Тип. Губ. Правл., 1895. — 72 с.
213. Лилеев, М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. Вып. 1–2. — Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1895. — Вып. 1. — 596 с.
214. Литвинов, П.П. Антитатарская политика царизма в Средней Азии и Казахстане // Материалы по истории татарского народа. — Казань: [б.м.], 1995. — С. 367–387.
215. Литвинова, Г.И. Спорные вопросы российского абсолютизма // Правоведение. — 1971. — № 5. — С. 144–145.
216. Лиценбергер, О. А. Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове (1770–1935). — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995. — 104 с.
217. Лиценбергер, О. А. Лютеранская церковь в Поволжье // История и культура российских немцев. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1996. — Вып. 3. Ч. 1. — С. 55–66.
218. Лиценбергер, О. А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. — Саратов: Поволж. акад. гос. службы, 2001. — 382 с.
219. Лобатынский, С. Движение униатов к православию в Браสลавщине при переяславских епископах Гервасие и Иове (1757–1776) // Подольские епархиальные ведомости. — 1889. — Прибавление. № 6, 7, 9, 10–12, 15–17.
220. Локшин, А. Российская иудаика // Евреи в Российской империи XVII–XIX вв. — М.; Иерусалим: Евр. ун-т Гешарим, 1995. — С. 3–22.

221. Лотоцкий, О. Украинські джерела церковного права. — Варшава, 1931. — 306 с.
222. Лукин, Н.М. (Антонов, И.) Церковь и государство. — Москва: Коммунист, 1918. — 39 с.
223. Луппов, П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. С 62-мя приложениями и картой. — Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. Ур. отд-ния РАН, 1999. — 386 с.
224. Лучинина, Н.А. Вопрос о православной церкви в русско-дубровницких отношениях последней трети XVIII – начала XIX в. // Балканские исследования. Вып. 17. — М.: ИСБ, 1997. — С. 141–148.
225. Лушпай, В.Б. Антипапская пропаганда белорусских иезуитов во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. — 2001. — № 8. — С. 124–133.
226. Лушпай, В.Б. Иезуиты в России второй половины XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Лушпай Владимир Борисович. — М., 2002. — 201 с.
227. Лушпай, В.Б. Иезуиты в России второй половины XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Лушпай Владимир Борисович. — М., 2002. — 24 с.
228. Лысогорский, Н.В. Московский митрополит Платон как противораскольнический деятель. — Ростов-на-Дону: электро-печ. А.И. Тер-Абрамиан, 1905. — 656 с.
229. Лысцов, В.П. Персидский поход Петра I. 1722–1723. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1951. — 247 с.
230. Макаров, Г.И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Сибири // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. Православие в истории России. — М.: Мысль, 1988.

231. Макаров, МД. Некоторые вопросы истории христианизации чуваш // Вопросы истории и историографии чувашского народа. — Чебоксары: [б.и.], 1970. Вып. 1. — С. 116–150.
232. Максимов, К.Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). — Ростов-на Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. — 584 с.
233. Мараш, Я.П. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVII века. — Минск: Выш. шк., 1974. — 287 с.
234. Маркова, О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. — М.: Наука, 1966. — 323 с.
235. Матвеев, С.М. О крещеных инородцах Уфимской епархии. Доклад миссионерскому съезду в г. Казани по вопросу о христианском просвещении инородцев Уфимской епархии. — Уфа: Электр. губ. тип., 1910. — 57 с.
236. Махмудова, К.З. Кавказский вектор в восточной политике Петра I (1700–1722 гг.) // Вестник Владикавказского научного центра. — 2015. — Т. 15. № 1. — С. 5–8.
237. Медушевский, А.Н. Административные реформы России XVIII–XIX вв. в сравнительном освещении // Государственное управление: история и современность. Международная научная конференция. — М.: Унив. гуманит. лицей, 1998. — С. 80–85.
238. Медушевский, А.Н. Кодификация права в странах Восточной Европы эпохи Просвещённого абсолютизма. Сравнительно-историческое правовое исследование // Исследования по источниковедению дореволюционной России дооктябрьского периода. — М.: ИРИ, 1993. — С. 80–107.
239. Медушевский, А.Н. Утверждение абсолютизма в России. — М.: Текст, 1994. — 300 с.
240. Меликсет-Бек, Л.М. Из материалов для истории армян на Юге России. — Тифлис: тип. «Эсперанто», 1914. — 28 с.

241. Меликсет-Бек, Л.М. Юридическое положение верховного патриарха армянского: крат, догмат, очерк. — Одесса: «Центр.» тип., 1911. — 38 с.
242. Мерденов, Х.-М.Ю. Роль Православной церкви в развитии русско-осетинских политических и культурных связей: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Мерденов Хаджи-Мурат Юрьевич. — М., 1992. — 23 с.
243. Мининков, Н. А. Укрепление московской власти на Дону в последней четверти XVII в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. — 2013. — № 5 (177). — С. 71–78.
244. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. — СПб.: Дм. Буланин, 1998. — 566 с.
245. Митрофаненко, В.В. Храмовое строительство на территории Ставропольского края во II половине XVIII века // Ставропольская земля в прошлом и настоящем: материалы науч. конф. Ч. 1. — Ставрополь: СГПУ, 1995. — С. 53–68.
246. Михалева, Г.Л. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). — Ташкент: Фан, 1982. — 92 с.
247. Можаровский, А.Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 г. по 1867 год. // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. — М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1880. — С. 1–201.
248. Можаровский, А.Ф. Инородцы-христиане Нижегородской епархии сто лет тому назад // Нижегородские епархиальные ведомости. — 1886. — № 1. — С. 11–24; № 2. — С. 10–15.
249. Мордвинов, В.П. Православная церковь в Буковине (в Австрии). — СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1874. — 141 с.

250. Моршкин, Р.Ф. Связи татарской культуры с культурой народов Востока по VI тому «Вафийат...» // Марджани: ученый, мыслитель, просветитель. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. — С. 160–166.
251. Мухаметшин, Р.М. Ислам в России: ист.-методол. предпосылки исследования // Татарское возрождение. Эпоха и личности. — Казань: ФЭН, 2000. — С. 401–428.
252. Наумов, Е.П. Османское государство и сербская православная церковь // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. — М.: Наука, 1986. — С. 117–135.
253. Наумова, О.Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX в. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 1996. — 205 с.
254. Недвига, Н.Г. У истоков православия на Кубани (конец XVIII–XIX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 1998. — № 1/2 (13/14). — С. 29–38.
255. Нестор, иеромонах. Православие в Сибири (ист. очерки). — СПб.: Отеч. тип., 1910. — 80 с.
256. Нечаева, М.Ю. Монастыри и власти: управление обителями Восточного Урала в XVIII в. — Екатеринбург: УрО РАН, 1998. — 216 с.
257. История Курганской области. Т. 4. Церковь Южного Зауралья в досоветский период. — Курган: ГИПП «Зауралье», 1998. — 486 с.
258. Николаев, А.П. Приходские общины новокрещенных Северо-Западной Сибири во второй половине XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Николаев Александр Петрович. — Новосибирск, 1996. — 19 с.
259. Николай (Адоратский), иеромонах. Исторический очерк католической пропаганды в Китае // Православный собеседник. — 1885. — № 9. — С. 24–69.

260. Николай (Адоратский), иеромонах. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. Вып. 1–2. — Казань: тип. Императорского Университета, 1887.
261. Никольский, Н.М. История Русской церкви. 3-е изд. — М.: Политиздат, 1985. — 448 с.
262. Носов Б.В. Курляндское герцогство и русско-польские отношения в 60-е гг. века: к предыстории разделов Речи Посполитой // Славяноведение. — 1993. — № 5. — С. 54–66.
263. Носов, Б.В. Польские конфедерации 1767 г. и политика России в «диссидентском вопросе» // Религия и политика в Европе XX вв. — Смоленск: [б.м.], 1998. — С. 77–94.
264. Носов, Б.В. Русская политика в диссидентском вопросе в Польше 1762-1766 гг. // Польша и Европа в XVIII веке: междунар. факторы разделов Речи Посполитой. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 1999. — С. 20–101.
265. О евангелическо-лютеранской церкви в Российской империи // Журнал МВД. — 1856. — Ч. 19. Отд. 2. Исследования и описания. — С. 45–85.
266. Огрызко, И.И. Христианизация народов Тобольского Севера. — Л.: Учпедгиз, ЛО, 1941. — 148 с.
267. Одинцов, М.И., Пинкевич, В.К., Редькина, О.Ю. Государственно-церковные отношения в политической истории России // Государственно-церковные отношения в России. Курс лекций. Ч. 1: Теоретико-методологические аспекты отношений государства и религиозных организаций. — М.: РАГС, 1995.
268. Омельченко, О.А. «Законная монархия» Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. — М.: Юрист, 1993. — 428 с.
269. Омельченко, О.А. Становление абсолютной монархии в России. — М.: ВЮЗИ, 1986. — 91 с.

270. Омельченко, О.А. Церковь в правовой политике «просвещённого абсолютизма» в России // Историко-правовые вопросы взаимоотношений государства и церкви в истории России. — М.: ВЮЗИ, 1988. — С. 24–92.
271. Онищенко, Е.К. Черта оседлости (Белорусская синагога в царствование Екатерины II). — Минск: Арти-Фекс, 1998. — 160 с.
272. Описание Саратовского наместничества // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. Ч. 4. — СПб., 1790. — 392 с.
273. Орманиани, М. Армянская церковь: ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература и ее настоящее. — М.: А.М. Будагов, 1913. — 219 с.
274. Оршанский, И.Г. Русское законодательство о евреях: очерки и исслед. — СПб.: тип. и лит. А.Е. Ландау, 1877. — 456 с.
275. Очерки истории и культуры казачества Юга России. — Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. — 624 с.
276. Исаевич, П.П. Евреи в Привислянском крае: Характеристика их деятельности среди христианского населения этого края / П.И. — СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1892.
277. Павленко, Н.И. Церковь и государство в первой половине XVIII в. // История СССР с древнейших времен до наших дней. — М.: [б.и.], 1967. — Т. 5. — С. 210–222.
278. Пайчадзе, Г.Г. Георгиевский трактат. — Тбилиси: Мецниереба, 1983. — 247 с.
279. Панченко, КА. Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке (XVI – начало XIX в.). — М.: МГУ, ИСАА, 1998. — 160 с.
280. Перминов, П. (Стегний, П.В.) Под сенью восьмиконечного креста (Мальтийский орден и его связи с Россией). — М.: Межд. отношения, 1991. — 165 с.

281. Петкович, К. Исторический очерк сербской православной общины в Рагузе // Русская беседа. — 1859. — Кн.15. Отд. «Смесь». — С. 1–20.
282. Петров, А.Ю. Образование Российско-Американской компании. — М.: Наука, 2000. — 151 с.
283. Петров, Н.И. Раскол и единоверие с царствования Екатерины II до царствования Николая I // Труды Киевской Духовной академии. — 1881. — № 8. — С. 367–390.
284. Писаревский, Г.Г. Внутренний распорядок в колониях Поволжья при Екатерине II. — Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1914. — 48, XLV с.
285. Плеве, И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. — М.: Готика, 2000. — 444 с.
286. Плеве, И.Р. Первые поселенцы беловежских колоний // История и культура российских немцев. Вып. 3. Ч. 1. — Саратов: [б.м.], 1996. — С. 8–29.
287. Покровский, И.М. Екатерининская комиссия о составлении проекта нового Уложения и церковные вопросы к ней (1769–1771). — Казань: Центр. тип., 1910. — 136 с.
288. Покровский, И.М. Значение высшей русской иерархии и исторические условия ее служения Церкви и государству до ХУШ века. — Казань: типо-лит. Ун-та, 1898. — 42 с.
289. Покровский, И.М. Историко-археологическая, статистическая и бытовая записка о приходе в с. Раеве: к столетию приходского храма в с. Раеве Моршанского уезда Тамбовской епархии. — Тамбов: Типография губернского правления, 1899. — 204 с.
290. Покровский, И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы (Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования). Т. 2: XVIII в. — Казань: Центр. тип., 1913. — 892 с.

291. Покровский, И.М. Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 г. — Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1907. — 140, 76 с.
292. Покровский, И.Т. Торговое село Рогачево (приход и волость) Дмитровского уезда Московской губернии. Ч. 1. — М.: тип. Л.Ф. Снегирева, 1886. — 94 с.
293. Покровский, Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев. — Новосибирск: Наука. СО, 1974. — 394 с.
294. Покровский, Н.Н. К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков» // Изв. Сибирского отд. АН СССР. — 1975. — № 6. Сер. обществен. наук. Вып. 2. — С. 109–112.
295. Полиевктов, М.А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. — Тифлис: [б. и.], 1935. — 221 с.
296. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. — М.: Наука, 1984. — 430 с.
297. Полуцкая, С.В. Религиозная карта в политике Екатерины II на Беларуси; Сосно В.А. Крестьянство в имперских планах и политике Российского государства по отношению к Речи Посполитой // Славяне и их соседи: имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: тез. XIV конф. — М.: ИСБ, 1995. — С. 83–89.
298. Попов, Н.А. Православная церковь в Далмации под венецианским и австрийским владычеством // Православное обозрение. — 1873. — № 2. — С. 250–271.
299. Починская, И.В. Старообрядческое книгопечатание в XVIII – первой четверти вв. Екатеринбург: [б.и.], 1994. — 182 с.
300. Прийцак, Ю.В. Северо-Западный Кавказ в политике Османской империи XVIII – первой трети в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Прийцак Юрий Владимирович. — Краснодар, 2000. — 25 с.

301. Радонић, Ј. Римска курија и јужнословенске земље од XVI до XIX века. — Београд: Catena mundi, 1950. — 575 с.
302. Рапц, Е. Меры правительства против раскола (ист. очерк за XVIII столетие) // Русская речь. — 1880. — № 9. — С. 125–126.
303. Рапц, Е. Русский раскол и законодательство: ист. очерки из новейшего времени // Вестн. Европы. — 1880. — Т. 2, № 4. — С. 508–518.
304. Рахаев, Дж. Я. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в годы Северной войны (1700–1721) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2007. — № 16 (2). — С. 168–171.
305. Рахматуллин, М.А. Непоколебимая Екатерина // Отечественная история. — 1996. — № 1. — С. 34–52.
306. Рашкова, Р.Т. Папство в XVII–XVIII вв. и становление католических приходов в Петербурге // Христианский мир: религия, культура, этнос: материалы науч. конф. — СПб.: ГМИР, 2000. — С. 33–37.
307. Римский С.В. Конфессиональная политика России в Западном крае и Прибалтике XIX столетия // Вопросы истории. — 1998. — № 3. — С. 25–44.
308. Ровинский, К. Дело о тридцати шести незаконных браках // Русский архив. — Т. 47. № 2. — С. 161–181.
309. Рождественский, Ф. Самуил Миславский, митрополит Киевский. — Киев: ред. Тр. Киев. дух. Акад., 1877. — 180, XLIX с.
310. Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига (1769–1812). — Кишинев: Штиинца, 1984. — 296 с.
311. Румянцев, Г.Н. Архив засак-ламы Галсана Гомбоева (материалы из истории ламаизма в Забайкалье во второй половине XVIII и первой половине XIX вв.). — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. — 58 с.
312. Русское православие: вехи истории. — М.: Политиздат, 1989. — 719 с.

313. Рыбаков, С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. — Пг.: тип. С. Самойлова, 1917. — 55 с.
314. Рычков, П.И. История Оренбургская (1730-1750). — Оренбург: Оренбургский губ. стат. ком., 1896. — 93 с.
315. Рябинин, А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Т. 22. Уральское казачье войско. — СПб.: Гл. упр. Генер. штаба, 1866. — Ч. 2. Приложения. Приложение XXXI. — 108 с.
316. Ряжев, А.С. Вероисповедная политика «просвещённого абсолютизма»: история изучения // История и историки: историографический вестник. — 2005. — М.: Наука, 2006. — С. 84–126.
317. Ряжев, А.С. Государственная политика по отношению к старообрядцам-переселенцам из Речи Посполитой (вторая половина XVIII в.) // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв.: междунар. конф. «Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина»: тез. докл. — М., 1994. — Ч. II. — С. 70–78.
318. Ряжев, А.С. Неизвестные проекты «просвещённого абсолютизма» по делам религии и Церкви // Отечественная история. — М.: Наука, 2004. — С. 143–155.
319. Ряжев, А.С. Старообрядчество юга России в политике абсолютистского государства (XVIII в.). — Элиста: Калмыцкий научный центр РАН, 2018. — 415 с.
320. Ряжев, А.С. Судьба печати калмыцкого хана: этноконфессиональные процессы на Юго-востоке России в 30 – 60-е гг. XVIII в. // Magna adsurguit: historia studiorum [Великая Степь: журнал исторических исследований]. — 2016. — № 1. — С. 50–60.
321. Ряжев, А.С. Традиции служилой группы в материалах следствия 1746 г. о (не)крещеном калмыке: опыт социального регулирования в

- Российской империи // Былые годы. — 2020. — Т. 57. № 3. — С. 1029, 1030.
322. Самарин, Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России. — 2-е изд. (доп.). — М.: Рус. архив, 1868. — 480 с.
323. Сапожников, Д. Письма восточных иерархов (первая половина XVIII века). — Симбирск: Типо-лит. А. Т. Токарева, 1898. — 22 с.
324. Сапунов, В. Очерки истории унии в Полоцкой епархии // Витебская старина. — Витебск, 1889. — Т. 5.
325. Саркисова, Г.А. Из истории Пятой духовной миссии в Пекине // Православие на Дальнем Востоке. [Вып. 1]: 275-летие Российской духовной миссии в Китае — СПб.: Андреев и Сыновья, 1993. — С. 17–22.
326. Сафонов, М.М. «Молодая Екатерина» в отечественной историографии // Петербургский исторический журнал. — 2016. — № 1. — С. 113–128.
327. Семёнова, Л.Е. Антим Ивириану // Православная Энциклопедия. Т. 2. — М.: Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2001. — С. 488–489.
328. Сень, Д. В. Казачьи сообщества Крымского ханства и старообрядчество на Северном Кавказе в конце XVII–XVIII веков // Отечественная история (=Российская история). — 2009. — № 6. — С. 141–146.
329. Сень, Д. В. «По приказу Превысокова Хана дан сей указ»: Крымское ханство и казачество // История: факты и символы. — 2015. — № 2 (3). — С. 72–89.
330. Сень, Д.В. Начальный этап адаптации донских казаков на территории крымского ханства (1708–1712 гг.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2008. — № 4. — С. 78–83.

331. Сень, Д.В. Православие на территории Северо-Западного Кавказа и место Кубани в системе старообрядческих центров (XVIII в.) // *Magna Adurguit*. — 2018. — № 1. — С. 12–16.
332. Сень, Д.В., Швайба, Н.И. «Чтоб де к нам тот Бакты-Гирей с Некрасовым поближе пришли, то бы де нам добре было»: случай из истории казачьей старшины Гетманской Украины 1720-х гг. // *Меншиковские чтения – 2015: научный альманах*. — СПб.: XVIII век, 2015. — Вып. 6 (15). — С. 160–170.
333. Сергеев, Ю.Н. Православная церковь в Башкортостане (середины XVII – середины XIX в.). — Уфа: БГУ, 1996. — 74 с.
334. Сергеев, Ю.Н. Протестантизм в Башкирии: история и современное состояние // *Христианство и ислам на рубеже веков*. — Оренбург, 1998.
335. С-ий, М. Исторический очерк единоверия. — СПб.: печ. В. Головина, 1867. — 207 с.
336. Симашкевич, М. Римское католичество в Подолии. — Каменец-Подольск: тип. Подольск. губ. упр., 1872. — 528 с.
337. Скитский, Б.В. К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в.; К вопросу о феодализме в Дигории // Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. — Орджоникидзе: [б.м.], 1972. — С. 158–195.
338. Слицан, Б.Г. Реформа церковного управления // *Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I*. — М.: АН СССР, 1954. — С. 371–379.
339. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. — СПб.: Товарищ-во «Общественная польза», 1851–1879. — 782 с.
340. Смирнов, В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России // *ЗООИД*

- (Записки Одесского Общества Истории и Древностей). — Т. 15. — 1889. — С. 270–295.
341. Смирнов, Н.А. Очерки царизма в Башкирии // К проблеме нации и национальных отношений. — Уфа: [б.и.], 1971. — С. 77–85.
342. Смирнов, Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. — М.: Соцэкгиз, 1958. — 244 с.
343. Смирнов, Н.А. Турецкая агентура под флагом ислама (Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе) // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. ст. [Т. 1.]. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. — С. 35–63.
344. Смирнов, П.С. Исторические очерки единоверия // Вера и разум. — 1893. — Т. 1. Ч. 1. № 12. — С. 769–806.
345. Смирнов, Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. — 190 с.
346. Смолич, И.К. История Русской церкви в XVIII в. // Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской церкви. Т. 8. — М., 1997.
347. Солдаткин, М.П. Политика русского царизма по христианизации мордвы (из истории внутренней политики царизма в национальных районах Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Солдаткин Михаил Павлович. — М., 1974. — 25 с.
348. Соловьев, В.С. Россия и Вселенская церковь. — Краков: Тип. В. Л. Анчица и К°, 1904. — 222 с.
349. Соловьев, В.С. Троичное начало и его общественное приложение // Свободная совесть. Кн. 1. — М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1906. — 320 с.
350. Соловьев, С.М. История падения Польши. — М.: Тип. Грачева и комп., 1863. — 378 с.
351. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. Т. 19–28 // Соч. М., 1993–1994. Кн. X–XVI.

352. Сорокин, Ю.А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. — Омск: ОмГУ, 1999. — 320 с.
353. Сотавов, М.Н. К вопросу о роли Сурхай-хана и Дауд-бека в свержении иранского владычества на Кавказе и разграничении сфер влияния в прикаспийских областях (1721–1728 гг.) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. — 2014. № 52. — С. 72–81
354. Сотавов, Н.-П.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира. 1700–1774 гг. — М.: Наука, 1991. — 223 с.
355. Стадницкий, А. Гавриил Банулеско-Бодони, экзарх Молдо-Влахийский (1808–12 гг.) и Митрополит Кишинёвский (1813–21 гг.). — Кишинев: тип. Э. Шлиомовича, 1894. — 455 с.
356. Стегний, П.В. Первый раздел Польши и российская дипломатия // Новая и новейшая история. — 2001. — № 1. — С. 152–174.
357. Стегний, П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. — М.: Межд. отношения, 2002 — 696 с.
358. Степанов, Д.Е. Историография погранично-территориальных проблем Китая: от традиционных подходов к современной интерпретации // Границы Китая: история формирования. — М.: Памятники исторической мысли, 2001. — С. 17–45.
359. Субботин, Н. И. Кем и как положено начало единоверия в Русской церкви // Братское слово. — 1892. — № 2. — С. 108–121.
360. Субботин, Н. И. О единоверии (по поводу его столетнего юбилея). — М.: Братство св. Петра, митр., 1901. — 136 с.
361. Суворов, Н. Курс церковного права. Т. 1–2. — Ярославль: Типолит. Г. Фальк, 1889–1890. — Т. 1. — 369 с.; Т. 2. — 515 с.
362. Судоргина, Т.В. Лютеранская кирха в Оренбурге // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. — Оренбург: Печатный дом «Димур», 1997. — С. 23–27.

363. Султангалиева, Г.С. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях Казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. — 2000. — № 4 (10). — С. 20–36.
364. Суляк, С. Миссия митрополита Гедона: неосуществленный геополитический проект // Русин. — 2006. — № 2 (4). — С. 20–28.
365. Сыромятников, Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943. — 210 с.
366. Табагуа, И.М. Из истории франко-грузинских отношений в первой четверти XVIII века // Французский ежегодник: статьи и материалы по истории Франции. 1969. — М., 1971. — С. 23–40.
367. Такоева, Н. Миссионерство в системе колониальной политики царизма на севере Кавказа // Революционный Восток. — 1936. — № 2/3 (36/37). — С. 48–64.
368. Татишвили, В.Л. Грузины в Москве. Исторический очерк (1653–1722). — Тбилиси: Заря Востока, 1959. — 231 с.
369. Ташкин, С.Ф. Иностранцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии. — Казань: Гос. изд-во. Чуваш. отд-ние. Казан. подотд-ние, 1922. — 192 с.
370. Темниковский, Е.Н. Один из источников Духовного регламента // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1909. — Т. 18. — С. 524–534.
371. Темниковский, Е.Н. Положение Императора Всероссийского в Русской православной церкви // Юридические записки Демидовского юридического лица. — Ярославль, 1909. — Вып. 1 (3). — С. 47–80.
372. Тепкеев, В. Т. Джунгары на юге России в конце XVII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2016. — № 1. — С. 14–20.

373. Тепкеев, В. Т. Участие калмыков в подавлении Булавинского восстания // Новый исторический вестник. — 2017. — № 3 (53). — С. 10–17.
374. Тепкеев, В.Т. «Велено Кубань его царскому величеству покорить или разорить»: участие калмыков в русско-турецкой войне 1710–1711 годов // Новый исторический вестник. — 2018. — № 2 (56). — С. 103–120.
375. Тепкеев, В.Т., Санчилов, В.П. Калмыцко-тибетские отношения на рубеже XVII–XVIII вв. // Вестник КИГИ РАН. — 2016. — Т. 26. № 4. — С. 10–16.
376. Теплов, В.А. Русские представители в Царьграде. 1496–1822. — СПб.: тип. А.С. Суворина, 1891. — 73 с.
377. Терновский, С. Исследование о подчинении Киевской митрополии Московскому Патриархату // Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссиею для разбора древних актов при Киевском генерал-губернаторе. Ч. I. Т. V. — Киев: в Губернской тип., 1872. — 172 с.
378. Терновский, Ф. Император Петр I в его отношениях к католичеству и протестантству // Труды Киевской Духовной академии. — 1869. — Т. 1. № 3. — С. 373–403.
379. Терновский, Ф. Религиозный характер русских государей XVIII века // Труды Киевской Духовной академии. — 1874. — № 10. — С. 1–26.
380. Титлинов, Б.В. Гавриил (Петров), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1730–1801). Его жизнь и деятельность в связи с церковными делами того времени. — Пг.: тип. М. Меркушева, 1916. — 1197 с.
381. Титлинов, Б.В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам Православной церкви. — Вильна: тип. «Русский почин», 1905. — 466 с.

382. Титлинов, Б.В. Православие на службе самодержавия в Русском государстве. — Л.: Гос. изд-во, 1924. — 210 с.
383. Титов, Н.Ю. Борьба российского абсолютизма за подчинение церкви в XVIII в. — М., 1984. (Деп. в ИНИОН АН СССР).
384. Титов, Н.Ю. Процесс огосударствления церкви в XVIII–XIX вв. // Вопросы научного атеизма. — М.: Мысль, 1988. — Вып. 37: Православие в истории России. — С. 173–186.
385. Толстой, Д.А. Римский католицизм в России: историческое исследование графа Дмитрия А. Толстого. — СПб.: В. Ф. Демаков, 1876. — Т. 1. — 537 с.
386. Торопицын, И.В. Астраханские юртовские татары в политико-административной системе взаимоотношений России с калмыками в XVII–XVIII вв. // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: сборник научных статей. — Алматы: Казак университеті, 2015. — С. 155–179.
387. Торопицын, И.В. Влияние внешнеполитических факторов на судьбу наместника Калмыцкого ханства Дондука Даши в 1740-х гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Научный журнал. — 2012. — № 3 (32). — С. 30–40.
388. Торопицын, И.В. Противодействие тайного советника и губернатора В.Н. Татищева планам ханши Джан разыграть персидскую карту в русско-калмыцких отношениях в середине XVIII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2010. — № 1. — С. 52–55.
389. Торопицын И.В. Участие астраханских юртовских татар в развитии отношений России с государствами Центральной Азии в XVII–XVIII вв. // British Journal of Science, Education and Culture. — 2014. — No. 1 (5). Vol. II. — P. 113–116.

390. Торопицын, И.В. Эрс Магомет мулла — агент российского влияния в среде ногайцев (к вопросу о поселении салтанаульцев в Астраханской губернии в 1740-х годах) // Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. Вып. 1. Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев. — Астрахань: Эдиге, 2012. — С. 106–112.
391. Торопицын, И.В. Юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в первой половине XVIII в. // Тюркологический сборник. 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. — М.: Наука. Вост. лит., 2013. — С. 375–412.
392. Троицкий, К. Церковь и государство в России. — М.: Красная новь, 1925. — 60 с.
393. Троицкий, С. Православие, уния и католичество у славян и румын в Австро-Венгрии. — Пг.: Синод. тип., 1914. — 96 с.
394. Туполев, Б.М. Фридрих II, Россия и первый раздел Польши // Новая и новейшая история. — 1997. — № 5. — С. 168–178.
395. Ульяновський В.І. (відп. ред.). Грецький схід і Україна. Листи грецького духовенства XVIII століття в фондах Інституту рукопису ЦНБ ім. В. І. Вернадського. — Київ: Ін-т іст. України НАН України, 1994. — 97с.
396. Усенко, О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков. — Тверь: [б.м.], 2000. — Вып. 2. — С. 63–77.
397. Усманов, М.Л. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.: Сборник летописей, Дафтар-и Чингиз-намэ, Таварих-и Булгария, Татарские шаджара. — Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 1972. — 223 с.
398. Фаизов, Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. — Уфа: УНЦ РАН, 1995. — 111 с.

399. Фаизов, С.Ф. Ислам в Поволжье. VIII–XX вв.: очерк истории. — М.: Спутник+, 1999. — 73 с.
400. Федоров, М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.). — Якутск: Кн. изд-во, 1978. — 207 с.
401. Фельдман, Д.З. А.Р. Воронцов — автор общероссийского закона о статусе евреев 1791 г. // Е.Р. Дашкова и ее время: исслед. и материалы. — М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 1999. — С. 125–130.
402. Фельдман, Д.З. Роль А.Р. Воронцова в формировании правового статуса евреев в России // Сподвижники Великой Екатерины: тез. докл. и сообщ. конф. — М.: ИРИ, 1997. — С. 96–100.
403. Фиркович, З.А. От издателя // Смирнов В Д. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. — СПб.: Лештуковская Паровая Скоропечатня П.О. Яблонского, 1890. — С. I–V.
404. Фокин, А.В. К истории христианизации поволжских мусульман // Христианство и ислам на рубеже веков. — Оренбург: Печатный дом «Димур», 1998. — С. 144–156.
405. Франк, А. Справочники-путеводители (каталоги) для паломников к могилам «святых» шейхов и мусульманская общинная география в Волго-Уральском регионе: 1788–1917 гг. // Ватандаш. — 2000. — № 6/7. — С. 110–120.
406. Франк, А. Татарские муллы среди казахов и киргизов в XVIII–XIX веках // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи. — Казань: ИЯЛИ, 1993. — С. 124–131 (в татарском переводе: Франк А. Мост, проложенный в прошлое: татарские муллы среди казахов в XVIII–XIX столетиях // Казан утлары. — 1993. — № 2. — С. 171–175.
407. Фриз, Г.Л. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // История СССР. — 1991. — № 2. — С. 107–119.

408. Хаванова, О.В. Имперский посол в Санкт-Петербурге граф Миклош Эстерхази: реконструкция биографии. — Москва: РАН, 2017. — 30 с.
409. Харлампович, К. Ещё о сношениях с Абиссинией // ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения). — 1910. Новая серия. Ч. XXX. — № 12. — С. 358–375.
410. Харлампович, К. К истории церковной взаимности в XVIII столетии (Абиссиния – Александрия – Константинополь – Петербург – Рим) // ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения). 1910. Новая серия. — Ч. XXIX. № 9. — С. 60–92.
411. Хетагуров, К. Собр. соч.: в 5 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — Т. 4. — 506 с.
412. Хитерер, В.М. Документы по еврейской истории XVI–XX вв. в Киевских архивах. — М.; Киев; Иерусалим, 2001. — 223 с.
413. Ходарковский, М. В королевстве кривых зеркал. (Основы российской политики на Северном Кавказе до завоевательных войн XIX в.) // Чечня и Россия: общества и государства. — М.: Политинформ-Талбури, 1999. — С. 19–39.
414. Холтроп, П.Н. Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927): крат, обзор // Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927). — СПб.: БЛИЦ, 2001. — С. 11–20.
415. Холтроп, П.Н. Изменение политического положения Голландской реформатской церкви в Санкт-Петербурге в 1842 г. // Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927). — СПб., 2001. — С. 90–102.
416. Хохлов, А.Н. Николай Адоратский (1849–1896) — историограф Пекинской духовной миссии // XXXII научная конференция «Общество и государство в Китае». — М.: Вост. лит., 2002. — С. 336–348.

417. Храповицкий, А. В. Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1793 / По подлин. его рукописи, с биограф. ст. и объясн. указ. Николая Барсукова, чл. Археогр. комис. — СПб.: А.Ф. Базунов, 1874. — XII, XXIV, 610 с.
418. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. — СПб.: тип. Импер. Акад. наук, 1861. — 510 с.
419. Хрусталева, А. Очерк распространения христианства между иноверцами Казанского края. — Казань: Унив. тип., 1874. — 107 с.
420. Чельцов, М.П. Единоверие за время столетнего существования его в русской церкви. — СПб.: журн. «Миссионерск. обозрение», 1900. — 94 с.
421. Черемшанский, В. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. — Уфа: изд. иждивением Учен. ком. М-ва гос. имуществ, 1859. — 472 с.
422. Чернавский, Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 1–2. — Оренбург: тип. Оренбург. духов. консистории, 1900–1903. — Вып. 1. — 1900. — 346 с.; Вып. 2. — 1901–1902. — 1058 с.
423. Чесовская, М.Г. Проблемы русского просвещенного абсолютизма второй половины XVIII века в американской и британской историографии 1960–1990-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Чесовская Марина Георгиевна. — Томск, 1999. — 22 с.
424. Чечулин, Н.Д. Внешняя политика в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. — СПб.: тип. Гл. упр. Уделов, 1896. — 468 с.
425. Чимитдоржиев, Ш.Б. Начало распространения буддизма в Бурятии // Бурятский буддизм: история и идеология. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 1997. — 149 с.
426. Чимитдоржиев, Ш.Б., Пурбуева, Ц.П. Дамба-Даржа Заяев — первый бандидо-хамбо-лама бурятских дацанов // Национальная интеллигенция, духовенство и проблема социального, национального

- возрождения Республики Бурятия. — Улан-Удэ: ТОО «Олзон», 1995. — С. 75–80.
427. Чистович, И.А. Диссидентский вопрос в Польше в первой половине XVIII столетия. — СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1880. — 82 с.
428. Чумиков, А.А. О переселении меннонитов в Россию // Русская старина. — 1879. — № 1. Т. 24. — С. 132–150.
429. Чумиков, А.Л. Густав IV-й и великая княжна Александра Павловна в 1797 г. Материалы, касающиеся сватовства короля Густава IV (из шведских источников) // Русская старина. — 1885. — № 11. — С. 233–246.
430. Чумиков, А.А. Густав IV-й и великая княжна Александра Павловна. Составлено по Шведским источникам // Русский архив. — М.: Унив. тип., 1887. — Кн. 1. № 1. — С. 59–95.
431. Шахматов, М., Кострицын, Н. Обзор истории кодификации духовных правил и узаконений Православной греко-российской церкви с конца XVIII столетия по настоящее время // Журнал Министерства юстиции. — 1917. — № 2/3. — 81 с.
432. Шерстова, Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири. XVII – начало XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Шерстова Людмила Ивановна. — Томск, 1999. — 46 с.
433. Шишигин, Е.С. Христианизация народов Якутии в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Шишигин Егор Спиридонович. — Якутск, 1975. — 21 с.
434. Шмидт, С.О. Внутренняя политика России середины XVIII в. // Вопросы истории. — 1987. — № 3. — С. 42–58.
435. Шовунов, К.П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII – XIX вв.). — Элиста: КИОН, 1992. — 320 с.

436. Шубина, С.А. Русская православная миссия в Китае (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Шубина Светлана Анатольевна. — Ярославль, 1998. — 25 с.
437. Шульце-Бессель, М. Традиции международной политики в XVIII в. // *Ab Imperio*. — 2000. — №2. — С. 135–146.
438. Шумигорский, Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. — СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. — 214 с.
439. Щапов, Я.Н., Васильева, О.В., Зырянов, П.Н., Ковальчук, О.В., Кучумов, В.А., Яковенко, С.Г. Движение за свободу вероисповеданий в России (устремления верующих и государственная политика в Новое время). — М.: ИРИ, 1995. — 30 с.
440. Щебальский, П.К. Политическая система Петра III. — М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1866. — 76 с.
441. Щебальский, П.К. Русская политика и русская партия в Польше до Екатерины II. — М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1864. — 48 с.
442. Эзов, Г.А. Начало сношений Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством: Историческое исследование по неизданным документам. — Тифлис: скоропечатня М. Мартиросянца, 1901. — 85 с.
443. Эзов, Г.А. Сношения Петра Великого с армянским народом. — СПб.: тип. Акад. наук, 1898. — 512 с.
444. Эпштейн, М.Б. Религиозный мотив в русском законодательстве о евреях // *Еврейская летопись*. — Пг.; М., 1924. — Сб. 3. — С. 119–123.
445. Эттингер, Ш. Положение о евреях 1804 г. // Эттингер Ш. Россия и евреи. Сб. ст. Пер. с иврита.— Иерусалим: Библ.-Алия, 1993. — С. 180–215.
446. Юзеев, А.Н. Мироззрение Ш. Марджани и арабомусульманская философия. — Казань: ИЯЛИ, 1992. — 156 с.

447. Юзеев, А.Н. Философская мысль конца XVIII–XIX вв. // Очерки истории татарской общественной мысли. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. — С. 94–97.
448. Юнусова, А.Б. Ислам в Башкортостане. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. — 352 с.
449. Юсупов, М.Х. Шигабутдин Марджани как историк. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1981. — 232 с.
450. A Chronicle of Carmelites in Persia and the Papal mission of the XVIIth and XVIIIth centuries. — Vol. I. — London: Eyre & Spottiswood, 1939. — XXXII. 722 p.
451. Apologia pro societate Jesu in Alba Russia. — Amsterdam (Ansteledami): [s.n.], 1793. — Vol. I–II. — 467 p.
452. Basmadjian, K. J. Histoire moderne des armeniens. — Paris: J. Gamber, 1917. — 174 p.
453. Becker, W. Der Kulturkampf als europaisches und deutsches Phanomen // Historisches Jahrbuch. 1981. — Bd. 101. — S. 427–446.
454. Bienkowski, L. Organizacja Kosciola wschodnego w Polsce // Kosciol w Polsce. — Kraków, 1969. — T. 2. — S. 781–1049.
455. Bruess, G.L. Religion, Identity and Empire: A Greek Archbishop in the Russia of Catherine the Great. — Boulder: East European Monographs, 1997. — XXVII, 279 p.
456. Bryner, E. “...Respecter la religion, mais ne la faire entrer pour rien dans les affaires d’Etat”. Die orthodoxe Kirche als staatsragendes Element unter Katharina II // Russland zur zeit Katharinas II. — Koln: Bohlau, 1998. — S. 151–167.
457. Chamich, M. History of Armenia. — Calcutta: Bishop's college press, 1827. — 592 p.

458. Chotkowski, W. *Historia polytychna dawnych klasztorów panienskich w Galicyi. 1773–1848.* — Krakow: Gebethner i S-ka, 1905. — XV, 431 p.
459. Christiani, W.E. *Die gute Sache der Dissidenten in Polen nach den Grunden des naturlichen und allgemeinen Staats-rechts und der Politik betrachtet von Wilhelm Ernst Christiani der Akademie zu Kiel ibugem Pro-Rector, Weltweisheit Doctor, der Natur-Rechts und den Politikie auch der Beredsamkeit und Dichtkunst ordentlichem offentlichen Lehrer, und der Akademishen Bibliothek Ausseher.* — Berlin: [s. n.], 1767. — 4, 55 S.
460. Benjamin Braude and Bernard Lewis (ed.): *Christians and Jews in the Ottoman Empire: The functioning of a plural society.* — N.Y.; London: Holmes & Meier, 1982. — Vol. 1–2. — IX, 449 p.; IX, 248 p.
461. Cocchia, R.C. *Storia delle missioni dei Cappuccini, per P. Rocco da Cesinale.* — Roma: Tipografia Barbera. — T. II. — 1872. — 726 p.; T. III. — 1873. — 763 p.
462. Gatteyras, J. A. *L'Armenie et les Armeniens.* — Paris: Librairie Leopold Cerf, 1882. — 162 p.
463. *Della vita di Pio VI.* — Venezia, 1802. — Vol. I–III.
464. *Della vita e fasti di Catarina II.* — Venezia, 1797. — Vol. I–V.
465. Deruga, A. *Kosciol prawoslawny a sprawa “buntu” w 1789 r. we wschodnich wojewodstwach Rzechypospolitej.* — Wilno, 1938.
466. *Die Kirchen und das religiose Leben der Russlanddeutschen / Bearbeitung J. Schnurr. Evangelischer Teil. Katholischer Teil.* — Stuttgart: Landsmannschaft d. Deutschen aus Russland, 1978–1980. — XVI, 400 S.
467. Dulaurier, E. *Histoire, dogmes, traditions et liturgies de l’eglise armenien orientale.* Paris: A. Durand, 1857. — 211 p.
468. Fisher, A.W. *The Russian Annexation of the Crimea. 1772–1783.* — Cambridge: University Press, 1970. — XVI, 180 p.

469. Freeze, G.L. Rechristianization of Russia: The Church and Popular Religion, 1750–1850 // *Studia Slavica Finlandensia*. — 1990. — № 7. — P. 90–111.
470. Freeze, G.L. The Russian Levites. Parish clergy in the Eighteenth century. — Cambridge (Mass.); L.: Harvard University Press, 1977. — XVI, 325 p.
471. Gastpary, W. Historia protestantyzmu w Polsce: od połowy XVIII wieku do pierwszej wojny światowej. — Warszawa: Chrześcijańska Akademia Teologiczna, 1977. — 398 s.
472. Glazik, J. Die Islammission der Russisch-Orthodoxen Kirche. Eine missionsgeschichtliche Untersuchung nach russischen Quellen und Darstellungenn. — Münster, 1959.
473. Glazik, J. Die Russisch-Orthodoxe Heidenmission seit Peter dem Grossen. Ein Missionsgeschichtlichen Versuch nach russischen Quellen und Darstellungen. — Münster, 1954.
474. Gomez, H. El Catolicismo en Rusia (Esfuerzos unionistas de la Europa Occidental y catolica y repulsa sistemática de Los mismos por parte de la Iglesia y del Estados Rusos). — Madrid, 1959.
475. Guettée, W. Histoire des Jésuites. Vol. 2–3. — Paris: Huet, 1858–1859. — Vol. 2. — 1858. — 549 p.; Vol. 3. — 1859. — 543 p.
476. Gusta, F. Historia kościoła ruskiego. — Kraków, 1857–1858. — T. 1–2. — 240, 216 s.
477. Henshall, N. The Myth of Absolutism. Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. — London–New York, 1992. — P. 1–147.
478. Historia diplomacji polskiej. — Vol. 2: 1572–1795. — Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1982. — 774 s.
479. Hitchins, K. An East European Elite in the Eighteenth Century: The Rumanian Uniate Hierarchy // *The Rich, the Well Born, and the Powerful: Elites*

- and the Upper Classes in History. — Urbana: University of Illinois Press, 1973. — P. 148–155.
480. Iwasykiewicz, J. Szymon Askenazy. 1867–1935 // *Ateneum Wilenske. Rocznik XI*. 1936. — S. 901–902.
481. Kahle, W. Die Begegnung des baltischen Protestantismus mit der russisch-orthodox- en Kirche. — Leiden: E.J. Brill, 1959. — 295 p.
482. Kaindl, R.F. Das Entstehen und die Entwicklung der Lippowaner-Colonien in der Bukowina. — Wien: Gerold, 1896. — 151 c.
483. Kalinka, W. Sejm Czteroletni. — Lwow: Seyfarth-Czajkowski, 1881. — T. II. Ks. 4–5. — 584, 260 s.
484. Kemper, M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: der Islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. — Berlin: Klaus Schwartz, 1998. — 516 p.
485. Kolbuk, W. Koscioly Wschodnie na ziemiach dawnej Rzechypospolitej 1772–1914. — Lublin: Red. Wydawnictw Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1992. — 617 p.
486. Kolbuk, W. Trzy Kasaty unii Koscielnej: 1795, 1839, 1875 — rdznice i podobieilstwa // *Zeszyty Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. R. XXXIV*. — 1991. — NR. 1 (133/134). — S. 3–12.
487. Kovács, E. Zur Genese des Toleranzediktes Josephs II. aus osterreichischer Sicht // *La Tolerance Civile. Colloque international organisee Universite de Mons du 2 au 4 septembre 1981 a l'occasion du deuxieme centenaire de l'Edit de Joseph II*. — Bruxelles, 1982. — P. 33–49.
488. Kriegseizen, W. Between intolerance and persecution. Polish and Lithuanian protestants in the XVIIIth century // *Acta Poloniae Historica*. — 1996. — T. 73. — S. 24–25.
489. Lescouer, R.P.L., le. L'Eglise catholique en Pologne sous le Gouvernement Russe. — Paris: Charles Douniol Libraire, 1876. — 509 c.

490. Lettera al signor avvocato NN. Autore delle memoire sulla storika del primo seculo de'servi di Maria, e degh spedalieri di s. Giovanni di Dio, non tanta a quistificazione dei gesuiti della Russia bianca, quanto in difesa della sovranita dell'imperatrice delle Russie. — Venezia, 1783. — 85 p.
491. Lewitter, L.R. Peter the Great and the Polish Dissenters // The Slavonic and East European Review. — 1954 (December). — Vol. XXXIII. N 80. — P. 75–101.
492. Likowski, E. Dzieje kosciola unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku, uwazane glowne ze wzgledu na przyczyny jego upadku. — Warszawa: Sk. g. w ksieg. Gebethnera i Wolffa, 1906. Czesc I–II. — 495 p.
493. Lojek, J. «Gazeta Warszawska» księdza Łuskiny (1774–1793). — Warszawa: Książka i wiedza, 1959. — 164 s.
494. Loret, M. Kosciol katolicki a Katarzyna II, 1772–1784. — Warszawa: Anczyc, 1910. — 321 p.
495. Lubienska, M.C. Sprawa dysydencka 1764–1766. — Krakow; Warszawa: Gebethner i Wolff, 1911. — 193 s.
496. Madariaga, I., de. Russia in the Age of Catherine the Great. — New Haven-London: Yale University Press, 1981. — 698 p.
497. Məmmədova, A.Ə. Car-Balakən camaatlığı (XVII əsrin sonu – XIX əsrin 30-cu illəri). — Bakı: "UniPrint" nəşr, 2009. — 256 p.
498. Merkwürdige Nachrichten von den Jesuiten in Weissreussen. In Briefen. Aus dem Italienischen. — Frankfurt; Leipzig: [s.n.], 1786. — 384 s.
499. Nosov, B.V. Strukturelle Angleichung als Ziel der russischen Politik gegenüber Polen, den baltischen Provinzen und der Ukrainen im Vorfeld der ersten Teilung Polens // Berliner Jahrbuch für osteuropaisch Geschichte. — 1996. — № 1: Osteuropaische Geschichte in vergleichender Sicht. — S. 191–202.

500. Papoulidis, C. Le patriarche œcumenique Serapheim II et les Russes // *Balkan Studies*. — 1976. — Vol. 17, № 1. — P. 56–66.
501. Pastor, L., von. Geschichte der Papste seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. XVI: Geschichte der Papste im Zeitalter des fürstlichen Absolutismus. Von den Wahl Benedikts' XIV bis zum Tode Pius VI (1740–1799). — Friburg im Breisgau: Herder, 1961. — 678 s.
502. Pelesz, J. Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom: von den ältesten Zeit bis auf Gegenwart. — Würzburg; Wien: Mechithariste Buchdruckerei (W. Heinrich), 1878–1881. Bd. 1–2. — Bd. 1. — 658 s.
503. Pera, P. Dispotismo illuminato e dissenso religioso: i Vecchi credenti nell'eta di Caterina II // *La Rivista storica italiana*. — 1985. — Vol. XCVII. Fasc. II. — P. 501–617.
504. Pierling, P. La Russie et le Saint-Siege. — Vol. V: Catherine II – Paul Ier – Alexandre Ier. — Paris: Plon Nourrit and Cie, 1912. — 480 p.
505. Pistohlkors, G., von. Die Ostseeprovinzen unter russischer Herrschaft, 1710/95–1914 // *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder*. Hrsg. G. von Pistohlkors. — Berlin: Siedler, Cop., 1994. — 607 s.
506. Piwarski, K. Papiestwo wobec sprawy polskiej w latach 1772–1864. Wybur zrodel. — Wroclaw: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974. — 645 p.
507. Rest, M. Die russische Judengesetzgebung von der ersten Polnischen Teilung bis zum “Poloienie dlja evreev” (1804). — Wiesbaden, 1975.
508. Rouët de Journal, M. J. Introduction // *Nonciatures de Russie d apres les documents autentiques*. — Citta del Vaticano: Biblioteca apostolica vaticana, 1943.
509. Rouët de Journal, M. J. Nonciatures de Russie d'apres les documents autentiques: Nonciature de Litta 1797–1799. Nonciature d'Arketti. — Citta del Vaticano: Biblioteca apostolica vaticana, 1942.

510. Rudnicki, K. Biskup Kajetan Sotyk (1715–1788). — Kraków, Warszawa, 1906. — 297 p.
511. Sakowicz, E. Kościół prawosławny w Polsce w epoce Sejmu Welykiego 1788–1792. — Warszawa: Warszawska Metropolja Prawosławna. drukarnia synodalna, 1935. — 276 s.
512. Samarin, J. Les Jésuites et leur rapports avec la Russie. — Paris: J. Cherbuliez, 1867. — 304 s.
513. Schmitt, H. Dzieje panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. — Lwow, 1868. T. 1. — 293 s.
514. Senyk, S. A History of the Church in Ukraine. Vol. 1. — Roma: Pontificio Istituto Orientale, 1993. — 471 p.
515. Serpos, M.G. de. Compendio storico di memorie cronologhe concementi la reli- gione et la morale della nozione armenian. — Venezia: Nella stamperia di C. Palese, 1786. — 504 p.
516. Smolitsch, I. Geschichte der russischen Kirche, 1700–1917. Vol. I. — Leiden: E. J. Brill, 1964. — 734 s.; Bd. 2. — Berlin, 1991.
517. Tamarati, M. L'Eglise georgienne des origines jusqu'a nos jours. — Rome: Impr. de la Societe Typographico-Editrice Romaine, 1910. — 710 p.
518. Tarnawski, M. Kodeks Zamoyskiego na tie stosunków koscielno-panstwowych za czasów Stanisława Augusta. — Lwów, 1916. — 291 p.
519. The Russian Orthodox Church, Xth–XXth Centuries. — Moscow, 1988.
520. Theiner, A. Die neuesten Zustände der Katholischen Kirche beider Ritus in Polen und Russland seit Katharina II. bis auf unsere Tage. — Augsburg: Print. House of Karl Kollmann, 1841. — 544, 378 p.
521. Theiner, A. La chiesa scismatica Russa descritta secondo le piu' recenti relazioni del cosi detto Santo Sinodo da un sacerdote dell' oratorio. — Paris, 1846. — 256 p.

522. Theiner, A. *Histoire du Pontifikat de Clement XIV.* — Paris: Firmin Didot, 1852. — 556 p.
523. Theiner, A. *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum.* — Roma: Typ. Vaticanis, 1860.
524. Tolstoj, D. *Le Catholicisme romain en Russie.* — Paris: Dentu, 1863–1864. — Vol. 1–2. — 490, 532 p.
525. Tournebize, F. *Histoire politique et religieuse de l'Armenie.* — Paris: A. Picard et fils, 1900. — 872 p.
526. Trzeciakowski, L. *The Kulturkampf in Prussish Poland.* — N.Y.: East European Monographs; Columbia University Press, 1993. — 223 p.
527. Winter, E. *Der Iosefinismus. Die Geschichte des Osterreichischen reform katholismus 1740–1848.* — Berlin: Rütten & Loening, 1962. — 380 p.
528. Wolff L. *The Vatican and Poland in the age of the partitions: Diplomatic and cultural encounters at the Warsaw nunciature.* — N.Y.: Columbia University Press, 1988. — 282 p.
529. Załęski, S. *Jezuici w Polsce. T. 5. Jezuici w Polsce porozbiorowej 1773–1905. Cz. 1, 1773–1820.* — Kraków, 1906. — XXI, 517 p.
530. Zenkovsky, S.A. *Pan-Turkism and Islam in Russia.* — Cambridge: Harvard University Press, 1960. — 345 p.